

ЗНАМЕНИТОСТЬ

(роман)

Часть 1. Знакомый голос

1.

Июнь 1982 года. Ленинград

Такой пачки денег я еще никогда не держал в руках. Новехонькие, хрустящие рыжие червонцы с овальным портретом Ленина были вдоль и поперек перехвачены полосками банковской бумаги. С оттиском «1000 рублей», заверенным подписью кассира. Все эти подробности я с наслаждением разглядел заранее, поэтому сейчас просто небрежно кинул пачку на крахмальную скатерть.

- Спрячь! – всполошился Витька Зяблицкий. - Может, лучше, пойдём отсюда?

Непривычного Зяблика угнетала обстановка солидного ресторана: яркий свет и надменные официанты, изобилие массивных вилок и ножей на столах.

- Нормально! - возразил Валет. – Хоть на официанта впечатление произвели. Он на нас косился недовольно, теперь подбежит, как миленький!

Равнодушным тоном Валет старался продемонстрировать недовольство, что я заставил себя ждать, опоздав на встречу. Он-то чувствовал себя в «Поганке» (так все называли ресторан гостиницы «Центральная»), как рыба в воде, и мог бы не морщиться. Я ведь, не где попало, болтался, а прокрутил самую рискованную часть нашего дела.

- Как прошло? – небрежно спросил он.

«Как прошло!» - Мысленно возмутился я. «Мне только что заплатили больше, чем мой отец зарабатывал в своем конструкторском бюро за полгода!» Но невольно я и сам втянулся в небрежно-равнодушный тон.

- Я этому Аслану на год гарантию пообещал. Чтобы, если какая поломка – он не вздумал сам лезть внутрь магнитофона, а сразу мне звонил. Рассказал, что у японцев система – стоит открыть крышку, и все детали зальет кислотой. Так фирма «Sony» охраняет свои технологии, - я с удовольствием похвастался своей остроумной выдумкой.

Это была моя идея - сделать самопальный магнитофон, а продать, как фирменный «Sony». Разделение труда между нами было четкое. Витька – мой ближайший друг, который в институте писал за меня диплом, всегда был способен спаять космический корабль из старой швейной машинки и остатков водопроводной трубы. На нем была конструкторская мысль и техническая сборка. На мне – общее руководство процессом, плюс впаривание аппарата клиенту. Валета – начинающего инструктора райкома

комсомола - я бы вообще не брал в дело, но без его связей, не удалось бы достать фирменные лейблы «Sony» и некоторые японские детали.

Благодаря Витькиному техническому гению мы, кстати, не особенно обманули богатого кавказца. Он получил отличный магнитофон. Звук нашего аппарата был не хуже японского. Да и сломаться он не должен (по крайней мере - первое время). Просто не имеет права! Ведь у Асланбека обнаружилась куча соплеменников, обожающих эстрадную музыку и готовых выстроиться в очередь за нашими псевдояпонскими магнитофонами.

- Дело пошло! Завтра в двенадцать этот Аслан приведет какого-то своего земляка! Из нашей тысячи завтра сотку заплатим фарцовщикам за фирменный каталог «Sony» для отвода глаз. Еще сколько-то за детали. Витя – успеешь за неделю второй аппарат спаять? – я вполголоса торопился выпалить компаньонам новые грандиозные планы.

Но пришлось прерваться. Над нами склонился официант.

- В семь часов оркестр начинает музыкальный вечер! Сегодня у нас поет Ева Томашевская, - со значением предупредил официант, кивнув на музыкантов, настраивавших инструменты в глубине эстрады.

- Ну, так мы посидим? – пожал плечами Валет, оглядываясь на нас.

Я иногда потом думал: а если бы мы не остались тогда в «Поганке» после семи – ведь вся моя жизнь, наверное, сложилась бы иначе?.. Может, стоило вовремя уйти? Трудно сейчас сказать. А тогда я был просто окрылен нашим первым успехом.

- Я что-то не пойму, Серега, - поморщился Валет. – Почему мне только треть бабок? Без сендастовых магнитных головок, которые я вам достал, магнитофон был бы просто фуфло... А без японского корпуса ты бы аппарат никогда не толкнул за тысячу. Максимум пятьсот. Не справедливо как-то получается?

- Может, поменяемся? Ты вместо меня возьмешься самопал хачикам толкать? – поинтересовался я. Зло брало - хорошие деньги сами шли в руки, а мы уже начали спорить из-за мелочей.

- А теперь ты хочешь сразу чуть не половину суммы ухнуть неизвестно куда, еще и каталог какой-то... – не унимался Валет.

- Если не нравится, можем и без тебя обойтись, - эти препирательства уже начали мне надоедать. - Фарцовщики мне предлагали точно такой же корпус достать, причем дешевле, - соврал я для надежности.

И пока Валет призадумался, я тоже взял паузу, специально отвернувшись на звук оркестра, начавшего вступление. И замер, пораженный. В тот вечер Ева Томашевская, царившая на эстраде, была немисливо хороша. Рыжие кудри, стиснутые заколкой, упрямо не желали томиться в заточении, одна прядка все время сваливалась ей на бровь, и певица отправляла ее обратно, грациозным движением тонкой руки. Точеная фигурка угадывалась под легким платьем из алого шелка, простроченного какими-то блестками. Кстати, такие же блестки сверкали и в ее волосах... Стоило увидеть ее на эстраде – и я погиб! Совсем пропал!

- Где-то на белом свете! Там где всегда мороз! – запела Ева. А я сидел, онемевший, слабо соображая, как в таком миниатюрном теле может скрываться такой пьянящий голос? Мурашки побежали по коже. – Трутся спиной медведи о земную ось!... - Я даже представить себе не мог, что тогда ей уже исполнилось тридцать. Выглядела Ева Томашевская, словно школьница.

- Зря пялишься. Не твоего полета птичка, - не одобрил моего взгляда Валет. – За то, чтобы наши желания всегда соответствовали нашим возможностям! - предложил он издевательский тост, разлив водку по рюмкам.

- Не желаете приобрести букет для дамы? – раздался над моим ухом скорбный голос.

Рядом с нашим столиком как из-под земли возникла седенькая старушка, аккуратным видом похожая на пожилую учительницу на пенсии. Где-то за ее плечом маячил и наш официант, это я отметил периферийным зрением. В корзиночке у старушки покоились вялые пучки чайных роз, выращенных на подоконнике.

- Двадцать пять рубликов, - тем же скорбным тоном промолвила бабуля.

- Скока-скока?! – возмутился Витька Зяблицкий, который успел слегка сомлеть от выпитой водки. – Это же пять бутылок водки!

Я уже собрался отказать хищной тихушнице, но передумал. Все-таки Валет зацепил меня своим снисходительным тоном. Было бы слишком паршиво не принять такой вызов. Когда карманы набиты деньгами, а настроение великолепное после одержанной победы.

Дальше начался чистый экспромт. Отсчитав старушке червонцы, я через секунду, с цветами в руках, оказался подле Евы.

- Хотите, чтобы я спела песню, молодой человек? – своим неповторимым голосом с хрипотцой спросила Томашевская. – Как зовут молодого гусара? – поинтересовалась она, поднеся букет к самому лицу, и не сводя с меня ласковых глаз.

- Сергей, - ответил я.

- А эта песня исполняется для Сергея! – объявил на весь зал клавишник.

Я вернулся, не глядя на примолкшего от зависти Валета. И вечер помчался, как на крыльях. Ева пела, мы праздновали свою первую удачную сделку. Посетители ресторана – а «Поганка» была в тот вечер набита под завязку – шумели все громче. И наступил момент, когда Ева спустилась за боковой столик, самый близкий к эстраде, накрытый для музыкантов, и закурила – у нее начался короткий перерыв. А оркестр заиграл медленное танго.

- Кавалеры приглашают дам! – объявил пианист.

Десять шагов до ее столика я молился, чтобы никто из подвыпивших гуляк не рискнул пригласить Еву раньше меня. Но в тот вечер мне фартило.

И уже через минуту, от волнения мучаясь одышкой, я обнимал Томашевскую в медленном танце. И смотрел в ее невероятные искрящиеся глаза.

Девушки-ровесницы на меня заглядывались всегда. Не то, чтобы я был шибкий красавец, или завзятый балагур. Так, средней внешности, но крепкого телосложения. Стригся коротко, одевался просто. Но что-то девушки во мне находили. Обычные девушки. С ними я был в себе уверен. Но ведь Ева была звездой! С такой женщиной я впервые находился рядом.

- Знаете, Сергей, - первой заговорила она. – С вами так приятно просто молчать... Если бы вы знали, как я устала от болтливых и самовлюбленных ухажеров... А в вас чувствуется какая-то надежность...

Ее ладонь скользнула вдоль моего плеча к шее. Она поворошила тонкими пальчиками ежик моих волос на затылке. Вдоль позвоночника сразу побежали мурашки. А еще мои ноздри вдыхали сильный аромат ее пряных духов.

Музыка кончилась, оркестранты взяли перерыв. А я рискнул пригласить Еву за наш столик. И она согласилась!

- Гриша! Солнышко! – попросила она официанта, который уже был тут как тут. – Пожалуйста, принеси шампанского. Возьми из директорского запаса. Мое любимое, тбилисского разлива. И еще икры хочется. К шампанскому ведь подают черную икру?..

- Ева, голубушка, но это же двойной тариф!? – как бы переживая, развел руками официант.

- Ерунда, несите! – велел я.

- Сделай для меня, Гришенька, - и она, чмокнув губами, адресовала официанту довольно вульгарный воздушный поцелуй.

- Что празднуем, молодые гусары? – поинтересовалась певица. И я обратил внимание, как, достав сигарету, она не попыталась прикурить ее сама, и не попросила огонька у нас. Она как бы забыла про нее. Просто держала фирменное «Мальборо» на отлете в тонких пальчиках, но через секунду некурящий Зяблик, схватив мою зажигалку, уже яростно чиркал спотыкающимися пальцами и сопел от напряжения - с непривычки, огонь ему удалось добыть не сразу.

Ева оказалась очень легкой в общении. Она охотно смеялась, и пила шампанское быстро и до дна. Валету, которого она практически игнорировала, оставалось только разыгрывать надменность. Зато друга Витьку я впервые видел в таком состоянии. Технический гений и безнадежный девственник – Зяблик - даже что-то мычал, изо всех сил стараясь маячить у нее на глазах.

Потом Томашевская вернулась петь к микрофону. А я остался сидеть в ауре блаженства. Потому что знал – сегодня самый везучий день в моей жизни. Я не сомневался, что сегодня Ева – моя. И имел тому тайное подтверждение - она недвусмысленно провела под столом ногой вдоль моей ноги. Причем сделала это дважды! Официант выбился из сил, обслуживая все наши заказы. А я, заторможенной от алкоголя головой, пытался сообразить – куда же можно повести такую роскошную женщину на ночь?

Но в этот момент в зале раздался шум. У входа кто-то скандалил. Головы повернулись в ту сторону. Отругиваясь от швейцара, в ресторан не вошел, а скорее влетел человек, одетый во все белое!

В Советском Союзе было не принято носить белые костюмы. Не сказать, чтобы это было противозаконно, но такой шик в одежде отдавал вызовом обществу и всей системе. Довольно рискованная штука. Их не шили и нигде не продавали. Но этот тип не просто был одет в элегантную белую тройку. Еще и шелковый белый шарф венчал вызывающую роскошь, небрежно заброшенный за плечо.

- Алеша!.. Алеша!.. - пронесся по залу шепоток.

- Алешка, черт! – воскликнула, забыв про микрофон, Ева Томашевская, прервав песню на полуслове.

Тип в белом костюме танцующей походкой лавировал в тесноте облепленных посетителями столиков. Чувствовалось, что он здесь свой и знаком половине завсегдатаев. Когда он проскальзывал мимо нас, я успел разглядеть, что этот Алеша высок ростом, худ и сутул. На вид - лет сорок. Жидкие и длинные прямые волосы были зачесаны назад, открывая залысины, как у секретарей обкомов КПСС из старых фильмов. Его худое лицо выглядело бы классически некрасивым, если бы не потрясающая улыбка, растягивавшая рот практически до ушей.

- Этого пижона, я здесь раньше не видел, - небрежно бросил Валет.

- Вы, молодой человек, осторожнее с такими словами, - вполголоса предупредил официант. - Это Алеша Козырный. Настоящий король ресторанной и блатной песни. Любимец публики. Откуда только взялся?.. Около года его здесь не было.

- Алеша! Спой!.. – крикнул кто-то из глубины зала.

Однако, Алеша добрался до столика, накрытого для оркестра, и плюхнулся за него, как будто это было единственной целью долгого и многотрудного пути. Схватив бутылку вина «Алиготэ», он сосредоточенно набулькал себе целый фужер и принялся сразу пить крупными глотками, как человек измученный жаждой. Выпирающий кадык на его шее, заходил ходуном. Музыка прервалась. Оркестранты обступили гостя со всех сторон с дружескими объятиями и похлопываниями по спине. В кабаке все оказались в восторге от появления этого типа!

- Алеша!.. Спой! – это уже чарующе женственный голос Евы Томашевской произнес в микрофон.

Но наглый Алеша, даже на такой призыв, только мотнул головой, и показал сложенные большой и указательный пальцы, как если бы просил подождать самую чуточку. Но музыканты поняли его иначе. Один из них налил маленькую рюмку водки и поднес певцу. Тот эффектно замахнул сорокаградусную в рот, и легким полупрыжком вскочил на эстраду.

У микрофона Алеша распахнул объятия, во всю ширину своих длинных и тонких рук с огромными кистями, словно приглашая Еву упасть к нему на грудь. И что мне уже совсем не понравилось – она прыгнула в его объятия стремглав, словно не могла дожидаться уже давно. А он обхватил ее,

укрывая от чужих глаз белым балахоном своего пиджака, и еще что-то шептал на ухо неприлично долго.

Затем Алеша шагнул вплотную к микрофону, и принялся регулировать стойку под свой рост. Ведь он был выше изящной Евы на голову или больше. И только выправив микрофон, Алеша объявил:

- Ну! По просьбам трудящихся!..

Басист кивнул и ударил по струнам, а его сосед стремительными пальцами пробежался по клавишам.

- А-а лучше быть богатым, но здоровым! И девочек роскошных целовать! И миновать тюрьмы замок суровый! И белые костюмы надевать! – голос Алеши игриво раскатился по ресторану, под задорную ритмическую мелодию.

Я не очень понимал публику в зале. Как вообще можно танцевать под такой «блатняк»? Но все ринулись в пляс. Солидные дядьки, только что смачно поглощавшие цыплят табака, резвились на пяточке перед эстрадой, так и не вытащив салфетки, засунутые под воротники. А дамочки, которым уже давно пора бы подумать о душе (или, как минимум, о целлюлите), с гиканьем крутили юбками, изображая страстных цыганок. Сам я, не находил прелести в этом дворово-хулиганском стиле. Слушал его через силу, когда папаша в подпитии начинал крутить своего Высоцкого.

Мне было не по душе пение Алеши и этот пьяный шабаш. Но хуже всего, что Ева Томашевская напрочь забыла про меня. Сколько я не засматривался в ее сторону - ни разу не поймал ее взгляд. Как только появился этот Алеша, я для нее словно перестал существовать.

- А ты ее икрой кормил. Столько денег попусту угрохал, - не скрывая торжества, принялся сочувствовать Валет.

Еще полчаса я пил водку рюмка за рюмкой, и терпел многозначительные ухмылки Валета. Ресторан уже должен был закрыться, но Алеша выдавал песню за песней, публика не расходилась.

- Что это он такое сейчас запел? – недоумевал сильно захмелевший Витька. – «Комиссары девочек наших ведут в кабинет»?.. Белогвардейщина какая-то?

- Поручик Голицы-ин, раздайте патроны! Корнет Оболенский – надеть ордена! – со слезой выводил певец медленную песню. Горло его тряслось на надрывной ноте.

- Сейчас ему растолкуют, что можно петь, а что нельзя даже в шутку. Вон те люди в штатском. Они из «конторы», - вполголоса пообещал Валет.

- КГБшники здесь? – поразился пьяный Витек. Он даже привстал, рассматривая зал. – Покажи?! Где КГБшники?!

- Сядь быстро, - зашипел на него Валет. – Все! Пора валить отсюда. Добром это не кончится. Дайте счет! Какие триста рублей?.. Откуда?!

Витька тоже засобирался – он боялся, что мосты вот-вот разведут, и он не доберется домой. Валет спорил с официантом, относительно нашего счета, который вдруг оказался трехзначным.

- В конце концов, это ты заказывал икру и прочую роскошь, - нашел он выход, и протянул счет мне. – Я по-честному оставляю тридцать рублей за то, что сам съел и выпил, а остальное оплачивай из своей доли.

Я машинально взял листок, сверху донизу исписанный неразборчивыми карандашными каракулями, не глядя, сунул в карман, и двинулся к эстраде, проталкиваясь через плотный частокол медленно танцующих пар. Не мог я просто так уйти, не расставив все точки над «і».

Сначала я просто стоял перед эстрадой, всем своим видом показывая Томашевской, что пора бы уже меня заметить.

- Ева! – позвал я, стараясь перекрычать микрофон. – Е-ева!

Ноль внимания с ее стороны!

Но зря они меня недооценивали. Шнур от микрофона был включен в длинный переходник, который тянулся по полу дальше, к усилителям. Я, легко дотянувшись до переходника, повернул его, как положено и разомкнул. Микрофон умер. Голос певца осекся на полуслове. В зале возмущенно зашумели и засвистели.

Только после этого меня, наконец, изволили заметить.

- Сейчас тебе руки вырву! – в бешенстве заявил Алеша. И двинулся вперед, воплощать свои агрессивные намерения.

Точнее не двинулся, а покачнулся. Он стискивал стойку микрофона, наваливаясь на нее всем телом, потому что был уже пьян настолько, что не мог стоять на ногах, ни на что не опираясь. Вдобавок, его белый пижонский шарфик обмотался вокруг стойки и потянул ее за собой. Электропроводку коротнуло. И певец судорожно дрыгнулся, пронзенный электрическим разрядом. Музыканты подхватили его на лету. Но Алеша, все никак не хотел успокоиться. Он вырывался, размахивая руками, словно дрался со мной вслепую. Эти его потуги выглядели такими жалкими, что мое недавнее бешенство отступило. И стало смешно, как секунду назад я чуть было не полез в драку.

На плечо мне легла мощная лапа швейцара.

- Заплатите по счету молодой человек! Иначе милицию вызовем, протокол составим за ваше хулиганство, - пробасил швейцар.

- Зачем органы звать, когда они давно здесь, - мне все еще было весело. На глазах у публики я отсчитывал новенькие червонцы, казавшиеся бесконечными, и не боялся любого поворота событий. - Госбезопасность весь ваш концерт внимательно слушала, им и свидетелей не надо...

- Как слышали? – встревожилась Томашевская и посмотрела на меня, точнее проводила взглядом пачку денег, которую я вернул в карман пиджака. Кстати, на ощупь червонцев осталось гораздо меньше, чем я рассчитывал.

- Подумаешь – КГБ?! Сейчас еще «Черную моль» спою! – мычал невменяемый певец, порываясь вернуться к микрофону.

- Тебе же в Киеве гонорар заплатили! Если заберут – лишишься всех этих денег! – зло трянула его Ева. – Ты этого хочешь? Лучше мне деньги отдай – сохраннее будут!..

Но певец уже только, молча, пошатывался. От столиков в зале нас все еще загораживала толпа посетителей, жаждущих продолжения дискотеки. Поэтому мы не могли видеть сотрудников грозной спецслужбы. Но и они не могли сейчас наблюдать нас.

- А вы молодой человек с характером, - моментально сориентировалась Томашевская, подхватывая меня под локоть. - Потапыч нас выведет через черный ход. Зачем нам лишние неприятности? - Похоже, она успела забыть, как меня зовут, хотя еще полчаса назад мы были «на ты». – Играйте что-нибудь, мальчишки! Пусть все танцуют! – махнула она ансамблю.

Могучий швейцар вывел нас троих через помещение опустевшей кухни, где еще ощущался жар плит и чад подгоревшего масла, в вестибюль ресторана. При этом Ева волокла под руку, вдребезги пьяного Алешу, который в своем белом костюме то и дело натыкался на кадки с огромными фикусами, изображавшими здесь пальмы. Не отпуская разомлевшего кавалера, другой рукой Ева, тем не менее, удерживала и меня.

На улице пары вдохов свежего ночного воздуха хватило, чтобы алкоголь закружил и мою голову. До сих пор я держался нормально, но теперь понял, что вот-вот и меня тоже по-настоящему развезет. Над Ленинградом стояла июньская белая ночь – время замерло. Ева Томашевская, осмотрелась по сторонам, не скрывая разочарования.

- Приглашаете проводить даму, а сами без машины. Фи!.. – фыркнула она, снова, мгновенно, потеряв ко мне интерес. - Какой же вы, гусар?

Ева даже отвернулась, и принялась трясти и без того шатающегося Алешу, опять спрашивая о каких-то деньгах, при этом она вполголоса ахала и возмущалась. А певец довольно нелепо разводил руками и даже пытался вывернуть наизнанку белые карманы.

Упрек Евы обжег меня стыдом, как пощечина. Действительно, на тротуаре меня дожидались только Зяблик и Валет. Точнее Валет задержался поздороваться с неприятным типом, небрежно припарковавшим у тротуара последнюю модель «Жигулей». Снисходительно кивнув Валету, тип уже поднимался по ступеням ресторана, под ручку с ярко-накрашенной девицей. Причем он старался шагать на ступеньку впереди, так меньше бросалось в глаза, что девица выше его на полголовы.

- Вот, как надо жить, не размениваясь на мелочи, - с завистью кивнул Валет вслед поднявшемуся в ресторан типу. – Старший товарищ. Инструктор идеологического отдела обкома. Мне бы так когда-нибудь!..

- Ресторан все равно закрыт, - буркнул я. – Зря он приехал...

- Откроют, стоит ему глазом моргнуть, - обнадежил Валет. – Он даже машину не запирает. Весь район – его вотчина! Уж он-то не потратит весь вечер, обхаживая певичку, и чтобы она ему еще потом не дала!.. – съязвил Валет, явно от зависти.

Я еще раз вздохнул свежий воздух, подавляя закипавшую ярость и, чтобы голова меньше кружилась. Такому, как Валет, не дано понять, что победить человека, у которого хватает смелости дерзнуть – невозможно! Тем более – сегодня, когда весь день дразнит удача – я не собирался ее упускать.

Без единого слова, я сел за руль оставленных «Жигулей» на глазах оторопевших Витьки и Валета.

Год назад я наблюдал, как знакомый автомеханик на спор доказывал, что любые «Жигули» можно завести без ключа, если знать - как. Сначала, я снял с ручника и резко выкрутил руль до упора. И даже задержал дыхание – важно было не перепутать ни одной мелочи, повторяя его главный фокус. Раз! И не успевший остыть мотор действительно завелся.

- Ева! Машина есть! – крикнул я, приоткрывая переднюю дверцу.

Томашевская даже не потрудилась заметить, каким невероятным образом у меня вдруг образовалась машина. Они с Алешей просто разместились на заднем сиденье.

- Сережа, у тебя есть деньги с собой? – Наконец-то ей удалось вспомнить мое имя! – В «Прибалтийской» гостинице генеральский люкс - роскошное место...

- Серега, ты что творишь?! – от испуга Валет даже попытался перегородить мне дорогу.

- Не суетись! Я только покатаюсь взял, через пятнадцать минут верну обратно. Твой старший товарищ и заметить-то не успеет, - шепотом объяснил я через окошко.

Кое-как трогаясь с места, я помню наслаждение, которое испытывал, победно объезжая Валета, стоявшего истуканом от страха.

- Учти - ты ничего не видел!.. - еще подмигнул я ему на прощание.

2.

Я проснулся от того, что почувствовал неладное.

Открыл глаза и сразу подскочил, как ошпаренный. Больше всего меня потряс вид ажурных канделябров, поддерживавших электрические свечи, вместо обычных настенных ламп. Такие же ажурные шторы с толстенными кистями из какой-то роскошной парчи преграждали путь солнечному свету с улицы. Раньше такие шторы доводилось видеть только в актовом зале института. Но это был не актовый зал, а роскошная спальня, где я находился один.

«Генеральский люкс»! Теперь я вспомнил! А еще вспомнил, где и сколько вчера платил, от чего стало окончательно не по себе. Я лихорадочно сгреб одежду, валявшуюся на полу вокруг кровати, но своего пиджака почему-то не обнаружил. Жгуче захотелось эвакуироваться отсюда как можно быстрее и незаметнее.

Из-за закрытой двери в комнату, доносился странный звук. Какое-то позвякивание. Там точно кто-то находился. И казалось - что-то делал украдкой. Я пригладил ладонью всклокоченные волосы, потихоньку надавил на ручку двери, а она была тяжелая, металлическая и витая, как те, чертовы канделябры - и шагнул наружу.

Посреди залитой светом гостиной, опершись локтем на край черного рояля, сидел высокий сутулый тип в расхристанном белом костюме. Вчерашний певец из ресторана – Алеша - я его вспомнил. На зеркальной полировке черной крышки рояля, перед ним выстроилась батарея бутылок с незнакомыми мне импортными этикетками. Тип наливал себе пиво в большой фужер из тонкого стекла. Он тщетно старался не позвякивать горлышком о край фужера - руки слишком тряслись.

- Пивка? – спросил певец, как будто мы старые знакомые, стоило ему заметить мое появление.

- Мне бы умыться, – пробормотал я, еще слегка робея, но, уже успокаиваясь – по крайней мере, потерянный пиджак обнаружился здесь, в гостиной, он валялся на кресле.

Стоя перед огромным зеркалом в ванной комнате, я вспомнил и ужаснулся - как за один вечер умудрился разом ухнуть такую кучу денег? В ресторане я оставил всю свою долю от сделки. А этот роскошный генеральский люкс оплачивал уже из средств Витьки Зяблика, которые тот доверил мне на развитие нашего общего бизнеса. Внутри закипала досада на самого себя, на всю пьяную глупость, которую успел вчера натворить.

И вот тут меня настиг последний, самый худший обрывок воспоминаний. Вчера я приехал сюда на автомобиле. Который угнал! Нет – взял покататься. И не отдал. Господи! Сделай чудо, чтобы это было не со мной! Чтобы все это оказалось только дурным сном. Я прислонился лбом к холодному зеркалу и зажмурился. Душу начинало грызть раскаяние невыносимой силы.

Но слабость я себе позволил не больше чем на минуту. Раз деньги улетели – значит, надо заработать их снова. Главное – как можно скорее и незаметнее исчезнуть из этой роскошной гостиницы. Сегодня в двенадцать встреча с Асланом и его соотечественником. Если быстро купить японский каталог, и показать кавказцам, может быть получится не только договориться, но и взять половину денег сразу? Еще можно успеть. Начать все заново. А дальше уж как-нибудь наладится. На крайний случай у меня вчера точно были отложены последние сто рублей.

Я засунул руку во внутренний карман пиджака, но он оказался пуст. Под ложечкой нехорошо похолодело, в очередной раз за это утро. Я обшарил боковые карманы – пусто. Залез в карманы джинсов – только мелочь... При этом я точно помнил, как последнюю сотню упрятал подальше и пообещал себе не трогать. Дошло до того, что в пустой туалетной комнате, я снял штаны и пиджак, перетряс все вверх ногами, стоя в одних носках - денег не было. А в душе поселилось смутное подозрение, что меня обокрали. Я слышал про такие истории, когда жулики напоят человека, а потом обирают?

- У меня деньги были, сто рублей. Теперь их нет, - сказал я, вернувшись в гостиную, с трудом переведя дух.

Я встал в метре от этого Алеша и заглянул ему прямо в глаза. Особых поводов предъявить ему обвинение в воровстве, у меня не было. Но

решимости хватало - хоть отбавляй, и я понимал: если почувствую, что он врет и отпирается - просто заеду ему по морде.

- Так это я позаимствовал! – радостно признался Алеша. – Ты извини, я сразу не успел сказать. Занят был, - и певец жадно приник губами к краешку фужера, не обращая больше на меня ни секунды внимания. Его выпирающий кадык сделал несколько судорожных глотательных движений.

- Они же у меня далеко в кармане были спрятаны? - не понял я.

- Ну, я с утра зашел – вижу, ты спишь. Думаю, зачем будить хорошего человека? А у меня трубы горят – сил никаких нет. Ну, и позаимствовал денежку. И вот – пива заказал. Я же тебе сразу говорил, пивка не желаешь?

Его уверенное сознание, как будто все нормально, взбесило меня еще сильнее, чем понимание того, что этот тип тайком шарил у меня по карманам! У меня не было слов. Зато, видимо, появилось, что-то такое во взгляде, от чего Алеша забеспокоился.

- Да ты не напрягайся, генацвале! – почему-то он назвал меня на грузинский лад и развел руками, пытаясь изобразить виноватую улыбку. Но вышло наоборот - его похмеленная рожа выглядела чересчур довольной. - Все классно будет! Ко мне в двенадцать часов Василич приедет, гонорар привезет, и я тебе мигом отдам. А пока выпей пивка, расслабься...

Зря он взял этот тон. В следующее мгновение, я уже держал его за лацканы пиджака и орал:

- Какие 12 часов?!.. У меня встреча в 12! Мне сейчас деньги нужны!..

Тут я тряхнул его так сильно, что фужер полетел на пол и с нежным звяканьем разлетелся осколками. А недопитое пиво расплескалось по ковру. Это немного утихомирило меня. Хватило ума понять, что если сейчас еще начнутся разборки с гостиничной администрацией – мне не успеть к полудню, ни с деньгами, ни без денег. И Аслан с соотечественником впустую прождут меня у Пяти углов.

- Давай, что осталось, - потребовал я.

Он без сопротивления немедленно полез в карман, и извлек оттуда одну маленькую и смятую бумажку салатного цвета.

- Что это? – опешил я.

- Трояк остался... Тут в буфете пиво импортное - «Будвайзер» по пятнадцать рублей бутылка. Вот и получилось... - оправдывался Алеша.

То есть он собирался сказать, что за утро сумел истратить ползарплаты среднего советского гражданина?! Когда в магазине бутылка «Жигулевского» стоит пятьдесят копеек. А эта сволочь, без спросу истратила мои последние деньги на «Будвайзер» по сумасшедшей цене. А если к этому добавить страх и злость на себя из-за глупости с чужой машиной, вы понимаете, что я просто обязан был дать ему в рыло.

Но не дал. Потому что в двери номера зашла полная немолодая горничная с огромной охапкой роз.

- Поставь на рояль, Никитишна, – попросил Алеша, не теряя самообладание.

Горничная с розами степенно прошествовала к черному роялю. По пути окинув неодобрительным взглядом остатки разбитого бокала.

- Вот ведь никак нельзя, чтобы не напакостить! – принялась браниться сварливая тетка. – Кто теперь гостинице за бокал из чешского стекла компенсирует? У меня его из зарплаты вычтут! – Она уперла руки в бока и ее глаза навывкате сверкали гневом.

- Не сердись, Никитишна! Сейчас мне привезут гонорар – решим все вопросы. Еще внукам потом рассказывать будешь, каких артистов у себя в генеральском люксе принимала.

- Бардак разводить все вы артисты, - проворчала неугомонная Никитишна. Она явно не собиралась уходить и только переводила выразительный взгляд с роз на Алешу.

Он тяжело вздохнул, снова извлек из кармана последнюю трехрублевку, и, виновато глядя на меня, грустным выражением огромных глаз, протянул бумажку сварливой бабе.

- Пора номер освободить. Уже начало двенадцатого! – огрызнулась, уходя старая халда. – Директор «Тяжмаша» из Днепропетровска с супругой заселяется.

Начало двенадцатого! Это была катастрофа. Я осторожно сдвинул тюлевую занавеску и выглянул вниз, на тротуар перед гостиницей. Где-то в глубине души еще теплилась надежда, что вчерашний эпизод с «Жигулями» мне померещился спьяну, и никакую машину, я на самом деле не угонял.

Но то, что творилось внизу, заставило мгновенно отпрянуть от окна. Мои молитвы не были услышаны – чудо не произошло. Проклятые «Жигули» стояли прямо перед фасадом «Прибалтийской». Причем ночью, я криво припарковался. Заехал передним колесом на бордюр, опрокинул урну, и похоже, помял крыло машины. И вот это безобразие как раз рассматривали сразу три милиционера. Точнее – двое интересовались покалеченной машиной, а третий, запрокинув голову, озирался на окна гостиницы. Я отпрянул быстро, но все равно не был уверен – заметил он меня в окне или нет.

- Алешенька! Это мне такая роскошь!?!.. Внимательны-ый!..

Из второй спальни легкой походкой выпорхнула Ева Томашевская. Премакая полотенцем влажные волосы, она сразу же подбежала к роялю, и принялась рассматривать цветы. То есть этот гад, еще и поднялся в ее глазах, истратив на розы мои последние деньги!

И только одно мстительное воспоминание подсластило мне все кошмары этого утра. Вчера, когда мы пьянящие завалились в этот номер, Ева сразу буквально затолкнула меня в одну из спален:

- Иди, спи!

Уверенный, что она меня бросила ради своего певца, я вырубился мгновенно, так бы и уснул в одежде, если бы через некоторое время не почувствовал трущея о меня легкое маленькое тело.

Тело было женское. Тело было горячее. И оно было совсем голое. Мне даже ничего не надо было делать. Ее руки сами ловко раздевали меня.

Но я все равно приподнял голову и, стараясь изобразить строгий прищур, спросил:

- А как же твой Алеша?..

- Спит Алеша, дрыхнет, - пробормотала она. При этом дыхание у Евки перехватывало - она была уже сама не своя от желания. – Нажрался, скотина и заснул. Теперь его не поднимешь. И вообще он мне не нужен. Я тебя люблю! Какое счастье, что мы встретились... - и она припала к моей груди, изображая нежность. А ее проворные пальцы ни на секунду не останавливались, стаскивая брючный ремень

Но женщина не должна была вот так бросать меня, и возвращаться, удовлетворяя минутные капризы. Я хотел компенсации морального ущерба. Поэтому приподнялся на локтях и сказал.

- Если уж ты меня сюда притащила – извольте к роялю милая!...

- На черном рояле? Такого со мной еще не было, - хихикнула в ответ Ева Томашевская, тогда ночью.

Так что теперь, посреди катастрофы отвратительного утра, этот самый черный рояль, возвышался единственным приятным воспоминанием, словно не сдающийся гордый «Титаник». Может быть, просто сама судьба предъявляла мне такой счет за потрясающую ночь с шикарной женщиной? Которая с утра опять делала вид, как будто мы едва знакомы, и только восхищенно перебирала розы в букете.

Алеша, тем временем, торопливо наливал пиво из очередной бутылки в новый бокал, и еще вытащил из внутреннего кармана белого пиджака чекушку самой простой «Русской» водки, которую явно собирался плеснуть туда же.

- Загороди, меня от Евки, - вполголоса попросил он, опасливо поглядывая в сторону Томашевской. И сам отодвинулся к подоконнику, чтобы втихушку приготовить свой отвратительный коктейль.

В номере зазвонил телефон. Ева сняла трубку.

- Василич приехал, пора выметаться отсюда! – скомандовала она. – Алешка! Собирайся! Пора концерт записывать... - и убежала обратно в спальню. Алеша торопливо доглотал адскую смесь из своего фужера и заметался по номеру в лихорадочных поисках – куда бы спрятать пустую бутылку.

Дверь распахнулась, и в гостиную быстрым шагом буквально ворвался еще один персонаж. Вновь прибывший был полной противоположностью Алеше. Начиная с комплекции: невысокий крепыш, к любой детали внешности которого отлично подходило слово «мясистый». Нос у него был толстый и мясистый, щеки изрядно выпирали, суживая глаза и прикрывая часть шеи. Толстые губы были растянуты в радостную улыбку. И даже лысина, обрамленная на затылке и вокруг ушей короткими кудряшками, бугрилась мясистыми шишками. В отличие от Алеши, мгновенно побледневшего после водки с пивом, его «продюсер» источал румянец и энергию.

- Ну, здравствуй, что ли, талантище! – ринулся он обниматься с певцом. Уткнулся носом в его белый костюм ровно на секунду и тут же резко отшатнулся. – Пил, что ли с утра?!..

Вся его веселая энергия, словно мгновенно почернела.

- Я тебя убью, когда-нибудь ублюдок, - прошипел крепыш. – Вот только сорви мне запись! Вот только спой плохо. Столько денег вложил, ребят из оркестра подогнал, а ты с утра на кочерге?..

- Только пиво, Василич! Мамой клянусь! Я осознаю ответственность момента... - звучно икнув, принялся врать Алеша. – Тут это, Василич, дело одно, - он оглянулся на меня, взял своего продюсера под локоток и повел к окну.

Я напряг слух, и уловил, как Алеша рассказывает, что «должен парню сотку» и просит «небольшой аванс». Но в ответ «мясистый» Василич только дернул локтем и взбеленился.

- Какие деньги?! Ты спой сначала! И так уже должен сколько? Ни копейки не получишь, пока запись не завершим, как следует.

И он отошел в сторону, всем своим видом давая понять, что разговор закончен.

Ловить здесь было больше нечего, а каждая секунда промедления, жгла огнем, поэтому я начал потихоньку двигаться в сторону прихожей. Надо было срочно драпать отсюда. Но тут Алеша, некстати, задержал меня под локоток и сконфуженно забормотал.

- Ты погоди, дружище. Теперь он деньги отдаст только когда спою. Задолжал я этому кровопийце. Но можно попробовать к обеду уломать его. Тогда уже половина записи будет готова, и я его уломаю. Так, что давай - с нами поедешь...

- Куда с нами?! – резко возразила Ева Томашевская. Она дожидалась в прихожей и услышала последние слова Алеши. – Ты совсем сдурел? Запись тайная, квартира конспиративная, а он туда же – зрителей захотел, массовки...

- А я не могу петь, когда никто не слушает! – подчеркнуто капризным голосом заявил Алеша Козырный. – В стенку на обои, что ли смотреть и петь?..

- Ладно, бери своего кредитора, - смилостивился Василич. – Пригодится нам за водкой бегать... - и подмигнул мне вполне дружелюбно, прихватив и букет. – Кстати, вы не в курсе, почему столько ментов в вестибюле? Документы проверяют. Вроде какого-то угонщика ловят? – направляясь к выходу, бросил Василич.

Я замер, отлично понимая, какого угонщика пытаются поймать в вестибюле. А потом облава - пойдут проверять номер за номером...

- Ты не слушай их, Сережа, езжай, куда собирался. Тебе с нами делать нечего, - продолжала возражать Ева. – Нам бы Василич, как-нибудь незаметно отсюда выскользнуть? А то документов у Алешки, как обычно не водится, проскочим, через какой-нибудь задний проход? У тебя же тут вся администрация в друзьях...

Она слишком настойчиво старалась показать, что я для нее ничего не значу. Якобы, забыла, как, этой ночью, изгибась в судорогах оргазма, царапала мне спину... А потом, закулив, еще цинично пошутила: «До чего скользкий инструмент!...» А может, Ева просто опасалась, как бы я не намекнул Алеше про ее ночную измену? Но она не учла некоторых особенностей моего характера. Стараясь «срубить меня с хвоста», она только разбередила мое упрямство, которое в таких случаях подмывает поступить наперекор. К тому же не оставалось другого способа проскочить незамеченным мимо ментов, устроивших рейд в гостинице, кроме как в кампании с ушлым Василичем. Одному спуститься в холл гостиницы было то же самое, что явиться в милицейский участок, оформлять явку с повинной. Единственный шанс смыться отсюда появлялся только через какой-нибудь боковой выход.

- Ладно, поехали, - ухватился я за этот шанс немедленно.

И если совсем честно – меня уже грызло любопытство, что за такая тайная запись? И что там за студия? Любопытство подкрепляло и необходимость, и досаду. Меня уже понесла река моей будущей судьбы. Но, удаляясь по ковровой дорожке вдоль широкого гостиничного коридора вместе с новой странной компанией – я еще не подозревал об этом.

3.

Такси дожидалось нас. Счетчик в машине успел натикать больше пяти рублей. Половину пространства на вместительном заднем сиденье «Волги» занимала гитара. Она была не желтого цвета, как я привык, а какого-то темно-вишневого с чернотой. Я таких никогда не видел.

- «Сандер Стратакастер»! – расплылся в блаженной улыбке Алеша. Он юркнул на заднее сиденье и принялся обнимать и нежно ласкать гитару, словно ее широкие деки были бедрами роскошной женщины-вамп. – Василич, ты сберег!.. – он обернулся к продюсеру и я с удивлением обнаружил настоящие слезы на глазах странного певца.

- Ну, а как же! – пробормотал довольный, и даже немного смутившийся Василич, располагаясь на переднем сиденье.

И тут меня окликнули. Медленно оборачиваясь, я уже знал, что попался. Все-таки «Волга» стояла на виду, хоть и у бокового входа.

Ко мне спешил Валет. А в отдалении стоял, искоса поглядывая, тот самый вчерашний тип – инструктор обкома, владелец «Жигулей». А рядом с ним, молча, курил еще один мужчина, штатская одежда которого была не способна скрыть милицейскую выправку.

- Ну, ты наворотил дел! – выдохнул Валет. – Ты же новую машину помял! Еще и пьяным ездил! Без прав! Ты никого не сбил?.. Теперь тебя точно посадят!..

- Ну, а ты-то, что суетишься? Сдал меня все-таки, не удержал язык за зубами? – зло буркнул я в ответ, не представляя, что теперь делать.

- Да я тебя спасаю! – возмутился Валет. – Мне деваться было некуда. Слушай – если ему компенсировать нормально: моральный и материальный ущерб – я может и смогу договориться, чтобы он забрал заявление. Только быстро решай! Стоить будет две тысячи, успеешь срочно собрать?

Прозвучавшая сумма придавила меня к земле. В бескорыстное посредничество Валета поверить мог только идиот. Но какие бы свои интересы он не маскировал за дружеской улыбкой, приходилось признать - только Валет мог мне сейчас помочь «отмазаться» от тюрьмы. Не он же меня усаживал вчера за руль «Жигулей»? Расхлебывать предстояло все самому.

- Молодой человек, так ты с нами едешь или нет? – нетерпеливо окликнул меня Василич.

И его окрик только подстегнул мое главное желание – прямо сейчас уехать от проклятой гостиницы свободным, в такси, а не в наручниках.

- Я соберу деньги! Не знаю как – но соберу. Только дайте немного времени, - попросил я.

- К пяти часам мы к тебе домой приедем. Только не вздумай его обмануть. Чтобы все деньги были. Иначе сядешь! - поставил меня перед фактом Валет, и заторопился с отчетом к своему «старшему товарищу».

Когда я втискивался на заднее сиденье «Волги», гриф роскошной гитары, занимавшей там все оставшееся свободное пространство, неприятно боднул меня в висок. А когда такси резко рванулось с места, я стукнулся о гитару второй раз.

- Дорогая гитара? – потихоньку спросил я Еву, стиснутую между нами, на заднем сиденье. С этой минуты меня начало интересовать все вокруг, что стоит денег.

- Кто бы знал? - недовольно отозвалась она, пытаясь сесть посвободнее. – Эту гитару какой-то умелец сделал у нас в Питере. А какая у самоделки может быть цена? Звук у нее и, правда, хороший, чистый. Единственное имущество, которое имеется у нашей звезды, - съязвила Томашевская. – Как до сих пор еще не пропил – я удивляюсь? Наверное, все-таки не дорого стоит...

- Она всегда ко мне возвращается, - певец все еще стискивал инструмент в любовных объятиях, прижавшись к деке небритой щекой.

- А что значит «Сандер Стратакастер»? – недоумевал я.

- Все это голый понт! – фыркнула Томашевская. – Услышал где-то, что у Джимми Хендрикса или Мика Джаггера все знают, как гитары называются. Вот и наш младенец себе выдумал игрушку...

«Волга» мчалась по утреннему, летнему, полупустому Питеру. Мы быстро проехали весь Невский, почти свободный от машин в этот час и направлялись куда-то на новую окраину города. Я лихорадочно пытался изобрести способ, как срочно достать много денег. Но ничего не приходило в голову. На встречу с Асланбеком я уже опоздал, так что этот вариант отпадал, по крайней мере - сегодня. Но даже при удачном стечении обстоятельств, сразу две тысячи там было не взять.

Пьяного Алешу быстро укачало, он сомлел и хватал воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

- Приоткройте там окно. Чтобы нашего солиста ветерком обдувало, надо ему трезветь, - распорядился Василич, обернувшись с переднего сиденья. - Хочешь, Алеша, настроение тебе подниму?..

И, не дожидаясь ответа, он попросил водителя такси.

- Федор, включи, пожалуйста!

Молчаливый водитель, пошарил одной рукой у себя под креслом и извлек оттуда пропыленную магнитофонную кассету с ободранными наклейками. Не отрывая взгляда от дороги, он втиснул кассету в портативный магнитофончик «Весна», зажатый между передними сиденьями, и нажал клавишу.

- Стоял я раз на стреме! Держался за карман! Как вдруг ко мне подходит не знакомый уркаган... - Из магнитофона раздался искаженный помехами, и приглушенный многочисленными перезаписями, но вполне узнаваемый голос Алеши. А затем в ритме танго вступила пронзительная скрипочка.

В зеркальце заднего вида, я наблюдал, как водитель улыбается, и, скосив глаза, рассматривает - какое впечатление произвел сюрприз на певца.

В этот момент наше такси остановилось на светофоре. А в соседнем ряду затормозил грузовик «КАМАЗ», тоже в ожидании зеленого света.

- Послушайте, в КАМАЗе тоже меня крутят! – завопил взбодрившийся Алеша.

Василич энергично открыл пошире свое окно. Я тоже прислушался. Из кабины грузовика, возвышавшегося над нашей «Волгой» доносилась трудноразличимая музыка, заглушаемая фырчанием мотора.

- ...Выпьем за мировую, выпьем за жизнь блатную!... - напел вслух сияющий Алеша. – В позапрошлом году делали, с ансамблем «Хулиганы»?..

- Точно! – согласился Василич.

Светофор дал зеленый свет, и КАМАЗ с оглушительным ревом тронулся с места, обдав нас клубами отвратительно вонючего выхлопа.

- Закройте окошки, сейчас же! – потребовала Ева, уткнувшись носом в розовый букет.

- Знакомый голос! Вся страна слушает Алешу Козырного! – польстил Василич, закрывая окошко.

- Слушать-то слушает. А в лицо никто не знает, - посетовал Алеша. – Ведь, если бы ты Федю не предупредил, кого он везет сегодня, он бы никогда и не узнал. Точно Федор? – спросил Алеша водителя. Но все равно чувствовалось, что он польщен.

- Радуйся, что никто не знает. А то давно бы уже посадили за блатные песни, - проворчала Томашевская.

Улучив момент, когда никто не видел, я слегка потискал ее ногу выше колена. Ева недовольно отдернула колени и даже не обернулась ко мне. А такси уже въезжало в один из новых окраинных микрорайонов Ленинграда. Уже пару пятилеток он застраивался одинаковыми панельными

девятиэтажками. Здесь повсюду в небо торчали подъемные краны, а жители были обречены годами пробираться к своим жилищам через непролазную глину бесконечной стройки. У крайнего подъезда одной из таких новых девятиэтажек и остановилась наша машина. Вопреки традициям новостроек, лифт в подъезде работал.

- Девятый этаж жми! – распорядился Василич. – Место сегодня новое. А то на старой квартире, слишком много записывались. Не хочу спалиться.

- Зачем так высоко забрались? – Алеша нажал кнопку. Кабина поползла вверх.

- А это чтобы, если менты нагрянут – по крышам уйти можно было, – пояснил Василич. – Шучу!

- Это как американские коммунисты? А Ева у нас будет вместо Анжелы Дэвис... – захохотал Алеша. – Только нашим музыкантам с инструментами трудно будет на крышу вылезать.

- Просто место подходящее, - уже всерьез пояснил Василич. – Боковая квартира. С одной стороны – наружная стена дома. Сверху крыша. И соседи снизу в эти выходные на дачу должны уехать. Значит, мы своим грохотом никого не побеспокоим. Никто не начнет стучать в ментовку...

- А квартира напротив? – поинтересовалась Ева.

- Стены, как следует, одеялами завешаем, - пообещал Василич. – Ну, и совсем уж идеальных мест у нас в стране не бывает, - пояснил он, как только лифт остановился и двери разъехались. – Ты уж постарайся, Алеша, сегодня все записать побыстрее. Не тяни. А то я музыкантам по времени плачу. Каждый час – столярник. Вот они и не торопятся...

4.

Поперек большой комнаты, примерно на уровне лица, были натянуты бельевые веревки, на которых прищепками были закреплены два настоящих студийных микрофона. А одна из стен была сплошь завешана одеялами. Ватными, в отвисших пододеяльниках, синими шерстяными солдатскими одеялами и даже какими-то ковриками и скатертями. Чувствовалось, что для звукоизоляции в этом неприспособленном жилище была использована вся ветошь, которая только оказалась под рукой.

Но не это было главным. На небольшом столике возле подоконника стояло чудо, от которого захватило дух. Сверкающий хромированными деталями, большой магнитофон «Sony»! Такую аппаратуру в Советском Союзе трудно было найти даже изображенной на картинке. А тут магнитофон стоял живой, настоящий, мерцающий огоньками маленьких лампочек и индикаторов!

Я моментально оказался возле этого технического шедевра. Две большие круглые пластиковые бобины: одна с пленкой, другая – пустая, уже были заряжены. Магнитофон гудел еле слышно, готовый начать запись в любой момент. Со всех сторон к нему стекались многочисленные

электрические шнуры. Его хотелось нежно погладить по полированным бокам, словно послушного и сильного диковинного зверя! И я искренно пожалел, что сейчас здесь нет моего чудаковатого дружка Витьки Зяблицкого, чтобы он хоть раз живьем посмотрел, как выглядит то, к чему он должен стремиться, когда паяет «Sony» у себя на кухне.

- Интересуетесь, молодой человек? – спросил Василич. Он тоже, не без нежности, любовался фантастической японской техникой. – Великолепный аппарат. В Питере таких всего два экземпляра. У меня и у Муслима Магомаева. Месяц назад удалось достать. Как сказано у классиков «доставлено с таможни, контрабандный товар»... Десять тысяч рублей. Стоит, как «Волга», на которой мы сюда приехали...

- Студийный? – спросил я.

- Полупрофессиональный, - с легким сожалением признался Василич. – Но, что особенно важно для качественной записи - многоканальный. Воспроизводит частоты от 20 герц до 18 тысяч – весь звуковой диапазон, который способно улавливать человеческое ухо... - авторитетно заметил подпольный предприниматель. - А вы разбираетесь?..

Я хотел возразить, что диапазон, который слышит человек – на самом деле шире, но не стал. В конце концов, я сюда пришел не спорить, а смотреть и слушать. А обстановка здесь, что не говори - поражала.

Целый таз винегрета стоял на полу в углу комнаты. Огромная эмалированная посуда, в таких хозяйки обычно стирают белье. Впрочем, тут же находился и ящик водки, что многое объясняло.

На продавленном и засаленном диванчике сидело несколько плохо выбритых, и длинноволосых людей. Одеты они были сплошь в какие-то фирменные джинсы, свитера с картинками и иностранными надписями на груди. Но только вся эта совсем не дешевая одежда была или не стирана, или помята крайне небрежно. Нарочитым пренебрежением к дорогим шмоткам эта братия подчеркивала свое отличие от модных фарцовщиков – королей Невского проспекта.

Это собрались музыканты. На что недвусмысленно указывали инструменты, горой сваленные при входе. Мне показалось знакомым только одно лицо – клавишника, которого я уже видел вчера в «Поганке». В квартире было настолько накурено, что перехватывало дыхание. А пепел они стряхивали в пустые трехлитровые стеклянные банки.

Но, что было совсем удивительно: не взирая на внешнее убожество импровизированной студии и подчеркнутую неформальность отношений – здесь непостижимо присутствовал дух серьезных денег. Я ощутил это с первых же секунд и насторожился.

Между тем, Алеша уже успел поздороваться, похлопать по плечу всех музыкантов, которые яростно обсуждали чемпионат мира по футболу - вчерашний матч Италия-Аргентина.

- И что все носятся с этим молодым аргентинским нападающим? – недоумевал кудрявый и длинный тип, которого все звали Ёсиф. – Вчера этого

хваленного Марадону намертво прикрыли, Аргентина и проиграла! - при этом Ёсиф разливал водку в подставленные граненые стаканы.

- Стоп! Стоп! – заметил маневр музыкантов Василич. – Вы что бухать сюда пришли?! Ну-ка завязывайте! Я вам не за это плачу, - грозно объявил он. – Пока первую сторону не запишем – никакой выпивки. Наш солист, после вчерашнего, и так еле на ногах держится...

- Я в ажуре! – возразил Алеша, не выпуская стакана из рук. – Лучше Василич, ты нам объясни: ты часом не еврей?.. Хватка у тебя такая деловая... А вот Ёська Шмеерзон - чистокровный еврей, но у него никой хватки. Только как скрипку хватать знает, да водку глушит похлеще иных русских!..

Музыканты рассмеялись.

- Уж хлеще тебя никто не пьет, Алеша, - разъярился Василич. – Ну-ка все по местам! Живо инструменты настраивать!.. А ты, голуба моя, иди сюда, определимся, что исполнять будем, - он забрал стакан из рук разочарованного Алеши и увел его в угол комнаты, показывать какие-то исписанные листочки.

Музыканты покорно разобрали инструменты, и разошлись по своим местам. Басист подсоединил электрический шнур к гитаре и подошел к крайнему висящему микрофону. Ударник встал за два небольших плоских барабана. Клавишник так и остался на диване, но подтянул ближе стойку с небольшой электроорганой.

Между тем, Василич и Алеша вдруг громко заспорили.

- Не буду я это петь! – горячо возражал Алеша, от возмущения наивно и нелепо выпучив глаза. – Ну, что это: «А на вышке маячит, распроклятый чекист»!.. Это же чистая антисоветчина. На наши концерты смотрели сквозь пальцы, пока мы воровской романтикой занимались. А если в антисоветчики запишут – это конкретным сроком пахнет! Я потом в зоновской самодеятельности выступать не желаю!..

- Ну, какая же это антисоветчина, Алеша?! – возражал Василич. – Просто классическая лагерная песня: «По тундре, по железной дороге, где мчал товарный «Воркута-Ленинград»... Ее столько поколений пело. Ну и потом, у нас же с репертуаром – швах! Одно и то же перепеваем. В одной аранжировке, в другой, в третьей... Вот я и подобрал старые народные песни. Уверен, людям они понравятся, и новый альбом разойдется на ура. Артисту нельзя надоедать публике, иначе потом никому не будешь нужен...

Алеша перестал возражать и как-то сник. Только смотрел в окно на строящийся микрорайон с высоты девятого этажа, и словно ребенок, скреб ногтем по стеклу. Его белый костюм даже как-то осунулся на сутулых плечах.

- А мне, думаешь, не надоело? Столько лет петь «взял я фрайера на гоп»?.. Я уже ненавижу этот блат! Я ведь что угодно могу спеть: романсы, народные песни, эстраду, что хочешь!... Я ведь артист. А никто не верит. Вот даже ты не веришь в меня...

Мне показалось, что последние слова Алеши умудрились кольнуть непрошибаемого Василича. В маленьких глазах мясистого крепыша дрогнуло мгновенное сомнение.

- Алешка! Если все можешь – спой «Яростный стройотряд»?! «И Ленин такой молодой и юный октябрь впереди»!.. – съязвил Ёсиф и еще пропилил смычком по скрипке, издав настолько гнусный звук, что все в комнате сморщились.

- Все тебе хохмить, Ёська! – повернулся Алеша.

- Ну, и кто же у нас тут король блатной песни?.. – заискивая, подбодрил Василич.

Певец снял белый пиджак, и повесил его на спинку стула. Оставшись в жилетке, сильно ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Подошел к центральному микрофону и громко пошкрябал его ногтем. Убедившись, что техника работает, певец обернулся к Василичу и спросил.

- С чего начинаем? – он уже опять улыбался до ушей. – Чтобы я ушел из шоу-бизнеса? Не дождетесь!.. - Эти Алешины мгновенные перепады настроения были поразительны.

Дальше в комнате началась оглушительная какофония настройки инструментов. А я обратил внимание, что нигде нет Евы. Она оказалось на кухне, где в одиночестве тоже смотрела в окно на микрорайон с высоты и водила пальцем по стеклу. Неожиданно я обнаружил, что и ее глаза полны слез.

- И что, вот на этом люди деньги зарабатывают? – поинтересовался я, как будто невзначай. – На таких вот куплетах? «Раз пошли на дело, выпить захотелось»?.. И много за это платят?

- Много, - кивнула Ева. – Алеше за удачный концерт могут несколько тысяч сразу заплатить. Хоть «Жигули» покупай, только он пропивает все моментально. Василич себе наваривает в несколько раз больше. А сколько зарабатывают те, кто пленки тиражирует и по стране рассылает – я вообще не знаю, - отрывисто пробормотала она.

Это не укладывалось в голове. Неужели за два часа песен в прокуренной комнате с завешанными одеялами стенами, кто-то может заплатить несколько тысяч только певцу?.. Такого способа заработать кучу быстрых и легких денег, я не мог себе даже представить.

Впрочем, на кухне я оказался не только для решения вопросов коммерции. Я положил руки Еве на плечи. Они слегка вздрагивали. А потом не удержался и провел руками ниже - по бедрам. В ответ, Томашевская зло дернулась, отстранилась, сунула мне в руки все ту же охапку роз и холодно велела:

- Налей воды в ванну и брось туда, чтобы не завяли!..

А сама ринулась в комнату. И я поразился, как грубо искажается ее лицо, когда Ева в ярости. Кое-как свалив дурацкие цветы в ванну, и включив холодную воду, я устремился за ней.

Ева стояла, уперев руки в бока, загораживая Василичу музыкантов, и пыталась перекричать музыку. Потом она с силой дернула за шнуры,

которые торчали из драгоценного магнитофона. С пронзительным звуковым глюком микрофоны обесточились. Запись прервалась. Только бас-гитара по инерции ритмично пульсировала на всю комнату. Василич подскочил со своего режиссерского места, в отчаянии всплеснув руками.

- Ты меня обещал начать записывать! – без обиняков заявила Томашевская. – А стоило Алешке появиться – меня словно и нету?..

- Евочка, звезда моя! Ну, тебя же мало просто слушать, тебя же видеть обязательно надо, - урезонивал растерянный Василич. – Ты же красавица...

- Я тоже могу спеть, и «Мурку», и «Постой, паровоз», я весь репертуар знаю! – истерично выкрикивала она.

Василич, ласково воркуя, обнял Еву за вздрагивающие плечи и увел в уголок. Где явно врал ей какие-то новые обещания. Скрипач Ёсиф тайком кивнул Алеше головой в сторону кухни. И оба потихоньку выскользнули из комнаты. Клавишник, шепотом выматерившись, подошел к магнитофону и начал разбираться со шнурами, подключая их обратно.

- Все, перекур закончен! – объявил Василич, громко хлопая в ладоши. – Ева согласилась исполнить две свои лучшие песни. Она ими будет завершать наш концерт. Чую - это будет великолепная запись, настоящая сенсация!.. Руки чешутся поработать! Алеша, ты где?! Запись пошла!

Из кухни вернулся сияющий улыбкой Алеша.

- Итак!.. – с лихой интонацией выпалил он, едва успев оказаться перед микрофоном. – Выступает артист ленинградской филармонии – Алексей Козырный! С ансамблем из четырех братьев, - Алеша окинул многозначительным взглядом приготовившихся музыкантов. А Ёсиф, к его словам взял несколько нот на скрипке, нежно и зазывающе. – И одной пикантной сестренки! – продолжил представление Алеша, посылая Томашевской шуточный воздушный поцелуй. – Мне, как всегда неожиданно, принесли новый текст!.. И вот в таком боевом составе мы его сейчас для вас приделаем!.. И-и, начали!

Василич, не отрывая взгляд от индикаторов магнитофона, в восторге ткнул меня локтем в бок.

- Вот оно, начинается! Алешка поймал кураж! Сейчас он устроит представление! Тебе повезло, нигде больше такого не увидишь...

Запел Алеша, действительно классно. С напором, с интонацией, с каким-то скрытым весельем. Так, что даже мне, не любителю блатного жанра, вдруг захотелось, то ли подыграть ему на гитаре, то ли выбить каблуками чечетку. Но, сильнее меня интересовало другое.

- И что, такие записи хорошо покупают? – потихоньку спросил я Василича, наклонившись к самому его уху, чтобы тот меня услышал через грохот музыки.

Содержатель подпольной студии в ответ только неопределенно мотнул голосовой, подкручивая тумблеры магнитофона.

- Получается – вы продюсер? Как Фрэнк Фариян у «Бони М»? – польстил я и попал в точку.

- Типа того, - благосклонно отозвался Василич. – Только Фариан за свою работу имеет миллионы и виллу на Лазурном берегу. А мы в «совке» трудовую копейку зарабатываем вечно под страхом, что посадят за предпринимательство и все нажитое конфискуют...

- А много пленок удастся продать? – не унимался я. – Получается в стране много любителей блатной песни?

- Все слушают! – словно укоряя меня за «темноту» разгорячился Василич. – Да и не могут такие песни не пользоваться спросом в стране, где каждый второй или сидел, или будет сидеть. Вообще – это самая подлинная народная песня. Которой спасались в неволе, чтобы душу сохранить... А возьми «Мурку»? Это же классическое аргентинское танго! Кровь, любовь, измена, и мелодия соответствующая... Или «Очи черные»? Это же старинная кабацкая песня!.. А по телевизору у нас только Брежнев Леонид Ильич, а из народного – хор имени Пятницкого – сотня откормленных бугаев и девах в сарафанах! А души в них ни на грош. Мы просто заняли свою нишу. Нас тайком слушать будут всегда! А сколько пленок продается - даже не знаю. Я делаю оригинал – первую запись, самую ценную. А потом с нее уже другие люди запишут «первую копию» - качество будет чуть-чуть похуже. С нее – запишут еще несколько копий. А дальше - на продажу. И там уже без счета. Мне говорили, что наш лучший концерт - чуть ли не миллион копий разошлось! - прихвастнул разгоряченный Василич. – Точно, как у «Бони М»... Нам бы «золотой диск» полагался.

Музыканты, завершая, смачно ударили по струнам. А барабанщик последний раз легонько взбрыкнул палочками по медной тарелочке.

- Ну, за первую песню надо выпить! – заявил довольный Алеша.

- Никакой водки! – запротестовал продюсер.

Но теперь уже музыканты не собирались его слушать. Компания сгрудилась над тазиком с винегретом. Смирившийся Василич тоже подставил стакан.

- Ну, чтобы когда-нибудь и наши записи слушали, как Козина или Утесова Леонида Осиповича... - произносил внушительный тост клавишник.

- Не станет никто нас слушать, - рука Алеши дрогнула, и певец перелил себе водки через край. – А и ладно! Лишь бы лавэ платили за нашу халтуру, – скептически сморщился он, поднося рюмку ко рту.

Я чокнулся вместе со всеми, проглотил свою порцию теплой водки и зачерпнул винегрет. В этой компании со странными подпольными музыкантами я уже считался своим.

- Потоп! – неожиданно взвизгнула Ева из коридора. – Заливает!

Это розы, брошенные мною в ванну, забили сток и вода действительно уже переливалась через край.

- Быстро убирай этот бардак! – заорал, что есть силы Василич. – Не дай бог, соседей снизу затопим, потом проблем не оберемся.

Я бросился искать тряпку и вытирать пол. Лихорадочно отжимая тряпку в ведро, я прикидывал – успела ли вода просочиться и к соседям снизу? Вероятность была примерно пятьдесят на пятьдесят. Впрочем,

Василич обещал, что нижних соседей не должно быть весь день. А вечером или завтра их ждет сюрприз!

Тем временем запись продолжалась. Ансамбль лихо прогремел очередную разухабистую песенку. Потом еще одну. В нагретой июньским солнцем комнате стало уже невыносимо душно. Окна не открывали из-за шума. Музыканты попросили перекур, и вышли на кухню. И я увидел, как Ёсиф, спрятавший в шкафчик бутылку, тайком подлил внеочередную стопку водки жутко бледному Алеше. Тот неловким движением поднял рюмку, подавился, и часть водки, пополам со слюнями, выплеснулась обратно из уголка его рта, на белую жилетку. Пошатываясь, певец направился в комнату.

- Совсем исчерпался Алешка, - философски произнес вслед клавишник. – Когда в 75-м лучшие первые концерты записывали, у него язык начинал заплетаться только на последней четверти записи. Еще год назад – он половину пленки мог нормально записать. А теперь вот – уже двух песен не тянет, срубается...

- Не интересно ему, - посетовал Есиф.

Когда все вернулись в комнату, за пультом сидел в одиночестве безутешный Василич.

- Спит Алеша! В соседней комнате за шкафом, - пояснил он и грубо выматерился. – Сморило его, говорит. От жары говорит!... С самого утра квасить начал, алкоголик, сволочь.

- Он теперь часа два или три проспит, как убитый, - оценил клавишник. – Что делать будем, Василич? Можно подождать, пока он проспится, но до вечера мы тогда записаться не успеем точно.

Музыканты были не довольны, но отнеслись к происходящему, как к какому-то неизбежному злу.

- Никого не будем ждать! – отрезал Василич. – Вот уже где стоят его закидоны, - он чиркнул ладонью себе поперек шеи. – У нас новая звезда есть. Вырастили, можно сказать, в своем коллективе... Евочка, давай тебя писать, как договаривались, - предложил он.

Однако, Томашевская никак не отреагировала, даже не посмотрела в его сторону. Она сидела в уголке дивана и внимательно рассматривала покрашенные алым лаком ногти своих изящных пальцев.

- Евочка, душа моя, давай? – заискивающе попросил Василич.

- И не подумаю! – вскинула она на продюсера кинжальный взгляд. – Ты предложил только две песни - я согласилась. А на весь полуторачасовой концерт – я не подписывалась!.. Если теперь я единственная солистка – плати по другой цене!

Василич побагровел. Они с Евой принялись громко шептаться. До нас доносились обрывки нервного шепота: «Да где видано такие гонорары, даже Алеша столько не получал никогда».

- Сейчас Евка его... - один из музыкантов с кривой ухмылкой изобразил неприличный жест, означающий полное сексуальное доминирование.

- Деваться некуда. Алеша срубился, заново все организовать ему дороже будет. Попал наш Василич. Зря он с Евкой того – потискался... - резюмировал язвительный Ёсиф, с тоской поглядывая в сторону кухни, где в спрятанной бутылке, видимо, еще что-то оставалось на доньшке.

Капитулировавший, красный от гнева, Василич вернулся за свой пульт. Ева деловито подлетела к микрофону с тем удивительным достоинством и изяществом, которые так поразили меня вчера. Музыканты, молча, потянулись к инструментам.

- Сейчас начнем запись, - пообещал Василич. – Только сначала надо свести счеты с одной гадюкой, которая нам все испортила.

Набычившись, он двинулся в сторону заволновавшегося Ёсифа. Казалось, что на побагровевшей лысине подпольного продюсера даже мясистые желваки ходуном заходили от бешенства.

- Тайком спойл Алешку! – прорычал Василич, продолжая наступать. – А сам дальше преспокойно музицировать собрался?

- Василич, ты это, хоть сколько-нибудь заплати!.. – мгновенно оценив ситуацию, Ёсиф начал быстро-быстро убирать в футляр свою скрипку.

- Сейчас ты у меня получишь расчет! – заорал продюсер, хватая скрипача за шиворот. – Сейчас!

То, что при этом Василич был гораздо ниже длинного Ёсифа, и чтобы удержать его за шкуру должен был вытягивать руку до предела вверх, никому из присутствующих не показалось комичным. Такую ярость источал мясистый продюсер. Он выволок покорного Ёсифа в прихожую, видимо, намереваясь дать ему там пинка под зад и выгнать без копейки. Но в дверь кто-то принялся неистово звонить.

- Откройте, милиция! - Раздались крики снаружи.

Замерли все, и даже Василич. Музыканты в панике переглядывались. Ева небрежно пожала плечами.

- Доигрались! – зло бросил Василичу клавишник. – Новое место! Вот оно твое новое место! Теперь еще инструменты конфискуют.

Продюсер, наконец, выпустил из рук воротник провинившегося скрипача и с нескрываемой тоской перевел взгляд на дорожный магнитофон.

- Немедленно открывайте, иначе двери ломаем! – раздавались властные крики с лестничной клетки. – Это сопротивление работникам милиции!..

- Вы же хотели уходить по крышам, как Анжела Дэвис с американскими коммунистами? – съехидничал я, не удержавшись.

Василич только махнул рукой с горькой неопределенностью. Но тут я сам спохватился. Мало того, что в двенадцать часов пропустил важнейшую деловую встречу с Асланом. Но сейчас-то было вообще уже около трех! А значит, через пару часов Валет и тот – потерпевший инструктор обкома - будут стоять под дверями моей квартиры в ожидании денег. И мало того, что я до сих пор не придумал, где взять две тысячи. Если я вовремя не появлюсь – другой возможности договориться уже не представится. Дальше уголовное

дело об угоне – и кончено! А ведь сейчас меня заберут в милицию со всей этой компанией.

Только в этот момент я осознал ужас своего положения. Сейчас ведь никто не станет разбираться, что я тут посторонний. В записи не участвовал, а только зашел на полчаса из любопытства. Но кому это теперь докажешь?

- Ну, чего стоите? – спросила Томашевская. – Открывайте! Или мне самой?

И через пару секунд в комнату ворвалось много людей. Чтобы столько милиционеров сразу набилось в одну квартиру, я не видел никогда в жизни. Еще почему-то они все оказались шуплые и невзрачные. Худые руки торчат из коротких рукавов летней формы... А между ними шныряли люди в обычных семейных майках, неприлично растянутых и провисших подмышками. И по злорадному блеску глаз в них угадывались соседи. Измученные шумом и готовые стать понятыми по первому зову социалистической законности. А то, что соседка, громогласнее всех требовавшей справедливости в руках держала ведро, из которого свешивалась грязная мокрая тряпка – не оставляло никаких шансов. Похоже, Василич ошибся, рассчитывая, что нижние соседи уедут на дачу. Впрочем, теперь уже было все равно.

Последним в комнату зашел милицейский начальник изрядных габаритов. Он один был размером больше пары заморышей-сержантов. Отдуваясь, начальник снял фуражку и окинул странное помещение подробным взглядом. При этом он, не торопясь, вытирал платком пот со лба, мастерски держал паузу, не выдавая удивления.

- Концерт окончен! – Наконец, объявил этот капитан. – Ну, и попали же вы граждане! Только чистосердечное признание может облегчить вашу участь... - а голос у огромного мента неожиданно оказался тонким, пронзительным фальцетом.

5.

Маленький настольный вентилятор тужился изо всех сил. Он гнал струйку спертого воздуха прямо на дежурного милиционера. Который сидел за столом в расстегнутой на две пуговицы серой форменной рубашке, весь заваленный папками и бумагами. Остальное пространство дежурной части отделения милиции, куда нас доставили всем скопом, было погружено в жаркую духоту.

- Оформляй всех! – велел дежурному необъятный милицейский начальник. Задержанные музыканты столпились хмурой кучкой перед столом.

- Сейчас составят протокол задержания - и все! Бумага есть - дальше не вырубишь топором, - мрачным шепотом предрек скрипач Ёсиф. – Доигрались! Теперь волчий билет – ни в один ансамбль не возьмут. На

похоронах и в подземных переходах играть – за счастье будет. А некоторым знаменитостям – реальный срок светит...

Он многозначительно кивнул в сторону певца Алеши. Тот еле стоял на ногах.

- И никакой надежды? – тоже шепотом спросил я.

Ёсиф пожал плечами, давая понять, что надежда умирает последней.

- Может Василич как-нибудь извернется? Недаром же его сразу в районное отделение повезли. Только мы должны молчать, как партизаны! Продержаться, чтобы он успел там договориться, подмазать кого следует. Нам тут надо в полную «несознанку» уйти – домашний концерт, репетировали ко дню рожденья мамочки... - шепотом наставлял меня бывалый скрипач.

Алеша тем временем озирался по сторонам, силясь понять, где находится и что происходит. Обеими руками певец опирался на угол стола, но все равно пошатывался, произвольно сдвигая стопку папок дальше к краю.

- Товарищ капитан! – взмолился дежурный. – Ну, как я вот этого алкаша оформлять буду? Он же на ногах не держится, его в вытрезвитель надо, пусть там с ним работают...

Этот милиционер не представлял, как быстро на самом деле Алеша приходит в себя. Всего полчаса назад, несколько стражей порядка выволокли из подъезда, и с размаху кинули в «черный воронок» худое тело, с неловко болтающимися длинными руками. Но даже в момент экзекуции певец, только завозился на железном полу УАЗика, так и не проснувшись.

- Фамилия, имя, отчество? – как можно отчетливее спросил его дежурный, оформляя протокол.

- Козырев он, Алексей Даниилович, - торопливо пояснил скрипач Ёсиф, стараясь не усугублять неприятностей. – Вы извините его, товарищ милиционер, перебрал человек на жаре, с кем не бывает.

Но милицейский начальник вдруг передумал уходить в свой кабинет. Он сделал шаг к столу дежурного, в упор оглядывая компанию, с высоты своего немалого роста.

- Я спрашиваю: фамилия, имя и отчество?! – угрюмо прикрикнул дежурный на шатавшегося Алешу, явно бравируя в присутствии начальства, что шутить он сам не собирается и другим не даст.

- Я Алеша Козырный! – вдруг во всеуслышание заявил певец с нотками апломба. Все милиционеры, присутствовавшие в дежурке, захохотали.

Музыканты замерли. На лице Ёсифа застыл неподдельный ужас. Видимо, каждый раз, когда эти ребята записывали очередной подпольный концерт, дамоклов меч разоблачения висел над всеми. Каждый удар по струнам сопровождался этим глубинным страхом, накопленным годами. И вот главный певец блатных песен с первых же слов разоблачил себя сам, безо всяких хитроумных допросов.

- Это который воровские песни поет? – сообразил дежурный. – Ну, товарищ капитан, всему отделению, считай, пофартило! В прокуратуру докладывать? Такое дело раскрыть не каждый год удается - оно даже по министерскому отчету может пройти! – не скрывал радости активный дежурный.

Еще бы ему не радоваться, когда на столе в качестве неопровержимого вещдока лежала бобина с пятьюстами метрами импортной магнитофонной пленки «BASF». И каждый ее метр содержал неопровержимые доказательства преступления. И сколько продлится разбирательство – одному богу известно. Перспектива, что не отпустят до конца дня, или того хуже - посадят на ночь в камеру стала совершенно реальной.

Не задавшийся с самого утра день теперь уже грозил навсегда сломать мою судьбу. И это если потерпевший инструктор сдержал слово и все еще не подал заявление об угоне. А если уже подал? И на меня разослана ориентировка? В этом случае – меня могут отсюда вообще не выпустить. А здешние менты с восторгом отчитаются о задержании организованной банды автоугонщиков и подпольных певцов!

Во что бы то ни стало вырваться отсюда до пяти вечера – так стоял вопрос жизни и смерти.

- Может сказать, что меня невеста ждет? Собирались сегодня заявление в ЗАГС подавать, - тихо спросил я у музыкантов. – Если до пяти часов не появлюсь – ЗАГСы закроются, а она решит, что я сбежал...

- Дождется! Лет через пять... – многозначительно успокоил жестокий клавишник. – Если шибко верная – обязательно дождется!

Музыканты тихо прыснули, задавленным смешком. В этот миг могло показаться, что в отделении царит счастье и гармония. Милиционеры сияли от сознания профессиональной удачи, задержанные ухмылялись своему тайному веселью.

Только милицейский начальник не поддался общему настроению, оставаясь напряженно серьезным. Своими могучими ручищами, резко встряхнув за плечи тщедушного Алешу, он пристально уставился в глаза певцу с недобрый прищуром.

- А доказать можешь, что ты Алеша Козырный? - заявил мент своим противным тонким голоском.

Но в ответ певец вдруг начал захлебываться приступом булькающего, сдавленного смеха, прямо в лицо суровому капитану. Он был все еще невменяемо пьян и лишен даже намека на инстинкт самосохранения.

- А-а, его поймали, арестова-али, велели паспорт показать! – вдруг взревел во всю глотку Алеша и уцепился руками за край стола. Гора картонных папок соскользнула на пол, наделав шуму. Часть папок рассыпалась и листы протоколов, заявлений и других документов в беспорядке разлетелись по полу.

Дежурный вскочил, предвкушая хорошую взбучку, даже воротник на его рубашке агрессивно наклонился. Ёсиф инстинктивно зажмурился, чтобы не видеть неизбежного жестокого избиения. Он отшатнулся и замер в тоске.

- Цыпленки тоже хотят жить!!! – теперь уже любому, кто хоть раз где-то слышал записи Алеша, было очевидно, что это тот самый голос с цыганскими интонациями. Он не унимался, продолжая оглашать воплями дежурку и сопротивляться.

Капитан еще сильнее встряхнул тощее тело и пальцы певца, наконец, отцепились от края стола.

- Погоди оформлять! – скомандовал капитан. Одной рукой он сгреб со стола магнитную ленту, другой ухватил за шкурку певца и поволок в свой кабинет.

- Ну, пипец, Алеше! - тайком перекрестился клавишник.

Что меня подтолкнуло в этот момент – не знаю. Может быть потому, что я еще не был пропитан этим вечным страхом неотвратимости возмездия, характерным для подпольных музыкантов. А может быть наоборот – потому что мое положение было гораздо хуже и отчаяннее, чем у них. Но я действовал инстинктивно. Уж точно не успев подумать о возможных последствиях.

- Товарищ полковник! – ринулся я за офицером и проскочил следом в его кабинет, пока никто из милиционеров не успел среагировать. - Я вообще не музыкант, меня невеста ждет! – выпалил я, врываясь в комнату.

Капитан подтолкнул Алешу, руки и ноги которого болтались как у манекена на шарнирах, в сторону дивана, стоящего возле стены в кабинете. А меня настиг дежурный, свирепо завернувший руку за спину.

- Отставить! – скомандовал офицер. – Кто такой? – спросил он почему-то не меня, и не дежурного, а Алешу.

- Это Сережка, я ему сто рублей должен, - отрекомендовал меня певец.

Мент подошел к несгораемому шкафу, стоящему в углу кабинета и загремел связкой больших ключей. Не без усилий, со скрипом открыл металлическую дверцу и извлек оттуда обычный бытовой магнитофон «Маяк». Водрузив его на стол, милицейский начальник достал из того же несгораемого шкафа еще и початую бутылку коньяку «Три звездочки», критически осмотрел ее и тоже поставил на стол. Он делал это с какой-то молчаливой торжественностью.

- Вот ведь жизнь, - пробормотал он, наконец, сам себе под нос. – Сам Алеша Козырный пожаловал в мою ментуру. Господи, боже мой! А я твои песни столько лет слушаю, всегда мечтал живьем пообщаться...

Однако, присмотревшись к состоянию певца, капитан только скептически крякнул.

- Вот, что, подозреваемый, - обратился он ко мне. – Сейчас поведешь своего друга в сортир, и будешь полоскать его дурную голову под краном, пока не протрезвеет. Или нет, - он засомневался и повернулся к дежурному. – Лучше ты Никитенко веди его на отрезвляющие процедуры, у тебя практика

большая. И чтобы через пятнадцать минут Алеша Козырный был у меня, как огурчик!

- Так, в прокуратуру докладывать? – спросил обескураженный дежурный. Его бодрое настроение улетучивалось прямо на глазах. – Пал Палыч, у нас же раскрываемость низкая. А так, мы бы считай, план за второй квартал выполнили, - попытался увещевать он своего начальника.

Но тот был непреклонен.

- Сначала разберемся. Кру-гом, марш, - на каменном лице дородного капитана не дрогнул ни один мускул. - А ты, подозреваемый, - это он уже повернулся ко мне. – Вот тебе пять рублей. Мухой лети в ближайший гастроном и принеси какой-нибудь закуски. И еще флакон. Этого никак не хватит. Только учти, твой статус – подозреваемый – паспорт у дежурного останется – вздумашь с деньгами слинять – махом станешь обвиняемым. Ну, живо вставай на путь исправления, чтобы одна нога здесь, другая там!

Я заметался по окрестным улицам. Было уже почти пять часов. У ближайшего уличного телефона-автомата, какие-то хулиганы с корнем вырвали трубку. Телефон в следующем квартале отказался срабатывать. Когда я набрал свой домашний номер, и трубку поднял отец, он не услышал, что я тут кричу, а только вежливо повторял:

- Але? Але? Ну, говорите же!..

Вдобавок ублюдошный телефон проглотил последнюю двухкопеечную монетку. А я так и не объяснил отцу, что сейчас к нам домой явится потерпевший, у которого я взял машину покататься и по ошибке – не вернул. И что его надо задержать как можно дольше. До тех пор, пока сам не появлюсь дома, чтобы договориться насчет денег.

Потом, в магазине, где удалось купить водки - не было колбасы. И пришлось искать другой гастроном, где колбасу давали, но в очередь. После всех этих задержек, возвращаясь к милицейскому участку, я был уверен, что уже объявлен во всесоюзный розыск.

Но вышло наоборот. Перед дверями 70-го отделения милиции стояли две «Волги» с распахнутыми багажниками. Музыканты ансамбля грузили туда громоздкие инструменты и уже рассаживались по машинам. Похоже, их отпускали. Я заметил, как клавишник, забившись в уголок на заднем сиденье, бережно держит «Сандер Стратакастер» - заветную темную гитару Алеши Козырного.

И вид этой странной гитары вдруг натолкнул меня на мысль - откуда взять две тысячи, или даже гораздо больше. Я так поразился – насколько просто все можно сделать, что даже встал, как вкопанный, не сводя глаз со странного инструмента и лихорадочно соображая.

Надо записать самому концерт этого Алеши, как делает Василич – и проблема денег решена! Плюс никаких рискованных продаж «паленой» техники «хачикам»! И никакого Валета! Так почему бы не попробовать?!.. Я даже удивлялся, как раньше не додумался до такого простого решения? Наверное, потому, что не был знаком с таким Алешей. Так что все проблемы, которые мне доставило знакомство с Алешей, могли разом окупиться.

Надо только договориться с самим певцом, с аппаратурой что-нибудь изобретет Зяблик, музыканты... Впрочем, продумывать идею в деталях предстояло позже. Главное сейчас поскорее вырваться из милиции и через Валета договориться с его инструктором о небольшой отсрочке платежа.

Клавишник призывно махнул мне рукой.

- Уезжаем! Василич всех выкупил, - сообщил он скороговоркой. - У него связи в районном отделении – оттуда дали приказ всех отпустить. Вот, такси прислал нас увезти. Садись...

- А где этот... Алеша?.. – опешил я.

- Хрен с ним, - зло нахмурился клавишник. – Тоже мне - знаменитость нашлась! Он там с ментом коньяк распивал, пока нас всех в обезьяннике держали. Вот пусть дальше один и звездит. Без ансам-бля! Сам-бля! Ну, ты едешь?..

- Секунду подождите! Мне паспорт надо забрать и вот, продукты начальнику отдать, - сорвался я с места, демонстрируя авоську с водкой и колбасой.

На ступенях отделения за погрузкой музыкантов в такси хмуро наблюдали несколько рядовых ментов. Даже той секунды, когда я взбегал мимо по ступеням, хватило, чтобы почувствовать их злое разочарование. Один сказал другому, что все отделение уже второй квартал без премии остается. А тот в ответ угрюмо намекнул, что еще непонятно, кому хуже будет, когда «Никита до прокуратуры дозвонится».

В опустевшей милицейской дежурке замерла нелогичная тишина. Поэтому было отчетливо слышно – как дежурный говорит по телефону.

- Прокуратура? Докладывает дежурный 70-го участка прапорщик Никитенко. Тут у нас история такая приключилась...

«Вот оно что!» - подумал я. Требовалось мгновенно сматываться отсюда, пока этот стукач не успел все испортить.

В кабинете начальника все сильно изменилось за время моего отсутствия. Капитан сидел за столом, ослабив галстук и закатав рукава форменной рубашки до локтей. Короткими, похожими на сардельки пальцами, он перебирал струны, невесть откуда взявшейся гитары. Самой типичной и пошловатой: на желтой деке была приляпана ободранная переводная картинка с ГДРовской красоткой в алом купальнике.

- Я ведь под Соликамском зону охранял. В звании майора системы исправительно-трудовых учреждений. Там к этим песням и пристрастился, - вспоминал милицейский капитан, безуспешно пытаясь настраивать дешевый инструмент. – Уже готовился стать начальником зоны – «хозяином», но вышла история нехорошая. В общем, понизили в звании и сюда перевели отделением милиции командовать...

Алеша сидел за столом, значительно взбодрившийся. И последний коньяк эта парочка как раз доливала в стаканы.

- Не покидай меня, мой друг Серега! – обрадовано пропел Алеша при виде меня.

Этот чудака как будто и не представлял, что все уезжают. Он чувствовал себя прекрасно, и готов был сидеть хоть до утра, пока есть выпивка и гитара. Алеша поднимал свой стакан, не подозревая, что задерживается на свою погибель – как только прокуратура отреагирует на звонок, его закроют в камеру уже по-настоящему. Точно сказал клавишник – дождется он здесь, пока не посадят! Мне захотелось его предупредить, но как-то язык не повернулся - очень важно было самому смыться поскорее.

- Вот, - продемонстрировал я капитану авоську с продуктами. – Можно паспорт забрать?

Он только небрежно махнул рукой в сторону двери. Уже делая шаг за порог, я спохватился – если певца сейчас, и правда, посадят – с кем же мне записывать альбом, и откуда же взять все эти деньги?

Дежурный, тем временем, заканчивал разговор с прокуратурой.

- Разрешите выполнять? – в голосе у прапорщика звенело счастливое подобострашие. – Да, ансамбль только что уехал, мы вынуждены были отпустить – подчинились приказу. Но главный певец еще у нас...

Не прерывая разговора, дежурный небрежно бросил мне паспорт на стол. Он уже не замечал меня, захваченный своей целью.

- Есть! – отчеканил он, и положил трубку. – Чего тебе?

- Можно от вас домой позвонить? – попросил я.

- Что тебе здесь будка телефонная что ли? – смилостивился прапорщик, поворачивая телефон диском ко мне. - Только коротко! - Он был явно удовлетворен состоявшимся разговором.

Торопливо набирая свой домашний номер, я дважды сбивался. А потом в трубке раздались короткие гудки - занято. «Как будто не судьба!» - еще поразился я в тот момент.

- Ну что прокуратура?! – окликнули дежурного милиционеры, стоявшие на крыльце.

- Сейчас расскажу, - пообещал тот, поднимаясь из-за стола.

- Занято, - пожаловался я дежурному, выразительно демонстрируя коротко гудящую трубку.

Но ему уже было не до меня. Прапорщик Никитенко торопился похвастать сослуживцам - какую свинью он подложил ненавистному начальнику. И меня в помещении милицейского участка тоже уже ничто не удерживало. Более того, надо было немедленно исчезнуть отсюда, чтобы попытаться застать дома Валета и потерпевшего. И скорее придумать какой-нибудь более надежный способ быстро заработать денег, чем запись певца Алеши.

Но где-то в душе мне вдруг стало стыдно уходить. Этот Алеша был порядочный говнюк. Но его все здесь бросили одного, разбежавшись как крысы. И я представил, как тоже начну сейчас вжимать голову в плечи, торопясь поскорее удалиться от участка, и стараясь забыть, как оставил этого чудака на растерзание?

И вот тут ко мне, как это иногда случается в неравной драке, вдруг пришло озарение. На столе, в пустой дежурке прямо сверху, лежал

раскрытый телефонный справочник. И там был крупно выведен номер прокуратуры. Со странным удивлением на самого себя, я встал у стола боком – чтобы сразу заметить, если менты вернутся. И начал быстро накручивать диск, набирая этот номер. Ко всему прочему, от меня номер был написан вверх ногами, так что все время приходилось косить глаза. Помню, даже мерещилось, что это какой-то сон и происходит не со мной. Зато, как и пьяный в стельку певец, я не чувствовал страха.

- Прокуратура! – отчеканил голос в трубке.

- Извините, это из 70-го отделения милиции вас опять беспокоят, - проговорил я, тоже копируя «командирский голос». – Тут у нашего прапорщика Никитенко сегодня свадьба. Парень выпил крепко, и вам позвонил, наплел с три короба. Вы, пожалуйста, не принимайте всерьез. Мы тут с ним разберемся, как только в себя придет. Сами диву даемся – что ему вдруг взбрело в голову дежурного изображать. Обычно очень дисциплинированный сотрудник.

- А кто у вас дежурный сегодня? – с ноткой недоверия спросил голос.

Прямо передо мной на столе лежала куча картонных папок, в беспорядке поднятых с пола.

- Лейтенант милиции Фролов! – отчеканил я фамилию, которая бросилась в глаза на верхней папке, и лихорадочно соображая – что бы такое еще сказать, чтобы поверили. – Вы уж извините, но с тех пор как у нас этот новый капитан командует, дисциплина сильно хромать начала... - ляпнул я первое, что пришло в голову.

- Да уж, распустил вас этот бывший тюремщик, – выговорил мне голос из прокуратуры. – А если бы я успел уже по начальству доложить?.. Хорошо я сразу не поверил, про каких-то дурацких певцов подпольных? А то бы вы прославились - стали посмешищем среди всех питерских отделений милиции...

Двери хлопнули. Возвращались прапорщик и остальные менты. Я избавился от трубки, моментально бросив ее на рычаги, и перевел дух.

- Дозвонился? – спросил меня дежурный.

- Спасибо, - кивнул я, понимая, что сделал еще только полдела. Надо было срочно увести от начальника Алешу, пока этот Никитенко не перезвонит в прокуратуру, и обман не вскроется. Телефон на столе снова оглушительно зазвенел. Я уставился на него, как парализованный. Я ведь прервал разговор с прокуратурой на полуслове. Если это снова оттуда звонят переспросить?

- Дежурный прапорщик Никитенко! – поднял трубку милиционер. Он долго, молча, вслушивался. Лицо его меняло выражение. Я был не в силах сделать шаг.

- По порядку, давай - наконец, отозвался он. – Сначала точный адрес квартиры, которую обокрали? Записываю...

Я перевел дух и шагнул обратно в кабинет начальника участка. Обитатели этого «песенного уголка» совершенно не обратили внимания ни на мое возвращение, ни на искаженное волнением лицо. Только сразу

плеснули водки в стакан. Я подсел ближе к Алеше. Требовалось незаметно растолковать ему, что надо немедленно уходить. За считанные минуты, пока обман не вскрылся. Но Алеша был увлечен беседой.

- Так за что, говоришь, Палыч, тебя из майоров в капитаны разжаловали? – бестактно интересовался Алеша, успевая попутно наполнять стаканы. Водка в принесенной мною бутылке убывала с угрожающей скоростью.

- Да, все через эту мою несчастную любовь к песне, - пожаловался мент. – Областной смотр-конкурс самодеятельных талантов проводили среди сотрудников ИТУ. Я подготовился отлично. Спел здорово. А в результате скандал на всю область, аж до министерства докатилось. Мне выговор в приказе, понижение в звании и перевод...

- Я думал, в вашем ведомстве только за побегии так наказывают, - поразился Алеша. – А в чем тебя обвинили?

- Так в неправильном репертуаре! – воскликнул мент. – Я же спел «По тундре, по железной дороге, мы бежали с тобою, замочив вертухая!..» А там, в первом ряду сидело наше областное начальство. И по партийной линии, куратор из обкома... Свои же стукачи в министерство доложили, - вздохнул капитан. Ему было слишком неприятно вспоминать. И начальник поспешил вытянуть вперед могучую ручищу со стаканом, чтобы чокнуться.

Напоминание про стукачей подстегнуло меня.

- Нам пора уже. Там музыканты все уехали... - начал я, незаметно ткнув Алешу в бок. Но певец ничего не понял, равнодушно отвернувшись. Меня охватила такая досада, что впору было хватать его за шиворот и силой тащить наружу.

А Пал Палыч, тем временем, уже завладел гитарой.

- Вот, послушай, Алеша! – попросил капитан. – Мне надо, чтобы кто-то знающий оценил – правда у меня есть талант? Или это мне только подхалимы разные твердят?..

Алеша не реагировал, сосредоточенно доливая в стаканы остатки водки. А милиционер приготовился петь. Он сначала закатил глаза вверх, потом придал им какое-то чуть выпученное состояние, пытаясь изобразить сосредоточенную грусть. Широкое лицо Пал Палыча сморщилось от старания. И он заголосил. Причем не просто тоненьким, надтреснутым фальцетом. А с каким-то даже восточным акцентом, смягчая звуки, как это, наверное, делают казахские акыны, воспевающие степи и горы.

- Ябля-ки на снегу! Ябля-ки на снегу....

Выдав громкий бренчащий аккорд на гитаре, он уставился на нас.

- А дальше? - спросил ошарашенный Алеша.

- Дальше пока не придумал, - вздохнул милиционер. – Только первая строчка припева пока есть. Красиво сочинил, правда?.. Когда-нибудь вся страна распевать будет?

Я сдержался только каким-то чудовищным напряжением воли, так что на глазах даже выступили слезы. Мы с Алешей, не сговариваясь, инстинктивно уставились в разные углы комнаты, понимая, что стоит нам

глянуть друг на друга – расхохочемся так, что впору будет улепетывать из кабинета и в помещении дежурки стекать по стене, икая от смеха.

- Ну, знаешь, Палыч, - перевел дух Алеша. – Тебе еще надо работать над собой...

- Вот и я говорю! – возликовал капитан. – Работать еще есть над чем. А жена упорно не понимает. Говорит – не прекратишь дома репетировать – разведусь! Все боится – стану я звездой эстрады, сразу женщины вокруг виться станут. Ей же не объяснишь! А талант в землю зарыть, от людей спрятать – это преступление, я считаю. Особо тяжкое! Вообще, думаю, из ментуры уйти, песни сочинять и петь! Ну, давай за талант! – предложил воодушевленный капитан.

А Алеша уже снова был вдребезги пьян. Он едва сидел на стуле, поводя по сторонам мутнеющими зрачками. Но, к счастью, водка в наших стаканах была последней. И это сулило шанс наконец-то вырваться из отделения.

- Ну, мы пойдем, Пал Палыч? – попросил я. – Алеша уже никакой. Я его провожу.

Не встречая сопротивления, я поднял певца подмышки. Он вяло потянул на плечи белый пиджак.

- Эх, жалко расставаться! – посетовал мент. – И с вещдоком этим надо что-то делать, - продолжал он, держа в руках коробку с пленкой подпольного концерта, неудачно начавшегося сегодня, а затем и вовсе прерванного на середине. Похоже, они тут слушали запись, пока я бегал за водкой.

- Эх, неплохо ты сегодня первую песню исполнил! – похвалил капитан. – На должностное преступление иду, между прочим, ради нашей дружбы, - он озирался, что-то потеряв у себя в кабинете. – А что делать? Талантливый человек, должен вырывать талантливого человека...

Оказывается, он разыскивал обыкновенные ножницы. Здоровенными ручищами капитан сперва разодрал на части картонную коробочку, потом с громким треском надломил пластиковую бобину, на которую была намотана пленка.

- Был вещдок – и нет вещдока! – весело подмигнул он Алеше, начиная кропать ножницами саму пленку на мелкие кусочки.

Певец сфокусировал взгляд на том, что делал сейчас капитан. Его только что улыбавшееся лицо как будто передернула судорога боли.

- Ты что делаешь, сука! – заорал Алеша Козырный. – Мент, поганый!

Не понимаю, откуда взялось резвости в этом теле, которое, только что еле стояло на ногах. Я не успел его схватить, когда певец ринулся с кулаками на капитана. Тот тоже не ожидал. Не сразу выпустил ножницы и искромсанную пленку, поэтому Алеша даже успел один раз ударить его по скуле. Потом уже только бестолково молотил руками по воздуху. Огромная ладонь капитана держала его за шею.

- Дежурный! – заорал капитан.

В дверях мгновенно возник прапорщик Никитенко. При взгляде на происходящий в кабинете бардак, его глазки злорадно блеснули.

- Надо их попридержать до утра, - пояснил капитан. – Отпустить хотел, но теперь вижу – пьяные еще совсем. Набедокурить могут. Оформлять не надо. Какая там у нас свободная камера? Пусть до утра перекантуются, в себя придут – тогда отпустишь...

При этом капитан избегал смотреть нам в глаза. По-моему, он испытывал чувство вины. А меня даже не сразу настигло осознание, что самое страшное, чего я пытался избежать весь день, все-таки случилось! А когда понял, от отчаяния мог только озираться по сторонам, не в силах изобрести уже никакой возможности спастись. Так и крутил головой энергично и жалобно, пока решетчатая дверь камеры не захлопнулась гулко за спиной.

Вся оставшаяся ночь должна была превратиться в ожидание беды и угрызения совести – как близко было спасение, и как глупо я его упустил. Но сложилось гораздо проще. Мерзкий железный скрежет открывающейся двери разбудил меня около двух часов ночи. В дверном проеме возникли трое ментов. Без кителей, в расстегнутых рубашках. Первым стоял прапорщик Никитенко. Он похлопывал себя по ладони резиновой милицейской дубинкой и переводил взгляд с меня на Алешу и обратно.

- Ну, и который из вас называется «лейтенант Фролов»? – его тихая интонация не сулила ничего хорошего. – Ты правильно рассудил сучонок, что второй раз я туда звонить не стану. Но только одно не учел...

Тут он сделал драматическую паузу, собираясь подольше насладиться тем страхом, который, как ему казалось, он вызывал у нас.

- Ваш придурочный капитан смену сдал и ушел. А мы – остались. И теперь отблагодарим вас по-своему... Как умеем!

6.

Следующим утром, выдворенные из оперчасти, мы медленно брели вниз по горбатой и узкой старинной улочке. Солнце, еще не набравшее силу, било нам в спины, отбрасывая вперед две длинные, несуразные тени.

Алеша брел молча. Периодически трогая необъятный синяк, растекшийся вокруг левого глаза. Эта новая деталь внешности не добавляла ему комизма, и не вызывала справедливого злорадства. Певец несколько не напоминал себя вчерашнего, а тем более позавчерашнего. От обостренно-веселого куража не осталось и следа. Он ссутулился и как будто стал ниже. Отвисшие полы белого пиджака болтались на нем, как грязная половая тряпка. Костюм был весь в разводах от пролитого вина, или от грязи в камере. Шикарное произведение портняжного искусства впору было выбрасывать на помойку.

Алеша видимо почувствовал мой взгляд и обернулся.

- Ты не бросай меня, Сережа! – потупившись, глухим голосом забормотал он. – Пожалуйста! Худо мне. С ума схожу. Перед всеми виноват!

Как будто мне не было худо, и как будто я не был перед всеми виноват! Теперь, после того, как с ним связался...

- Вообще жить не могу... Побудь еще немного со мной. Потом домой пойдешь...

Алеша умолял так, словно и, правда, у него была какая-то совесть. И как раз этим летним утром начался ее отчаянный припадок. Он даже вцепился в рукав моего пиджака и неловко потянул. От чего я едва не взвыл - отбитые в камере ребра пронзили ослепительной болью. Может быть, мне их даже сломали? Дышать получалось еле-еле, каждый вдох проходил через боль.

- Ой, прости, пожалуйста! – спохватился Алеша, глядя, как я, скривившись и держась за бок, урывками хватаю ртом воздух. - А хочешь, я тебя пивом угощу? – придумал певец, заглядывая мне в глаза. – Давай, правда?

Он ждал моего ответа, как приговора, судорожно переглатывая кадыкастым горлом.

- Так денег же нет ни копейки? – возразил я. – И времени – одиннадцати нет. Еще не продают...

- Так с деньгами любой дурак пиво возьмет. А ты попробуй, без копейки на голом таланте? Как настоящие бродячие артисты... - продолжал лихорадочно уговаривать Алеша. – Я тебе должен, позволь хоть угощу...

И как было его бросить? Мне ведь теперь было уже не так важно – во сколько вернусь домой. Я, конечно, не собирался скрываться. Было немного боязно, но я не паниковал. И скоро вернусь домой, чтобы уже получить по всей программе. Деваться мне все равно некуда. Но лишний час летнего утра я еще мог себе позволить? Просто немного подышать свободным воздухом, прежде чем нести ответственность за все, что успел натворить.

Пивной ларек обнаружился неподалеку во дворах. Окрестные алкаши уже выстроились перед ним в длинную очередь. Одни пришли с металлическими бидончиками, другие держали наготове трехлитровые банки с полиэтиленовыми крышками. Вдоль очереди пробегал бодрый говорок предвкушения. Все здесь вождели пива, озабоченно наблюдая, как продавщица, скрежетала ключом в гаражном замке, открывая заветное железное сооружение. Торговля должна была начаться с минуты на минуту.

- Граждане и товарищи! Дамы и господа!!! – колодец двора многократно усилил переливы Алешиного тенора. Он стоял перед очередью, широко раскинув руки в своем белом балахоне. – Это сладкое слово свобода!.. Слыхали песню «С Одесского кичмана бежали два уркана»?.. Вот так и мы с другом в бегах. Уже отдан приказ - не брать нас живыми! И ладно. Только бы вздохнуть напоследок полной грудью! Только бы еще кружку «Жигулевского» выпить перед тем, как лоб зеленкой намажут...

- Вот он куда клонит! Пива на халяву захотел! Трубы горят, а туда же – погоня, последний раз... Тоже мне, артист! – раздались в очереди угрюмые возгласы.

По случаю теплого утра здесь многие пришли в домашних майках не первой свежести. Из-под которых, тут и там синели татуировки. Удивить здесь кого-то проблемами с законом было невозможно.

- Я Алеша Козырный! Слыхали такое имя? – спросил певец, не смущаясь холодным приемом. – Я король блатной песни! Хотите спою? – предложил он.

- Даром не надо, – буркнул здоровый тип, стоявший в очереди вторым от заветного окошечка. – Хватит, наслушались в местах не столь отдаленных. Досыта, на всю жизнь.

Я собрался усмехнуться, глядя на Алешины старания, но не смог - от малейшего вдоха избитое тело мозжило болью. Оставалось только замереть, наблюдая – сумеет ли Алеша вывернуться и все-таки расшевелить похмельную публику? А сдаваться он не собирался.

- Да я что угодно могу спеть, - важно пожал плечами Алеша. – Задушевную песню, какую скажете?

На этот раз ему вообще никто не ответил.

- Вот, что, мужики, - придумал Алеша. – Хозяйка там у себя в ларьке все равно еще полчаса копать будет, пока торговлю начнет. Давайте, я все полчаса анекдоты буду рассказывать? Трубы у всех горят. А под анекдоты – и время быстрее пройдет?.. А если насмешу - нальете мне и другу по кружечке? Или нет - сами решите.

Очередь снисходительно ухмылялась в ожидании представления.

- Поменялись секретаршами на неделю американский президент Рейган и наш Брежнев...

Алеша выпятил грудь, как будто не хватало места, чтобы поместились все ордена и звезды, которыми страна к тому времени успела наградить пребывающего в маразме генсека. Отключил нижнюю губу и пошевелил бровями, словно они у него были такими же густыми и черными, как у Леонида Ильича.

- Похож! – воскликнул кто-то в очереди.

А Алеша еще и заговорил невнятным голосом Брежнева. Точно копируя его косноязычные интонации. При этом он, как бы невзначай поворачивался лицом ко всем участкам очереди, чтобы каждый, из томящихся в ожидании пива, мог разглядеть точность его пародии. Я знал этот анекдот, но Алеша где-то с середины приплел кусок другой смешной истории. И еще раз продемонстрировал, как Леонид Ильич шествует на трибуну мавзолея, уже вне всякого сюжета. Он тянул анекдот, откладывая его развязку, импровизируя и заставляя слушателей смеяться на каждом неожиданно повороте сюжета.

-...а секретарша и отвечает Брежневу. «Дорогой Леонид Ильич! Кормят меня в Белом доме хорошо, не обижают... Вот только мой новый шеф Рейган требует, чтобы я одевала юбку все короче и короче. Так что скоро станут видны мои волосатые яйца и кобура...» - наконец, выпалил Алеша.

«Разогретая» очередь грохнула хохотом.

- А теперь еще про Петьку и Василь Иваныча расскажу! – воодушевленный успехом заявил Алеша. – Или лучше про Вицина-Моргунова-Никулина?..

Но тут заветное окошечко открылось, и угрюмая продавщица начала отпускать пиво, раньше, чем ожидалось. Очередь задвигалась.

- Фингал-то откуда?.. – поинтересовался у Алеши немногословный здоровяк, стоявший ближе других.

- Ментовской беспредел, - всплеснул руками Алеша, жестом трагического клоуна. – Так отоварил нас здешний начальник...

- Ладно, рассказывай дальше, про Петьку и Василь Иваныча! Беру вам пива. Насмешил, - кивнул здоровяк.

И через две минуты Алеша уже бережно сдувал с края своей кружки приставший тополиный пух.

- «Жигулевское»!.. – произнес он мечтательно.

Мы стояли за шатким буфетным столиком, который приволокли за ларек на улицу алкаши, наверное, после ликвидации какой-нибудь ближней забегаловки.

- Ну, ты артист, - польстил я.

- Куда там, - он горько усмехнулся. - Настоящих артистов записывают на грампластинках фирмы «Мелодия». Артистам цветы дарят, а мне только водку подливают. Наверное, у меня даже на похоронах, блатные песни играть будут вместо похоронного марша? А я ведь этого, правда, очень боюсь. Уж лучше «Лебединое озеро»...

Наверное, в тот момент я впервые посмотрел на него не как на придурка и пропойцу, способного испортить все к чему он прикасается. А просто, как на заблудившегося ребенка. Загнавшего себя в темный угол и впопыхах старающегося забыться от страха и плохих предчувствий. Прикрываясь, как единственной защитой, своим странным, недоделанным талантом, который проблескивал иногда в нем.

- Знаешь, чего ужасно не хочу? Когда умру, спросят потом: «А кто же такой был этот Алеша Козырный»? «Да вроде тот, который ничего не умел, кроме: Лам-ца! Дри-ца! Оп-ца-ца!» - он все-таки нашел силы для улыбки. И картинно смешно передернул штiblетами под столиком. – Прикинь? И ничего кроме этого от меня не останется!.. А я ведь всегда мечтал, как стою на сцене. Передо мной зрительный зал, полный, битком. Сам я в белом костюме, выхвачен с двух сторон яркими прожекторами!.. - Алеша даже сделал небольшую паузу, как будто смакуя возникшую в его мечтах картину.

Он залпом допил и отставил свою кружку.

- В общем, я понимаю, что никогда не будет у меня такого зала, - усмехнулся он. – А тут в Киеве, случилась подпольная гастроль, и гонорар хороший за запись дали. И я решил – пусть не будет у меня концертного зала, так хоть белый костюм, как в мечтах, могу я себе позволить?.. Свели киевские знатоки со старым евреем-портным. Снял он с меня мерку. И пока мы альбом писали, он шил.

Алеша приподнял руки, демонстрируя фасон погубленного пиджака.

- Только позавчера утром первый раз надел его. Обрадовался. Выпил, конечно... А теперь уже никакая химчистка мой костюмчик не возьмет... То есть моей мечте жить было отпущено меньше двух дней, - подвел Алеша грустный итог. – И дни-то эти не помню толком. Были они счастливые или какие? Даже вкус ощутить не успел по пьянке, - пробормотал он, виновато улыбнувшись.

В этот момент от соседней компании, пробавлявшейся пивом на пустых деревянных ящиках, отделился тип в пиджаке, наброшенном на голое тело.

- Слышь, Козырный! Ты петь обещал? – обратился он к Алеше. – Задушевное можешь? Чего должны будем?

- Бесплатно спою. Ну, может, пивком еще угостите? – махнул рукой Алеша. – Про мечту спою. Недавно появилась песня. «А все хорошее не забывается, а все хорошее и есть – мечта!»! – продекламировал он. – Отличная песня. Слов, правда, всех не знаю... Гитару, только, пусть кто-нибудь принесет? А то, какая песня без гитары?..

Тип довольный вернулся в свою кампанию, которая тут же начала совещаться.

Утро выдалось такое мягкое и спокойное по сравнению с безумием последних двух суток. Алеша расслабленно смотрел куда-то на чужие окна.

- А что тебе мешает петь то, что хочется? Скажи этому своему Василичу? Пусть запишет нормальный концерт, - посоветовал я.

- Не получится, - покачал головой певец.

- Почему? – возмутился я. – Ты просто не пытался! Чем ты рискуешь?..

- Это Магомаев поет, а мы – так: самодеятельность, причем довольно паршивая, - презрительно скривился Алеша. - Василич не станет такой альбом писать, - покачал он головой. – Меня же все знают, как блатного певца. Таких песен от меня и ждут. Василич говорит, что мы заняли пустующую нишу. Спорить с ним бесполезно. Он же все оплачивает: и студию, и зарплату музыкантов, и распространение. Он деньгами рискует. А я вот только порчу ему все дело, как вчера.

Да, испортить дело Алеша был настоящий умелец. С этим невозможно было не согласиться.

- Я бы мог тебя записывать, Алеша. Любые песни, которые захочешь, только чтобы хорошие были. Да только сам в такие дела влип, что теперь это уже невозможно, – признался я.

Певец поднял удивленные глаза. И я, с горя, рассказал этому Алеше все свои злоключения. И про то, что машину, на которой катались – я угнал. И про то, как вчера можно было еще договориться с потерпевшим, а я погубил эту возможность, просидев вместе с ним в милицейском участке.

- Ну, что ты улыбаешься? – возмутился я. – Смешно тебе, что ли?.. – и так неловко дернул плечом, что даже зажмурился от боли в ребрах.

Певец в ответ замахал руками, перепугавшись, что я неправильно принял за насмешку его мечтательную улыбку.

- Что ты, что ты, Сережа! Я только представил, как все было бы здорово. Как мы с тобой заработали бы кучу денег, и поехали бы на гастроли по всей стране. Причем не подпольные гастроли, а самые настоящие, с афишами, с билетами в кассах... Мечта!

Круг утреннего солнца, проникший в колодец старого питерского двора сквозь кольцо сомкнувшихся крыш, уже подобрался к самым нашим ногам. Так, что Алеша, вытянув руку с кружкой, поймал ею солнечный свет, сразу заискрившийся в остатках пива на доньшке.

- А знаешь, Сережа! Так хорошо ты придумал, что я поспорить готов - все у нас получится! - заявил певец, пытаясь запустить солнечный зайчик куда-то на верхние этажи. - Почему я так уверен - не знаю, но хоть сейчас забьемся на сто рублей, которые я тебе должен? Что новый альбом мы вместе запишем, и что тебя никто никуда не посадит. Не бывает же так, что нормального человека вдруг раз - и сразу в тюрьму...

И у меня, после выпитого пива мысли в голове стали пободрее. Чем черт не шутит? Вдруг какое-то чудо меня спасет? Ведь должна же когда-то и для меня закончиться полоса невезения?..

Во всяком случае, именно с такими мыслями в голове правильнее было идти домой - сдаваться. Будь, что будет, но я пообещал себе не унывать заранее, какое бы наказание меня не ожидало впереди.

- Ну, так как насчет записи? Споешь, если меня не посадят? - на всякий случай поинтересовался я, на прощание. Досадуя на то, что сильнее и сильнее загораюсь этой идеей. Несбыточной, судя по моим ближайшим перспективам.

- Конечно, спою! - тряхнул головой Алеша. После пива от его утреннего отчаяния не осталось и следа. - Ты только позови.

Хлопнула дверь подъезда. Тип в пиджаке раздобыл гитару и нес ее на вытянутых руках. Компания за ним заметно разрослась. Похоже, к завсегдатаям пивного ларька присоединились и некоторые жильцы соседнего дома.

- Ты только дай знать, - еще раз подтвердил Алеша. - И все сделаем. Пойду спою. Моя публика вызывает на бис, - развел он руками с гордой иронией.

7.

Я все просчитал тщательно. Если продать, скажем, сто вторых копий по 100 рублей - это получалось десять тысяч. Насчет того, что сто копий разойдется в такой огромной стране, как Советский Союз я не сомневался. Из этих десяти тысяч, чистая прибыль должна была составить не меньше пяти тысяч, а скорее - тысяч семь. Потому что у меня уже созрел план, как организовать запись, на более-менее приличной аппаратуре и за небольшие деньги. А когда я начал действовать, вышло, что денег требуется даже

меньше, и барыш может дотянуть тысяч до восьми, что меня вполне устраивало.

Уже несколько недель я летал, как на крыльях. И любые препятствия казались несерьезной ерундой, по сравнению с чудом избавления, произошедшим со мной июньским утром по возвращению домой. Впрочем, чудо имело реальный человеческий облик моих родителей. Где-то в глубине души я надеялся, что они, со своим патологическим гостеприимством, обязательно пригласят на чай даже таких не прошеных гостей, как Валет и его «старший товарищ» - инструктор обкома. Так и произошло.

Как мне потом рассказали, беседа за столом не клеилась. Моим было тревожно смотреть на двух, прихлебывающих чай мужчин, выражение лиц которых не сулило ничего хорошего. И в какой-то момент мать не выдержала и прямо спросила – что им от меня нужно. А Валет, желая выслужиться перед своим инструктором, не особо стесняясь, вывалил все о моих делах и о деньгах. После чего отец не теряя ни минуты, успел до закрытия сберкассы снять с книжки половину денег, откладывая в семье на покупку дачи. Вернулся и отдал, и те сразу ушли. Потому что никому не хотелось больше смотреть друг другу в глаза.

А дальше родители просидели всю ночь без сна, потому что я исчез. Точнее они не сидели, а тщетно обзванивали моих институтских приятелей, больницы и даже морги. К утру матери вызывали «скорую». Одним словом, то, что они наговорили мне утром, когда я вернулся избитый из милиции – они имели право так сказать. Хотя я и пообещал, что скоро компенсирую все потраченные на взятку деньги – это их не успокоило. Впрочем, хватит об этом. Всю эту сцену, разыгравшуюся дома, не хочется вспоминать. Да теперь и бесполезно.

Лучше о деле. Главное, я сразу знал – где можно найти и хорошее помещение, и вполне сносную аппаратуру для звукозаписи. Витька Зяблицкий через две ночи на третью подрабатывал сторожем в районном доме пионеров. И у него там образовались кое-какие связи. Чудаковатый бессеребрянник Витька, умудрялся каким-то образом внушать симпатию окружающим его людям. Он был способен, например, целый час втолковывать технические особенности электронных микросхем водителям где-нибудь в гаражах, или читать свои дурацки стихи бабушке уборщице. И каким-то непостижимым образом, люди его слушали. Мало кто понимал, но не прерывали, а только внимательно кивали и проникались доверием к несуразному Зяблику.

Так что он смог похлопотать перед администратором ДК. И тот, слегка посомневавшись, согласился - пусть музыканты немного поиграют-порепетируют в актовом зале ДК, ночью, во время Витькиного дежурства. Администратор, конечно, опасался, как бы мы не устроили пьянку. Но предложенные мной триста рублей помогли ему преодолеть сомнения.

Таким образом, я решил очень важную проблему студии. Потому что аппаратура для звукозаписи в ДК имелась. Я лично осмотрел приобретенный для музыкального уголка магнитофон «Илеть» и решил, что он подойдет.

Конечно, отечественная техника крепко уступала «Sony», но, в конце концов – это был магнитофон первого класса, пусть и советский. И микрофонов здесь нашлось в достатке. Не самых современных, но местный хор пионеров использовал их для записи. К тому же Зяблик обещал спаять небольшую прелладу, которая позволяла бы заводить звук в магнитофон с нескольких каналов.

Еще одной серьезной проблемой было отсутствие музыкантов. Ведь нанять ансамбль из какого-нибудь кабака на всю ночь ради тайной записи – столько денег мне взять было неоткуда. А знакомых в среде, так называемой богемы, у меня не водилось. В подобных компаниях мне всегда было скучно слушать бесконечное словесное состязание умствующих бездельников, считавших себя утонченными личностями. Сам я всегда предпочитал действовать, а не болтать, сложа руки. Ведь обдумывать и оценивать можно и по ходу. Поэтому, даже упершись в тупик, я все-таки придумал вариант с музыкантами. Бывшие институтские приятели, подсказали, что несколько студентов младших курсов создали группу, и неделями не выпускают из рук электрогитары.

Когда я разыскал этих длинноволосых пацанов и сделал свое предложение, сначала они наотрез отказались. Заявили, что не собираются играть разную чушь ради денег. И что хэви-металл рок это состояние души и чуть ли не религия. Но когда я пообещал, что после нашей записи они смогут записать и свой первый альбом на той же аппаратуре – принципы рокеров дрогнули. Еще пару дней им потребовалось дозреть, и наконец, лидер группы позвонил мне, и тоном, как будто делал огромное одолжение, сообщил, что они согласны попробовать.

Как эти ребята, смогут аккомпанировать Алеше, и справятся ли с предполагавшимся лирическим репертуаром - это был отдельный большой вопрос. Ни о каких предварительных репетициях не могло быть и речи. Но, по крайней мере, гитары и ударная установка у нас появились.

Пока рассказываешь – кажется, что все складывалось так просто. На самом деле я месяц пытался свести концы с концами. Уйма денег ушла на одни только разъезды на такси, потому что все время требовалось с кем-то срочно встречаться, чтобы переговорить. Кстати, готовить запись оказалось еще увлекательнее, чем «толкать» паленые магнитофоны.

Но насколько бы все было проще, если бы не сам Алеша! Сначала я не мог его найти. Потом он опять запил. Потом куда-то уехал. Слава богу, что Алеша хотя бы не забыл, о чем мы договаривались месяц назад возле пивного ларька. И заверил меня, что желание спеть совершенно новый, непривычный для публики репертуар, у него не пропало. А я поставил условие – он должен прийти на запись трезвым.

Он явился только слегка подшафе.

- Ну, теперь ты видишь, Сережа, я умею держать слово! – самодовольно заявил Алеша Козырный, как только мы заперли на все замки входную дверь ДК. – Вот мой вклад в общее дело. Не мог прийти с пустыми руками, - певец сиял лукавой улыбкой.

За его спиной маячил кудрявый Есиф с футляром своей скрипки.

- Вы опоздали, - зло сказал я. Хотя в душе был счастлив, что они все-таки появились.

Уже час, как Витькино дежурство началось, в ДК не оставалось ни одной живой души, кроме нас и музыкантов. Группа настраивала инструменты в актовом зале. А я целый час места себе не находил, дико ругая себя, что не привез Алешу лично. Потому что для него ничего не стоило загулять и сорвать все мои усилия последнего месяца.

И только когда я уже совсем потерял надежду и готов был отменить запись, эти два улыбающихся разгильдяя все-таки появились.

- Где будем работать? – поинтересовался Есиф.

Гулким коридором пустого закулисья ДК мы приближались к актовому залу. Идеологически чуждые звуки, которые долетали оттуда, способны были повергнуть в шок не только восторженную руководительницу местной художественной самодеятельности. А, наверняка, стоили бы партбилета, за недогляд директору ДК, а может быть даже и инструктору райкома партии по идеологии.

Алеша с Есей весело переглядывались. Гитарные риффы институтских рокеров были для них экзотикой.

- Здорово, хэви мэтал рок! – бодро крикнул Алеша, как только оказался на сцене. – Я таки буду Алеша Козырный! Привет всей честной компании полуночников!

К явному неудовольствию рокеров, он немедленно отодвинул чью-то бас-гитару. Вооружился своим обожаемым «Сандер Стратакастером» и весьма похоже, наиграл главные аккорды «Smoke on the water».

- Говорят, на загнивающем западе в музыкальных магазинах, где гитары продают, висят объявления: «Ради бога только не «Smoke on the water»! Так продавцов задолбали начинающие гитаристы, которые только это и умеют, - весело прокомментировал свой поступок Алеша.

Я спрыгнул со сцены и занял одно из кресел в первом ряду. Чувствовал я себя в этот момент, как какой-нибудь знаменитый режиссер на генеральной репетиции. Наверное, впервые в жизни я так волновался. И перебирал в уме: все ли мы подключили и все ли делаем как надо? Витька в последний раз склонился над большим магнитофоном, и, повернувшись ко мне, махнул:

- Можно!

Алеша пошкрябал микрофон ногтем, издав неприятный звук.

- Начинаем запись! – скомандовал я.

- Три-четыре... - скомандовал лидер группы, соло-гитарист.

И ничего не прозвучало. Они не заиграли. А с лица Алеши внезапно сползла улыбка.

И я услышал, как у меня за спиной раздалось несколько вальяжных хлопков в ладоши.

- Стоп-стоп-стоп! – скомандовал незнакомый голос.

Я оцепенел и обернулся. В проходе, между рядами кресел стояли двое мужчин. Одного я узнал – это был Василич – подпольный Алешин продюсер. Второй был пониже ростом, довольно щуплого телосложения, в белой кепочке. Причем в его внешности сразу бросалось в глаза что-то нехорошее, только в первый момент я еще не понял – что. Это он скомандовал «стоп».

- Нехило вы тут устроились, фрайера, – с расстановкой проговорил этот тип. – Спрятались?.. Думали, не найдем?

И вот тогда я понял, какой тревожный знак сразу бросался в глаза – броская татуировка синела прямо на шее у этого типа – змея, голова которой высывалась сбоку из-под воротника рубашки, ряззавив пасть, пересекала его горло от уха до уха извилистым, синим, тонким жалом.

Отец с детства учил меня, что в таких случаях главное – не бояться. Я никогда особо и не боялся. Тем более, он научил меня одному приемчику. Нырок головой влево, а потом снизу удар правой в подбородок. И это срабатывало. Я никогда не был боксером или спортсменом. Но на улице моего навыка обычно хватало. Нырок и один сильный удар, без шуток, чтобы сразу вырубить. Хулиганом я тоже никогда не был. В пьяных драках не участвовал. Но благодаря этой небольшой отцовской школе в соседних дворах знали, что со мной лучше не связываться. И бояться я не привык. Даже когда было ясно, что силы не равны. Я старался думать не о страхе, а о том, как дожидаться удобного момента, когда нужно сделать нырок и сразу бить.

Поэтому и здесь я не сильно испугался. Хотя сразу же понял - с кем придется иметь дело. Только нехорошее предчувствие тоскливо засосало под ложечкой.

- Ну, что, доходяги, думали не найдем вас? – медленно осматривая каждого стоявшего на сцене, повторил этот бандит в белой кепочке.

При этом на меня, стоящего перед сценой, он даже не обратил внимания. Точнее, его взгляд скользнул по мне, не замечая, как если бы вместо человека зияло пустое место.

И он пошел вперед. Приближаясь какой-то нарочито медленной, шаркающей походочкой.

- Алешенька, что же ты не предупредил! – взволнованно запричитал, так и оставшийся стоять у входа Василич.

В актовом зале ДК акустика была уникальная, совершенно не соответствующая его «пионерскому» статусу. Поэтому тихое причитание Василича отчетливо доносилось до самых отдаленных его уголков. И от этого становилось только хуже. Чувствовалось, что Василич испуган еще сильнее, чем все мы, застигнутые врасплох на ночной репетиции.

- Алеша, кем бы ты был, если бы я тебя не открыл и записывать не начал? Если бы не стал тебе деньги за пение платить?.. Тебя бы никто не знал, - продолжал сбивчиво увещевать Василич. Он выговаривал, тоном школьной учительницы, которая привела нерадивого ученика в кабинет директора и уже начинает в этом раскаиваться, сама перепугавшись сурового

директора. – А теперь, благодаря нам, тебя полстраны слушает. Ты – знаменитость стал. А друзей своих подводишь, игры какие-то свои затеял...

Алеша безмолвно стоял перед микрофоном. Растерянные рокеры опустили гитары.

А блатной уже приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки, по-прежнему рассеянно глядя в сторону. Пора было на что-то решаться.

- Вы мешаєте записывать! – я решил разлепить губы и постарался произнести это как можно тверже. При этом в голове все время прокручивал знакомую схему: нырок влево и снизу правой в подбородок.

Глаза приближавшегося ко мне невысокого человека, вопреки его словам, не выражали ни малейшего гнева. Его серые зрачки были, словно металлические шторки, удобно прикрывшие полное отсутствие души.

- А как же наши купленные билеты? – спросил он.

- Какие биле...

Я не успел ни понять, ни договорить. Внезапно он сильно боднул меня головой в лицо. От боли я ослеп – в глазах кромешная чернота, и словно миллион иголок вонзился изнутри во все мое тело – видимо от удара, я на мгновение потерял сознание. И пока моя голова запрокинулась, он нанес второй удар – согнутыми пальцами в горло. И дальше я помню только, как от боли корчился на полу, судорожно пытаюсь вдохнуть воздух. В паническом ужасе – смогу ли вообще дышать?

А жуткий посетитель стоял надо мной, все такой же равнодушный и медлительный. Только в его пальцах уже поблескивал нож. Такой, каких раньше я не видел. Длинное, тонкое и прямое лезвие, а вместо ручки две длинные металлические рамочки, на шарнирах. Лезвие помещалось между ними, как в ножнах, если его развернуть в обратную сторону. И он привычно, прокручивал в пальцах это острое сооружение. То, высвобождая лезвие, то скрывая его. Он делал это не спеша, отработанными движениями. Как умелый иллюзионист играет в пальцах парой карточных королей.

Глядя на его манипуляции, я понимал, что все еще не могу вдохнуть и испытывал даже не страх, а впервые в жизни – какой-то дикий, панический ужас.

На музыкантов расправа тоже произвела гипнотическое действие. Потому что все стояли на сцене, как вкопанные. Между тем блатной, небрежно перешагнув через меня, как через что-то бестолковое и недостойное внимания, безмолвно приближался к сцене. Истеричные бормотания перепуганного Василича в проходе были единственными звуками слышными в зале с идеальной акустикой.

Да еще я с громким всхлипом все-таки сумел втянуть в себя первую порцию воздуха, когда казалось, что уже умираю. Этот вдох раздирал мне горло невыносимой болью, слезы брызнули из глаз. Я царапал горло окровавленными руками, на которые хлестала кровь из сломанного носа.

- Алешенька, и зачем ты только ввязался в эту историю, - продолжал причитать Василич. - Почему не посоветовался с друзьями! Разве можно так всех подводить...

Между тем, татуированный посетитель, поигрывая ножом, уже поднялся на сцену и приблизился к Алеше.

- Как отвечать думаешь за свое дерьмо? – спросил он певца.

Алеша промолчал.

- Ты оделся, обулся, любишь в ресторанах погулять... - не дождавшись ответа, перечислил бандит. – А как же деньги? Ты на наши деньги хорошо живешь, а теперь соскочить надумал?.. Забыл, с кем ты работаешь?

Все еще лежа на полу, но понемногу приходя в себя, я не верил глазам. Неужели один этот щуплый хмырь сможет вот так превратить в безропотное стадо сразу нескольких молодых мужчин, которые стоят на сцене. И, словно откликнувшись на мои мысли, из своего угла заговорил скрипач Ёсиф.

- Слушай, Бес, но, он же, не отказывается...

- Тебе кто позволил пасть открыть?! – немедленно обернулся в его сторону блатной. – С тобой, жиденок, вообще особый разговор. Это ты его поишь, когда работать надо, так что он потом петь не может? Ходи сюда...

- Беги, Ёся! – крикнул Алеша.

Тот неловко развернувшись, ринулся в сторону за кулисы, зацепив и перевернув ударную установку, развалившуюся со страшным грохотом и звоном. Но убежать скрипачу не удалось.

Через мгновение занавес колыхнулся и скрюченного Ёсифа вывел из-за кулис еще один тип, который, как оказалось все время там прятался. И еще один подручный Беса медленно показался на сцене с противоположной стороны. Нас окружила настоящая банда, справиться с которой не стоило и пытаться.

- Стоять, падлы! – скомандовал Бес.

Ёсифа подтащили на прежнее место. Бес подошел поближе. Взмахнул ножом, с лопающимся звуком, срезав струну с ближайшей электрогитары. Ее накинута вокруг шеи скрипача. И подручный затянул ее стоя за его спиной, так что лицо Ёсифа быстро посинело, а дышал он, кое-как хватая воздух надувшимися губами.

- Отпусти его, Бес! – попросил Алеша. – Это же не он тебе должен. А я все деньги отдам.

- Отработаешь по полной! – не глядя, кивнул тот. – Но только, чтобы всякие уроды тебе не мешали, я свою расписку оставлю... Давай руку, - скомандовал он Ёсе.

Тот наоборот, спрятал обе руки за спину. Подручный туже затянул струну. Глаза Ёси выпучились, вылезая из орбит. Эта борьба продолжалась невыносимые секунды. Наконец, скрипач сдался и выпростал вперед правую руку. Бес, неуловимым движением, блеснул лезвием ножа. Я снизу не понял, что он сделал, видел только, как мучительно и безмолвно сморщилось лицо полузадушенного музыканта.

- Начнешь крысятничать – тебя тоже попишу, - ткнул пальцем в грудь Алеше бандит. – И за такие дела ты теперь должен не пять, а восемь тысяч. Запомни...

Он повернулся и пошел на выход, явно удовлетворенный состоявшейся экзекуцией.

- Страшно, лабухи? – осклабился один из его подручных. – А «Мурку» слабо сыграть на прощание?

Наверное, оцепеневших на сцене рокеров не сложно было бы заставить сыграть и «Мурку», но урки не собирались это делать. Они заторопились вдогонку за своим лидером. И от того, что они уходили не через центральный, а через боковой проход, легче стало не только мне, но, похоже, и Василичу, который после произошедшего в полуобморочном состоянии опустился на одно из кресел и даже прекратил бормотать...

- Ну что расселся? – у самого выхода Бес обернулся к Василичу. – Иди рули. С тебя кабак, если сам не умеешь. Теперь твои артисты тебя уважать научатся...

Как только дверь зала с громким хлопком закрылась за бандитами – все бросились к окровавленному скрипачу. Лицо Ёсифа стало землисто серого цвета. Он зажимал левой рукой кровоточащие обрубки, указательного и среднего пальца, которые на правой руке были отсечены по первые фаланги. Он держался из последних сил, чтобы не потерять сознание.

- Как же он на скрипке теперь играть будет? – тихо спросил кто-то из рокеров.

- Какая скрипка, «скорую» ему надо срочно! - суетился вокруг искалеченного приятеля Алеша.

- Пальцы надо подобрать. Их, говорят, обратно могут пришить, если быстро, - сообщил Витька Зяблицкий. С каким-то спокойствием безумия он указывал на ампутированные пальцы, которые валялись тут же на сцене.

- Телефон ищи скорее! Знаток медицины, - зло прикрикнул на него я.

- Тебе тоже «скорая» не помешает, - беззлобно отозвался Витька и побежал звонить в «вахтерскую».

У меня кровь еще немного шла из отекавшего носа. Но гораздо хуже было, что мы долго не могли остановить кровь, которой истекал Ёсиф. Мы истратили на него все содержимое аптечки, нашедшейся в медпункте. Слава богу, скрипач не терял сознания, а держался, стиснув зубы.

Мы кое-как дотащили его до проходной, а дальше оставалось только ждать. Медики обещали приехать в течении десяти минут.

- Ты почему дверь не закрыл? Сторож гребаный! Как они прошли так тихо?! – обрушился я на Витьку.

Тот только хлопал глазами.

- Наверное, сами дверь открыли, - сквозь зубы прошипел Ёся. – Для таких замки не помеха. Он не виноват.

- Надо в милицию сообщить? – неуверенно спросил Витька.

- Какая там милиция, - промычал Алеша. Он сидел на подоконнике, обхватив голову руками. – Что мы им скажем? Что собрались ночью на подпольную запись? Так они нас и посадят. Нас с Ёсей по статье за тунеядство, а Серегу - за подпольное предпринимательство. А в зоне Бесу нас еще легче угандошить... Ты «скорой»-то что сказал?

Витька благоразумно сказал только про сильное кровотечение, не вдаваясь в подробности.

- Пацаны, мы пойдем, - с виноватой ноткой сообщил лидер рок-группы. – Вы врачей и без нас дождетесь. А нам тут светиться ни к чему...

- Не думал, что так получится, - я пожал ему на прощание руку.

И действительно, трудно было ожидать, что придется стоять здесь со сломанным носом, да еще держать на салфеточке два чужих отрезанных пальца.

В этот момент Ёсиф все-таки «поплыл». Мы еле успели его подхватить и уложить на продавленную кушетку, иначе он бы упал. Витька помчался за нашатырем, который вроде бы еще оставался в аптечке. Алеша положил голову скрипача себе на колени, чтобы держать ее повыше.

- Ты им, правда, должен? – спросил я его, когда мы остались фактически одни.

- Да кто бы знал?! – почти выкрикнул он в ответ. – Иногда перехватывал понемногу, между концертами. А уж откуда пять тысяч – это они сами насчитали. Не мог я столько денег истратить. А теперь видишь, как повернули. Откуда я теперь восемь тысяч возьму?..

И он заплакал. Тихо, беззвучно, затряс головой, уже не в силах справиться со слезами.

- Что это за Бес? - спросил я.

- Говорят «вор в законе», - подавил всхлипы Алеша. – Василич как-то говорил, что с ним работает. Что он защищает, если проблемы возникают, помогает разобраться если кто-то деньги за пленки не платит... Были слухи нехорошие, что даже среди воров этот Бес сволочью считается. Но я не думал, что Василич, вот так, на нас может его натравить. Сукой позорной становится Василич, а все деньги!..

Витька, наконец, приволок бутылек с нашатырем и вату. Начал макать ее в нашатырь, и подносить к носу сомлевшего Ёси. Но тот не реагировал.

- Это не сирена там? – прислушался Алеша.

Я распахнул дверь ДК. Действительно в ночи была слышна отдаленная сирена «скорой помощи».

- Едут! – обнадежил я.

- Ты пальцы его не забудь взять с собой, - напутствовал Алеша. – Придумай там что-нибудь, будто он сам порезался, по неосторожности.

- Что теперь делать собираешься? – еще успел спросить я. – Так и будешь всю жизнь в рабстве для этих гнид песни распевать?

- Не знаю, - Алеша старался не смотреть в глаза.

Часть 2. Без звука

8.

Истомившиеся от жары и ожидания пассажиры плацкартного вагона уже не роптали. А только неотрывно смотрели в окна на мелькающие пригородные платформы - неопровержимые признаки приближения Москвы. Наш поезд прибывал на Ленинградский вокзал с опозданием на шесть часов. Незамысловатое путешествие, которое должно было занять только ночь, растянулось далеко за полдень следующего дня.

- Надо было «Красной стрелой» ехать, она меньше опаздывает, - в очередной раз упрекнул меня Алеша Козырный. Он сидел на нижней полке, сложив локти на потряхивающийся жесткий столик.

- Это никогда не угадаешь, - махнула рукой бабушка-соседка. – Нынче все они опаздывают. Это до революции, говорят, по поездом в деревнях часы сверяли...

Все это уже было переговорено в вагоне на десять раз.

Нас с Алешей опоздание поезда подводило не сильно. Главное дело, ради которого мы ехали в Москву, предстояло только завтра. Но волноваться из-за него я начал еще со вчерашнего дня. И еще раз, незаметно потрогал – в сохранности ли деньги. Восемь тысяч рублей были у меня зашиты в подкладку пиджака. Мы ехали выкупать Алешу из рабства. Вот только сделать это предстояло при таких обстоятельствах и в таком месте, что мне все время было не по себе.

- Ты уверен, что в Москве найдется у кого переночевать? – теперь уже я отвлек Алешу от созерцания первых кварталов столичной окраины за окном.

- Скажешь тоже? – обиженно пожал плечами певец. – У меня полгорода друзей. Они в очередь готовы стоять, чтобы приютить на ночь Алешу Козырного! А остальные полгорода – мои поклонники и поклонницы. Так что не бойсь! На вокзале ночевать не придется, - обнадежил он. – Все будут счастливы...

Сам-то я уже давно не был счастлив. С тех пор, как решил выкупать Алешины долги. Вчера, на питерском перроне мне казалось, что уезжаю из города, где уже просто не осталось людей, которым я не был должен! Не удивительно, что ни одного рубля я больше не собирался тратить на более дорогой поезд, или на выпивку, или на номер пусть даже в самой дешевой московской гостинице.

Прошло больше месяца с тех пор, как Бес ночью в ДК изуродовал руку скрипача Ёсифа. Каждый день, я всеми силами старался не вспоминать события мерзкой ночи. Потому что еще никогда раньше не испытывал настоящего, жгучего стыда. За то, что сам так испугался – впервые в жизни испытал панический страх, парализовавший меня, лишивший воли и достоинства. И за то, что все мы тогда, словно овцы, молча дрожали, позволяя этой тщедушной татуированной сволочи проделать с нами все, что он захочет.

Картины той ночи жгли мою память, упрямо всплывая перед глазами, стоило хоть на секунду отвлечься от дел. И если начистоту – я чувствовал

себя виноватым за все, что там случилось. Это ведь я притащил всех на запись. Я все организовал. А кончилось кровью и тем, что все мы оказались в дерьме. Отомстить этому Бесу ни малейшей возможности у меня не было. Все-таки это жизнь, а не кино. Не в милицию же было идти? Или убивать этого урода-уголовника, как, наверное, принято по их законам? И руки коротки, да и такие мысли вообще не надо себе позволять.

Так я маялся, пока не пришел к единственному решению, которое помогло немного унять стыд. Надо просто продолжить начатое дело, не взирая, на бандитские угрозы. Записать этот чертов альбом, будет единственным достойным ответом на отрезанные пальцы Ёсифа и мой сломанный нос. Другого выхода доказать себе, что остаюсь человеком - пусть даже и сдрейфил тогда ночью - я не видел.

Короче, я решил любыми путями собрать эти восемь тысяч, и выкупить Алешу из кабалы. И когда он будет свободен от уголовной «крыши», сделать запись, которую мы собирались. Реализовать пленки. И так как по всем подсчетам моя доля в этом случае не могла быть меньше восьми тысяч – то их хватит, чтобы вернуть долги людям. Сам я при этом ничего не зарабатывал, но это уже не важно.

Поезд, наконец, остановился на вокзале. Проводники распахнули двери, впустив в вагоны порцию августовского привокзального воздуха, который язык не повернется назвать свежим. Толпа пассажиров, одновременно запрудивших перрон, стиснула нас и поволокла вперед на площадь трех вокзалов. В жаркой сутолоке человеческого муравейника я беспокоился все сильнее.

- Ну что, берем такси? – спросил Алеша.

- Ты сначала дозвонись – к кому мы с тобой едем, - возразил я. – Вот две копейки, вон телефон-автомат...

Между вокзалами очередь к будкам нескольких уличных телефонно-автоматов казалась такой бесконечной, что вызывала тоску. Я еще раз незаметно пощупал спрятанные деньги и решил, что пока Алеша звонит, мне лучше постоять в центре площади, подальше от толпы. Хотя, наверное, глупо бояться карманных воров, собираясь на сходку воровских авторитетов.

Именно такое мероприятие, тайно намечалось завтра в Москве. Я собирался попасть на него, используя чужие связи в блатном мире. Чтобы там, раз и навсегда, освободить Алешу от долгов, передав деньги Бесу.

Как я эти деньги собирал и сколько ради них вертелся и унижался – вообще рассказывать не хочется. Я ведь еще не отдал предыдущие долги, а тут деньги понадобились снова и гораздо больше! Пришлось обойти не то, что всех друзей, но даже едва знакомых приятелей. Я врал любую ерунду, собирая по крупичкам, хоть по сто рублей. Всей душой почувствовав себя побирушкой.

Под конец, не было такого табу, через которое я бы не перешагнул. Я даже попросил займы у родителей (чего не делал с первого курса института). Но отец, которому я не рассказывал подробности, а только намекнул, что речь идет о криминальных долгах, переполошился и начал

требовать немедленно пойти за помощью к его бывшему однокласснику, занимающему какой-то пост в КГБ. И не мог понять, почему я толкую, что органы привлекать нельзя.

Но самое худшее ждало уже под занавес. Когда я понял, что недостающие две с половиной тысячи мне занять абсолютно не у кого – пришлось решиться на крайний шаг. Подловатость которого была так очевидна, что заставляла инстинктивно зажмуриться, каждый раз, когда наступало воспоминание, что я все-таки сделал это.

Я тайком снял последние деньги, остававшиеся у родителей на сберкнижке после июньского отпущения моих грехов. Подделал доверенность от имени отца. Подсунул ему чистый лист, наврав, что в институте спустили разрядку – собрать подписи в поддержку африканских коммунистов, борющихся против режима апартеида. А потом стащил сберкнижку из немудреного тайника, где она хранилась – под салфеточкой на верхней полке серванта.

Некрасивая молодая кассирша с некоторым сомнением разглядывала листок изготовленной мною доверенности. Я стоял перед окошечком сберкассы, затаив дыхание и пытаюсь изобразить то «надежное» выражение лица, которое - я знал - всегда нравится женщинам. Девушка подняла на меня глаза и тут же смущенно отвела их вниз – сравнить подпись отца на доверенности и в самой сберкнижке. Через секунду она уже поставила свою закорючку и передала документы дальше – на выдачу денег.

И уже на выходе из сберкассы, вместо облегчения, что проделка удалась – я впервые остро осознал, что сейчас прячу в карман все, что семья – обычные совслужащие - сумели накопить за всю трудовую жизнь. И единственный шанс не стать подлецом – все сделать четко и быстро. Выкупить Алешин долг, записать альбом, и вернуть деньги. До тех пор, пока родители не обнаружили их исчезновение со счета.

Вот такой ценой мне достались эти деньги. И права на ошибку у меня больше не оставалось.

- Еще две копейки есть? Телефон, сволочь, монетки глотает, – пожаловался подбежавший Алеша. – Ерунда какая-то, дозвониться не могу. Эй! Там моя очередь! Не занимайте аппарат! – завопил он и заторопился обратно, как только я выгреб из кармана всю мелочь.

Что-то у него явно не срасталось. И я мысленно ругнул себя за то, что в очередной раз имел глупость поверить, будто пьяница-певец способен организовать хоть что-то.

- Ничего не понимаю, - наконец, вернулся он, всем видом стараясь изобразить бодрость. – Друзья как сквозь землю провалились. Одним звоню – телефоны не отвечают, другие как назло на даче.

- Суббота сегодня. К тому же лето, - пояснил я. – Ну что, пойдем на вокзале загодя «лежанки» занимать? - зло спросил я Алешу, плюнул с досады, отвернулся и пошел к вокзалу.

- Куда ты! – он догнал меня и, запыхавшись, тряс за рукав. - Ладно, есть еще одно место. Не хотел там людей беспокоить, но раз уж так вышло...

- Алкаши в каком-нибудь притоне? – поинтересовался я.

- Ну, ты совсем меня не уважаешь, – обиделся он, перехватывая в другую руку свой неременный «Сандер Стратакастер». – Просто есть одно хорошее место. Там и накормят, и спать уложат. Это я тебе говорю! Ладно, хватит тут торчать, лови тачку...

- Ага, сейчас! – пообещал я, подхватывая сумку.

На троллейбусе до окраинного района, похожего на Черемушки, мы добирались больше часа. Кое-как нашли нужный дом и подъезд. Алеша позвонил в квартиру на пятом этаже. Из-за двери отчетливо доносился заманчивый запах готовящейся пищи. С тех пор, как утром в вагоне разносили чай с вафлями, у меня во рту не было и маковой росинки. Поэтому, когда дверь распахнулась, сначала я даже не разглядел женщину – слишком сильно дразнил запах чего-то горячего с кухни.

- Это же, как надо постараться, чтобы полтора часа ехать с Ленинградского вокзала?! – вместо приветствия бросила она с порога, низким, чарующим голосом, уверенным в своей женской притягательности. – Ну, входите! Картина Репина «Не ждали», – пошутила хозяйка.

- Машенька, здравствуй! Я те деньги, которые занимал – все про них помню, обязательно верну, – Алеша распахнул объятия, и чмокнул женщину в щечку, как-то необычно суетливо. – Сейчас у нас с Сергеем как раз серьезное дело намечается, – забормотал он, торопясь продемонстрировать меня хозяйке дома.

Женщина бросила на меня короткий, но тщательный взгляд. Словно быстро изучила сверху донизу. Но я не успел понять: понравился ей или наоборот.

- Наверное, голодные с дороги? – спросила она, даже не думая говорить, дежурное «очень приятно». – Деликатесов не гарантирую, но отличная яичница с помидорами как раз готова. А про деньги, ты бы уж лучше не заикался, – махнула она рукой Алеше. – Все ясно, не первый год знакомы. Проходите!

И женщина скрылась на кухне.

- Кто такая? – потихоньку поинтересовался я у Алеши.

- Маша Старкова. Когда-то начинали вместе в институтской самодеятельности. У нас был дуэт. Довольно популярный в студенческих общагах, – сообщил Алеша с ноткой грусти в голосе, осматриваясь, куда бы пристроить в прихожей гитару.

Я не стал дослушивать. Запах пищи неудержимо манил на кухню, куда нас уже пригласили. Небольшой белый кухонный столик был накрыт по первому классу, учитывая внезапность нашего появления. Белый хлеб и масло в масленке, розовые пластики колбасы и мельчайшие капельки влаги, выступившие на нарезанных, свежих огурчиках с первого взгляда вызвали приступы аппетита. На плите закипал чайник. А хозяйка уже извлекла из холодильника крепко остывшую бутылку «Русской» водки.

- Это просто чудо какое-то! – воззрившись на стол, развел руками Алеша. – Благодарность тебе, Старая, от лица всех голодающих...

- Да ты, никак, еще трезвый? Вот где настоящие чудеса! – улыбнулась она в ответ.

Маше Старковой было чуть за тридцать. Она не стеснялась ни полных губ, ни густых (не по моде) бровей, на которые, то и дело сваливалась темно-русая челка. Сзади волосы были стянуты в короткую косичку. Облегающая, тонкая футболка выразительно оттопыривалась на груди трафаретом «Deer Purple». Карие глаза смотрели насмешливым и оценивающим взглядом.

Если бы я мог хоть что-то знать о Маше до приезда в Москву, то мне стоило бы иметь в виду, что она до сих пор не научилась жить. Поэтому боль является ее обычным гостем. А темная кровь еще бурлит в ней и диктует свои страсти. Что водку она пьет умело, и уже слишком много. Мается желудком, обожая перец и уксус, и тайком глотает таблетки. Что умеет проявить настойчивость в оральном сексе. Всею душой презирает зонтики, и никогда не избегает доброй ссоры.

А в те минуты, когда Старковой случается быть счастливой и пьяной – она пляшет, закидывая руки за голову, с пристонами печатая дробь каблучками туфель. Но если в пьяных плясках допускает неприличие – утрами стыдится, места себе не находит. И во всех своих душевных ранах обвиняет только себя. Однако, вгрызавшимся бедам до сих пор было не под силу одолеть товарища Старкову. Видимо, в дни нашего приезда в Москву, она была лучшей женской особью к северу от экватора, как минимум. Но мне это не дано было сразу понять.

Ведь первое время мы только, молча, жевали, не забывая и про стопочки с водкой. Мямлили вместо тостов что-то невнятное и сразу же снова принимались за еду. Впрочем, хозяйку не расстраивало отсутствие показной галантности. Она с удовольствием наблюдала, как жадно мы едим, подперев щеку ладонью.

Я, тайком поглядывая на нее, не мог удержаться от сравнения с Евой Томашевской, которую я все еще старался выбросить из головы. Пожалуй, красота Евы, была ярче. Она сразу била по глазам и захватывала дух. Хотя и здесь, если дать взгляду чуточку больше времени – становилось ясно, что Маша, тоже очень красивая женщина. И красота у нее может быть не такая броская, но сильная и глубокая. Как голос у этой Алешиной знакомой, с которой я только что познакомился. Ее голос был красивее, чем у Евы – профессиональной певицы, кабацкой звезды. И это было поразительно.

Когда с первой порцией яичницы было покончено, Старкова потянула болгарскую сигарету из пачки «Стюардессы», и прикурила от спички, которую я поспешил ей поднести.

- Зачем, приехали, рассказывайте? – без предисловий спросила она.

Алеша посмотрел на меня, я – на Алешу. Рассказывать правду обо всех злоключениях, которые привели нас в Москву, не стоило. Тем более – рассказывать женщине. Пусть даже такой приятной и гостеприимной.

- Ей лучше не врать, все равно бесполезно, - покачал головой Алеша, видимо, почувствовав мои сомнения. - У Старковой есть особенность. Она

понимает абсолютно все. Порой, даже слишком. Всегда меня этим пугала, - признался Алеша.

Он затянулся сигаретой и принялся рассказывать. Про неудачную попытку записи. Про появления Беса и отрезанные пальцы скрипача. И как я собрал деньги. И кому мы завтра собираемся их отдать. По ходу его рассказа, Маша иногда переводила взгляд на меня. Как будто желала убедиться, что ей говорят правду. Видимо, выражение моего лица все подтверждало. Потому что, когда Алеша рассказывал о наших завтрашних планах, она даже не усидела за столом. А принялась ходить по кухне, прикурив уже вторую сигарету.

- Ты совсем свихнулся?! – наконец, грубо прервала она рассказ. – Ума нет – считай калека! – И словно, чтобы убедиться в этом она даже наклонилась к Алеше и в упор посмотрела ему в глаза. – Ну, точно – не нормальный! И еще парня за собой в могилу тащишь! – возмутилась она.

- Кто, кого тащит – это еще надо разобраться, - поправил я. Это не очень нравилось, что мою роль здесь как-то ошибочно недооценивают.

Маша опустила на стул, окинула взглядом теперь уже нас обоих и спросила:

- Вы хоть понимаете, что если вы туда сунетесь - ваши жизни и без денег на волоске висят. А за эти восемь тысяч, которые вы бандитам своими руками понесете, вас грохнут еще быстрее?..

То, что она сейчас проговорила вслух, изводило меня беспокойством, последние несколько суток. Идти туда было очень опасно, я понимал. И никогда не сунулся бы в Москву без определенной страховки. Такая страховка у меня была. Вот только я не знал - насколько она надежна?

Идею, из-за которой мы оказались здесь, подал Валет. В отличие от Витьки Зяблика - чудака, который по первой же просьбе занял мне целиком всю свою зарплату, Валет – сволочь - не помог ни одной копеечкой. Но подсказал другую важную вещь.

Он у себя в райкоме комсомола давно уже разобрался, что кое-кто из старших партсекретарей имеет неплохие деньги, решая проблемы кое-каких подпольных цехов. Валет оказывал этому своему начальству мелкие услуги, сумел втереться в доверие и знал, что по другой линии эти же производства прикрывают тоже очень серьезные люди - воры в законе. И вот их покровительством стоило заручиться, когда мы будем передавать деньги Бесу. Важно, чтобы при этом присутствовали и другие авторитетные люди. Стали гарантами того, что проблема решена – по всем понятиям.

И вот встреча с одним таким деятелем предстояла завтра. Некий грузин Дато «Южный», якобы имел уже серьезный авторитет в блатной среде. И он может помочь. А сама сходка должна состояться чуть ли не, посреди Москва-реки, на речном трамвайчике, откупленном ради этой цели криминальной братвой.

То есть, я рассчитывал на определенную поддержку, а не совал голову в петлю наобум. Но реально у меня не было никакой гарантии, что этот Дато заступится за нас, если дело пойдет наперекосяк. Опасение не давало мне

покою. Впрочем, одновременно я почувствовал и прилив гордости, что эта красивая женщина теперь понимает, на какое отчаянное дело мы способны решиться. Но выкладывать здесь на кухне весь план, на который я рассчитывал, было бы слишком долго.

- Мне потом что? Ваши похороны организовывать!? – Старкова злилась все сильнее.

Но Алеша уже по-своему пытался перевести разговор в более спокойное русло.

- Как живешь-то? – спросил Алеша, разливая по рюмкам очередную порцию водки. – Все со своими хиппи, рокерами волосатыми?

- Как обычно, - пожала плечами она. – Только на прошлой неделе спровадила одного такого из дома окончательно. И теперь снова в свободном полете. А ты все со своими кабацкими музыкантами?

Алеша кивнул и поднял рюмку.

- Мы с тобой друг друга стоим, - с какой-то непередаваемой печальной лукавинкой констатировала Старкова. – Всегда так было.

Только здесь, в этой московской квартире я видел Алешу снова ожившим. Ведь о ночной истории, как приятеля Алеши Козырного порезали у него глазах, шушукался весь музыкальный Питер. Никто, ничего Алеше не говорил, но все знали, и он это тоже знал. Поэтому ходил непривычно потупившийся, утратив живость характера. И в реальность моего плана собрать деньги на выкуп он тоже не сразу поверил.

- Надо как-то не так действовать. Чтобы эти блатные отпустили Алешу Козырного – так не бывает, - Не собиралась отступать Старкова. - У них это называется «соскочить» - там за это режут. Нашли себе дойную корову, и пока все соки не высосут – не отпустят... Может плюнуть вам на все, да просто записать этот альбом, а дальше будь, что будет? У меня здесь много знакомых музыкантов и аппаратура найдется. Они, правда, рок играют, но запись все равно можно организовать?

- Мы завтра все-таки попробуем, а там посмотрим, что получится, - пожал я плечами.

- Нет уж, завтра поздно будет пробовать! Надо прямо сейчас, – возразила Старкова и посмотрела на часы. – И тогда завтра не наделаете глупости! Поехали! Может, еще успеем.

В лабиринте старых московских переулков Маша ориентировалась, как рыба в воде. Августовский вечер только набирал силу. Я не успевал уследить за Машей и после нескольких подворотен, понял, что сам бы тут безнадежно заблудился, и уже точно не найду обратную дорогу.

- Кажется здесь, - решила Маша перед ободранной деревянной дверью, которая не просто не походила на дверь жилого подъезда. Такая дверь – перемазанная известкой и наглухо заколоченная могла быть только у руин какого-нибудь пакгауза, заброшенного еще после бомбардировок великой отечественной войны. И в заколоченных окнах двухэтажного старого особняка, построенного, наверное, задолго до нашествия Наполеона, не было и намека на свет.

Тем не менее, Маша громко постучала в эту дверь условным стуком. Испачкав при этом пальцы то ли известкой, то ли голубиным пометом.

- В сторонку отойдите, здесь не маячьте, иначе не откроют, - предупредила Маша, яростно вытирая пальцы. – Вот, зараза!

Мы с Алешей скрытно отшатнулись в сторону. Загаженная дверь приоткрылась на узенькую щелку. Через щелку к нам присматривался чей-то подозрительный глаз. Наконец, послышалось бормотание, похожее на злую ругань шепотом. И дверь, казавшаяся наглухо заколоченной, со скрипом отодвинулась ровно настолько, чтобы можно было протиснуться боком.

- Пошли! – Скомандовала нам Маша и пролезла в щель первая, слегка шоркнув дверь оттопыренной надписью «Deer Purple» на футболке.

Пока глаза не привыкли к полутьме, я почти ничего не различал, зато слышал.

- Ты совсем спятила? – раздраженно выпалил мужской голос. – Я же предупреждал – сегодня нельзя! Чего ради приперлась?

Я уже понемногу различал, что хамит Маше щуплый парень с козлиной бородкой и ленточкой, перехватывавшей волосы на лбу.

– Еще и чужих привела!.. – распаялся этот хмырь. – Дура, конченная!

Легкий хмель от недавно выпитой водки усилил злость, пусть даже пытались оскорбить не меня. Я испытал мгновенное блаженство, мысленно представляя, как заталкиваю его слова кулаком ему же в рот. Инстинктивно, даже не двинулся, а только чуть подался вперед. И сразу машина рука, успокаивающим движением легла мне на предплечье. Незаметно в темноте. При этом сама Старкова даже не оглянулась. Похоже, она действительно, каким-то редким чутьем понимала все. И еще интересно, что она в этом случае постаралась остановить меня, а не своего Алешу.

- Санчес! Не строй из себя Че Гевару! Ты все равно не тянешь... – с неподражаемой долей презрительного превосходства ответила Маша. – Проводи к Борису, там разберемся. Я по делу, - отрезала Маша. – Не поведешь – сами найдем!

Судя по дыханию, этот тип, мысленно обозвал ее сукой, или еще как-то. Но промолчал, видимо, почувствовав, что выпускать мелкую злость наружу безнаказанно ему больше не дадут.

- С завязанными глазами их поведу! – выставил условие он, вытаскивая из кармана длиннющий эластичный бинт, которыми спортсмены перематывают травмированные колени.

- Прикинь, Серега, московские нравы! Но пасаран! Они не пройдут! – расхохотался Алеша Козырный. – Надо Василичу подсказать - у нас всем глаза завязывать, кто на запись случайно попадает – никогда больше не спалимся!..

Он без возражений позволил негостеприимному привратнику затянуть узел у себя на затылке. Я почувствовал, что дурацкое приключение уже веселит певца.

Дальше пришлось шагать наугад, неуверенно ставя ноги, чтобы не споткнуться и не упасть. В крошечной тьме был слышен только шаркающий

звук наших осторожных шагов. Вслепую, по каким-то коридорам, поворачивая то направо, то налево. Впрочем, был в этой истории один плюс. Моим поводырем была Маша Старкова. В сумраке заколоченного особняка с завязанными глазами я понял, что ощущают слепые. Когда нет зрения – обостряются все другие чувства. Поэтому, стискивая мягкую руку, чуть выше локтя я ощущал, какая шелковистая у нее кожа. А еще мое обоняние различало еле слышный запах пряных духов. И все это вместе – получились довольно волнительные ощущения!

Поэтому, чтобы не увлечься чересчур, и думать о деле я спросил Старкову:

- А кто такой этот Борис?

- Это бог! – восторженно отозвался придурок с козлиной бородкой.

- Это очень хороший композитор и поэт, - вполголоса пояснила Старкова. – Непризнанный, конечно. Рок-музыкант, лидер группы «Паноптикум», к ним мы сейчас идем.

- А зачем этот цирк? Глаза завязанные? – поинтересовался я. – Понимаю, нужна конспирация, когда Алеша блатные песни поет. А тут-то что?

- Рок-музыку КГБ еще сильнее в подполье загоняет, - убежденно заявила Старкова.

- Так ты этого самого бога из дома выставила?! – хохотнул впереди Алеша Козырный.

Даже не видя Машу, я почувствовал, как она злится. Но тут Алеша обо что-то споткнулся, не удержался на ногах. Вокруг все загремело, что-то тяжелое полетело на пол. Я сорвал с глаз дурацкую повязку, сиюсь разглядеть, где я, и что происходит.

- Я же сказал, чтобы никакого шума! Запись идет! – громко возмутился переполненный властной злостью новый мужской голос.

Мои глаза постепенно начали различать, что мы уже пришли. В полутемной комнате горело несколько свечей. Их света было явно недостаточно, и низкий потолок терялся в полумгле. Стены были изрисованы какими-то странными граффити. Один угол помещения был полностью заставлен пустыми бутылками, в основном из-под портвейна и других крепленых вин.

Впрочем, пустые бутылки громоздились не только на полу. Часть их выстроилась на полках старенькой этажерки при входе в комнату. Именно за нее пытался ухватиться Алеша, споткнувшийся о порог. Точнее, он лихорадочно хватался за воздух и за все, что могло попасться на расстоянии вытянутых рук. Попалась эта самая этажерка. Хлипкая деревянная конструкция не выдержала такого мощного толчка и бутылки посыпались на пол. Именно этот оглушительный грохот и спугнул всех, и вызвал гнев хозяина территории.

Сам он сидел на корточках перед небольшим столиком. Первой бросалась в глаза огромная цветная татуировка, спускавшаяся по его руке от плеча до локтя. Безрукавый кожаный жилет, одетый прямо на голый торс не

скрывал волосатую грудь. Длинные волосы висели ниже плеч, частично закрывая лицо, так, что сначала я не разглядел глаз этого гуру.

- Я же просил тишины! – властно приказал он еще раз. – Со мной интервью записывают...

И действительно, на низком столике перед этим заросшим бугаем, на маленькой подставочке стоял обычный микрофончик, шнурок от которого был подсоединен к миниатюрному кассетному магнитофону. А спиной к нам на пустом ящике из-под стеклотары сидел кто-то очень коротко подстриженный. Этот зябкий череп, покрывал ежик коротюсеньких волосиков, длиной не больше полсантиметра. И только по трогательной худенькой шее становилось понятно, что спиной к нам сидит девушка, только подстрижена она вот так экстравагантно.

- Интервью для ВВС!.. – с ноткой тревожного восторга шепотом посвятил нас козлобородый. – Журналистка из Англии. Сама нас нашла. Готовит передачу про молодой русский подпольный рок. Может быть, даже сам Сева Новгородцев в эфир выдаст в своей передаче! Теперь понимаете?..

В глазах козлобородого, направленных на своего волосатого бога, сияло подлинное обожание с оттенком священного трепета.

- Да прекратите вы греметь, в конце концов?! Хватит! – приказал «гуру».

Это Алеша ногой аккуратно подпихивал осколки разбитых бутылок под несчастную этажерку.

Востроносенькая журналистка вопросительно улыбнулась нам смущенной, деликатной, и какой-то, очень иностранной, улыбкой. Мы со Старковой поспешили тихо занять места на таких же пустых ящиках, нашедшиеся вдоль стены.

- Продолжим! – кивнул волосатый гигант. Девушка нажала клавишу на магнитофончике.

- Скажите, Борис! – начала девушка, неправильно ставя ударение в имени. – Творчество кого из ваших, как это сказать – brothers in arms – собратьев по запрещенной музыке имеет ваше уважение?

Вдобавок ко всему, у девушки одна ноздря была проколота серебряным колечком. Я впервые в жизни видел иностранного корреспондента. Неужели они там все такие?

Еще я обратил внимание, что в другом углу этой комнаты были свалены разные приспособления, свидетельствующие, что здесь не только пьют, но иногда даже записывают музыку. Там стояли подставки к микрофонам, большой барабан. Валялись в беспорядке всевозможные шнуры. И лежала простая акустическая гитара.

- Последнее время настоящих рок-музыкантов в России не осталось, - авторитетным тоном вещал волосатый Борис английской журналистке. – Макаревича с его «Машиной времени» я перестал уважать после того, как Андрей взялся работать на официальной эстраде – прежние идеалы были принесены в угоду пошлому массовому вкусу. БГ в Питере окончательно ушел в эксперименты. «Урфин Джюс» или «Високосное лето» - вообще

пропали из виду. Короче, русский рок сегодня – пустыня. До чего доходит, представьте Дороти: в Ленинграде в какой-то кочегарке появился даже кореец! Так что он теперь тоже – русский рок? - усмехнулся новоявленный гуру, делая многозначительную паузу, чтобы раскурить косяк.

Журналисточка кивала головой, как бы молча поддакивая, и хлопала ресницами наивных глаз. «Интересно, насколько она понимает по-русски? Половину рассказа, наверное, не соображает? Трудно, наверное», - еще подумал я про себя.

- Так что кроме нас, в русском роке на сегодняшний день никого не осталось, - подвел итог Борис. – Группа «Паноптикум», где я лидер-гитарист, фронт-вокалист, автор всех текстов песен и музыки... Судите сами!

Журналистка продолжала строить «гуру» восхищенные глаза.

Но в этот момент за нашей спиной кто-то смачно провел пальцами по струнам гитары. Я даже вздрогнул от неожиданности и оглянулся. Это Алеша, скучая, набрел на инструмент и немедленно захотел подержать его в руках. Он поставил одну ногу на ящик, чтобы опереть на колено гитару, легонько перебрал аккорды и смачно запел:

- В осенний день! Бродя как тень! Я затесался в винный синдикат...

- Алешка! – расплылась в улыбке Маша Старкова, как только его неповторимый голос прозвучал под сводами этого мрачного склепа.

- Извините, не удержался! – весело пожал плечами певец.

- Ну, все! – взревел гуру. – Ты кого вообще привела? Что это за гопники?!

Он вскочил во весь свой немаленький рост. Длинные волосы мотнулись из стороны в сторону. От резкого движения качнулось пламя свечей и тени заметались по комнате.

- Это Алеша Козырный, - сообщила Маша Старкова. – Помнишь, я тебе рассказывала?

Но татуированный рокер уже видимо вошел в состояние аффекта. Или собирался изобразить ярость на глазах иностранной журналистки. После Алешиной выходки с гитарой, наши шансы организовать совместную запись устремились к нулю.

- Момент! – вдруг тоненько воскликнула журналистка. Она повернулась к застывшему с гитарой Алеше и спросила, тщетно стараясь сохранить правильный выговор: - Ви ест Козырной? – ударение снова подвело ее.

В ответ Алеша только еще энергичнее ударил по струнам.

- О-о! Russian folk music? Шансон? Да? - стриженная журналистка мгновенно оказалась возле Алеши, и уже энергично трясла его руку приветствием.

- Это у вас, милая, называется шансоном. А у нас просто – блатняк! – попытался отшутиться обескураженный таким напором Алеша.

- Дороти Стаффорд, информационная служба ВВС! – обрадовано представилась девушка. - Вы famous! Знаменитость!..

Вот только рокер, минуту назад дававший ей интервью совсем не обрадовался этому обстоятельству. Он явно собирался выкинуть нас отсюда. А тут возникала незапланированная проволочка.

- Дороти! Это же похабный жанр! Это вообще не искусство! Пошлятина всякая, - заявил он.

Но иностранная журналистка моментально утратила к нему всякий интерес. Она уже строила глазки Алеше, настойчиво усаживая тощего и сутулого певца перед микрофоном на то самое место, которое только что занимал мощный «гуру».

- Я прошу вас об интервью!.. – разулыбалась девушка, подвигая микрофончик поближе к Алеше.

- Я вас прошу, нет, я вас просто умоляю, сплясать мое последнее танго! – подмигнул в нашу сторону Алеша Козырный, сопровождая слова перебором струн. – Вот дела? На Аргентину это было не похоже... - пропел он, не выпуская из рук гитары, словно это был последний спасательный круг в безнадёжной ситуации.

Между тем, Борис, набычившись, направился к Маше Старковой. Он встал прямо перед ней и спросил:

- Я тебе говорил, что между нами все кончено?! И не надо за мной бегать все время!

- Это я-то за тобой бегаю? – опешила Маша. – Вот дела!

Мне все меньше нравилось, как эти типы здесь разговаривали с Машей. К тому же, пообщавшись с ней всего пару часов, я тоже начал кое-что понимать. Например, сейчас, по ее интонации, я понимал, что этот волосатый урод действительно врет, как сивый мерин.

Но они не дали мне шанса вмешаться, ушли в уголок выяснять отношения. Между тем, Алеша давал свое первое интервью, причем сразу же – всемирно известному английскому радио. О чем он, похоже, совершенно не задумывался.

- Расскажите о себе? Почему вы поете именно эти песни? И как относятся к вашему творчеству официальные власти и партийные структуры КПСС?

А журналистка-то оказалась ушлой, не взирая, на неформальный вид, отметил я про себя.

- Я родом из трудного беспризорного детства. Очень рано пришлось начать зарабатывать себе на хлеб. С пяти лет мы со старшей сестренкой пели на вокзалах и пристанях, – начал рассказывать Алеша, наконец, откладывая гитару. – Хорошее было время. Солдатские эшелоны шли через всю страну с запада на восток. Солдаты-победители возвращались из Германии, сирот не обижали, кормили армейской тушенкой. Вот так, куются истинно народные певцы. В пятнадцать лет меня приняли в Ленинградскую филармонию. Да, знаете ли – я был там самым молодым артистом, меня считали вундеркиндом...

«Что он плетет?» - подумал я. Смутно представляя себе Алешино прошлое, я все-таки точно знал, что детство у него было вполне

благополучное. Даже, кажется, в институт он умудрялся поступить. Словом, бурные события в его биографии, если и происходили, то не так давно. А уж про филармонию - было и вовсе откровенное вранье...

- А почему вы тогда поете подпольные песни, а не выступаете на эстраде?

- Из-за несчастной любви! – выпучил глаза Алеша. – От меня была без ума звезда советской эстрады Эдита Пьеха. И я, надо сказать, платил ей взаимной любовью. Она почти забеременела от меня! Это трагедия всей моей жизни, - потихоньку входил в раж Алеша. – Голубчик! Посмотри – нет ли у нас, чего-нибудь выпить? – обратился он, обернувшись к козлобородому.

И тот, как ни странно полез куда-то в закрома и извлек бутылку водки.

- Не могу вспоминать прошлое без слез, - заявил внимавшей девушке Алеша. – Дело в том, милая Дороти, что у нас в России конец у всякой любви обязательно бывает трагическим...

По ходу интервью Алеша успел зубами сдернуть жестяную крышечку с бутылки. И плеснул водки в стоявшие на столе стаканчики. Себе и корреспондентке. Девушка взяла стакан, чокнулась с Алешей и выпила, после чего поморщилась немного оторопело.

- Так вот, о нашей любви с Пьехой узнал директор филармонии. Похабник и прелюбодей. Ёсиф Моисеевич Шмеерзон его звали. Отвратительный тип! – продолжал сочинять Алеша. – И что же он удумал! Пьеху отправил на БАМ – непрерывные гастроли в тайге в течении года. А для меня он подстроил удивительную подлость. На большом концерте ко дню милиции мне по его приказу намазали микрофон чесноком. А у меня же аллергия на чеснок!.. Давайте, милая Дороти выпьем, чтобы вы никогда не маялись аллергией!

Юная англичанка попыталась слабо протестовать, но Алеша был непреклонен и они быстро выпили по второй.

- И вот, представьте - Большой кремлевский дворец... Меня объявляют: «Выступает молодой, но очень талантливый артист Ленинградской филармонии!..». А мой выход был как раз между Леонидом Осиповичем Утесовым и Клавдией Шульженко – чтобы налицо была, так сказать, эстафета поколений. И вот я выхожу, в сияющих лучах рампы. Беру микрофон! И!..

Алеша так увлекся, что на глазах у него выступили слезы, и поддрагивали уголки губ. Я поймал себя на том, что тоже начинаю верить в эту историю. Алеша, выдержав трагическую паузу, продолжил:

- У меня перехватило горло, дыхание! Чувствую – не могу петь! А передо мной полный зал! А в первом ряду сидят все товарищи из политбюро. Брежнев, Суслов, Громыко... А петь я должен был «Яростный стройотряд» - песню про строителей БАМа! И не смог! Так что мою внезапную аллергию посчитали идеологической диверсией на глазах всего политбюро! Хотели дать срок. Спасло только то, что был несовершеннолетним – все-таки самый молодой артист филармонии – вундеркинд считался! Но путь на эстраду с тех пор мне навсегда закрыт...

- Смотри не наклейкай – петь не могу! – покачала головой слышавшая Алешину импровизацию Маша Старкова.

- А как же ваша возлюбленная Пьеха? – грустно поинтересовалась журналистка.

- С Эдитой мы больше не виделись, - смахнул слезу Алеша Козырный.

- Sorry! Мне надо перевернуть кассету, пленка кончилась, - с очаровательным акцентом попросила журналистка.

Пока девушка возилась со своим магнитофончиком, Алеша поймал мой взгляд, кивнул на англичанку и тайком изобразил жест, означавший полную уверенность относительно того, что их отношения скоро перейдут в интимную стадию. Певец как бы интересовался моим мнением, типа – ничего, что она такая стриженная? Мне было неловко отвечать.

- Почему в России так любят эти ваши нелегальные песни? Как вы считаете, Алексей? – снова спросила журналистка.

- Так просто Россию не понять, - насупил брови Алеша. – Дороти, мы с тобой в разном градусе, тебе надо меня догонять, - заявил он. – Иначе у нас не возникнет взаимопонимания.

- Догонялки? Я знать, это такая русская игра? – смущенно улыбалась сильно покрасневшая журналистка.

- Точно, игра! – согласился Алеша. – Ты пока выключи свой магнитофон. А ты, найди мне тарелку поглубже, и хлеба сколько-нибудь! - велел он козлобородому. – Сейчас объясню правила игры.

Алеша вылил остатки водки в тарелку, крошил туда же корку нашедшегося черствого хлеба и вооружился гнутой алюминиевой ложкой. Жестом матерого кашевара певец зачерпнул жуткое месиво. Зачем-то осторожно подул на ложку, снял пробу, оценивающе пожевал губами и причмокнул от удовольствия.

- Вот! Ее-то родимую и будем кушать! – радостно сообщил вошедший в раж Алеша. Глаза его сверкали. – Отведайте, Дороти! Такого вам в Англии не подадут! Старинная русская еда! Тюря! Рецепт давно утрачен, его знают только несколько знатоков. Один, к счастью здесь – это я.

Алеша аккуратно зачерпнул еще ложку месива и потихоньку двинулся к девушке, бережно подставив под ложку ладонь, чтобы не уронить ни капли. Начиная понимать, что ей предлагается, англичанка в ужасе отшатнулась.

- Дороти, кого вы слушаете! – во всю мощь изрядных легких заорал забытый без внимания «гуру» - Они же вас дурачат! – Он выхватил со стола миску, при этом водка с хлебом плеснула через край, в помещении резко запахло алкоголем. – Нашли, кого слушать! Сами жулики, и песни у них жульманские, низкопробные. Вы меня разочаровали Дороти! Вам на самом деле плевать на настоящее искусство! Вам гопники интереснее...

Алеша, из-под носа которого только что выхватили миску с водкой, добытой таким изощренным способом, с досадой бросил ложку, и поднял гитару. И с протестом глядя прямо в глаза несостоявшейся рок-звезде, похабнейшим тоном запел:

- Жулик будет воровать! А я буду продавать! Мама, я жулика люблю!..

Англичанка звонко рассмеялась. Видимо, оценив сцену и без досконального знания русского языка.

- Вот так Алеша небрежно, и не со зла, опускает самолюбие единственного человека, который мог бы нам помочь с записью! Вот это его самый большой талант! - подвела итог Старкова. – Теперь, на помощь не стоит рассчитывать.

Словно подтверждая ее слова, осмеянный «гуру» в ярости повернулся к Старковой.

- Ну, что, довольна? Вот такие гопники тебе в самый раз?! У них и отсасывай «в темном переулке»!

И вот тут я уже не стал сдерживаться. Папина школа наконец-то пригодилась и сработала автоматически. Нырок влево и удар в подбородок. Этот детина еще пролетел метра полтора, прежде чем рухнуть на батарею бутылок в углу. Огонь свечей, потревоженный движением, снова затрепетал. По комнате метнулись тени. Лежа на бутылках, рокер поднес ладонь к разбитому рту и посмотрел на кровь.

- Сука! – бросил он Старковой, не вставая.

Я шагнул вперед.

- Не надо, Сережа! – остановила меня Старкова. - Хватит с него. Но приложил ты его классно. Давно пора было кому-то это сделать. Пошли отсюда.

Уже в переулке мы простились с англичаночкой, которая выскочила из sklepa вместе с нами.

- А как вы это повезете через границу и таможду? – поинтересовалась Старкова.

- Что-нибудь придумаю. Спрячу в кассету группы «Песняры» или Аллы Пугачевой. Отличный материал! Russian underground! Первый класс! – улыбнулась в ответ девушка, уверенными движениями заталкивая магнитофон в небольшой заплечный рюкзачок, который в пору было носить школьнице, а не профессиональной «акуле пера». В следующий момент она уже бодро шагала от нас в темноту переуллка.

9.

Когда мы вернулись к дому, когда поднялись на площадку, и Маша уже открыла ключом дверь своей квартиры, Алеша вдруг спохватился.

- Эх, зря англичанку в гости не пригласили! Не по-русски как-то получается, - посетовал он.

- Ага, чтобы тут у меня при дочери разврат устроил? – подняла брови Старкова. – Смотрите у меня, чтобы сейчас не звука!

- Как она? – спросил Алеша, разуваясь в прихожей как можно тише.

- Катюха-то? – переспросила Маша. – А что ей будет? Растет как на дрожжах. Петь уже начинает понемногу. В музыкальной школе педагог ее

вундеркиндом считает. Сейчас спит уже, наверное. Представь, сама из музыкалки пришла, сама ужин разогрела, спать легла – умница моя!

На цыпочках мы пробрались на кухню, мимо закрытой двери в комнату, где, очевидно спала девочка. На кухонном столе еще красовались остатки нашего дневного угощения.

- Ох, мужики, что же с вами делать! – вздохнула Старкова. – Нельзя вам туда идти завтра. Сердцем чую – нельзя! Это может плохо кончиться...

- Ты пойми, Маш! – горячо перебил Алеша. – Первый раз мне кто-то предлагает делать то, что я хочу. Первый раз кто-то видит во мне не просто скандально-подпольного шансонье, а настоящего певца. И неужели ради этого не стоит рискнуть? Пусть даже и жизнью? Для меня тут и риска-то на самом деле нет - иначе все равно сопьюсь, ты же знаешь. Так и буду мотаться по своему «золотому треугольнику»: Питер-Москва-Киев. Там спел «Мурку», там «Гоп-со-смыком», пока не свалюсь где-нибудь?.. Вот ты говоришь, глупость делаем? А у меня другого выхода нет. Спасибо, вот, Сереге – он деньги собрал!

Но в этот момент из комнаты, двери в которую были закрыты, раздался недовольный тоненький голос.

- Мам! – крикнула девочка. – Ну что вы так орете!

- Не будем, Катюша, спи! – спохватилась Старкова, прикрывая кухонную дверь. - Видал, какая примерная? В десять часов уже в кровати, еще на мамашу покрикивает, воспитывает, - с нежной гордостью пожаловалась Старкова.

- Знаешь, если вот сейчас не решусь – значит, я правда настоящий раб, и других песен не заслуживаю, - на полтона ниже, громким шепотом продолжал Алеша. – Представь сама, что тебе бы сейчас время назад открутить? И сделать так, что ты сможешь петь, как раньше? Неужели бы не рискнула?! Песни поешь, хоть немного? – поинтересовался Алеша.

- Иногда, на кухне, - с грустной улыбкой призналась Маша.

Она в этот момент собирала наши грязные тарелки. Поставила их в раковину, пустила воду. И вдруг потихоньку запела.

- Думы окаянные, мысли потаенные...

- Бестолковая любовь! Головка-то забубенная! – подхватил Алеша.

- Тоже знаешь эту песню? – радостно удивилась она.

- Я все народные песни перелопатил, - с апломбом заявил Алеша.

- Фигня! – прыснула Старкова, - это авторская песня. Юлий Ким сочинил! – и, не прекращая мыть посуду, продолжила петь. – Все вы думы помнитё! Все вы думы знаетё!

- Так по что ж вы мое сердце этим огорчаете! – уже во весь голос весело допел Алеша.

И даже я, будучи совсем дилетантом, мгновенно оценил, как идеально гармонируют их голоса, как красиво звучит то, что эта парочка так легко выдала небрежным экспромтом.

- Ма-ам!!! – снова раздался скорбный вопль из комнаты. – Вы опять шумите?!

- Все, моя ласточка!!! – оглушительно пообещала Маша, и внезапно закашлялась. Громко, взхлеб, мгновенно задохнувшись. Лицо ее покраснело. Не прекращая кашлять, Старкова выбежала из кухни. И только хлопнула дверь в ванной комнате.

- Что с ней? – удивился я.

- Сорвала голос, - объяснил Алеша. – Еще тогда. Самый красивый женский голос, который мне только доводилось слышать. Из-за ерунды! - он только с досадой хлопнул себя по коленке. - Ай, что теперь об этом говорить!

Маша вернулась довольно быстро.

- Вот и все мои песни. Только и гожусь теперь – колбасу музыкантам строгать, - она развела руками с виноватой улыбкой.

Тем временем, Алеша отпросился на минутку на улицу. Сказал – покурить. А мы с Машей остались сидеть вдвоем на кухне друг напротив друга.

- И что? С этим ничего нельзя сделать? – спросил я. – Лечить горло ты не пробовала?

- Гортанный нерв защемлен, - пожалала плечами она. – Опухоль трахеи, говорят доброкачественная. Из-за этого отек голосовой складки. Мне говорили, что где-то за границей, в каких-то швейцарских клиниках вроде научились это лечить. Но кто ж меня в Швейцарию выпустит? И сто тысяч швейцарских франков на операцию где взять? Так что я не переживаю. Горло – слабое место оказалось. Судьба такая. Бодливой корове бог рог не дал, – усмехнулась она, явно стремясь свести разговор к шутке.

- Все равно не правильно это, - от всего сердца сказал я. – Не правильно, что все вот так, - поправился я и еще сильнее смутился.

- И на кой черт вас только сюда принесло?! Жила себе спокойно, - вдруг посетовала Маша.

Она смотрела на меня внимательными карими глазами. И всем своим видом, включая небрежно сложенные полные губы, старалась продемонстрировать, что этот взгляд ничего не значит. Но получалось наоборот, что очень даже значит. Кто бы сказал мне тогда, что главным умением Маши было бросать свою жизнь ломтями на алтарь благополучия своих мужчин? Любивших и восхищавшихся, но никогда не оказывавшихся рядом в трудную минуту. Черда аборт оставила рубцы не только на теле Маши Старковой. Впрочем, озорной блеск сумасшедших глаз неизменно оставался при ней. Разве иногда, ближе к часу ночи его заменяла пьяная истерика.

- Расскажи, лучше о себе? Мне интересно, - попросила Маша. – Как вышло, что вы такие разные, вдруг с Алешкой сошлись? Он ведь талантливый, но такой непутевый, что всякий кто с ним поведется - тоже непутевым становится. Может у тебя получится? Ты не такой, как все его друзья-приятели...

В дверь позвонил радостный Алеша. В каждой руке у него было по бутылке портвейна.

- Там у таксистов целый ночной магазин! – возбужденно сообщил он. – Два портвейшка ведь лучше, чем одна водка? Я правильно купил?

- Алешка!.. – сморщилась Старкова.

Дальше разговора не получилось. Алеша пил купленный портвейн. Я только немного попробовал, и сразу жутко потянуло в сон. Оказалось, что мы и так досидели до двух часов ночи. И Маша начала прибираться на кухне, и принесла матрац, собираясь постелить нам на полу.

- Мария! – игриво заметил Алеша. – Ну что ты затеяла? Стелишь нам вместе, как каким-то двум педикам! Когда рядом такая женщина!..

- Потому и стелю так, что за педиков вас не держу, - многозначительно отрезала она. - А другого места у меня нет. В комнате мы с Катюхой спим. Спокойной ночи!

Но спокойно заснуть в августовской московской жаре даже при открытых окнах было трудно. Под боком непрерывно ворочался и кряхтел Алеша Козырный. Наконец, он сдался – толкнул меня в бок и предложил еще выпить. Я отказался. Но отвязаться от ночного разговора с бодрствующим Алешей было уже не возможно. Через полминуты он снова толкнул меня в бок:

- До чего стержовный характер! – шепотом пожаловался он. – Ведь лежит там сейчас одна, хочет не меньше нашего – и все равно ни себе, ни людям. Как думаешь, хочет?

Подумав, я представил, что действительно Маша еще не спит. И, наверное, хочет. Но вслух ничего не сказал.

- Она ведь горячая штучка, студент, - навязчиво зашептал на ухо Алеша. – Там темперамент ого-го! Это я тебе точно говорю.

- Не называй меня студентом! – идиотизм ситуации злил все сильнее. К тому же требовалось хоть немного поспать перед завтрашним делом. Иначе голова не будет соображать. Я все сильнее жалел, что связался с Алешей. Впрочем, в глубине души я был рад, что мы здесь оказались. Я раз за разом вспоминал, как Маша смотрела на меня, когда мы сидели за столом. И в душе почему-то растекалось блаженное тепло.

- Пойду к ней, - решил Алеша. – Чего голову морочить? В конце концов, мы с ней два года вместе прожили. Только без штампа в паспорте.

Он встал, пошатываясь. Глотнул чего-то из стакана, оставшегося на столе. И тихо побрел из кухни в комнату. По пути еще натолкнувшись на косяк и прошипев ругательство.

И меня взяла такая злость на него, что хоть бросай все дела и сейчас же возвращайся в Питер. Ну, что он везде лезет? Все портит. Но с другой стороны не хватать же его снизу за штанину – дескать, не смей ходить к ней! Взрослые люди, давно знают друг друга – пусть трахаются, если хотят. Мое-то какое дело? И все равно я чувствовал себя донельзя паскудно. Как будто в детстве открыл коробку с подарками, а там – пусто. Все блажь!

Но в этот момент из комнаты послышался громкий стук падающих предметов и злой резкий женский шепот. Отшитый Алеша, недовольно бормоча, приковылял обратно.

- Облом! – объявил он шепотом. Высунулся в окно, затягиваясь сигаретой. – Студент, ты пердеть не надумаешь? Не вздумай! – предупредил он.

- Пошел ты! – грубо отозвался я.

И я вдруг признался себе, насколько мне радостно, что Маша ему не дала. Причем это не было мелким злорадством завистника. Это была чистая радость, как глоток свежего воздуха в кухонной духоте. Только что испытанная неприязнь к Алеше моментально испарилась. Все подтверждается. И значит, все-таки не так все просто с этими взглядами там на кухне. Хотя ни одного слова не было сказано, только глаза. И вообще все не зря!

- Сережа! Я возьму бутылку и пойду спать в ванну, - предупредил Алеша Козырный. - Я часто так делаю. Залезу в теплую ванну, беру стакан вина и кайфую. Сток в ванне пяткой заткну. И сплю. Когда вода до носа доходит – я просыпаюсь, дырочку открываю, спущу немного воды и дальше сплю. Милое дело!

Последних слов я уже не слышал, потому что уснул.

10.

- Никакой он не вор в законе! Шакал гнилой! Ничего святого у него нет. Злость и нож, - вот и все, что у него есть!

Дато «Южный» проговорил эту тираду, нахмурившись, медленно, взвешивая слова. Но в каждой интонации сквозила такая неприязнь к Бесу, что было ясно – мы обратились по адресу.

Выглядел грузинский авторитет не молодо. Впрочем, его вполне могла старить обширная лысина, почти как у Ленина. Кавказские мужчины зачастую выглядят старше своих лет. Так что Дато вполне могло быть лет тридцать, а могло и все сорок пять. По-русски он говорил с грузинским акцентом, но правильно и свободно. Одет был в щеголеватый пиджак из мягкой черной кожи, не взирая на теплую погоду. На ногах авторитета были черные остроносые туфли на высоком, скошенном каблуке. На пальце – золотой перстень с каким-то массивным камнем. Он бы ничем особенно не выделялся бы в кругу обеспеченных грузин, давно обосновавшихся на рынках обеих столиц. Если бы не второй его спутник. Этот здоровяк был заметно моложе и на целую голову выше своего шефа. Он только молчал, а трехдневная щетина придавала его лицу дополнительную суровую угрюмость.

- Телохранитель, – шепотом отметил Алеша, кивнув на второго грузина, когда Дато отвернулся.

Грузины обменялись парой непонятных фраз на своем языке.

- Садитесь в машину, - скомандовал нам Дато. – Со мной будете. Поговорим с авторитетными людьми о вашей проблеме.

Как только мы с Алешей забрались на заднее сиденье черной «Волги», певец немедленно спросил:

- Дато, а Бес круче тебя в вашей воровской табели о рангах?

Я не успел и глазом моргнуть, как он такое ляпнул! Причем на лице Алеши было написано такое невинное детское любопытство, словно он сам не понимал, что играет с огнем.

Дато ответил не сразу. Он долго смотрел на дорогу, видимо, подбирая слова. А Алеша Козырный не унимался.

- Я просто спросил: может ты у себя в Грузии вор в законе, а в Москве Бес главнее?

Я поддал ему локтем в бок, от всей души. Дело в том, что утром Алеша, проспавший всю ночь в ванне (и едва не затопивший нижних соседей), на полчаса куда-то исчез. И видимо, успел где-то хватануть. Потому сейчас был подозрительно бодр и бравировал смелостью.

- Не бывает, уважаемый, так, что один вор хуже другой – лучше. Коронованный вор – его слово – закон, - авторитетно растолковал Дато, как бы пропустив мимо ушей Алешину дерзость. – А Бес – он не настоящий авторитет. Он – мокрушник. Режет направо и налево. А по понятиям, как мокрушник законником считаться может? Весь его авторитет только на страхе держится. Не на уважении. Нет в нем справедливости, генацвале...

Водитель-телохранитель даже цокнул языком, и в полголоса произнес какую-то гортанную фразу.

- Многие не уважают и не признают кровавый его авторитет. А Бес понимает – все это видят. И ему хочется доказать, пригнуть людей, волю свою навязать. Потому, что сам боится. Когда все люди поймут, что не настоящий его авторитет – плохо будет...

- Боятся, значит, уважают, - с хмельным упрямством заявил Алеша.

- Много говоришь, уважаемый, - неодобрительно заявил Дато, не оглядываясь на Алешу со своего переднего сиденья. – Ты певец?.. Тебе петь, а не рассуждать будет правильнее.

Наша черная «Волга» завернула к служебному входу и проехала прямо вдоль причалов речного вокзала. Охранник, у ворот с вывеской «только для служебного транспорта» и не думал спрашивать пропуск, а торопливо засуетился, поднимая шлагбаум. И, наверное, даже отдал бы честь, если бы успел – наша «Волга» вихрем промчалась, не снижая скорости. А москвичам, которые шли по причалу, угрюмый грузин-водитель отчаянно сигналил и они шарахались из-под колес в панике.

- С ветерком едем! – оценил Алеша. – С понтом!

«Волга» эффектно затормозила возле очередной двери «посторонним вход воспрещен», которая немедленно распахнулась для нас. И по короткому коридорчику, безо всякой очереди, нас провели на небольшой кораблик. «Ракета», из тех, что на подводных крыльях лихо гоняют по Москва-реке.

- Дуру отдай, - преградили дорогу несколько блатных, как только мы шагнули на борт кораблика.

Грузин-телохранитель явно замялся, его правая рука продолжала оставаться под пиджаком.

- Тимур велел - никаких волын на борту, - на всякий случай пояснил блатной со шрамом «заячьей губой». – Расходиться будем, я все верну.

- Отдай, Муртаз, - как бы небрежно и снисходительно велел Дато и, не оглядываясь, шагнул вперед. – Мужчина не этим силен.

- Наган, - прошептал мне на ухо Алеша, краем глаза подсмотрев, что передал встречавшим уркам охранник Дато.

Как только мы прошли в пассажирский салон, кораблик отчалил.

- Прямо, как у нас в ресторане «Парус»! – мгновенно оценил обстановку Алеша Козырный.

Вместо обычных рядов пассажирских сидений, здесь были накрыты длинные столы буквой «П». В передней части салона настраивал инструменты вокально-инструментальный ансамбль. Собравшаяся здесь публика, только на первый взгляд походила на обычных пассажиров. Но понемногу я разглядел существенные отличия. Например, бросалось в глаза отсутствие женщин. Присутствующие мало говорили между собой. Только усиленно поздравляли какого-то мужчину средних лет и тоже кавказской национальности.

- Спросят – вы со мной! – предупредил Дато «Южный» и тоже поспешил присоединиться к поздравлениям.

- Собрались, упыри! – шепнул мне на ухо Алеша.

Некоторые гости уже сидели за столом, другие стояли плотными группками возле окон и явно томились. Если присмотреться, то у многих из рукавов парадных пиджаков виделись синие от наколок кисти рук. У других явно не хватало передних зубов. Третьих выдавали быковатые шеи. И почти всем, было неуютно в гражданской одежде – пиджаки и галстуки явно мешали криминальной публике. Это был настоящий воровской «сходняк», а не воскресная экскурсия провинциалов.

- Ты сильно языком здесь не мели. Обоих нас подставишь! – предупредил я певца. – Бес здесь!

Я знал, что встретиться с Бесом обязательно придется. Для этого мы и проделали свой долгий путь. Но словно школьник, пришедший на урок с невыполненным домашним заданием, где-то в глубине души я до последнего мгновения надеялся, что по каким-нибудь причинам, встреча лицом к лицу не состоится. Не тут-то было. Бес тоже заметил нас. Я инстинктивно отвел глаза. Но тут же приказал себе не бояться. Ну, хотя бы не показывать этого. Тем более, что отворачиваться было уже поздно.

- Не ссы, фрайера! Я сегодня добрый! – осклабился Бес своей подленькой полуулыбкой. – Что тут делаете?

И при этом он быстро оглянулся по сторонам, оценивая, смотрит на нас кто или нет. У меня похолодело внутри. Он стоял очень близко и словно прикидывал, насколько незаметно можно сейчас сунуть нож мне под ребра.

- Не ссы... - опять прошептал он, словно наслаждаясь нашей оторопью.
 - Здравствуй, уважаемый! – вернулся Дато. – Как здоровье твое – живи сто лет!

Бес ухмыльнулся еще сильнее. Заголив гнилые, совершенно черные зубы. Из-за которых у него, наверняка, мерзко воняло изо рта.

- Сто лет тебя в гробу видать! Вот к кому под крылышко прилетели, значит?..

Казалось, что бандита все очень веселит.

- Знаешь Дато, эти фрайера задолжали мне по крупному? И теперь я им хозяин.

- Мы долг привезли. Деньги отдадим и будем с тобой в расчете, - не выдержал я.

- Нет у меня никаких хозяев! – выпалил Алеша. – Не было и не будет!..

- Спокойно, батона, - остановил его Дато. – Давай Бес, все рамсы разведем по справедливости, авторитетные люди пусть рассудят...

- Ты что, ли авторитетный? Лаврушник не сидевший, - слышно только для нас пробормотал Бес. – Не лезь в мои дела – целее будешь. А долг отдать... Это еще заслужить надо. Клоуны дешевые! Сегодня попляшете у меня...

Когда начали рассаживаться за столы, Дато усадил нас рядом с собой. Надо было ждать. Дато предупредил, что разговоры о деле только после того, как главного авторитета поздравят с днем рождения. Это – повод для сходки.

- Бродяги! – неожиданно раздался голос Беса. – У всех налито?!

Бандит, стоял со стопкой водки и готовился сказать тост. Весь «сходняк» повернулся к нему.

- Мы собрались здесь, чтобы поздравить уважаемого Тимура! Здоровья тебе, и пусть сдохнут твои враги! Позволь передать тебе подарок от питерских воров, - он тряхнул в воздухе пачкой купюр. – А сам я лично подарок тебе подгоню особенный. Любимый в зонах певец Алеша Козырный.

За столом пролетел одобрителный шумок. Урки начали с интересом оглядываться по сторонам, изучая, кто же здесь – тот самый певец.

- Он мне мало-мало должен, - продолжал Бес. - И сегодня споет для тебя, все, что прикажешь. А для начала сбацай, Алешенька, «Мурку» для дорогого нашего Тимура и всех уважаемых людей!

Так Бес подловил нас и загнал в угол. Отказаться спеть для главного авторитета Алеша не мог. Но, в то же время, начав сейчас петь, он как бы признавал, что Бес может им командовать.

Алеша никогда не отличался здоровым цветом лица. Но тут он мертвенно побледнел, поднимаясь из-за стола. Он еще неловко зацепил вилку, и она со звоном полетела на пол. У певца дрожали руки от бешенства.

- Никогда не был ссыкуном Алеша Козырный! – пробормотал он, направляясь к микрофону.

У меня сперло дыхание. Но эта оторопь уже не была паническим парализующим страхом, как тогда ночью в ДК. Просто не знал, что делать. Точнее знал, что от меня сейчас ничего не зависит, и замер перед тем как

что-то начнется. Может быть, Старкова была права, и через полчаса мы будем уже холодные опускаться на дно реки.

Алеша коротко посоветовался с музыкантами. И подошел к микрофону.

- Тут мой закадычный кореш Адриано Челентано звонил на прошлой неделе. Жаловался – мафия итальянская совсем ослабла, легавые их там крепко прижали! – бодро заявил он в микрофон на весь зал.

Я не представлял – что он несет? Но Алеша ослепительно улыбался, не хуже голливудских звезд, когда им вручают «Оскары».

- Челентано меня спрашивает, есть ли у вас в России настоящие авторитеты? Так я ему говорю – только у нас настоящие авторитеты и остались. Вот, например, уважаемый Тимур Ионович! И что? Спрашивает меня Челентано. Неужто, Алеша не споешь, для Тимура и для бродяг какую-нибудь мою песню? Какой, базар, говорю, Челентано, сейчас сделаем, все путем будет! Ван-ту-фри-фо! – прокричал Алеша в микрофон, ансамбль грянул первые аккорды.

- Я сказал «Мурку» давай! – еще раз приказал Бес.

- Ла шанте ми кантаре! Унд пиро уно чезо! Ла шанте ми кантаре би пароле итальяно! – Алеша вдруг запел какую-то чудовищную тарабарщину, с претензией на иностранный язык.

Впрочем, ансамбль, отлично понимал его, и наигрывал мягкий медленный ритм.

- Слышь, земляк, что это он поет? – спросил сидевший слева от меня пожилой урка.

- Это «Итальянец» новая модная песня Тото Кутуньо, - наконец, сообразил я сам, узнав песню, которую Алеша с таким восторгом и энергией выдавал в микрофон. И его веселость начинала передаваться гостям. Бандиты весело переглядывались, наливая по второй.

- Во дает, Козырный! Все может, – ухмыльнулся мой сосед. – Давай махнем? – и он налил водки. - Тебя как зовут?

- Сергей, - представился я. – Из Питера приехал.

- Да нет, я про погоняло спрашиваю? – удивился сосед.

Пришлось признаться, что прозвищ у меня никогда не было.

- Не порядок, - вздохнул мой сосед и выпил рюмку. – Как же тебя люди знать будут? Серег ведь много, а ты такой один. Без погоняла и на пересылке базаров не оберешься... А ты на студента похож. Если когда спросят, говори - Студент, понял? А что – нормально. Человек ты молодой, тебе под стать. А уж какой авторитет сумеешь набрать под это погоняло – как жизнь распорядится.

- А вы тоже, вор в законе? – спросил я, видимо, уже захмелев.

- Корону не ношу, - со сдержанной авторитетностью пояснил новый знакомый. – Но уважение среди братвы имею. Так что, если в камере кто спросит, смело говори, что погоняло тебе дал Ощеп Ростовский на дне рождения самого Тимура! Наливай!

Алеша тем временем закончил песню, замахнул поднесенную рюмку и немедленно запел следующую – «Money, money» из репертуара «ABBA».

Причем обнаружилось, что с английским языком у него ничуть не лучше, чем с итальянским!

- А правду говорят, что у Беса авторитет ненастоящий? – решил я спросить у своего блатного соседа.

Тот пристально посмотрел на меня и сначала промедлил с ответом.

- Он свой авторитет у кого угодно из глотки вырвать может, - нехотя, и без особой симпатии, наконец, проговорил мой «крестный». – Но многие воры его не уважают. Ходил слушок, будто ссучился он по первой ходке. Но предъявить реально ему никто не смог. А с тех пор времени много прошло и всех, кто базарил про это, Бес на перо уже пристроил.

Ничего хорошего нам такая информация не сулила.

- И Дато против Беса, плохая защита, - проникательно добавил старый урка. – За «Южным» свой грешок водится. Срок-то у него условный был. А вор должен отсидеть от звонка до звонка. И где он короновался, если зоны настоящей не нюхал? Много сейчас развелось странных таких «законников», богатеньких и все больше с Кавказа... Так что на одном авторитете Дато Бесу ничего доказать не сможет. А по беспределу – тем более. Стволы ни у кого нет. А ножом Бес здесь всех попишет. Тут ему равных нет, - «мой» урка ухмыльнулся, блеснув золотой фиксой в верхнем ряду зубов. – Чуешь, Студент, расклад не твой...

Тем временем, зазвучали новые тосты. Тимура поздравляли уже другие деятели криминального мира. Алеша, вернулся за стол, на ходу смахивая пот со лба. Он спел три песни, все три на «иностранный» тарабарщине. Ни одной блатной песни он не исполнил. Но ворами все равно понравилось, и они потянулись к нему знакомиться и выпивать.

- Зря твой друг Козырный не по-русски поет, - посетовал Ощеп, повернувшись ко мне. – В зоне ведь каждый человек такую тяжесть в себе носит. Не до песен там. Редко-редко услышишь. Но тогда уж, как по сердцу полоснет. И душа у сидельцев понемногу оттаивать начинает. Слушаешь и понимаешь, что выходит - жива она все еще, душа-то... Такая сила – песня. Только чтобы слова были – не порожняк...

Алеша, тем временем, выпил подряд уже три или четыре рюмки водки. Я с беспокойством наблюдал, как он бледнеет все сильнее и сильнее. Если Алешу продолжат спаивать в этом же темпе – это еще сильнее осложнит наше и без того отчаянное положение.

И не успел я об этом подумать, как певец сложил кукиш и исподтишка, но отчетливо продемонстрировал его Бесу, через стол. Алеша напился и просто потерял голову. А я никак не успевал ему помешать! Хорошо, что Бес сразу не бросился на него. Но теперь уже точно уйти отсюда так просто, Бес нам не даст. Все пути к мирному отступлению певец нам отрезал своей пьяной выходкой.

К счастью грозившую затянуться Алешину вакханалию прервал угрюмый урка. Из тех, что забирали оружие, при входе на кораблик.

- Тимур зовет, - не то позвал, не то велел он, подходя к Дато.

- Пошли, - кивнул нам грузин.

Решающий момент наступал. Я еще раз приказал себе собраться, чтобы не выказать страх. А Алеша уже находился под хмельком и страх ему был в эту минуту неведом.

- Красиво поешь! – раскрыл певцу объятия главный авторитет Тимур, как только мы приблизились к нему. – Душа у тебя жиганская, свободная. Благодарю, хорошо спел, порадовал!

Пока главный авторитет знакомился с Алешей, я искоса бросил взгляд в сторону Беса. Как ему это понравится? После такого приема Тимура, Алеша в этой кампании станет неприкосновенным. Наезжать на певца теперь поостерегутся. Самое время было решить главную проблему – отдать долг, и чтобы это было скреплено авторитетом Тимура.

Впрочем, стоило посмотреть на Беса, чтобы понять, что вряд ли его остановит чей-то авторитет, только сила.

- Дело есть у нас, Тимур, дорогой! – заговорил Дато. – Хорошие люди помочь попросили, - он выразительно кивнул на Алешу и меня. – Очень на твой авторитет надеются. Хотят Бесу долг вернуть. По честному, чтобы никто не сомневался...

- Долги надо платить, - философски произнес Тимур. – Бес подойди к нам! Сколько Козырный тебе должен?

- Сколько ни должен – все мое, - осклабился Бес и синее змеиное жало у него на горле от этого шевельнулись, словно извиваясь. И на мгновение мне показалось, что он как будто издевательски подмигнул мне. Или даже не подмигнул, а одними глазами показал какую-то тайную издевку.

- Восемь тысяч рублей, - ответил за него Дато. – Так?

- Восемь тысяч, - сказал уже я, и полез за подкладку пиджака, вытаскивая часть денег. – Считайте! Вот четыре тысячи, первая половина... Главное, чтобы все знали, что мы в расчете и Алеша свободен от долгов...

- Мне на бабки насрать, мне принцип важен, честь воровская, - куражился Бес. Он, не пересчитывая, хлопнул купюры на стол. – Все вобщак отдаю. На грев братве, кто в зонах чалится... Тимур, правильно поступаю?

Авторитетный грузин только молча кивнул.

В этот момент я попытался достать вторую часть денег, зашитых в подкладку пиджака с другой стороны. Неловко изогнувшись, я засовывал руку все глубже и глубже, пока она просто не провалилась в пустоту. Денег не было! Подкладка снизу была испорчена.

- Деньги пропали... - только и сумел сказать я.

- А?! Братва! Все видели?! Фуфло подсовывают вместо денег! – истерично завопил Бес. Он суетливо дрыгал - разводил руками, призывая участников сходки в свидетели. В уголках рта его запенилась слюна. — Тимур! Вот как твой любимый Козырный с долгами расплачивается! - он сжал кукиш и потрясал его перед носом Алешы.

Бандит ломал комедию не хуже настоящего артиста. Он ведь все знал заранее, я не сомневался. Он дал мне это понять взглядом минуту назад.

- Деньги здесь украли, - наконец осознал я, что произошло. – Бес и украл.

Теперь я даже понял, когда это произошло. В самом начале, когда Бес отирался около меня, и я еще побаивался - не сунет ли он нож под ребра? Он просто отвлекал внимание, а кто-то из его прихвостней в это время подрезал мой пиджак. Бес и не думал отпускать Алешу по-честному.

- Это ты мне предьявляешь? – шепотом, словно потрясенный до глубины души, спросил Бес. Он как будто не верил услышанному. – Бродяги! Дешевый фрайер вору на сходке кидает предьяву в крысятничестве! Братва! Век воли не видать! Или уже понятий никаких не осталось?..

- Кончай горланить, как потерпевший. Студент – честный фрайер – я с ним говорил, - так неожиданно вступился за меня Ощепа Ростовский.

- Ну, так если б я украл, деньги бы у меня были, - тихо проговорил Бес. – А где они? На! Обыщи все карманы!..

И он сам принялся выворачивать карманы штанов. Из одного он выложил на стол уже знакомый мне жуткий тонкий нож-бабочку. В другом и вовсе было пусто. За столом уже никто не разговаривал. Все смотрели на нас и ждали, чем кончится эта история.

- Я знаю, где деньги, - вдруг сообразил я. – Он их подарил Тимур, сказал, что питерские воры послали...

- Надо питерских спросить, - оживился Дато.

Как молния Бес метнулся к нему, схватив со стола свой нож. В какую-то долю секунды, тряхнув кистью руки, отработанным движением он выпростал длинное лезвие и уперся им под подбородок Дато. Огромный телохранитель даже не успел шелохнуться.

- Твой фрайерок хочешь сказать, что уважаемый Тимур принял бабки закрысяченные? – прошипел Бес, едва не прижимаясь лицом к щеке Дато. – Ты что ж такое базаришь, гнида!..

Дато «Южный» только инстинктивно задирает подбородок выше. И беззвучно открывает рот. Он оказался совершенно беспомощен. А пара подручных Беса уже стояла наготове рядом.

- Перо убери! – велел Бесу Тимур. – Ты что пришел ко мне пером махать? Совсем рамсы попутал? Честные воры на «сходняк» собираются базары тереть, а не резать друг друга мусорам на радость.

Бес быстро оглянулся – взгляды сидящих за столом не выражали ему одобрения. К тому же уголовники, выполнявшие роль телохранителей Тимура уже все оказались рядом. Кто-то стоял рядом с Тимуром, кто-то возле Беса и урок, пришедших с ним. Так что резня обещала быть взаимной.

- Ты у меня порядки свои наводить решил? – поинтересовался Тимур. – Сядь. Никто никому ничего не предьявляет. Не дам рушить воровской мир из-за пустяков...

- Это ты так земляка защищаешь? – бледнея от злобы, пробормотал Бес, кивая на Дато, но все-таки убирая нож от его шеи. – Не по понятиям это Тимур, не по понятиям...

И медленно отступая, бандит еще крикнул Алеше.

- А ты, лабух, теперь до конца жизни мне должен будешь, за подлые трюки свои...

На наше счастье, прогулка криминальных авторитетов по Москва-реке уже подходила к концу. Кораблик возвращался к причалу.

Дато «Южный» потёр то место на шее, куда ему был приставлен нож.

- Ну, так как с долгом считается, Тимур Ионович? – негромко спросил он, как ни в чем не бывало.

- А что с долгом? – нахмурился Тимур. – Денег нет – значит и долг не отдан.

При этом авторитет смерил взглядом Дато и сказал ему несколько фраз по-грузински. И хотя они говорили на родном языке, мне почему-то было совершенно ясно, что Тимур высказал своему «Южному» земляку.

Поэтому оставшиеся несколько минут, пока парходик причаливал, я старался держаться на расстоянии не только от Беса, но и от Дато. Вообще нестерпимо хотелось вырваться на воздух их этого бандитского гнезда. А Алеша просто тупо сидел за столом, и непрерывно наливал себе водку в рюмку, опрокидывал ее в рот, и тут же наливал другую. Так словно он торопился поскорее выпить всю бутылку мелкими стопочками.

Впрочем, я зря опасался Дато. Когда воры покидали кораблик грузин, уже успел остыть.

- У-у, сука мусорская, - пробормотал он вслед спускающемуся по сходням Бесу. – Поквитаемся еще.

На пристани грузин сел в свою шикарную черную «Волгу» и умчался.

- Ну, и чего мы добились? – спросил меня нетвердо стоящий на ногах Алеша.

И в этот момент я понял, что все занятые мной у разных людей деньги безнадежно угроблены. До последней копейки. И мне стало не по себе. А короткий восторг счастливого освобождения, испытанный, как только удалось живыми покинуть воровской корабль, сменился холодом отчаяния в груди. Я теперь – тварь, обокравшая собственных отца и мать. Потому что возможности отдать их деньги, тайком украденные со сберкнижки, не осталось никакой.

Я понял, что с этого момента моя жизнь безнадежно изменилась. Что-то случилось с моей жизнью. Потому, что ее уже никогда не вернуть в то состояние беззаботной свободы, которое я не ценил по достоинству еще несколько месяцев назад. Когда этой беззаботной свободы у меня еще было так много.

11.

На следующее утро Алеша пропал.

- Нет, все! Не пойду куда его искать, достаточно я за ним в свое время побегала, - вдруг передумала Старкова. И принялась стаскивать только что надетые туфли. – Больше он меня на эту удочку не поймает... - она отрицательно помаячила ладонью перед лицом, убеждая не то меня, не то себя. – Хватит!..

Алеша не было уже часа два. Я видел с балкона, как он вышел из двора под арку. И, по-моему, там как раз стояла какая-то машина. Которая тут же сорвалась с места? Я точно это запомнил.

- А может воры его подкараулили? – вслух предложил я.

- Ой, не смей меня! – воскликнула Старкова. – Похищение века! У ближайшей пивнушки...

Я пожал плечами и тоже стянул кроссовки. В конце концов, мне было все равно где ждать вечернего поезда. На меня и так столько всего навалилось, что хотелось только сидеть без движения и, главное, не думать ни о чем. Все утро следующего дня после нашего провала на бандитском кораблике я простоял на балконе в прострации. В основном курил и даже думать не мог о том, что я буду делать в Ленинграде. Потому что прийти домой к родителям и рассказать – как я украл у них последнее и сколько еще чужих денег угробил – было выше моих сил. Я вообще не представлял – как смогу теперь переступить порог родного дома. И куда деваться.

А тут еще надо было подобрать слова, как объяснить Маше, что мы немедленно возвращаемся в Питер первым же вечерним поездом. И что ей не надо обзванивать своих друзей рокеров в тщетных попытках помочь нам организовать запись. Именно этим Старкова занималась – все утро она сидела на телефоне. Мне было неловко находиться в комнате, где она, то ругалась и бросала трубку, то уговаривала кого-то, начиная интимно ворковать. Я просто сбежал на балкон, чтобы не слышать всего этого. И понимал Алешу, которому тоже хотелось вырваться из квартиры наружу.

Зазвонил телефон.

- Ну вот, сейчас похитители скажут: «Положите миллион под водосточную трубу, если не хотите, чтобы мы вернули вашего друга по частям», - пошутил я. – Все как в кино.

Маша взяла трубку. Я вернулся на балкон. Через минуту она вышла ко мне с озабоченным лицом. У меня от мгновенного испуга перехватило дух. Но она сказала совсем не то, чего я боялся.

- Позвонили, говорят, есть студия, но только сегодня и завтра там можно поработать.

Вчера, когда мы вернулись со злосчастного кораблика, Старкова не сказала ничего, типа: «Ну, я же говорила!» Хотя вполне могла бы это себе позволить. Спрашивать нас было не о чем. Все было слишком ясно написано на лицах. Алеша плюхнулся в комнате на диван, лежал, глядя в потолок, и жаловался на головную боль, а потом уснул. Я вообще не мог ни о чем думать, чтобы при этом не приходиться в отчаяние. Не было сил рассказывать ей, как нас продинамили воры.

И вот она снова стояла рядом, убеждая, что запись все-таки может состояться.

- Вашему уголовнику узнать об этом неоткуда. И вообще, кто узнает, что это вы здесь, сейчас записали? – пожимала плечами Старкова. - Алешка всем будет рассказывать, что это записал еще зимой где-нибудь в Киеве? А

как уж вы записью распорядитесь – сами потом решите. Может, хоть сколько-то денег отобьете?..

Мне не верилось в эту запись, которая вырисовывалась случайно, на птичьих правах. И я даже пожалел, что не помешал ей начать помогать нам. Если бы все было кончено – стало бы даже легче. Но теперь получалось, что отказаться уже неловко.

- Ну что, объявляем всесоюзный розыск подпольного артиста? – оставалось мне только кивнуть на входную дверь.

Жара и автомобильный чад еще не успели пропитать это московское утро. Солнце еще не накалило асфальт тротуаров. И московские дворы в этот час еще стояли пустыми и манили посидеть в утренней прохладе на лавочке.

- Ну, где тут у вас пивные точки? Начнем с ближайшей? – осведомился я. – А дальше по часовой стрелке пойдём или против?

- На Пресню поедём, - решила Старкова. – Там живет один его знакомый коллекционер. За выпивкой он к нему поедет. Денег у Лешки нет. Единственный шанс его словить - если он двинул к этому своему корешу. А всяких рюмочных и пивных в нашем районе столько, что все их обойти – жизни не хватит. Вот кто бы еще вчера сказал, что снова начну бегать Лешку разыскивать – я бы в лицо тому рассмеялась! – И она, действительно, как-то забавно сморщившись. – Хорошо хоть Катюху на дачу к бабушке отправила – не увидит ребенок моего позора.

Доехав на метро до «Краснопресненской», мы двинулись вверх по улице в сторону парка, где стоит памятник рабочим, героически погибшим здесь в революцию 1905 года. Затем свернули под арку длинного, современного здания большого спортивного магазина «Олимп». Во дворах Старкова уверенно подошла к крайнему подъезду одной из «хрущовок» и остановилась перед дверью на первом этаже. Я несколько раз нажал на дверной звонок, но в квартире никто не шелохнулся.

- Тоже, наверное, на даче? – предположил я.

- Погоди, - что-то заподозрила Старкова.

Маша вернулась наружу и принялась, совершенно бесцеремонно заглядывать в квартиру, через окно. Она без стеснения поднималась на цыпочки и вытягивала шею, выискивая малейшие щелки между шторами. Чем вызвала оживленное любопытство стайки дворовых старушек, чинно восседавших на лавочках. Но это не остановило Старкову. Наоборот, Маша начала стучать в оконное стекло.

- Акула! – громко позвала она. – Акула, открывай!

Но в ответ – ни единого звука.

- Нет там никого Маша, - возразил я.

- Акула! Кончайте прятаться! – не обратила внимания Старкова. – Мы за Алешей пришли. Открывай, хуже будет! Сережа, вернись в подъезд, пни несколько раз дверь, по настоящему, от души! – обернулась она ко мне.

Маше не пришлось просить меня дважды. Первый раз я пнул обшитую дерматином дверь вполсилы. А потом злость и раздражение взяли свое. И я начал ломиться в дверь с такой яростью, вымещая на ней все обиды и

неудачи и тоску от пригибающих к земле долгов, что косяк заходил ходуном и странно, что не рухнули хлипкие стены хрущовки.

- Хватит, - остановила меня, обеспокоенная Маша.

Но из-за дверей уже раздавался перепуганный голос.

- Это хулиганство! Сейчас милицию вызову!

В квартире, и правда, кто-то был. Наша «психическая» атака сработала.

- Акула! Не надо нам лапшу на уши вешать! – повеселела Маша. – Какую милицию с твоей коллекцией блатных песен и царских портретов?

Двери уже открывали.

- Машенька! – расплылся в фальшивой улыбке благообразный высокий старик в видавшем виды, но бархатном пиджаке и с шелковой косыночкой, обвязанной вокруг шеи вместо галстука. – А я задремал по стариковски, вот и не слышу, что вы звоните. А ломиться-то зачем!

Однако, заверения хозяина квартиры никак не объясняли, почему от него пахнет алкоголем, а белки глаз маслянисто поблескивают.

- Ага, не слышит он! – ехидно не поверила Старкова, без малейшего смущения делая шаг в квартиру. – Где второй алкоголик? Нам Алешка нужен, быстро давай его, дело есть.

- Алексей ушел! – развел руками старичок. – Побыл у меня малость, и дальше двинул по своим делам. Выпимши он был...

Но Старкова, явно не доверяла ни единому слову хозяина квартиры. Она желала убедиться в отсутствии Алеши собственными глазами. И учинила настоящий обыск, осматривая комнаты, распахивая шкафы и даже заглянув под кровать. При этом она не прекращала рассказывать мне.

- Вот, Сережа! Ты можешь познакомиться с широко известным в узких кругах Петром Ильичем Акуловым, а проще – Акулой. Официально он – пенсионер, неофициально – барыга-спекулянт, кровопийца – за копейку удавится - и собиратель блатных и эмигрантских песен...

Квартира этого старорежимного персонажа оказалась довольно темная и душная. В тесных комнатах и в коридоре стояло штук шесть старых холодильников. А над ними на стенах висели в толстых золоченых рамках портреты каких-то деятелей явно царских времен – бородатых генерал-губернаторов и штатских спесивых чиновников с орденскими лентами на выпяченной груди. Но еще больше здесь было афиш довоенной поры. Сначала мне бросилась в глаза та, на которой была изображена томная блондинка, похожая на артистку Целиковскую, но надпись на афише гласила, что это певица Изабелла Юрьева. Но в следующей комнате было еще интереснее.

- Смотри, Маша! Айседора Дункан! Выступление в клубе «Пролетарий» декабрь 1922 года, красноармейцам и командирам вход бесплатный! – прочитал я.

- Слава Богу, хоть Маты Харри у него нет, - отозвалась Старкова. Она была зла, убедившись, что Алеша действительно отсутствует.

- А зачем столько холодильников? – поинтересовался я.

- Магнитофонная лента там лучше хранится. Она требует определенной температуры и всяческой заботы, - любезно пояснил хозяин, открывая один холодильный шкаф. Полки холодильника действительно были забиты плотными рядами катушек магнитной ленты. Все они были пронумерованы и тщательно упакованы в целлофановые пакетики и картонные коробочки.

- Самая полная коллекция Утесова на весь Советский Союз, - подтвердила Старкова. – И еще куча всякой всячины.

- А, правда, что Утесов тоже пел блатные песни? – спросил я.

- А как же! – всплеснул руками коллекционер. – На грампластинках даже выходили. «С Одесского кичмана бежали два уркана» - говорят Сталин очень любил эту песню. И «Бублички». Могу вам хоть прямо сейчас поставить для знакомства.

Мгновенно потеряв волю, как только речь зашла о главном смысле его жизни, коллекционер подошел к большому старинному граммофону, стоявшему на тумбочке, и начал перебирать стопку пластинок рядом на стеллаже. Он даже забыл, что побаивается нас, торопливо выпаливая сведения, накопленные годами.

- Леонид Осипович Утесов, которого на самом деле звали – Лазарь Вайсбейн, начинал карьеру артиста в уличном балагане. Сперва, выступал акробатом, чтецом, примерно тогда и возник псевдоним Утесов, петь он начал уже после революции, - Акула рассказывал, как заведенный, не прекращая рыться в своих сокровищах. - Это были времена НЭПа, эпоха знаменитых налетчиков: Ленки Пантелеева, Мишки «Япончика». Бешеная мода на джаз. И как джазмен в той Одессе мог не петь про налетчиков? Он и пел «сбежали два уркана», и наверняка многое другое, что до нас, к сожалению, не дошло...

Петр Ильич нашел нужную пластинку и даже принялся раскручивать рукоятку старинного граммофона. Но увлекшегося коллекционера прервала Старкова.

- Вот, полюбуйся! Здесь они пили! – крикнула она с кухни.

Действительно, в распахнутом ею стенном шкафчике обнаружили красноречивые свидетельства. Почти допитая бутылка водки, пара стаканчиков и блюдце с объедками какой-то немудреной закуси.

- Он только что здесь был! – поняла Старкова. – Наверное, ноги сделал через окно, пока этот нам открывал и мозги пудрил?! Так?! – еще сильнее разъярилась она.

- Что-ты, Машенька! – перепугался старик, видимо, хорошо себе представлявший характер Старковой. – Он примерно за полчаса до вас ушел. Сказал встреча у него. На Ваганьковское кладбище собирался. Могиле Высоцкого, говорит, поклониться хочу.

- Какая-такая встреча? – наседала Старкова, мрачней с каждой секундой. – Продал его, говори?

Мне была не очень понятна ее яростная неприязнь к этому аккуратному старомодному дедушке.

- Когда ты вот так грубо себя ведешь, Машенька, очень некрасивой становишься, - попытался увильнуть Акула.

Но Маша явно догадывалась о чем-то, просто хорошо зная его повадки. Я тоже сделал шаг к коллекционеру. И это его напугало. Видимо, старичка впечатлило, с какой психованной силой я колотился в его дверь.

- Алеша сам попросил, - суетливо оправдывался он. – Все спрашивал: «Разве от меня убудет, если еще раз блат спою?». А я ему говорил: «Нет, конечно, от тебя не убудет»! Он переживал, что много денег людям должен, отработать собирался...

- И ты его продал! За хорошие комиссионные? – сделала вывод Старкова. – Где у него встреча? – ее лицо действительно некрасиво искажала гримаса ярости.

- Так на Ваганьковском... – замахал руками Акула. - Мария, ты меня неправильно поняла!

- Пошли отсюда скорее! – дернула меня за рукав Маша. – Может, еще успеем его перехватить! От Пресни до Ваганьковского кладбища полчаса езды.

Мы почти бегом выбежали из квартиры. На ходу, задыхаясь от ярости, Маша растолковывала мне.

- Ты понял?! Вот так они все на Алешке деньги зарабатывают, а самому исполнителю только водки подливают! Этот старый гаденыш позвонил блатным за свои комиссионные. А Лешка дурачок наивный, рассчитывает долг отработать! Так его там заставят «Мурку» петь до конца жизни, пока сам с тоски не повесится...

Мы уже успели завернуть под арку на остановку, когда старый коллекционер выбежал вслед за нами из подъезда.

- Машенька! Ты меня не правильно поняла! – заламывал руки Акула. Но мы уже не обратили внимания на его слова, стараясь добежать до троллейбуса, как раз подходившего к остановке.

Шел будний день, и перед Ваганьковским кладбищем не было большой очереди посетителей. Мы подъезжали. Уже виднелся небольшой храм, ворота кладбища были широко распахнуты. Несколько старушек, сидящих в ряд, торговали букетиками доморощенных цветов и траурными венками. У входа маячила мужская фигура. Худая и сутулая. Человек повернулся.

- Вон он - Алешка! Успели! – в восторге крикнула мне Старкова.

Наш троллейбус останавливался, двери разъехались. Маша первая ринулась наружу.

- Алешка! – закричала она через улицу.

Но в этот момент светофор зажег для автомобилей зеленый свет. Алешу всполошил крик. Он сделал резкое движение. А тут, военный УАЗик не сбавляя скорости, пытался обогнуть поток разгоняющихся машин. Оглушительный визг тормозов заставил содрогнуться всю улицу.

И у меня в памяти, как в замедленной съемке отложилось жуткое зрелище. Человеческое тело, подброшенное ударом вверх, неестественно

сложившись, перелетает через большой УАЗик, и с отвратительным шлепком плюхается на асфальт.

- Ай! – крикнула Старкова, зажмурившись. Она ткнулась лицом мне в подмышку, чтобы не видеть.

У меня внутри тоже, словно все оборвалось. И еще секунду я не мог найти внутри силы посмотреть на тот ужас, который ждал на проезжей части. Поток машин остановился. Наконец, я заставил себя поднять глаза.

По асфальту раскатились картофелины из прорвавшейся хозяйственной сетки. Из УАЗика, хлопнув дверью, выскочил молоденький солдатик-водитель, но в панике, он не решался приблизиться к распластанному на дороге телу. Которое пошевелилось, и я не сразу понял, что же ужасное с ним произошло? Рука судорожно шарила по асфальту.

Наконец, я понял, что происходит. И то, что увидел, было как чудо, как прощение – под колеса попал не Алеша! Сбита была женщина. Причем достаточно высокая, поэтому мы приняли ее за Алешу. Это единственное, что я понял, из пугающей неразберихи.

Потому что в картине было что-то неестественно жуткое. Женщина приходила в себя. Но она оказалась совершенно лысой. И сейчас шарила рукой по асфальту в торопливых поисках слетевшего парика, валявшегося тут же рядом.

- Это не Алеша! – сказал я Старковой.

А через мгновение покалеченную женщину уже обступила плотная толпа. Прохожие с улицы, водители окружающих машин. Кто-то громко требовал вызвать «скорую». Шокированный солдатик так и стоял, опершись на дверцу.

Алеши не было видно. Пока его загораживал от нас УАЗик, и все были в замешательстве, певец исчез.

- Его надо догнать, - Старкова смахнула накатившиеся от испуга слезы, и мы побежали к кладбищу.

Возле могилы Высоцкого, которая находится близко у входа, стояло несколько человек, но Алеши среди них не было.

- Вон он! – показала Старкова.

По кладбищенской аллее, которая вела в сторону могилы Сергея Есенина, жалкой рысцей убегал человек, со спины очень похожий на короля блатной песни Алешу Козырного.

- Ну что теперь, в догонялки с ним играть между могил? Я не побегу за ним, - решил я.

- А когда-то он очень любил Есенина, - почему-то сказала Старкова. Повернулась и пошла обратно, к выходу с кладбища.

Впрочем, не хотелось снова видеть то, что произошло там, на перекрестке перед кладбищенскими воротами. Поэтому, мы, не сговариваясь, задержались у могилы Высоцкого.

- Говорят, ему тут скоро памятник поставят, - пробормотала Маша.

Но пока памятника не было. Была только могила и оградка вокруг нее. И все пространство внутри оградки примерно на полметра в высоту было

завалено охапками цветов. Цветы лежали самые разные: в букетах, завернутые в целлофан и просто россыпью. Покупные розы и астры с гладиолусами, которые выращивают на дачах. Свежие и успевшие завянуть. На оградку был привязан синий матросский воротник с белыми полосками. А рядом кто-то прислонил настоящий подсолнух.

- Вот это слава настоящая, - кивнула мне Старкова. – Алешка только пить умеет не хуже, чем он.

- Что у человека с головой – вообще не понятно, - только и сказал я. – Ладно, хоть мы его встречу с Бесом сорвали. Не дали самому в петлю залезть. И то, хоть какая-то польза. Точно говорит Василич, артисты - как дети, их надо защищать от самих себя. Занимать работой. Иначе, угробит себя.

- Ну вот, теперь и ты кое-что начинаешь понимать, - улыбнулась Старкова.

Пора было уносить ноги. Потому что, если у Алеши здесь была назначена встреча с блатными, и сейчас вдруг появится Бес – мне несдобровать. Я объяснил это Маше, и мы быстро удалились с кладбища, специально сделав крюк через боковые ворота.

- Ты можешь не уезжать сегодня? Вдруг этот говнюк завтра все-таки проявится? – немного смущаясь, попросила меня Старкова. – Приглашу тебя в одно место. Надену кожаную куртку–косуху на молнии. Подведу глаза, как надо. Стану лихая и красивая-ая? Не все же тебе меня видеть золушкой-замарашкой, матерью семейства? – лукаво подмигнула она.

- Ты очень красивая, – подтвердил я. - Куда пойдём?

- К художникам. Там, где нам студию для записи могли дать. Там рок-концерт сегодня вечером, подпольный. Посмотришь на людей и на аппаратуру. - пояснила она, и, похоже, сама смутилась от того насколько наивно прозвучали ее слова.

12.

Шла уже глубокая ночь, когда мы возвращались «от художников». Троллейбусы давно не ходили. Уши у меня все еще были заложены от грохота, с которым московские рокеры играли сегодня концерт в небольшом помещении, наполовину заставленном мольбертами. Этот грохот я пытался перекрыть, когда Старкова знакомила меня с разными длинноволосыми типами в кожаных куртках. Насколько я понял, аппаратуру после концерта не будут разбирать еще день. И завтра, ее отдадут в наше распоряжение, если только Алеша найдется.

Если честно, я весь день ждал телефонного звонка, все надеялся, что он, может быть, образумится.

- Бесплезно. Мне эти дела знакомы. Через неделю объявится, когда организм уже пить откажется. Только я его к себе больше не пушу, - заметив мое ожидание, посетовала Старкова.

Половину рок-концерта выступала какая-то носатенькая девушка только что приехавшая из провинции. Пела хорошо, шикарные рок-н-роллы на русском языке. А отплясывала и вовсе, как заводная, темпераментно встряхивая каштановой челкой и мелькая шустрыми коленками.

А я тайком любовался Старковой. Как она жадно смотрела, не отрывая глаз от танцующей солистки, беззвучно повторяя за ней губами слова песен. И даже сейчас, возвращаясь домой, Старкова то и дело принималась вполголоса мурлыкать какие-то мелодии.

- Эх, инвалидка безголосая! – наконец заявила она, почему-то с улыбкой.

Я не нашелся, что ответить.

- Тебя не напрягают мои каблукы? Цокают на всю улицу, – спросила она. – Как будто лошадка в ночных дворах. Зачем только надела? Хочешь, сниму?

И не дожидаясь ответа, она сбросила туфли и понесла их в руке за ремешки, другой рукой держась за мой локоть. Теперь мы шли почти беззвучно. Маша вышагивала босиком, старалась ступать как можно ровнее, из-за этого покачивалась из стороны в сторону.

- Я не пьяная! – вдруг запротестовала Старкова. – Ты не думай! Хотя портвейн сегодня такой вкусный был! Ну, что ты смеешься? – остановилась она. – Вот мы и пришли. Мой подъезд. Вот если я сейчас встану на цыпочки, то буду ростом почти с тебя.

И она потянулась вверх. И ее губы тоже потянулись. И я сделал то, что уже давно хотел – схватил их губами и впился языком.

- Видишь, какая я высокая и красивая? – прошептала она, когда наши губы разомкнулись. При этом голос ее перехватывало от желания.

Я взял Машу за руку и потянул в лифт. Пока кабина ехала вверх, мы целовались все сильнее и сильнее. Она толкнула мою ладонь себе под мини-юбку. И застонала истомно, когда мои пальцы легли на ее плоть, даже сквозь нежную ткань трусиков горячую и влажную. Я не знал, что она, оказывается, так возбуждена.

И когда мы приехали на этаж, в темноте лестничной клетки, пока она ковыряла ключами в замке, я не отпускал ее рукой там. Мы буквально ввалились в квартиру. Добрели, не отрываясь друг от друга, до дивана и рухнули на него. Она – так и не сбросив свою узкую кожаную куртку, а я – даже не расшнуровав кроссовки. Она вцепилась зубами в подушку, чтобы не кричать во весь голос, и только всхлипывала, словно захлебываясь беззвучным криком.

А после мы лежали, опрокинувшись рядом, все еще не имея сил снять лишнюю одежду.

- Прикури мне сигарету, - попросила она. И пока я возился, разыскивая по карманам зажигалку, мечтательно добавила. – Я два раза кончила! Это как

не спетая песня, нет - как длинное гитарное соло: дрыг, дрыг по струнам, забредаешь все выше, и кажется уже изнемогаешь – и тут: дрыг-дрыг-дрыг – лестница в небеса! - лукаво заявила она, извернувшись так, чтобы лицо оказалось прямо над моим, при этом блажено затягивалась сигаретой.

Оглушительно заверещал телефон. Было полчетвертого ночи.

- Догадываешься кто? – спросила она.

И, не дожидаясь моего ответа, сняла трубку.

Старкова слушала и мрачнела, а потом, молча, передала трубку мне.

- Ебетесь? – услышал я пьяный голос Алеши. – Ебе-етесь! – утвердительно заявил он где-то далеко.

- Так вот, запомни, мой юный друг, Сережа! – злым, заплетающимся языком начал выговаривать певец. - Заруби себе на носу и этой безголосой передай! Алеша Козырный не нуждается ни в чьих благодеяниях! Ни в заступниках! И жалеть меня не надо!

- Ты хоть протрезвей маленько, а то слов нормально выговорить не можешь, - оборвал я его ночной монолог.

- Ты еще сопляк! – взвизгнул в ответ Алеша. – А я - Алеша Козырный! Это меня слушает вся страна! Кто ты такой, чтобы мной помыкать? К чужой славе захотел примазаться?! Деньжонок захотел срубить на мне по легкому...

- Точно! Благодаря тебе у меня денег куры не клюют, - ответил я, сам уже закипая бешенством.

- Запомни! Ты такой же, как все остальные. Только денег тебе и надо от меня. Да баб моих драть. Самому тебе таких баб не видать, как собственных ушей, только ко мне примазавшись и можешь... И запомни, я тебе ничего не должен. Так что, адьос! – и трубка захлебнулась короткими гудками.

Я передал ее Старковой и откинулся на спину.

- Сволочь? – поинтересовалась она.

- Гнида настоящая! – сказал я. – А я-то сдуру начинал думал, что он человек...

Старкова перегнулась через диван, чтобы погасить сигарету в пепельнице. Затем встала, стянула кожаную куртку, повесила ее в шкаф. Легла обратно ко мне и поводила пальцем мне по груди.

- Знаешь, почему он тебе такого наговорил? – неожиданно спокойным и нежным тоном спросила она. – Чувствует, что перед тобой виноват. Ты ради него в беду попал, кучу долгов наделал. А признать это и прощения попросить – так он не умеет. Сделать и поправить тоже ничего не может. Вот от собственного бессилия и набрасывается на тебя. Все он понимает... Считай, что это он так странно, по своему, прощения у тебя попросил.

- Ничего себе – извинился... - пробормотал я.

Потом она сползла вниз и принялась сама расшнуровывать мои кроссовки.

- Лежи! – велела она. – И еще, знаешь, что? Пощечины от него получают только самые любимые им люди. Я это уже позже поняла. Правда, от этого не легче...

Мне не хотелось ничего отвечать. Все отвратное, от чего я несколько минут назад отвлекся в блаженном забытьи, вернулось и запульсировало в голове с новой силой. И мне не важно было, что там себе вообразил Алеша Козырный. Просто с этого момента он перестал для меня существовать. И даже Маша Старкова уже тяготила меня своим присутствием. И она сама, и эта ее тесная московская квартира – все это стало декорацией спектакля моих неудач. И мне жгуче захотелось уехать отсюда поскорее, убраться, забыть все, как дурной сон, чтобы потом изо всех сил заняться собственными проблемами.

13.

Утром разбудил телефон.

- Акула, я не собираюсь с тобой разговаривать. Не звони больше, - Маша оборвала разговор, ни секунды не слушая, что собирался сказать коллекционер.

Я умывался, стоя по пояс голый перед раковиной. И буквально кожей ощущал, как Старкова стоит у меня за спиной. Собираясь подать чистое полотенце, которое она держала в руках, Маша не спускала с меня глаз.

- Может, останешься еще на денек, хотя бы? – как бы невзначай спросила она, подавая полотенце, когда я повернулся. – Ладно, молчу, молчу... - тут же поправилась Старкова.

Телефон зазвонил снова. Со стоном Маша вернулась в комнату и подняла ненавистную трубку.

- Акула!.. – заговорила она. – Не до тебя сегодня...

- Дай, я ему скажу! – забрал я трубку у Маши. – Акула! Я сегодня уезжаю, ты дашь нам попрощаться нормально?.. Извини! – и, не слушая его ответа, положил трубку.

- Интересно, что он все-таки хотел так настойчиво? – задалась вопросом Старкова.

Через пятнадцать минут моя дорожная сумка была уже собрана. Можно было ехать. Маша чем-то погромыхивала на кухне. При этом я не мог избавиться от подозрения, что она уединилась там, чтобы спрятать от меня слезы. Надо было решиться зайти туда и сказать, что я уезжаю. Вместо этого я вышел на балкон с очередной сигаретой, стремясь хоть чуть-чуть оттянуть эту постылую необходимость.

В дверь громко позвонили. Мне стало немного не по себе? После всех наших дел меня могли разыскивать такие люди, появления которых в квартире Маши Старковой допустить было нельзя. Я поторопился выйти в прихожую. На лице Маши, уже стоявшей перед дверью, тоже застыло выражение недоумения и осторожности. В то, что вернулся Алеша мы, не сговариваясь, как-то сразу не поверили. Глазка в двери не было, так что увидеть, кто так настойчиво трезвонит в квартиру - было невозможно.

- Кто там? – глухим голосом спросила Старкова.

- Вам телеграмма? – ответил из-за двери молодой голос.

- Никогда не получала никаких телеграмм, – встревоженным шепотом сообщила мне Старкова. - Какая телеграмма, откуда? – спросила она уже вслух, чтобы было слышно за дверь.

- «Молния», самая срочная, адресована Старковой, - ответил из-за двери голос, с характерными почтальонскими интонациями.

Маша удивленно пожала плечами. Я решил все-таки открыть. На лестничной площадке стоял худосочный парнишка – явный студент, подрабатывающий на каникулах.

- Распишитесь, и время поставьте, - протянул он Маше бланк телеграммы и карандаш, а как только она поставила небрежную закорючку – торопливо удалился.

- Сверхсрочная, такие за час обязаны доставить в любую точку Союза, - с уважением отметила Старкова разворачивая странное послание. – Прикинь, это от Акулы! Совсем с ума сдурел этот старый спекулянт. Тут каждое слово – рубль стоит!

Вернувшись в квартиру, она внимательно прочитала текст телеграммы и протянула мне. Набор печатных букв, выбитых на белых отрывках бумажной ленты, наклеенных на бланк, гласил: «рудик записывает концерт одессе тчк интересуется нашим другом тчк не может найти тчк проезд зпт проживание зпт питание оплатит тчк хочет поговорить тчк акулов».

- Что это? – не совсем понял я.

- Кажется, понимаю, - плюхнулась на диван Старкова. – Так вот кому Акула Лешку сватал! Одесситам! Ну, слава богу, хоть не этому вашему Бесу! Зря мы на деда наезжали, он оказывается не такой гад. Крепко же его приперло, раз такие дорожные телеграммы начал рассылать! – расхохоталась Старкова.

- То есть Алешу зовут в Одессу, чтобы там его записывать? – понял я. – Ну, бог в помощь, пускай поищут по пивным и рюмочным...

- Тебе это не интересно? – кротко спросила Маша.

Для меня это ничего не меняло. Я поднял свою дорожную сумку и шагнул в прихожую. Мне ведь еще предстояло всю дорогу до Питера думать и набираться мужества. Хотя где-то в глубине души я предчувствовал, что сразу прийти к родителям и признаться мне не хватит сил. Или по дороге я придет в голову предлог, позволяющий хотя бы оттянуть невыносимую встречу с родителями на какое-то время.

- Даже не поцелуешь на прощание? – буркнула Старкова.

Я видел, как ее глаза набухли слезами, и торопился поскорее сбежать. Но, конечно, поцеловав на прощание. Мне ведь на самом деле тоже не хотелось от нее уезжать. Я просто старался держать все это в себе поглубже, и не выпускать наружу. Слишком серьезные проблемы мне предстояло решать уже завтра в Питере.

Мы долго целовались в прихожей врасос, когда прямо над головой снова оглушительно сработал дверной звонок.

- Кто?!.. – заорала Старкова, с явным нежеланием разлепив наши губы.
- Телеграмма! – ответили из-за двери.
- Опять?! – простонала Маша и потянулась к дверному замку.

Однако на этот раз на пороге вместо студента стоял загорелый толстяк слишком солидного вида, для разносчика телеграмм. На его необъятной фигуре отлично сидел джинсовый костюм «Wrangler», который мог себе позволить только очень богатый советский человек.

- Вам телеграмма! – произнес этот посетитель и подал Маше бланк, даже не попросив расписаться, но при этом широко улыбаясь.

Старкова машинально взяла и развернула бумажку. Секунду смотрела, оторопев, а потом спросила:

- Что это? «Широкие лиманы, цветущие каштаны»...

- Песня такая, очень хорошая, за Одессу, - ничуть не смутившись пояснил лже-почтальон. – Вы извините, гражданочка, что я вот так нахрапом к вам свалился, но у меня выхода другого нет.

Дружелюбно улыбаясь, он каким-то мелким движением незаметно просочился в квартиру и стоял уже в прихожей. И выдавить обратно посетителя таких габаритов вопреки его воле было безнадежным делом.

- Разрешите представиться: Рудик Лев Евгеньевич. Прибыл в столицу из Одессы, по важному делу. Мой коллега по страсти – коллекционер Акулов направил меня к вам. И я поторопился примчаться, потому что было сказано за ваш отъезд? Если позволите пройти, я все расскажу как по нотам, частично могу даже в стихах...

- Ну, конечно, добро пожаловать, - спохватилась Маша, приглашая незваного гостя в комнату и отчаянно маяча мне, чтобы не оставлял ее одну.

Мне ничего не оставалось, кроме как положить сумку на пол и вернуться следом за Старковой.

Быстро осмотревшись в комнате, Рудик крикнул и расхохотался, как обычно смеются щедрые и здоровые люди.

- А я таки надеялся грешным делом!.. – тряхнул он загорелой лысиной через которую была плотно зачесана одна длинная прядка волос, опоясывавшая темя справа налево. – Надеялся, что вот, заявлюсь к вам, и сразу увижу легенду и гордость блатной песни – Алешу таки Козырного! – посетовал он с совершенно неунывающей интонацией.

- Так это вы Лешку записывать собираетесь! – воскликнула Старкова. – И Акула вам наговорил, что мы прячем от людей «легенду и гордость»?..

Дальше они уже смеялись вместе. Этот Лев Евгеньевич имел обезоруживающую способность моментально сходиться с людьми. Не прошло и минуты, как мы втроем сидели за столом на кухне, и пили чай с вареньем, а он рассказывал.

- На носу бархатный сезон. Море – плюс двадцать четыре градуса! Привоз ломится от всевозможной рыбки, а еще подвозят груши, сливы, и арбузы! По всей Одессе фланируют отдыхающие и курортники. Это такие дяди и тети, которым толстые пачки червонцев жгут карманы, лопатники, а некоторым особо знойным, простите Машенька – тайные отделения для

купюр, зажатые между грудей. И все они жаждут веселья! Да шо там за Одессу говорить – все черноморское побережье Кавказа задыхается на совковой музыкальной диете! Идешь мимо звукозаписи – звучит Хиль! Мимо следующей – Хиль! Но это же, как жидкая овсянка вместо шашлыка! И так можно прохилать вдоль всей набережной и нигде вы не услышите нормальных блатных песен. А почему?.. Уже к началу июля все было распродано! Все прежние запасы, все старые концерты народ смел, как горячие пирожки! На всем огромном курортном побережье осталось максимум пара точек, где еще можно купить приличный, качественный блат. И это на несколько миллионов отдыхающих, со всех концов нашей необъятной родины!

- Ты прикинь перспективу! – толкнула меня под столом Старкова. И в ее глазах мелькнули чертики.

Не могу сказать, что я сам слушал все эти сказочные выкладки равнодушно. Я и раньше, по собственной инициативе уже представлял, что южные курорты – это, возможно главный рынок сбыта музыки юморного подпольного жанра. Но не догадывался, чтобы настолько. Если конечно, наш новый жизнерадостный знакомый привирал в разумных пределах, а не как сивый мерин.

- И я сказал себе – Рудик! Тот, кто сейчас успеет быстро обернуться и выбросить на этот огромный рынок новый качественный концерт «блатняка» – просто озолотится! Но для этого же нужен исполнитель с громим именем!.. Конечно, Одессе всегда был Сорокин, в Киеве – Гриша Барбер – но это же все на любителя - не тот уровень. Нужен Алеша Козырный – его воспринимают все. И вот я в разгар «бархатного сезона» уже неделю торчу в столице нашей родины, городе-герое Москве, и за Алешу я слышу только какие-то «мансы»: Фигаро здесь – Фигаро там!

Мы со Старковой только грустно посмотрели друг на друга. Тем более, что еще десять минут на кухне, и я опаздывал на дневной поезд.

- Через два часа там следующий поезд есть, - словно вычислив мои мысли, предупредила Старкова.

- А вы, наверное, тот самый молодой человек, который был с Алешей на воровской сходке? – догадался Рудик. – Наши Одесские авторитеты, тоже присутствовали у Тимура. А у нас в городе все друг друга знают, так шо мне за вас говорили. И о том шо вы на Алешу имеете влияние, и что у вас неприятности с этим Бесом. Кстати, наши тоже его на дух не переносят, только никто прищучить не может...

- Да уж, влияние на Алешу, - криво усмехнулся я. Конечно, немного польстило, что обо мне уже кто-то наслышан, как о человеке, имеющем влияние. Но я честно рассказал одесскому гостю о том, каков нынешний уровень наших отношений с Алешей. Много слов не потребовалось. Лев Евгеньевич все схватывал налету.

- Прискорбно, прискорбно, - покачал он головой.

- И вы учтите еще вот, что – предупредил я. – Вы учтите, что Алеша устал петь одно и то же. Он не хочет уже петь блат. А из-под палки – все насмарку. Я уже видел в Питере, как он одну запись вот так запорол.

- Господи! Никто и не собираюсь его неволить! – замахал руками одесский продюсер. – Не хочет петь чистый блат – и ради бога. Границы жанра ведь очень широкие. Например, песня «Поеду я в город Анапу, куплю себе черную шляпу», - она ведь не блатная. Эдакий городской романс. Но у отдыхающих имеет огромный успех! Как считаете, он такое может спеть?

- Алеша все может спеть, когда не кобенится, - приподняла брови Старкова.

Но, не смотря на замечательное взаимопонимание с нашим новым одесским знакомым, и не взирая, на моментально возникшую симпатию – помочь мы ему ничем не могли. Получалось, что он приехал зря и уже понимал это. Чай был допит. Все что могло быть сказано – прозвучало.

Но прежде чем откланяться, уже в прихожей Рудик все-таки сделал последнюю попытку.

- Зайчики мои! – обратился он к нам, уже как к родным. – Если все-таки на горизонте возникнет наша «гордость и легенда» - наладьте его в Одессу, я вас умоляю! И сами приезжайте! Милости просим! – гостеприимно развел руками Лев Евгеньевич. – Сережа, если ты хотел с Алешей своё записать – так вместе у нас и запишем! А прибыль по-братски поделим? У нас такого не водится, чтобы кому-то работать мешать! Только отправьте его до Одессы-мамы. Сам я сегодня уеду, но еще две недели у меня роскошный блат за билеты на Киевском вокзале остается. Надо только обратиться в восьмую кассу, сказать, что от Льва Евгеньевича – и вам мигом оформят билеты по первому классу. Как сыр в масле кататься будете!...

Это он уже выкрикнул в последнее мгновение, прежде чем двери лифта автоматически закрылись, и кабина повезла толстяка вниз.

- Забавный дядька! – улыбнулась Старкова, когда мы с ней вдвоем вернулись в комнату.

За окном слышался обычный летний дворовый шум. Покрикивали дети, невнятно гудел поток машин на соседней улице. Где-то у соседей, этажом ниже громко бормотал телевизор.

- Не передумаешь? – поинтересовалась Старкова. – Смотри, какая возможность с неба сама свалилась? Его надо только подождать – сам объявится – никуда не денется. Еще приползет. А ты бы пожил у меня еще недельку? – смутившись, пробубнила она.

Я промолчал. Надо было скорее выходить, чтобы не опоздать и на следующий ленинградский поезд.

- Ну, раз тебя не уговорить, провожу тебя до перрона, да и все, - порывисто встала она и направилась прихожую.

На московских улицах уже было жарко. Перед ларьком мороженого выстроилась небольшая очередь. Давали эскимо «Морозко» по 28 копеек. Старкова все время пыталась сдуть прядь волос над бровью. Но та прилипла к вспотевшему лбу и Маше приходилось дуть снова и снова. На меня она

демонстративно не смотрела, сосредоточившись на этом своем занятии. Мы пропускали уже третий троллейбус, набитый пассажирами настолько плотно, что не было никакой возможности втиснуться в двери с моей сумкой. А ведь еще предстояло ехать на метро. Я не спускал глаз с поворота улицы, откуда после сигнала светофора ринется очередная порция московского транспорта.

- Вон, такси едет, махни ему, - смерив меня взглядом, велела Старкова.
- Иначе тебе не успеть.

Но у меня уже не оставалось даже трех рублей на такси. А сказать ей об этом я не мог. Слишком памятно было, как Алеша при встрече с Машей сразу принялся извиняться за занятые когда-то и не отданные деньги. Уподобляться этому пижону я не хотел. Минуты до моего поезда безжалостно утекали.

- Ну, ты упрямый! – ухмыльнулась Маша и взяла инициативу в свои руки - сама шагнула на обочину и замаячила рукой.

Как ни странно, первая же салатная «Волга» с опознавательными шашечками сделала крен в нашу сторону и остановилась у бордюра.

- Тебя кто так учил дверью хлопать? – мрачно осведомился таксист, когда мы оказались на заднем сиденье. – Дома холодильником так же хлопаешь?

Маша метнула на него яростный взгляд, но ответила по-своему.

- На Ленинградский вокзал! И не вздумай нам «город показывать». Я в Москве все улицы знаю. Заплатим четко по счетчику.

Водила только пробормотал что-то невнятное, но явно злое. Однако, не нашедшись быстро, что ответить – тронулся с места.

- Ну вот, и заканчивается твой вояж в Москву, - подытожила Старкова, прижимаясь к моей руке. – Вспоминать-то хоть будешь? Или сплошные разочарования, которые постарайся поскорее забыть?

Я сильнее привлек ее к себе на заднем сиденье, стараясь таким образом подтвердить, что забуду я далеко не все.

- Город показывать! – недовольно бубнил таксист впереди, резко и со злобой разворачивая руль. – Как же! Надо мне город показывать!

Из-за его резких поворотов нас с Машей все время бросало друг на друга. Поэтому бессильная злоба таксиста никак не могла нам повредить, а только скрашивала последние минуты перед расставанием. В глазах Старковой, которыми она поглядывала на меня снизу, даже засверкали искорки веселья.

- А вот захочу и вообще никуда не повезу! – с большим опозданием вдруг сообразил таксист.

- Сделайте одолжение! – мягко попросила его Маша. – Так не охота, чтобы он уезжал! Колесо проколите или еще как-нибудь! Ну, пожалуйста!

- Колесо проколи! – возмутился таксист.

И даже в маленькое зеркальце было видно, как вылупились его глаза. По его мнению, Маша своими словами надругалось над чем-то святым и непорочным. Он даже несколько раз судорожно набирал воздух для

достойного ответа. Но, по-видимому, найти достойный ответ на такое ужасное кощунство было не просто.

В конце улицы уже замаячило открытое пространство площади трех вокзалов. Еще пара минут езды, потом очередь в билетную кассу, сто метров перрона и последний взмах руки перед окном медленно отбывающего вагона. Уже можно было начинать говорить какие-то последние существенные вещи, чтобы не скомкать их потом в сутолоке вокзальной толпы.

- Ты на Алешу не держи зла. По крайней мере, настоящего зла, - попросила она. – Такой сволочью иногда бывает! Но кроме него так петь никто не сможет. А талант артиста, когда не удастся его выплеснуть – грызет человека изнутри, и покоя не дает. Выходит такое проклятие пожизненное. И для него и для окружающих. Угораздило же бога им наградить такой вот экземпляр? Всем, кто хочет явить людям этот талант – приходится платить, имея с ним дело...

- Пять рублей! – отрывисто заявил таксист, резко тормозя перед вокзалами.

- Три рубля, и не больше! – отрезала Маша, бросая на переднее сиденье мятую денежную купюру. – Я же сразу сказала, что и цены знаю и маршруты. И нечего было счетчик отключать! С нами этот номер не прокатит!..

Она распахнула заднюю дверцу, и уже энергично продвинулась к выходу, когда водитель хлопнул себя по коленке и, наконец, сообразил, как он может достойно оскорбить таких отвратительных ему пассажиров.

- Ну, понял я! Тоже артисты значит! Певцы тоже нашлись! – проговорил он с непередаваемым презрением. Он даже прищурился, чтобы лучше подчеркнуть – насколько он не уважает таких, как мы. – То-то я думаю! Знакомые повадки! Раз артисты значит все можно! Давай-давай, вали! Чтобы духу вашего в моей машине не осталось! Видели мы таких певцов! Знаем! Один такой уже вторые сутки в таксопарке в говно пьяный, в «рабочке» валяется. Деваться от него некуда. Все грозился: «Я артист, сейчас спою!» А как только петь соберется, на первом же куплете брык – и носом в стакан!.. Певцы тоже нашлись!

Маша, уже вышедшая из машины остановилась. И вернула голову обратно в салон «Волги». Я тоже мгновенно сообразил, о ком может идти речь. Но водитель уже энергично орудовал рычагом коробки передач, не собираясь больше ни секунды оставаться, в этом опротивевшем ему, месте.

- Где вы говорите этот, который певец? – поинтересовалась Маша.

- Да у нас в четвертом ПАТП. Позавчера привез Егорыч, чудика, - удружил народу. Думали, правда, артист. А там пьянь. Не уважаю таких. Все – освобождайте салон, говорю! – завопил таксист, с ужасом обнаруживая, как Маша Старкова возвращается обратно на заднее сиденье.

- А гитара есть у этого певца? – поинтересовался я.

- Да какая там гитара! – пробормотал опешивший водитель. – Не инструмент – уродство одно – цвета какого-то темного, на говно похожего.

Называется как-то по-уродски, не помню. Да и сломалась она у него, не играет...

- «Сандер Стратакастер», - вполголоса констатировала Старкова.

- Ой, освобождайте салон! Христом богом молю! Иначе я за себя не ручаюсь! У меня монтировка всегда под сиденьем! – испуганно завопил таксист, увидев, как Старкова забирается обратно и закрывает дверь.

- Хотите, избавим ваш таксопарк от этого певца? – предложила она. – И еще червонец сверху заплатим? Я сразу рассчитаюсь, прямо сейчас?.. – она даже полезла в сумочку и вытащила рыжую купюру.

Водитель в очередной раз осекся и замолчал, с трудом переваривая услышанное.

- Ну, а ты что скажешь? – это Маша обернулась уже ко мне.

Я посмотрел на часы, над входом в Ярославский вокзал. В принципе, времени еще было достаточно, чтобы мне успеть на поезд. Впритык, но достаточно. Если прямо сейчас быстро выскочить из этого такси и рвануть бегом к кассам – еще оставался реальный шанс успеть.

- Вот дерьмо! – сказал я, откидываясь на заднее сиденье.

14.

В темноте ночи ветер с грохотом распахнул плохо прикрытое окно на кухне и швырнул на подоконник порцию дождя. Я сразу подскочил от этого хлопка оконной рамы. Звук показался тревожным. И я спросонья минуту приходил в себя, убедившись, что это только дождь, ветер и больше ничего.

Поднявшись с матраса на полу, чтобы вернуть окно обратно, я засмотрелся вниз. Темень грозовой ночи в московском дворе не была кромешной, потому что над подъездом светил одинокий фонарь. В бликах его света металась ветка дворовых деревьев, выворачивая под ветром серебристую изнанку листьев. Гроздья капель как стаи рыбок-мальков летели во все стороны мимо фонаря.

Я закрепил окно на шпингалет, обернулся и чуть не вскрикнул от неожиданности. У меня за спиной возникла темная фигура. Суживающимся вверх конусом она нависла надо мной. Я инстинктивно дернулся вбок, задел локтем графин, стоявший на столике. Тот полетел на пол с грохотом, но каким-то чудом не разбился. Я замер, прислушиваясь – проснулись ли в соседней комнате Маша Старкова и ее дочь Катя.

- Сережа, спаси меня! – произнесла темная фигура.

Это был Алеша Козырный. Сейчас, когда глаза немного привыкли к темноте, я различил, что он завернулся в одеяло, накинув его сверху на голову, закутался в него и стоял так на кухонном полу, босыми ногами.

Не смотря на жару его колотила дрожь. Когда певец оперся рукой на кухонный столик, посуда на нем зазвенела от вибрации.

- Сережа, дай хоть какого-нибудь алкоголя? Поищи, хоть капельку? – умолял он.

- Ты же вчера клялся, что выдержишь? – спросил я.

Честно говоря, особой жалости к Алеше я не испытывал. Вчера мы извлекали его из «рабочки» таксопарка. Певец валялся, скрючившись калачиком, на куче промасленной ветоши. Его худое лицо сморщилось. Там где раньше были морщинки или складки, теперь все это выглядело бороздами и шрамами. Отросшая щетина, образовала на впалых щеках затайливый клочковатый узор, как шерсть шелудивого пса.

- Сережа, спаси меня! – было первое, что он пробормотал, различив нас в помещении, освещенном только тусклой, заляпанной грязными руками лампочкой.

Мне сразу вспомнилось, каких гадостей он наговорил мне ночью по телефону, и жалости к Алеше я не испытывал. Впрочем, и настоящей злости – тоже. Она куда-то делась. И потом, дать по морде этому дистрофику, было просто смешно – из него разом можно было вышибить дух. К тому же важнее было поскорее убираться из таксопарка.

Выходило так, что позавчера утром, когда Алеша сбежал, он поймал такси, наговорил с три короба водителю и тот зазвал его с собой. Чтобы повеселить шоферов, которые пили спирт в «рабочке», закончив ночную смену. Но там, у Алеши что-то не заладилось. Похоже, жажнув лишку спирта, он уже не смог петь. А только нес какую-то ерунду. И быстро всем надоел.

Его терпели, пока спирта было вдоволь. Потом начали гнать. Он отказывался уходить. Потом «отдохнувшая» ночная смена просто разбрелась по домам, а водители, закончившие следующую смену, обнаружили у себя в «рабочке» сюрприз в виде пьяного Алеши. До серьезного мордобоя еще не дошло. Но к нашему приезду работяги были уже сильно недовольны этим затесавшимся к ним типом.

Алеша требовал обратно свой «Стратакастер». Который конфисковал тот самый водитель, который и привез его сюда. Якобы в залог несостоявшейся оплаты за поездку.

Гитару из него все-таки сумела выудить Старкова. Какими-то правдами-неправдами. То, грозя начальством, то привирая, что гитара – государственная собственность, которая только выдается музыканту под расписку. И, якобы, с органами будут серьезные неприятности - статью за кражу госсобственности никто не отменял.

- Я что Алешу Козырного не слышал? Что ли голос его не отличу?! – выговаривал нам водила, нехотя отдавая гитару. - Всякая шваль врет, Алешей прикидывается! В зоне знаешь, что бы за такое было?..

Короче, когда мы, наконец, смогли потащить Алешу на выход – пришлось идти сквозь строй недобрых взглядов шоферов. И я еще прикидывал – сколько смогу продержаться, если дело все-таки дойдет до драки? По всему выходило, что и пяти секунд не получится.

- «Стратакастер» сломался! – как что-то поразительное поведал нам Алеша заплетающимся языком, когда мы уже выходили через ворота

таксопарка. И действительно, вдоль черного грифа гитары протянулась отчетливая трещина. Маша Старкова пробежала пальцами по струнам, чтобы оценить звук, и только покачала головой.

Только ближе к вечеру Алеша немного протрезвел. И первую половину ночи он лежал на матрасе. Тоже на кухне, только ближе к входу, завернувшись в одеяло. Время от времени до меня доносился звонкий и отчетливый стук его зубов.

- Нет, Алеша, - сказал я ему. – Никакого алкоголя тебе не будет. Если хочешь – сделаю горячего чаю с лимоном. Может немного полегчает. Хочешь?

Он кивнул и в изнеможении опустился на пол, опершись спиной на ножку стола. Я включил свет, нагрел чайник. Долго исследовал Машин холодильник в поисках лимона.

- Уж простите, маэстро, лимона не имеется. Попробуй так. Я сахару побольше положил, - дал я певцу кружку с горячим питьем.

Тот принял ее худой, трясущейся рукой и через силу сделал несколько глотков.

- Слава богу, что я не наркоман – говорят у них ломка еще хуже, чем у нас похмелье, – грустно пошутил Алеша.

Я только поморщился. Честно говоря, я все еще ждал – не надумает ли этот парень извиниться, после всего, что он наговорил мне тогда. Но таких попыток за Алешей не проявлялось. Хотя могло быть, что он просто не помнил. Наверное, тайком добрался до телефона в диспетчерской или на проходной таксопарка. Наговорил всякой ереси, вертевшейся в осатанелой от спирта голове, прежде, чем окончательно свалиться.

- Ты не знаешь, как это бывает, когда выламываешься из запоя, - сжал губы Алеша, возвращая мне пустую кружку. - Весь ливер трясется...

И он принялся вполголоса описывать. Как тело корежит дрожью. А под ложечкой все стиснуто какой-то злой силой. Но это можно вытерпеть, если бы не страх. Страх того, что натворил вчера. И позавчера. Причем половину не помнишь. И от этого страх только сильнее. Потому что даже по ошметкам воспоминаний, которые хлещут бумерангом, ясно: то, что не помнишь - будет только хуже. Хотя хуже и так уже некуда... И хоть бы день совсем не наступал, чтобы не пришлось снова начинать жить после всего этого!

И ты лежишь в темноте, пытаешься отогнать летящие в тебя из собственной памяти грязные брызги позора. Но, даже если удастся на минуту отвлечься от вчерашнего дерьма – от этого не легче. Потому что и вся остальная память не лучше. В ней женщины, чью любовь ты испохабил и задушил собственными руками. Друзья, которых ты забросил, и не явился даже на похороны. Всем, кого сам любил – ты уже успел безнадежно нагадить. И больше никто в мире не взглянет, как ты лежишь в грязи, и не выручит.

И темнота вокруг сгущается, и подрагивает, словно сжижаясь. И ты понимаешь, что вот сейчас из этой темноты возникнет что-то такое, что накажет тебя за все, что натворил. Потому что ты много раз оставался

безнаказанным, но уж в этот раз тебя точно ждет заслуженный ужас. Ты отрываешь мокрый затылок от влажной подушки. И начинаешь из последних сил всматриваться в сгусток темноты впереди. Есть там что, или просто мерещится? И ты уже начинаешь верить, что просто померещилось, когда темнота вдруг, как шевельнется!

Вскрикиваешь, и просыпаешься. Оказывается, это был сон. Короткий: на минуту, или на пятнадцать минут. И после него становится еще хуже. Мутная попытка памятью начинается снова. А под ложечкой тянет еще сильнее. И ты переворачиваешься на бок и сучишь коленками, стискивая зубы до хруста.

И ведь как-то надо пережить эту невыносимую ночь. А она вся еще впереди.

- Вроде и правда, чуть полегче становится, - оценил Алеша, глядя на доньшко пустой чайной кружки. – Сколько я еще выдержу? Когда умру вот так? В следующий раз? Или через год? Как считаешь? – спросил он.

Я ничего не ответил. Только пожал плечами. И подумал, что просто не надо загонять себя в такие состояния. И он сам во всем виноват. Но говорить это вслух было глупо. Вместо этого просто налил вторую кружку чаю.

- Какое счастье, когда есть кто-то, с кем можно поговорить в такую ночь, - опять улыбнулся Алеша, глядя на меня - как будто я с ним действительно говорил. – Это настоящее спасение...

- Ты попробуй голову за окно высунуть, и подержать, - наконец придумал я. – Там дождь и свежий ветер. Освежит тебя, может еще немного легче станет. А то завтра мы уезжаем в Одессу. Тебе надо хотя бы до поезда нормально добраться.

- Какая Одесса!? – перепугался Алеша. – Меня еще неделю плющить будет, пока в себя приду. Я эти дела знаю...

- В поезде на полке поваляешься день-два – успеешь в себя прийти. Старкова так считает. Всяко лучше, чем здесь чертей по углам ведрами ловить. Сначала в поезде, под стук колес. А потом в Одессе. Рудик обещал море – двадцать четыре градуса...

Минут через десять действие горячего чаю закончилось, и Алеше стало хуже. Он на четвереньках пополз обратно на свой матрас, посверкивая тощими и дрябыми ляжками. Со стоном завалился на него и начал закутываться в теплое одеяло, накручивая его на себя в несколько слоев.

- Погаси свет, Сережа! – простонал он. – Завтра начну себя по кусочкам обратно собирать... Но ведь до завтра надо же еще как-то дожить...

15.

На администратора билетных касс Киевского вокзала одно только упоминание имени Льва Рудика произвело фантастическое воздействие. В обход всех длиннющих очередей, битком заполнявших кассовый зал, через

минуту нам были выданы два билета Москва-Одесса. Купейные места, совершенно бесплатно. Получилось, что мы зря приехали с большим запасом времени, чтобы стоять в очереди – понимая, что такое – взять билет к Черному морю в самый разгар сезона. И теперь отходили от касс ошарашенные, настолько все случилось легко и просто. Алеша даже взял у Старковой билеты и зачем-то понюхал.

- На подлинность проверяешь? – поинтересовалась Маша. – Все в порядке. – Через два часа вы поедете, а я останусь. И только помашу вам рукой.

В боковой улочке, спускающейся от вокзала, не мы одни коротали часы перед отходом поезда. Заросший кавказец жарил здесь баснословно дорогой шашлык. От его мангала вдоль железнодорожных путей тянуло приятным дымком. А какой-то студенческий стройотряд устроил себе здесь шумные импровизированные проводы.

Похмельный Алеша с трудом преодолевал последние метры. Он уже ничего не говорил. Вцепился дрожащими от напряжения пальцами в мой локоть и закусил губу, упрямо шаркая по асфальту подошвами. Промучившись ломкой всю ночь, под утро он все-таки сумел заснуть. Сил хватило, чтобы добраться до Киевского вокзала. Тут силы кончились, но он не жаловался.

Проводы стройотряда были в самом разгаре. У студентов играл аккордеон. И молодой очкарик лихо рассыпал залихватские куплеты, не смотря на свой шупленький вид и детскую стрижку жиденьких волос. На лавочке, между раздувшихся рюкзаков, чинно восседал бригадир, лет тридцати, всем своим видом демонстрируя старшинство. Он позволял себе только иногда легонько улыбаться в усы. Но его выдавал носок рыжих штиблет, предательски поддергивавшийся в такт музыке.

На откуда-то взявшихся здесь пустых металлических прилавках стояли канистры с вином. Вокруг них были навалены длинные тепличные огурцы, редиска, зелень. В кучки сорной соли можно было макнуть куриную ножку со свисающей душистой, румяной кожицей или вареное яичко.

Студенты в защитных куртках с трафаретом названия стройотряда на спинах разливали из канистры красное вино в походные кружки, сгрудив их на металлическом прилавке. Алеша не мог оторвать глаз от этого зрелища. Даже его выпирающий кадык сухо проглотнул. Но он держался. Не сказал ни слова, только прислонился задницей к соседнему, пустующему прилавку.

- Ладно, уж! Страдалец! – со смехом обхватила Алешу за плечи Старкова. – Сегодня можно немного, чтобы ты совсем не скопытился! Сережа, сходи за вином. Сейчас уже середина дня, немного ему не повредит. Не будем мучить человека, да и нам скоротать два часа до поезда будет кстати...

В день наших проводов Старкова была особенно, подчеркнута красива. Она надела серьги с бирюзой. Обтягивающая водолазка подчеркивала высокую грудь. А челка волос изредка сваливалась на брови, и прежде чем

вернуть волосы назад, Маша каждый раз успевала бросить на меня взгляд, полный авантюризма. Но еще ни разу не попросила меня остаться.

Через полчаса, когда я вернулся с двумя бутылками сухого болгарского вина, оказалось, что мои старания были не так уж нужны. Маша Старкова уже плясала на небольшой площадке, возле прилавков. Она закидывала за голову локти, выбивала дробь низенькими каблуками уличных туфель, встряхивая при этом гривой темно русых волос, и даже подкрикивала при самых яростных переборах гармошки.

Я подошел как раз в тот момент, когда Старкова, разметав юбку в танце, со стоном швырнула руки из-за головы через стороны, тряхнула грудью, и вдруг, заметив меня, смутилась, и сделала вид, что устала. Как будто я застал ее за чем-то нехорошим. В растерянности она подошла к столу-прилавку, приняла из рук бригадира полстакана вина и без раздумий, быстрым, отточенным движением «замахнула» это вино несколькими большими глотками. Бригадир крикнул, с восхищением. А ботаник-гармонист со счастливой улыбкой поднес Маше кусочек хлеба с салом и кружок огурца. Она быстро съела хлеб и неприлично долго облизывала кончиком языка пухлую нижнюю губу. Не спуская с меня того самого авантюрного взгляда из-под рухнувшей на глаза челки.

- Попросим, попросим! – кричали подвыпившие стройотрядовцы.

- Красненькое – это не водка! Не повредит! – вдруг зачем-то начал втолковывать мне посчастлививший Алеша.

Я снял пиджак. Бросил его на пыльный прилавок. И шагнул вперед, на звук аккордеона. Танцор из меня никакой. Особенно для такой русской пляски. Умею только переставлять ноги, как бы в такт музыке, да пожимать плечами. Но стоило мне всего-то сделать пару пританцовывающих шагов, как Старкова, издала грудной стон, и ринулась навстречу, вновь закину локти за голову и, выдавая каблукками долгую и мощную трель по асфальту.

Стараясь подстроиться под нее неистовый танец, я только успевал краем глаза наблюдать, как беспокойные желтые штилеты окончательно предали усатого бригадира ни на секунду не спускавшего глаз с Маши. Чувствовалось, что этот дядя так проникся, что будь его воля – кажется, бросил бы свой стройотряд, да и все, что есть на свете, включая собственное достоинство, и остался бы с этой женщиной. Которая сегодня плясала для меня! В боковой улочке возле Киевского вокзала.

Пара милиционеров остановилась на противоположной стороне улицы. Они тоже не спускали глаз со Старковой. И, кажется, не собирались вмешиваться в безобразия, которые мы тут учиняли.

- Алешка, спой! – попросила задохнувшаяся Маша. – Спой «Сиреневый туман». Это же твоя, коронная!

Оживший Алеша не заставил себя долго упрашивать. Он шагнул к гармонисту и поинтересовался:

- Знаешь, дорогой, вот эту: «Сиреневый туман над нами проплывает! Над тамбуром горит полночная звезда!»

Паренек деловито кивнул.

- Какой молодец! – изумился Алеша.

Тем временем Маша Старкова подцепила меня за пуговицу на рубашке и утащила в сторону, за забор, отгораживающий железнодорожные пакгаузы.

- Когда мы встретимся в следующий раз, мы больше не будем терять время, - пообещал я. – Все будет в сто раз лучше! - и ненасытно впился в ее горячие и сухие губы.

- Лучше не бывает, - Старкова уткнулась лицом в мое плечо. – Только слишком быстро все заканчивается, - невнятно пробубнила она. – Ты там не унывай без меня. Если хочешь – заведи любовницу. Я ведь все понимаю...

- Не надо мне никаких любовниц! – возмутился я.

- Зарекалась свинья говна не есть, - улыбнулась Старкова, приникшая к моему плечу. – Все равно, спасибо на добром слове. Перестарались мы с тобой. Прожили эту встречу, как прожгли... Так больно расставаться! Но не брошу же я Катюху... А у нее школа начинается.

Я не знал, что ответить и только крепче стиснул ее в объятиях. А ветер вдоль железнодорожных путей разносил запах шашлыков и неповторимый голос Алеши Козырного.

- Кондуктор не спеши-ит! Кондуктор понимает! Что с девушкой я прощаюсь навсегда!..

Аккордеон студента-ботаника тянулся за ним изо всех сил, но не дотягивал. И я поразился, как вышло так, что Алеша не смог спеть в таксопарке? Он же поет – как живет.

- Вообще, ты меня скоро разлюбишь. Бессовестный! – пробубнила Старкова. – Да, не спорь! Кому я нужна, мать семейства с сорванным голосом? Господи! Я же еще и старше тебя почти на десять лет! Впрочем, я сама тоже никогда тебя не любила, - заявила она. – Видимо, я просто тебя хочу. Это только плоть. И почему я такая развратная? Подожди минуточку.

Она наклонилась, подняла с земли нашу бутылку болгарского вина и сделала щедрый глоток из горлышка, лукаво вытирая раскрасневшиеся губы тыльной стороной ладошки.

- Завтра я буду болеть с похмелья, - виновато улыбнулась она погрустневшими глазами и припухшими губами.

- Начинается посадка на пассажирский поезд Москва-Харьков. Нумерация вагонов с головы состава... - раздался гнусавый призыв громкоговорителя.

Стройотряд спохватился расхватывать свои рюкзаки. В щели забора было видно, как замельтешили зеленые куртки.

- И ведь даже спрятаться тут негде. А я так хочу тебя, что зубы сводит, - шуточно посетовала Старкова.

Аккордеон смолк, так и не закончив мелодию.

- Начинается посадка на скорый поезд Москва – Одесса, - прогнусавил громкоговоритель со стороны вокзала. – Поезд находится на третьем пути. Нумерация вагонов...

А возле нас с другой стороны забора возник Алеша Козырный.

- Пора! Наш поезд объявили, – деликатно глядя в сторону, напомнил он. - Как думаешь, в Одессе починят «Стратакастер»? Стоит его таскать с собой?

Певец растерянно продемонстрировал нам гитару в щель между штакетинами забора.

- Возьми, конечно, - вздохнула Старкова, отлипая от меня.

- Вот и я думаю! Должны же там найтись какие-нибудь старые еврейчики - мастера. Такие все, что угодно починить могут, - обрадовано затараторил Алеша Козырный. – Раненый ты мой! – и он снова погладил гитару по деке.

А через двадцать минут, я уже просто стоял в тамбуре. Провожающих уже попросили из вагона. И наша проводница, дородная украинка лет сорока, уже закрыла подножку и стояла наготове у выхода со скрученным желтым флажком.

Я смотрел из-за ее плеча вниз, на остающуюся на перроне Машу Старкову. А она все еще озабоченно торопилась втолковать мне что-то важное.

- Ты не думай пока – где деньги взять. А просто выбери, что у тебя в жизни сейчас главное: долги свои отдать и дальше деньги заработать, или альбом с Алешей записать, как собириались?

Старкову совершенно не смущало, что вокруг стоят люди. Все они перекликались в окошки с отъезжающими, передавали приветы, требовали немедленных телеграмм по приезде, предупреждали, что фрукты с базара надо обязательно мыть... И только она торопилась донести до меня свое.

- Понимаешь, главное в жизни всегда надо делать вовремя – пока бог дает тебе шанс. Может он и тебя испытывает? Главное – это всегда выбор. Или это, или все остальное...

Поезд вздрогнул, и еле заметно тронулся. Перрон медленно пополз назад, а провожающие засеменили вслед за окнами и тамбурами, так и не успев договорить все важные напутствия. По коридору вагона ко мне в тамбур протиснулся Алеша Козырный. Он ласково помахал рукой медленно отстающей от поезда Старковой.

- Как думаешь, Сережа, может мне водку перестать пить? Только красное сухое винцо. В Одессе его много, для здоровья полезно?.. – спросил певец.

И зачем-то смерил хохлушку-проводницу победоносным взглядом.

Часть 3. Гастроль

16.

С восторгом прильнув к окну автомобиля, Алеша Козырный взахлеб обсуждал каждый дом, каждую улицу Одессы, которые попадались нам на пути. А меня, наоборот, все сильнее грызло беспокойство – не перегнул ли палку певец, сразу затребовав такой огромный гонорар. Он выпалил сумму, едва поздоровавшись, как только продюсер Рудик с распростертыми объятиями встретил нас на одесском перроне. Между тем, «Волга» старой 21-й модели, как в фильме «Берегись автомобиля», на которой нас вез Лев Рудик, не оставляла впечатления нажитых подпольных миллионов.

- Посмотрите направо, сейчас мы проезжаем знаменитый одесский академический театр оперы и балета. Еще Пушкин сюда захаживал, если люди не врут, - сообщал необъятный Лев Рудик. – А теперь внимательнее, проезжаем угол Дерибасовской и Ришельевской. Тот самый знаменитый угол, где, как известно шестеро налетчиков отобрали честь у бабушки-старушки...

Он рулил с небрежностью старого автомобилиста, говорил вкусно и уверенно, как рассказчик, привыкший увлекать слушателей. Однако, боковым зрением я наблюдал, что разговор на перроне не выходит и у него из головы.

- А вот – место, такого вы не найдете больше ни в одном городе Союза – этот угол – таки наша музыкальная биржа...

И Рудик с тайной гордостью поведал, что если кому-то нужны виртуозы Одессы – надо именно сюда. И несколько невзрачных типов, тусующихся на углу, окажутся отличными музыкантами. Например: скрипка, гитара, тромбон и контрабас. И по сходной цене вы на некоторое время становитесь владельцем оркестра. Чаще всего музыкантов с биржи зовут играть на похоронах или свадьбах. А среди них действительно хватает настоящих виртуозов, истосковавшихся по хорошему делу, по интересному репертуару. Так что на запись настоящего концерта многие из них могут согласиться ради интереса – за сущие копейки. А таланты там ого-го!

- Впрочем, нам это не понадобится, - авторитетно сообщил Лев Евгеньевич. – Один из моих деловых партнеров – известный одесский импресарио с невероятными связями в филармонических кругах. Он нам подгонит таких музыкантов, такой высокий класс... - Рудик даже задохнулся от раскрывающихся перспектив. – Кстати, Алеша, гонорар, который ты запрашиваешь – просто людоедство в чистом виде! Сейчас у нас будет разговор с деловыми партнерами. Там ты выскажешь свои пожелания, а я постараюсь их убедить. Но они люди деловые, и как отреагируют – не знаю...

Рудик остановил «Волгу» в начале Приморского бульвара, и дальше повел нас пешком. Метров двести, пока не показалась лавочка, где сидел, казалось бы обычный седенький пенсионер. Если это на что-то и походило – то на случайную встречу старых доминошников, но никак не на важные деловые переговоры. И я подумал про себя, что Лев Евгеньевич соблюдает конспирацию очень естественно и ненавязчиво. Как будто это и не конспирация вовсе.

Седенький пенсионер, окинул нас выцветавшими и по-старчески мутноватыми голубыми глазами. Этот дед сошел бы за обычного доходягу, разглядывавшего на бульваре россыпь опавших каштанов, если бы не одна маленькая деталь. На безымянном пальце левой руки старика бросался в глаза золотой перстень с темным камнем. Перстень был такой массивный, что казалось, это он своей тяжестью оттягивает подрагивающий старческий палец к земле.

- Здравствуйте, Магельницкий, – поприветствовал Лев Евгеньевич – А где же Янкель Моисеевич Шейфер?

- Янкель будет с минуты на минуту, - прошамкал старичок. – Так шо, Левочка? Таки эти цуцики будут петь?..

И я понял, что «цуцики» - это мы. И для этого дедушки, не иначе, хранящего в своем полосатом матрасе пару миллионов, Алеша Козырный вовсе не знаменитый и скандальный певец, а какая-то «темная лошадка». И этот дедушка, видимо, опасается, что молодой по его меркам Лева Рудик собрался втянуть их с Янкелем Шейфером в какую-то непонятную аферу, на которой можно потерять деньги. Радужное настроение, посетившее меня с первых минут в теплой Одессе, моментально схлынуло. Потому что стало ясно – предприятие, ради которого мы притащились за тридевять земель, висит на волоске. И я еще сильнее пожалел, что Алеша сразу заломил несусветный гонорар. Рвачество еще никому не шло на пользу.

Все время, пока мы ехали в поезде, Алеша разрабатывал план, как стребовать с Рудика гонорар побольше. Как только я ему пересказал ему перспективы курортно-музыкального бизнеса – глаза певца загорелись. Полдороги он шевелил губами, совершая подсчеты в уме. И, наконец, выбрав момент, когда кроме нас в купе никого не осталось, он свесился с верхней полки и пообещал, что постарается «стрясти с этого барыги» три тысячи рублей. При этом половину своей доли Алеша клятвенно заверял, что презентует мне, чтобы хоть какая-то сумма положила начало отдаче долгов.

- А вот и Янкель! Здравствуй, уважаемый! – подскочил Лев Евгеньевич, раскрывая объятия.

Вниз по бульвару, прямо к нам шел большой еврей неопределенного возраста. Ему могло быть пятьдесят, а могло быть и семьдесят пять. На голове развивалась седая шевелюра кудрявых волос. Вперед выпирал немаленький живот.

- Таки веселый сюрприз ты нам приготовил Левушка! – с веселым задором пробасил Янкель Шейфер, имевший «огромные связи в одесском филармоническом мире».

- Да, вот, настоящий король блатной песни Алеша Козырный перед вами собственной персоной. Живой, настоящий, можете потрогать руками, если хотите, - отрекомендовал Рудик. - Рвется записывать концерты. Находится в прекрасной творческой форме. Аппетиты, правда, под стать знаменитости. Алеша хочет гонорар три тысячи рублей.

Алеша встал с лавочки и артистично раскланялся.

- А что ж гонорар такой большой? – прищурившись, поинтересовался Шейфер.

- За имя, - ничуть не смутившись, парировал Козырный. – Я сейчас звезда номер один в блатном жанре. А не какой-нибудь безымянный новичок.

- В апреле, Сергей Иванович Маклаков с братьями Жемчужными записал шикарный концерт памяти Аркадия Северного. И солист у них новый появился, зовут Саша Розенбаум. Его «Гоп-стоп» распевает уже пол-Союза. Так что ты отнюдь не единственная звезда, - нахмурил брови Янкель Соломонович.

- Ну, так и где ваш Розенблюм? – ни на йоту не смутившись, парировал Алеша. – А я – вот он. В Одессе. И в прекрасной творческой форме!

- Алеша готов записать сразу несколько концертов – скажем три. Прибыль от распространения – полностью наша. За такой гонорар мы получаем товар «под ключ», - продолжал обрабатывать партнеров Лев Рудик.

- Под ключ! – неожиданно почему-то расвирепел большой Шейфер. – Я тебе расскажу, как нас всех закроют на ключ, стоит в это дело вляпаться! Ты, Левушка вот не слушаешь, «Голос Америки». А зря! Я, грешным делом, охоч до вражьих голосов. Так вот, вчера ночью «Голос Америки» передал интервью с нашим дорогим гостем Алешей Козырным. Где этот молодой человек поливает все политбюро ЦК КПСС, за то, что, якобы товарищи Брежнев, Суслов и Громыко не позволили ему жениться на Эдите Пьехе! Не слышал такое? Как угораздило этого нахала! Как только язык его повернулся!

У меня сразу душа ухнула вниз. Не в пятки конечно, но куда-то в область кишечника. Алеша, наконец-то, немного смутился.

- Какой такой «Голос Америки»?! – недоумевая, пробормотал он. – Это же английская была корреспондентка. Радио ВВС, у Севы Новгородцева работает... Я вообще думал - все это прикол. Ну, побалдели, выпили малость...

- Побалдели! – передразнил гневный Шейфер. – После этой передачи КГБ начнет охоту не только за гражданином Козырным, но и за любым фрайером, который вздумает его песни тиражировать. Баста – прибалдели! И сюда я пришел, Левушка, только для того, чтобы тебя предупредить – нельзя в это дело лезть. Ты человек относительно молодой. Зачем тебе лет пять или десять лет тратить на Сибирскую тайгу, телогрейку и конвой?.. А сам я, конечно, пас.

И пышущий гневом импресарио Янкель Шейфер повернулся, не прощаясь, и размашисто зашагал по бульвару в обратную сторону.

- Какое недомыслие... - донеслась до нас его последняя фраза, брошенная на ходу через плечо.

Куда и как уже успел испариться второй старичок – с большим перстнем – я даже и заметить не успел. Мы остались втроем на лавочке

посреди бульвара. И все предпочитали сидеть. Подозреваю – потому что большую часть из нас в этот момент не держали ноги.

- Сережа! Купи мне мороженое? – убитым голосом попросил Алеша. – Вон, видишь, без очереди дают. Хоть сладкого поесть, когда такое...

Когда я вернулся, Лев Рудик и Алеша Козырный молча сидели по разным концам скамейки. Рудик потирал ладонью загорелую лысину, о чем-то напряженно думая. Алеша же бездумно возил перед собой носком полуботинка, расталкивая осыпавшиеся каштаны перед скамейкой. Он с таким восторгом подхватил стаканчик мороженого, словно не ел этого лакомства с самого детства.

- Подумаешь, два барыги!.. – запоздало съязвил Алеша, как только мигом расправился со своей порцией пломбира. Он весело толкнул меня в бок. – Думают, будто мы без них не справимся! Будто свет на них клином сошелся! Лева, ты будешь кушать свой пломбир?.. Если нет – лучше мне отдай – я что-то не наелся! С детства не ел его. А, вкусное, оказывается!

Рудик действительно все еще не притронулся к мороженому, которое уже капало из промокшего стаканчика прямо на его модные синие джинсы. Он спохватился, отдал Алеше размякшее мороженое, и небрежно стряхнул белые капли со своей штанины.

- Вот, что, зайчики мои, - наконец очнулся Лев Евгеньевич. – Обстоятельства, как видите, здорово изменились. Запись до вашего громкого успеха на «Голосе Америки» и запись после – это две большие разницы, как говорят у нас в Одессе. И в этом не моя вина... Не вина принимающей стороны...

Рудик еще раз вздохнул, и снова провел ладонью по лысине, приглаживая прикрывавшую ее жидкую прядь волос. Мы замерли в ожидании его приговора.

- всю жизнь была у меня мечта с Высоцким поработать, записать с ним что-нибудь значительное, - вдруг переменял он тему. – И даже шанс был, когда кино тут снимали «Место встречи изменить нельзя», и Высоцкий приезжал. Жаль, меня тогда не было в Одессе. По обстоятельствам от меня не зависящим, но, тем не менее – грустным... А когда я летом 80-го уже вернулся и мог записать и даже начал искать контакты – Владимир Семенович возьми да умри!.. И моя мечта кончилась... Потому что я опоздал, - вздохнул Рудик. – А тут такая идея – с Алешей Козырным на Черноморском берегу!.. Неужели опять мимо?..

Алеша слушал так внимательно, что второпях проглотил второе мороженое, едва ли не целиком. Впервые с момента приезда в Одессу он не строил из себя звезду и делового нахала, а просто с пониманием смотрел на этого полного человека, тоже, оказывается, умевшего мечтать.

- И вроде срослось, и я в шаге от того, чтобы осуществить свою мечту с вами – так неужели Лев Рудик чего-то испугается? Будь это даже КГБ?.. – он посмотрел на нас улыбающимися глазами. – Нет, мы будем записывать эти концерты...

- Правильно! – в восторге воскликнул Алеша.

- Но... - сделал паузу Лев Рудик, давая понять, что его маленькую речь перебивать не надо. – В связи с открывшимися обстоятельствами – наши условия меняются. Я не могу заплатить вам такой гонорар сейчас. И вообще не знаю, какой гонорар может из всего этого получиться. Моих денег хватит только-только, чтобы организовать запись и начать распространение... Но потом, когда записи начнут продаваться – я готов заплатить с этих сумм двадцать процентов в качестве гонорара. Но эти деньги появятся не сразу. И вам придется поверить мне на слово...

Растроганный Алеша поднялся со скамейки и обнял подпольного продюсера, который был ниже его на полголовы.

- Мы верим тебе, Лев Рудик!.. Мы понимаем, чем ты рискуешь, и готовы верить тебе на слово!

Ошарашенный Рудик, не сразу вывернулся из объятий прослезившегося певца.

- А мы сможем записать то, что сами собирались? – на всякий случай поинтересовался я.

- Конечно! – подтвердил Лев Рудик. – Но главное условие – строжайшая конспирация! Теперь никто не должен знать, что в Одессе тот самый Алеша Козырный. Вы никто - просто парочка отдыхающих! И звать вас – никак...

Правила конспирации Рудик втолковывал нам, пока вел на квартиру. Никаких импровизированных концертов на балконе. Никаких знакомств, особенно в питейных заведениях. Вообще с питьем желательно ограничиться. А если уж совсем приспичит – лучше взять баклажку «красненького» и распить ее вдвоем на квартире, при закрытых дверях, или на пляже под дружескую беседу. С соседями по квартире задушевных разговоров не вести. И никаких знакомств с женщинами – а если вдруг что-то подвернется – только вымышленные имена и скромность. Инженеры из Новосибирска, или счетоводы из Саратова. Хвост не распушать – секретными физиками-ядерщиками или артистами инкогнито не называться ни в коем случае.

Продолжая инструктировать, Рудик завел нас под арку четырехэтажного дома старой постройки. Дом был выстроен квадратом, его стены окружали мощный внутренний дворик. Уже при входе во дворик чувствовался запах жареной рыбы. А из открытых окон на первом этаже слышалась беспардонная перебранка на южнорусском диалекте.

Сделав заговорщическое лицо, Лев Рудик поведал нам, что до революции это был доходный дом построенный богатым одесским купцом. Но доход он приносил недолго. Потому что началась революция, гражданская война, интервенция Антанты, анархисты, большевики. Есть легенда, что в какой-то момент на четвертом этаже располагался даже штаб знаменитого Мишки Япончика. Правда даже старожилы не представляют в какой квартире или даже в каком крыле квартировал тогда знаменитый одесский налетчик!

- Это все оттуда, из времени ваших песен! Говорят Мишка Япончик облюбовал в гражданскую этот дом, потому что отсюда несколько удобных путей тайного отхода.

- Где-то я уже слышал про такое. Уходить по крышам, как американские коммунисты с Анджелой Дэвис, - не удержался я от шутки.

Алеша хохотнул в ответ. Рудик не понял нашего специфического юмора, но не смутился.

- Да, один путь действительно лежал по крышам. Там, говорят, можно через весь квартал перескочить. Впрочем, на моей памяти никто не пробовал. Нужды не было, - обстоятельно рассказывал он.

По крутой парадной лестнице мы поднялись на самый верхний – четвертый этаж. Лев Рудик достал связку ключей и открыл сначала массивную, но обшарпанную дверь в большую квартиру. Длинный коридор тянулся на полэтажа и с обеих сторон пестрел разноцветными дверями поменьше: оббитыми дерматином, крашенными в светлые и темные тона. Одну из них он тут же открыл и сделал нам приглашающий жест.

- Две отличные комнаты. Удобства, к сожалению, на этаже, зато смотрите, какой балкон есть...

Две небольшие смежные комнатки были заставлены старой мебелью – у стены даже стоял древний «бабушкин» комод. Но все было аккуратно ухожено – в каких-то занавесочках, салфеточках.

- Ну, отдыхайте! Набирайтесь сил! Завтра с утра вы должны быть в полной боевой готовности. Поедем на биржу собирать небольшой ансамбль. Как видите – без музыкальной биржи все-таки никак не обошлось.

- Лева! – Алеша со значением остановил собравшегося ретироваться продюсера. – Но хотя бы небольшой аванс? Нам же нужно ужинать...

Не говоря ни слова, Рудик полез в нагрудный карман, достал две сторублевки и подал каждому из нас.

И стоило только продюсеру закрыть за собой дверь, как Алеша в буйном восторге метнул в угол комнаты свою несчастную гитару и с размаху плюхнулся задом на кровать, страдальчески зашатавшуюся под ним панцирной сеткой.

- А неплохое местечко нам определили, – заявил он. – Ну, что? Махнем на Дерибасовскую? Сережка, я балдею! Наша Одесская гастроль начинается!

И через полчаса мы уже сидели в «Гамбринусе». Алеша только что разменял сторублевку, выданную ему в качестве аванса. Восторг буквально распирает певца.

- Ну, что ты заладил: «Конспирация!» – возмущался Алеша Козырный. – Учись радоваться жизни, Сергей! Ну вот, когда мы еще с тобой будем вот так, теплым вечером сидеть в Одессе на Дерибасовской улице в знаменитом кабачке «Гамбринус»? Попробуй, пиво, какое шикарное – холодное, аж зубы ломит!

Все столики были заняты. И как минимум половину из них занимали белокожие, не загорелые мужчины и женщины лет за сорок. Они вертели

головами по сторонам, стремясь ничего не упустить. Озабоченность взглядов, еще не сменившаяся степенной вальяжностью опытных курортников, выдавала в них только что прибывших в Одессу отдыхающих.

- Девчонки, слышали что-нибудь про такого певца Алешу Козырного? – немедленно обратился Алеша к двум белокожим дамам, томно сидевшим за соседним столиком. – Так вот я и буду этот самый певец. Сегодня, посещением «Гамбринуса», мы с другом открываем нашу одесскую гастроль! А вы надолго в Одессу?..

Дамы в ответ невнятно хихикнули, совершенно несолидно для своего предбальзаковского возраста. И изобразили, как будто улыбчивый певец им совершенно неинтересен.

«Ну, началось!» - подумал я, едва не поперхнувшись, действительно ледяным пивом и незаметно, но сильно ткнул Алешу под ребра.

- Понимаю, понимаю! – спохватился певец. – Мы же тут понарошку. Конспирация... А жаль! Смотри, какие тети! Ух-х...

Дамы, кстати, принялись искоса бросать на нас оценивающие взгляды. И все это мне не нравилось. Общительному Алеше было противопоказано находиться в таком людном месте. А уж оставлять его здесь одного нельзя было ни на минуту.

Перед входом в кафе остановился уличный скрипач. То ли цыган, то ли молдаванин. Он прижал скрипку к плечу, оставив распахнутый футляр на мостовой, и заиграл «Чардаш», отчаянно фальшивя.

- Эй, любезный! – окликнул его Алеша, как только музыкант перестал терзать слух посетителей кафе. – А знаешь, что-нибудь из репертуара такого певца – Алеша Козырного?!

Скрипач охотно кивнул и принялся пикивать уже знакомое мне вступление «Стоял я раз на стреме».

- Там были деньги-франки! И жемчуга стакан!.. – вдруг громко пропел, расчувствовавшийся Алеша.

Мне оставалось только исподтишка осмотреться – насколько Алеша успел привлечь внимание публики к нашим персонам. Но пока, вроде бы, никто особо нами не заинтересовался. А скрипач весь извивался от старания. Он дважды обошел наш столик кругом. С лица Алеша не сходила довольная улыбка. Он совершенно отказывался замечать, как этот горе-музыкант коверкает неплохую мелодию.

- Спасибо, дорогой! – поблагодарил Алеша, подавая скрипачу целый червонец. Я чуть не вырвал купюру у него из рук – тут рубля было выше головы. – Садись, выпей с нами!

Скрипач не заставил себя долго упрашивать. Приземлившись на соседний стул, он одним затяжным глотком осилил стакан легкого вина.

- Это не Одесса, - чванливо выпятив губу, скрипач обвел глазами столики с посетителями кафе. – Это все бутафория, фальшак! Хотите посмотреть настоящую, подлинную Одессу? Я вижу, вы люди новые. Яша может показать!

Алеша немедленно загорелся этой идеей – посмотреть настоящую Одессу. А я уже готов был на что угодно, лишь бы убрать говорливого Алешу из людного «Гамбринуса». Скрипач повел нас в какие-то боковые улочки. Атмосфера разнежившейся в тепле Одессы расслабляла. И я почувствовал намек на угрозу, только когда скрипач поманил нас за собой в какой-то подвал, юркнув в очередной переулок. В отличие от «Гамбринуса», посетителей в этом заведении сидело немного. Большинство из них играло в карты. Это оказался настоящий подпольный игорный дом. Такого я не видел еще никогда в жизни.

Навстречу к нам из-за барной стойки направился хозяин заведения.

- Давно не было у нас таких уважаемых гостей! – пробасил этот здоровенный хохол, с сильно косящим левым глазом.

- Узнали! – с гордостью шепнул мне Алеша и приосанился.

- Желаете сыграть? Пива холодного, за счет заведения, почетным гостям!

Он бросил нам на столик колоду довольно засаленных, потрепанных карт. Рядом немедленно возник некий верткий тип с фиолетовыми мешками под глазами. Не взирая на жару, он был в пиджаке с длинными рукавами. Морщинистое личико выглядело моложаво и только при определенном освещении становилось ясно, что этому «катале», наверное, уже лет пятьдесят.

- В очко, по червончику? – предложил он Алеше.

Тот кивнул не глядя. Все внимание певца занимали две стопки водки, которые нес к нашему столу хозяин заведения. Также на тарелочке лежали два бутерброда с рыбкой, напоминавшей малюсенькую килькупряного посола.

- Ты что, решил просадить здесь весь аванс? – дернул я певца за рукав.

- У вас семнадцать у меня – пятнадцать! – посмотрел в карты соперник Алеша. – Ты выиграл червонец.

- Везет, Серега! – азартно потер ладони певец.

А мне все меньше нравилось в этом гадюшнике.

- У меня, значит, девятнадцать – у тебя – двадцать! Еще червонец выиграл! – снова сообщил наш шулер. И даже обернулся к застывшему в проходе скрипачу с наигранной претензией. – Яша, ты зачем таких везучих привел!?!..

17.

Алешины глаза едва не выкатывались из орбит. Он разбудил меня, трясая за плечо. Губы его дрожали. Кадык несколько раз дернулся. Алеша силился что-то сказать, но получилось у него не сразу.

- Се...ё...ша! Голос по...пал! – кое-как, шепотом просипел певец.

Спросонья я не сразу уловил смысл его слов. В нашу комнату, через двери распахнутого балкона залетали звуки раннего утра: перекликанья одесских хозяек и погромыхивание бидонов. По полу со стороны балкона тянуло свежестью и прохладой.

Внезапно до меня дошла катастрофичность случившегося.

- Ты что, потерял голос?!.. – мгновенно вскочил я. - Ты понимаешь, это нам опять срывает запись?

Алеша переминался с ноги на ногу, стоя в одних трусах. Он хотел что-то сказать в ответ, но только морщился.

- Как же ты умудрился простудиться посреди такой жары? – простонал я еще один бесполезный вопрос. – Сейчас Рудик придет, я не знаю, как ему про это говорить. Человек все подготовил, платит деньги...

В дверь нашей комнаты энергично постучались. Без малейшей паузы она распахнулась, и в комнату влетел сияющий Лев Рудик.

- Что ж вы, зайчики мои до сих пор спите?! – вместо приветствия возмутился он. – Я вам не скажу за всю Одессу, но вся музыкальная биржа замерла в ожидании нашего триумфа. Собирайтесь ка по быстрому – махнем на угол Дерibasовской и Преображенской пока там всех настоящий виртуозов не расхватили на свадьбы, да на похороны!

Наш энергичный продюсер еще успел распахнуть балконные тюлевые шторы, прежде чем заметил наше гробовое молчание и каменные лица.

- Выкладывайте, зайчики, что случилось? – остановился он и пристально посмотрел на нас.

Рассказывать о несчастье пришлось мне. Потому у Алеши любые попытки включиться в разговор вызывали острую боль. Он пытался открыть рот, но тут же кривился и даже слезы выступали в глазах.

- Это пройдет, - пообещал я. – Он мороженым вчера обожрался, весь день на него налегал – вот и простудил горло. Пройдет за неделю. А если правильно лечить – может и еще быстрее.

- За неделю! – разочарованный Лев Рудик плюхнулся на стул. Все его грандиозные планы на сегодня пошли прахом. – А как его лечить? Мы же не можем заявиться в районную поликлинику. Здравствуйте, я Алеша Козырный, карточки, прописки и паспорта у меня нет, зато я даю интервью «Голосу Америки», или вы не слыхали, доктор? Может лучше сразу в КГБ обратиться за направлением в санаторий?

Даже после очередного разочарования наш одессит хотя бы не потерял чувства юмора. Алеша, потупившись, начал одеваться, стаскивая со спинки стула брюки и рубашку.

- Ладно, попробую найти врача, - наконец решил Лев Рудик. – Только, чтобы сидели тут тихо, как мыши. Из дома ни ногой!

На выходе из комнаты он только расстроено покачал головой. Алеша сидел понурившись. А мне тоже оставалось только помалкивать в тряпочку. Стыдясь того, что Рудик, слава богу, не знал всех подлинных дел нашего вчерашнего вечера. Мало того, что я вчера не проследил, как Алеша глотает

мороженое большими порциями, чередуя с холодным пивом. Мы ведь вчера не просто проигрались в карты. А еле унесли из притона ноги.

Потому, что, когда Алеша проиграл весь свой аванс и начал уговаривать, поставить на кон мои сто рублей, чтобы он смог отыграться, я просто задрал рукава пиджака тощего шулера, и оттуда вылетели красный туз, и пара черных королей. Но никто не собирался дать нам уйти из подвала по-хорошему. И чтобы выкрутиться, я заявил им в лицо, что мы - кореша Беса. И если с нами что – питерские приедут ставить их на ножи.

Оказалось, что эти одесские жулики кое-что слышали про Беса, потому что замялись. Пока они это переваривали, я упомянул еще пару авторитетных личностей, запомнившихся после плавания на речном трамвае. Воспользовавшись замешательством, мы аккуратно, по стеночке продвинулись к выходу из притона. Ускользнуть нам удалось. Но вся эта история дурно пахла. И совсем не так нам стоило провести первый вечер в Одессе. И я чувствовал себя виноватым не меньше Алеши.

Рудик вернулся через час. Вслед за ним в комнату зашел долговязый молодой человек, и принялся надевать выдавший виды белый халат, который он принес в старомодном докторском саквояже. Еще он извлек из своего багажа и разложил на столе кучку сияющих металлических инструментов самого бесчеловечного вида. Алеша с опаской косился на эти острые загогулины, сидя на кровати, не подавая ни звука, и смиренно сложив руки на коленках.

- Ну-с, больной, покажите горлышко! – заявил молодой врач, поворачивая испуганное лицо Алеши к свету.

Лев Рудик сидел рядом со мной в большом волнении и внимал каждому движению молодого медика.

- Будущее светило медицины! – прошептал он мне на ухо. – Круглый отличник, самый сильный студент у себя на курсе. Мой племянник, Вадим Малыночка! – с гордостью похвастался Рудик.

Племянник вполголоса задавал Алеше разные наводящие вопросы, подмышку ему поставил градусник, а в глотку пихал поочередно свои инструменты – после каждого такого вторжения певец еще с минуту перхал и откашливал. Я же получал все больше информации о докторе, в молодые руки которого вверено будущее нашего предприятия. Рудик рассказал, что его племянник учится на пятом курсе, и лучшего студента не помнят даже самые старые профессора ЛОР отделения. Якобы его курсовые работы регулярно посылают на конкурсы в Москву и в Киев. И все прочат его племяннику большое будущее.

- Казалось бы, всего-то «ухо, горло, нос»? - счастливо недоумевал Лев Рудик. – И в кого он такой уродился? Сестра у меня женщина простая. А папаша его – Осип Малыночка и тем более – грузчик в порту...

Наконец, молодое светило закончило осмотр.

- Вы всегда такой худой, или за последнее время начали быстро терять вес? – еще задал он последний вопрос Алеше, стряхивая градусник.

Тот только неопределенно пожал плечами.

- Не нравится мне его горло, дядя Лева! Подозреваю, что это не банальная простуда, – со значением подчеркнул студент, уже поворачиваясь к нам. – Странные какие-то симптомы. Температуры нет, насморка нет. А горло раздулось, и отекло, словно... Впрочем, об этом давайте поговорим с вами отдельно, на балконе.

Я увязался за ними на балкон, оставив в комнате одного безучастного Алешу. Студент внушительно озвучил диагноз на латыни, подняв вверх палец. И удовлетворенный нашим изумлением, принялся вполголоса пояснять.

- Гортанный нерв у него явно защемлен, - диагностировал будущий профессор. – Это может быть узелковый ларингит. Что лечится долго, но лечится... Но тогда не понимаю, почему нет температуры? И пугает меня такая хужоба, на грани дистрофии. В общем, по всем правилам, первым делом требуется исключить онкологию, - мне показалось, что отличник произнес это с каким-то особенным смаком. – Главное, не прозевать опухоль! Если это, как я подозреваю, действительно рак – действовать надо быстро и решительно.

- Да какая там опухоль! – возмутился я. – Видели бы вы, сколько он вчера мороженого сожрал! А он его много лет не ел – вот горло и простудил с непривычки.

- И все-таки, я бы пока не стал ничего исключать, - покачал головой юный медик, снисходительно поглядывая на меня.

- А петь-то он, когда сможет? – робко поинтересовался Рудик.

- Шо вы, дядя Лева! Пока не до пения, - строго посмотрел на него студент. – Речь идет о жизни и смерти!..

И наблюдая, как вытянулись наши лица, попытался приободрить.

- Вы не беспокойтесь! На ранней стадии рак операбелен. В передовых клиниках уже показаны хорошие клинические результаты. Тут главное точно поставить диагноз и не упустить драгоценное время... А я только недавно в немецком журнале прочитал статью об одной новой уникальной методике... Случай там описывался точно такой, как с вашим другом. Там вовремя диагноз поставили и быстро операцию провели.

- А как же голос? – просил я.

- Операция на голосовых связках бесследно не проходит. Но ради спасения жизни чем-то всегда приходится жертвовать, - назидательно констатировал студент.

Опешившие мы вернулись с балкона. Каждый, как мог, изображал при Алеше уверенность и оптимизм. Лев хлопнул его по плечу, сообщил, что все ерунда, и завтра он принесет на обед такую рыбку, что Алеша только пальчики оближет, а пока постельный режим и полоскания. Я тоже что-то промямлил, чтобы он не беспокоился насчет записи, сделаем, как только он поправится.

Короче, после обрушившейся на него дружеской ласки и участия, Алеша сразу заподозрил недоброе, и молча, переводил взгляд жалобных глаз с одного из нас на другого.

Я тоже не мог прийти в себя от внезапности несчастья. Так, что едва не пропустил мимо ушей, как уже в коридоре молодой медик сообщил своему дяде, что именно такого сложного случая ему не хватало, для темы по-настоящему классного диплома. Поэтому он немедленно бросит все силы на лечение Алеши, и все будет хорошо.

И что-то мне не понравилось в этом явно ответственном и знающем парне. Не сразу, но я все-таки понял, что пугал звучавший в его голосе энтузиазм. Студента распирало от плохо сдерживаемой радости, что так вовремя подвернулся тяжелый случай.

Весь день Алеша лежал, глядя в потолок. Он даже не прикоснулся к ароматному куриному бульону, принесенному душевной соседкой Розой Марковной. Прослышав о том, что новый постоялец заболел, старушка заявила к нам знакомиться, неся перед собой миску диетического бульона. А потом, присев на стул возле кровати Алеши, вкрадчиво спрашивала:

- Или вы хотите мясо из борща?.. Попробуйте, у меня осталось прекрасное мясо со вчерашнего борща? Ой, как я люблю мясо из борща!

Но Алеша только бессловесно мотал головой. И Роза Марковна ретировалась, твердо уверенная, что новый сосед серьезно болен и «как бы не пришлось его хоронить».

Только ближе к вечеру, Алеша вдруг поднялся, подошел ко мне, и с трудом выговаривая слова, кое-как произнес:

- Сережа... Со мной – все?

Я тоже лежал без сна. Но не ожидал такого вопроса. И не сообразил сразу выложить правду – что я не верю в дурацкие страшные диагнозы, которые с таким энтузиазмом ставит ему молодой племянник Рудика. Что парнишка чересчур увлекается. И что Алешина болезнь – банальная простуда, которую оболтус Алеша сам себе «привез». И это по-любому не то, что стояло у него перед глазами на примере безголосой Маши Старковой. Может быть, такие аргументы, сказанные вовремя, успокоили бы певца.

Я, конечно, начал убеждать, что все будет хорошо. Но какими-то не теми словами. А другие слова пролетали мимо. Постояв немного надо мной, Алеша силился сказать, что-то еще, но у него не получилось, и певец просто бухнулся обратно в кровать.

А за ночь Алеше стало только хуже. Горло отекло сильнее. Он уже не только совсем не мог говорить. Но даже начинал задыхаться, стоило какое-то время полежать на спине.

18.

На следующий день медик-отличник Вадим Малыночка снова вертел Алешу перед светом, залезая к нему в глотку разными своими никелированными штуковинами.

- Положение серьезное. Медлить больше нельзя, - с озабоченным видом изрек наш молодой доктор. – Никаких симптомов простуды. Зато явно

снижается общий тонус организма. Наши шансы на успех тают с каждым днем. Надо решаться на операцию.

От слова «операция» я вздрогнул, а Алеша закаменел. Он немо смотрел на колышущиеся тюлевые занавеси балкона глазами, полными слез.

- Вот, я принес журнал, чтобы все видели, что я предлагаю, - продолжал с азартом излагать Вадим. Он действительно извлек из саквояжа какой-то журнал на иностранном языке, открыл его на странице, выделенной закладкой. Я даже не стал смотреть туда.

- Этой зимой в Берлине, в медицинской академии ГДР, под руководством профессора, не важно, как его зовут, была произведена операция по удалению опухоли на правой голосовой связке. Пациент поправился и выписан из клиники в конце февраля... Что еще раз подтверждает преимущества социалистического строя. Поскольку на западе такая операция стоила бы не менее 100 тысяч марок и по карману только пациентам из богатейшей верхушки правящих классов...

- И кто проведет такую операцию? Мы же не можем выписать из Берлина профессора, не важно, как его зовут? – подал голос Лев Рудик.

- Я проведу! – воскликнул племянник. – Здесь дано подробное клиническое описание. Сделать такую операцию не намного сложнее, чем удалить миндалины!

- А вы хоть железы-то удаляли самостоятельно? – спросил я.

- Конечно! Два раза. На практике за это я получил отличные отметки, - без тени сомнения заявил отличник. - У меня сегодня ночное дежурство в ЛОР отделении городской больницы. После отбоя ключи от операционной – в лаборантской, в шкафчике. Я там со второго курса подрабатываю, и меня все дежурные сестры знают. Если постараться – мы все успеем подготовить... - деловито и быстро строил планы Вадим. - Вечером в институте ученый совет. Пока все преподаватели соберутся там - я возьму в лаборатории нашей кафедры необходимые инструменты...

Я видел, как Лев Рудик понемногу сдается под напором племянника. Стоит ему привести еще пару малопонятных медицинских аргументов - и наш продюсер даст добро, чтобы навсегда изуродовать голос Алешы. А сам певец, как и вчера, не реагировал на весь этот бред, словно речь шла не о его здоровье и судьбе.

- Стоп! Стоп! Это какая-то чушь! – вмешался я. Ужасно хотелось схватить всю эту троицу за шкурки, и как следует встряхнуть. – Так аборт делают криминальные. Тайком разные коновалы калечат неразумных женщин... А это какой-то голосовой аборт получается!

Однако, как будто в этой комнате все одновременно потеряли разум. Моя резкость вызвала совершенно обратную реакцию.

- Мой племянник не коновал, - мягко, но твердо возразил Рудик. – Он лучший студент у себя на курсе. И без пяти минут – отличный врач «ухо-горло-нос». И я ему верю. Если он говорит что-то – значит, знает - так оно и есть. И вообще, тут главное слово за Алешей.

Все взгляды устремились на Алешу. А тот, молча, кивнул! Я переспросил его – значит ли это, что он соглашается на операцию в непригодных условиях и с таким неопытным хирургом? Он снова кивнул. И на этот раз уже не оставалось сомнений – он сделал это не машинально в прострации. Его кивок означал согласие. Я еще раз переспросил - понимает ли он, что рискует навсегда потерять голос? Даже не рискует, а точно его потеряет? И он кивнул в третий раз.

- Ну, все решено, - обрадовался студент. – Вы ничего не ели с утра? И не ешьте. Перед операцией важно, чтобы желудок был пуст. Все! Я побежал готовить операцию!.. Соберитесь к семи вечера. Я за вами заеду.

Думаю, в подъезде, когда его никто не видел, отличник должен был от восторга проскакать по лестнице на одной ножке.

Как только светило-племянник с дядейлевой ушли, я бросился к Алеше, убеждая его не уродовать себя. Говорил, что все еще не ясно. И можно же обратиться к другому врачу, пусть даже в районную поликлинику? Ведь певцу лучше засветиться перед КГБ, чем лишиться одной голосовой связки и навсегда замолкнуть?

Алеша слушал, помахивая головой. По-моему, у него ко всему прочему были еще и заложены уши. И когда я иссяк, выложив все свои аргументы, он только потянулся к блокноту с ручкой, который предусмотрительно принес Рудик. Накорябав несколько слов, он показал мне: «Может это судьба меня так наказывает? Такая цена за все мои дела?»

Я чуть не поперхнулся, когда прочитал такое. У Алеши поехала крыша. Другого объяснения внезапному ступору вечно живого, балагурящего певца я не мог найти.

Потом, Алеша ворочался, лежа на кровати. Вадим рекомендовал ему хоть немного поспать перед операцией, чтобы набраться сил. Но певец никак не засыпал. На спине он сразу начинал задыхаться, поэтому вертелся с боку на бок, и панцирная сетка его кровати не прекращала стонать.

Наверное, и я мешал ему заснуть, шагая из угла в угол нашей комнаты. И не представляя, как остановить тот вандализм, который вот-вот произойдет с легкой руки недоучившегося, но слишком любознательного врача. Я твердо решил, что не дам произойти этой чудовищной ошибке, чего бы мне это не стоило. Только для начала я решил все-таки еще раз переговорить с Рудиком. Надеюсь, что в отсутствие напористого племянника, чьи успехи в учебе производили на дядю такое вредное впечатление, мне все-таки удастся его убедить, и здравый смысл восторжествует.

- Алеша! Алеша! – потерял я певца за плечо.

Он только что перестал елозить. Дыхание Алеши стало ровным, хотя и с присвистом. Он открыл глаза.

- Я все-таки пойду, приведу врача, - вполголоса, но твердо пообещал я. – Только ты никуда не уходи. Будь здесь, обязательно. Пока я не вернусь – никаких операций! Сиди здесь, и дожись меня! Я обязательно буду.

Алеша кивнул, снова закрыл глаза и отвернулся к стенке. Я осторожно, на цыпочках, прокрался к двери. Но стоило мне протянуть руку, как дверь сама распахнулась навстречу.

Тяжело отдуваясь, после подъема на четвертый этаж, в нашу комнату грузно шагнул Янкель Моисеевич Шейфер. Едва не налетев на знаменитого пожилого импресарио, я остановился пораженный.

- Ну, и где таки ваши тридцать три несчастья?! – строго спросил меня Янкель, подавая авоську с яблоками и сливами. – И без вас уже вижу, – проворчал он, делая шаг в комнату и оглядываясь.

Удивленный певец, уже сидел на кровати и тер глаза.

– Какой же вы, Алеша все-таки непрофессионал! – Громогласно, от души посетовал импресарио. – Певец должен беречь связки, как пианисты и скрипачи берегут пальцы!

Алеша немо и виновато развел руками и попытался встать навстречу строгому старику.

- Сиди, сиди! – махнул ему Янкель Шейфер, подхватил могучей рукой ближайший стул и подсел к кровати больного. – Вот услышал, что заболел Алеша Козырный, решил навестить, гостинцев занести.

Алеша попытался что-то ответить, но его горло жалко просвистело, так, что певец поморщился от боли. Он опять что-то накорябал ручкой в блокноте и показал старому импресарио.

- «Я не настоящий певец»... – медленно разобрал, щурясь без очков Янкель Шейфер. – Да кто же такую глупость вам внушил?!.. – возмутился импресарио. – Люди любят ваши песни. За радость. За бойкие мелодии, за юморок специфический. За то, что свободные они. И подумаешь, если их не признает Союз композиторов?!.. И кто только выдумал эту глупость: делить песни на первый и второй сорт? Ерунда это. Вот артистов точно можно поделить. Есть артисты, которых публика слушает, и есть артисты, на которых публика засыпает. А все остальное – от лукавого! И не знаю я, зачем вы так хотите все поменять и отказаться от своих прежних песен? Если уж судьбой уготовано, что они у вас лучше всего получаются – так и надо их петь! Какой смысл сопротивляться божьему промыслу?..

Алеша молчаливо улыбнулся. А строгий Янкель тяжело вздохнул. И я спохватился, что мне надо бежать. Старый импресарио пообещал посидеть с Алешей, развлекая примолкшего певца разговорами, и попутно учить уму-разуму. Янкель слышал про проблемы с голосом. И тоже не одобрял планы скоропалительной операции.

Выскочив на лестницу, я дал себе волю, и чуть не кубарем слетел вниз. Я уже знал, что Лев Рудик в обычной жизни работает завхозом в районном исполкоме. Здание районной власти располагалась в двух кварталах. Я торопился застать Льва Евгеньевича на работе. Потому что ближе к вечеру Алешу мог забрать его племянш. А я поклялся этого не допустить. Вот и промчался эти два квартала бегом.

У себя в кабинете Рудик разговаривал с кем-то по телефону. Причем разговор шел важный. Потому что при виде меня он только удивленно поднял брови, но речи не прервал.

Я стоял и сочинял в голове то, что должно было его убедить. Поэтому особенно не прислушивался к разговору, пока наш одесский продюсер не отчеканил в трубку.

- Брось меня стращать, Василич! Я, в отличие от тебя, тюремную шконку хорошо себе представляю. И с блатными всегда умел находить общий язык.

Тут уже я напрягся. Ведь такой разговор он мог вести только с Ленинградом.

- И твоего Беса не боюсь! Заруби себе это на носу. И так со мной разговаривать не надо. И не такие базары держать приходилось...

Рудик без раздумий повесил трубку.

- Коллега твой питерский забеспокоился! – пояснил он, недовольно крякнув. – И откуда, только узнали, что вы у меня в Одессе? Вы ничего такого домой не сообщали, Сережа? И тут нигде не засветились?

Я ответил отрицательно, хотя и смутился, вспоминая инцидент в картежном притоне. Откровенно говоря, я сразу опасался, что известие о нашей одесской гастроли могло прийти в Питер по «блатному» устному телеграфу. Но не подозревал, что это случится так скоро.

- Предлагает мне с ним Алешу делить, - усмехнулся Рудик, кивнул на телефон. – Что за люди! Знал бы он, в каком состоянии Алеша сейчас, так и денег на междугородний разговор пожалел бы, наверное?

- Лев Евгеньевич! Мы не имеем права Алешу искалечить, - начал я, все еще не избавившись от смущения. – Мы обязаны хотя бы показать его другому врачу.

- Так времени нет, Сережа! – развел руками продюсер. – Ты же слышал, что Вадим сказал? Ситуация ухудшается, он уже начал задыхаться. Ты можешь поручиться, что он ночью в ящик не сыграет, и мы к утру не будем иметь на руках свежий труп?..

- Ручаюсь вам! – горячо заявил я. – Вадим ошибается! Это же народный артист! А если изуродовать его горло, уже не только вы, его уже никто никогда записать не сможет!..

Рудик посмотрел куда-то в сторону.

- Ты Сережа – молодой еще, - тяжело вздохнул он. - И тебе еще не понятно, что значит, когда речь идет о самой жизни. Вот если помрет Алеша – тогда уже точно никто, нигде его не запишет. И о деньгах, о бизнесе уже думать не приходится, нам с тобой не повезло...

Он неправильно понял меня. И это было обидно. По его тону я понял, что на союз со Львом Рудиком не могу рассчитывать бесповоротно. Оставалось только бежать назад. Хватать Алешу и силком тащить его в ближайшую поликлинику. В коридоре я мельком бросил взгляд на стенные часы. Они показывали полшестого. Еще оставалась слабая надежда застать

на месте какого-нибудь задержавшегося на приеме ЛОРа, или хотя бы терапевта.

Но взбегая по лестнице к нам на четвертый этаж я столкнулся с аккуратно спускающимся Янкелем Шейфером.

- Как там Алеша? – спросил я, инстинктивно пугаясь.

- А разве вы не столкнулись у подъезда? – удивился старый импресарио. – За ним минуту назад заехал Вадим, и увез готовить к операции. Мне не удалось их отговорить. Вот еще вспомните мое слово – раз эта история так неудачно началась – закончится она еще хуже...

В ответ я застонал, и сел на деревянную ступеньку, обхватив голову. Нетерпеливый отличник уже успел побывать здесь до меня. Он заявился раньше времени. Торопясь забрать пациента, чтобы поскорее приступить к операции. И Алеша даже не вспомнил, как я умолял его ни на что не соглашаться без меня, пока не вернусь. Как замороженный, повинуюсь странной, оборотной стороне таланта, которая заставляет разрушать себя.

Шейфер остановился рядом и принялся расспрашивать меня. И как только я сказал правду – что Алешу не смотрел ни один квалифицированный врач, кроме студента-пятикурсника (пусть даже круглого отличника!) – импресарио тоже пришел в ужас!

- Что же вы ко мне не обратились, как только он заболел! – грохотал на несколько лестничных пролетов гневный голос Янкеля. – Я же достаю билеты на концерты в филармонию всем медицинским светилам Одессы! Неужели бы старый Янкель не постарался, чтобы спасти такой самобытный талант?!.. Да у меня в друзьях сам завкафедрой ЛОР-болезней Захар Смолин! Он же всех моих артистов обследует...

- Мы не могли обращаться к врачам, вы ведь сами знаете – Алешу ищет КГБ – оправдывался я.

- Вы не знаете, что говорите, молодой человек, - покачал головой старик. – В 37-м году Захар, чтобы остаться учиться в медицинском институте, был вынужден отречься от своего отца, которого арестовали, как «врага народа». Фамилию матери взял. С тех пор прошел не один десяток лет, сам Захар спас не одну сотню жизней. Но знаете, его по сей день изнутри жжет тот грех, который взял на душу по молодости... Так что доносить в КГБ пойдет кто угодно – только не Захар. Это я вас уверяю.

- Вадим говорил, что сегодня в мединституте собирается ученый совет! – вспомнил я. - Этот ваш Захар там может быть?..

- Наверняка там! – мгновенно подхватил мою мысль импресарио. – Ученые советы – это такая говорильня, которая имеет свойство затягиваться. Бегите швыдче! У вас ноги молодые. Бог даст застанете его – тогда говорите, что от Янкеля Шейфера пришли...

Но его последние наставления я уже не слышал. У меня вдруг появился еще один, последний шанс спасти голос Алеши. И я не собирался его упускать.

Через двадцать минут я уже метался по Дерибасовской, расспрашивая прохожих – где одесский мединститут. Но все к кому я обращался за

советом, оказывались либо приехавшими курортниками, и знали город не лучше меня, либо пускались в такие неясные долгие объяснения на южнорусском диалекте, что приходилось бросать их и бежать дальше.

Потратив время на блуждания и путаницу, я, наконец, вбежал в здание мединститута. Студентов в этот предвечерний час здесь уже практически не осталось. Коридоры и лестницы пугали гулкой пустотой. А я не представлял, где искать кафедру ЛОР болезней. И спросить было не у кого. Вахтера, дремавшего на входе, в этот момент как раз строго отчитывал, небольшой старичок в легком плаще. Не взирая на сублильный вид, он прямо метал громы и молнии. И я не решился встрять со своим вопросом. Тем более, что вахтер после этого вполне мог просто не пустить меня, как постороннего, в опустевшее здание.

Оставался единственный выход - заглядывать во все аудитории подряд. На первом этаже было пусто. В нескольких аудиториях склонились над учебниками то ли припозднившиеся зубрилы, то ли наоборот - двоечники, задержавшиеся на передачу «хвостов».

Углубляясь дальше по коридору, я умолял себя не паниковать. Но это было невозможно. Время утекало минута за минутой. У меня уже поджилки тряслись. А ряд дверей все не кончался. Я мысленно представил, что возможно вот сейчас, юный энтузиаст уже лезет Алеше в глотку скальпелем, чтобы отхватить у него опухшую голосовую связку.

В бессильной ярости я изо всех сил пнул очередную дверь, скрывавшую за собой пустую аудиторию. Громкий хлопок, словно выстрел, разлетелся эхом по гулким коридорам.

- Это еще, что за безобразие! Немедленно прекратите шум! – ополчилась на меня решительная старушка, неожиданно вывернувшая из-за поворота коридора. Седенькая в очках, я даже не успел понять, секретарша или старая лаборантка, или преподавательница.

- Где ученый совет?! – прорычал я ей в лицо, буквально хватаясь за последнюю соломинку. По какому ее суетливому движению, я даже понял, что заседание проходит рядом. Но ошибся.

- Так ученый совет только что закончился, - опешила старушка.

- И все уже разошлись?! – дико взвыл я.

- А кто вам собственно нужен? – старушка вспомнила свой боевой тон. – Захар Самуилович Смолин? Я только что его внизу видела, он там вахтеру выговаривал... А в чем дело?

Она не успела договорить, как я уже мчался обратно, к выходу из института. Но перед дверями оказалось пусто. А вахтер, видимо, обладающей непробиваемыми нервами слона, уже опять спокойно дремал.

Я выскочил на улицу. Маленького, сердитого профессора неуловимо похожего на доктора Айболита нигде не было видно. Я лихорадочно оглядывался направо и налево. Забежал за угол – никого. Впору было просто сесть на асфальт и заплакать от бессилия. До того, как Алеше распластают скальпелем горло оставались считанные минуты.

Но в этот момент, сзади просигналила машина. Прямо на меня мчалась старая «Волга» Льва Рудика. С оглушительным скрипом автомобиль затормозил, и подпольный продюсер распахнул переднюю дверцу.

- Мне Янкель позвонил. Он прав. Надо сначала показать Алешу этому его профессору, - выпалил Лев Евгеньевич, срываясь с места.

Мне оставалось признаться, как я только что бездарно упустил профессора Смолина на выходе из института.

- Ерунда! – обнадежил Рудик, резко выкручивая руль. – Он не мог далеко уйти. Улиц вокруг немного. Сейчас все объедем – гляди в оба.

Между тем, уже начинало быстро темнеть, как это бывает вечерами на Юге осенью. Кварталы быстро пустели. В окнах домов тут и там включали свет. Но узкие переулки все сильнее тонули в сумерках. Еще полчаса и на Одессу спустится очередная южная ночь.

Буквально в эту секунду, я разглядел мелькающий силуэт светлого плаща. Небольшая фигурка спускалась вниз по узкой мощеной улице. Оставалось молиться, чтобы профессор не юркнул в какой-нибудь незаметный проулок – он двигался на удивление энергичным для его возраста шагом. Более того, услышав за спиной звук мотора догоняющей машины, «Айболит» еще сильнее припустил. А когда Рудик все-таки нагнал его и резко затормозил рядом – на всякий случай попытался защититься от нас зонтиком, как пикой.

- У вас в отделении ЛОР болезней сейчас проходит незаконная, подпольная операция! – выпалил я, распахнул дверцу. – Меня послал Янкель Шейфер!

В машине, немного успокоившись, старичок начал поглядывать на меня очень скептически. Похоже, ему совсем не верилось, что его лучший студент решился на такое рискованное дело, и тайком делает кому-то операцию, воспользовавшись ночным дежурством в больнице. Но угнетенная озабоченность, написанная на наших лицах, и то, как Рудик гнал машину по темноте, нарушая все правила, повлияли на профессора. Когда мы вырулили к приемному покою городской больницы, Захар Смолин был уже абсолютно серьезен. И взбегал на этаж ЛОР отделения энергично и деловито.

- Что там творится у вас в операционной?! – по-хозяйски бросил он на ходу старшей дежурной сестре, явно хорошо знавшей и побаивавшейся своенравного профессора.

Сестра немедленно присоединилась к нашей небольшой процессии, быстрым шагом перемещавшейся вдоль пустого больничного коридора. Двери в палаты были уже закрыты. Пациенты после недавнего отбоя еще не спали, но в большинстве своем – лежали на кроватях, робко посматривая в коридор. Дойдя до конца коридора, «Айболит» распахнул двери операционной, и замер на пороге, словно пораженный громом. Так что я еле успел остановиться, чтобы не налететь сзади.

В операционной, в неурочный час светили ярчайшие лампы. Спиной ко мне склонился какой-то врач, закутанный в белый халат, в колпаке и маске.

Между ним и стеклянным столиком с инструментами стояла медсестра, тоже вся в белом. И доктор, не оборачиваясь, властно пробубнил сестре:

- А теперь дайте самую длинную и толстую иглу!..

Он протянул руку вполоборота и в этот момент перестал загоразивать кресло с худеньким Алешей Козырным. Руки певца были приоткрыты к подлокотникам кресла. Рот его был дико распялен, а выпученные глаза уставились на нас с безумным испугом. Псевдодоктор, навис над беззащитной жертвой, и начал что-то вкачивать Алеше в горло из угрожающих размеров шприца, через большую и толстую иглу. Он был так увлечен процессом, что не заметил нашего появления.

- Студент Малыночка! Извольте объяснить, что здесь происходит!? – цыкнул Айболит неожиданно уверенным и грозным голосом.

Оперирующий врач повернул к нам лицо, на котором были видны только глаза. И в этих глазах обнаружилось столько досады и злости, что я не сразу узнал Вадима Малыночку. Ассистировавшая Вадиму медсестра ойкнула и поднесла ладонку ко рту, так словно он не был закрыт марлевой повязкой.

- Что вы делаете?! – грозно ворвался в операционную тщедушный завкафедрой.

- Анестезию, - упавшим голосом признался отличник, сдергивая с лица марлеву повязку. – Половину обезболивающего уже ввел.

- Да кто вам дал право оперировать людей, как подопытных кроликов! – казалось Айболит сейчас растерзает ученика, который был на голову выше его. – И сокурсницу свою, Лену Никифорову, вижу, подговорили пойти на это преступление!

- Вадька, дурак! Я же тебя предупреждала, нельзя так! – завопила перепуганная девушка и с досады шарахнула приятеля по спине подносом с инструментами. Никелированные железяки с грохотом разлетелись по операционной.

От удара Вадим качнулся. Руки его со шприцем дернулись, а так как игла все еще торчала у Алеши в глотке, несчастный певец жалобно замычал.

- Немедленно прекратить! – приказал профессор.

- Шо вы, Захар Самуилович! Тут требуется срочная помощь! Особо сложный случай, - принялся оправдываться студент, но свою жуткую иглу все-таки извлек из Алешиного горла. – Помните, я вам показывал журнал? Здесь те же симптомы. Боюсь за летальный исход. Мы же все давали клятву Гиппократата!

- Дайте посмотреть, - распорядился профессор, - А вы, Никифорова, извольте подобрать все инструменты. С вами будет отдельный разговор! Светите сюда!..

Пока он, похмыкивая, рассматривал содержимое Алешиного горла, провинившийся Вадим светил ему большой лампой и бормотал что-то жалобное про дипломную работу. Я же, не теряя ни секунды, раздергивал завязки, прикрутившие Алешины локти к креслу. Узлы были затянуты так намертво, что хотелось пустить в ход зубы. Но вместо этого я подобрал с

пола какой-то крючковатый инструмент и орудовал им, торопясь освободить певца.

- В общем, так! – закончил осмотр профессор. – Я теперь не знаю, что с вами делать, Малыночка! Вы мой лучший студент, я вами привык гордиться. Но сегодня вы чуть не изуродовали человека! Если бы мы вовремя не подоспели, могло случиться непоправимое! Как вы только могли выдумать, черт знает что, когда правильный диагноз – узелковый ларингит?!.. Не требующий оперативного вмешательства? Извольте убедиться, - и завкафедрой взял лампу из рук студента.

Пока они рассматривали Алешино горло, и сыпали непонятными медицинскими терминами, я пытался понять, чем сильнее расстроен завкафедрой: тем, что его лучший студент решился на подпольную операцию, ничуть не лучше криминального аборта, или тем, что диагноз Вадима оказался не верен – и значит, сам профессор его плохо научил.

- Но, Захар Самуилович! Ведь не было ни температуры, никаких простудных симптомов? – продолжал гнуть свою линию отличник.

- Они проявятся позже, видимо у пациента ослабленный иммунитет. Как вы могли забыть такие нюансы? – кипятился Айболит.

Тем временем, я окончательно отвязал Алешу и помог ему подняться с кресла. Певца шатало от пережитого стресса.

- Погодите ка! – велел завкафедрой. – Я должен тщательно осмотреть больного. Дайте мне стетоскоп.

Он начал прослушивать Алешу, велев тому задрать рубаху, мешком висевшую поверх тощих ребер.

- Слабонервных просят отвернуться! – попытался шутить, стоявший в дверях Рудик. - Будущее светило, - таким снисходительным тоном произнес Лев Евгеньевич, глядя на племянника, что тот весь съежился.

Наконец скептическое хмыканье Айболита, проводившего осмотр, закончилось. Он взял меня под локоток и вывел из операционной в коридор.

- Вы кем больному приходитесь? – строго поинтересовался Захар Самуилович.

- Родственник, племянник, - соврал я.

- Вам надо внимательнее заботиться о своем дяде, молодой человек, - начал отчитывать меня профессор. – Ларингит при надлежащем лечении за неделю пройдет. Но я обнаружил другие, очень грозные симптомы. Давление высоченное для его возраста! Пульс плохой. Организм изношен, здоровье – ни к черту! А знаете, как нынче помолодел инсульт? Кровоизлияние в мозг становится обычным диагнозом для мужчин умирающих в сорок с небольшим. На головные боли часто жалуется?.. Хорошо, что вы приехали к нам в Одессу. Больше фруктов, купание в море, но чтобы никаких диких загораний на пляже! Только в теньке, под грибочком...

Внимания завкафедрой уже смиренно дожидался Лев Евгеньевич. И я отлично понимал, что Рудик сейчас будет очень непросто не только спасти карьеру племянника, но и уговорить профессора сохранить молчание насчет этого странного, истощенного пациента. Но почему-то я был уверен, что

Рудик всего добьется. Причем ему будет проще без нас. Поэтому я повел Алешу к машине.

Уже на выходе из приемного покоя на первом этаже больницы певец вдруг оглушительно чихнул. Так, что от громкого звука, мне показалось, закачалась люстра. Через пару шагов он снова чихнул. Теперь уже точно задребезжали оконные стекла, и дежурная сестра уставилась на нас осуждающе, подчеркивая, что в больнице отбой.

- Сопли! Сережка, сопли! Ура! – еле слышно прошептал Алеша Козырный, поднеся ладонь к носу.

- Конечно, сопли! – обрадовался я. – И температура к вечеру поднимется! Не сомневайся.

В ответ он только расплылся своей фирменной улыбкой от уха до уха.

- Ну и чудак же ты, Алеша! Ребенок настоящий! – в очередной раз поразился я. – Ты лучше молчи. Анестезия сейчас подействует – половину тебе в горло все-таки успели закачать – оно вот-вот совсем занемет и тебе надо помалкивать.

19.

Роза Марковна разбудила нас рано утром. Старушка тихо, но настойчиво скреблась в дверь нашей комнаты.

- Молодые люди! Вас к телефону! – даже в этих коротких фразах, в ее тоненьком голосе звучали неповторимые одесские интонации.

Общий на всю квартиру телефон висел на стене в коридоре. Передавая мне трубку, Роза Марковна немедленно повернулась к проходящей мимо соседке и сообщила голосом, каким обычно говорят только заговорщики под большим секретом:

- Как же вы не слышали, Бэлочка?! Вся Одесса только за это и говорит. Я в райсобесе даже вздрогнула от страха! Женщины в очереди сказали: приехали какие-то страшные бандиты – гастролеры. Порядочные люди уже боятся вечером выходить на улицу!

Соседка, сорокалетняя Бэлочка, в махровом халате с большим достоинством несшая свое роскошное тело после утреннего умывания в общественном санузле, внимала ужасам Розы Марковны и бигуди, превращавшие голову дамы в копию барашка, тревожно потряхивались.

Звонил Лев Рудик. Бодрым голосом он сообщил, что для записи все организовано. Через час начинаем работать, а через полчаса он заедет на квартиру и чтобы мы уже были полностью готовы.

- Это какой-то кошмар, даже после войны, в 46-м году, я такого не помню!.. – не унималась Роза Марковна у меня под ухом, так что даже пришлось переложить трубку в другую руку. - Вы представляете, говорят - четырнадцать «мокрушников» на паровозе!

- Вы хотите сказать на поезде? – с легкой надменностью поправила ее Бэлочка. Дама явно стеснялась бигуди, рассыпанных по всей ее голове, и порывалась скорее укрыться у себя в комнате.

Прошла уже неделя после инцидента с несостоявшейся операцией. Алеша успел вполне поправиться. Нормально говорить он начал на третий день. И его сразу пожалели, полюбили все соседи, и принялись лечить домашними средствами. Часа не проходило, чтобы в нашу комнату не стучалась какая-нибудь сердобольная старушка с бутылком целебного отвара, или какой-нибудь малыш, которого мамочка послала с тарелкой домашней икры из «синеньких». Подозрительные снадобья, которыми его пичкали добросердечные обитатели коммунальной квартиры, Алеша принимал с благодарностью, а после незаметно спускал в унитаз. Тем не менее, он шел на поправку с завидной скоростью. Может быть потому, что медовая настойка Розы Марковны на спирту – единственное местное лекарство, которое Алеша признавал – оказала чудодейственное влияние на его организм.

И с тех пор как к нему вернулся голос, общительный Алеша успел перезнакомиться уже практически со всеми жильцами квартиры. Особым успехом в его исполнении пользовались еврейские анекдоты, и анекдоты про Брежнева. Вечерами он обязательно ходил в гости - забредал в очередную комнату посмотреть телевизор, и оттуда допоздна раздавались взрывы смеха. Мы как то быстро забыли про конспирацию.

У меня хватало иных поводов для беспокойства. Я ведь рассчитывал, что все наши дела в Одессе займут не больше трех-четырёх дней. И хотя несколько раз за неделю мне удалось выбраться на море – удовольствия это не приносило. Мне давно пора было находиться в Ленинграде - отрабатывать свои долги. Или хотя бы объяснять кредиторам, что я работаю над их отдачей и уговаривать, чтобы еще немного подождали. Вдобавок, я изводился беспокойством – обнаружили ли родители пропажу денег с семейного счета? А позвонить домой, чтобы узнать наверняка у меня не хватало духу. Ведь даже если родители еще ничего не обнаружили – они уже столько времени не знали – куда я исчез. И наверняка, сходили с ума.

Поэтому я выбрал компромиссный вариант. И позвонил в Ленинград Витьке Зяблику. Чтобы попросить друга сходить к моим, успокоить, что я живой и здоровый. И уж когда вернусь – расскажу все сам. А вернусь уже скоро.

Но в жизни Зяблика, оказывается, начались такие бурные события, что Витька захлеб тараторил, не давая мне вставить слово. Но когда мне удалось все-таки, вернуть разговор к своей просьбе, Витька запросто сообщил, что оказывается, мой папа был у них вчера. И сам попросил кое-что мне передать. Так что мне оставалось только слушать.

Оказалось, пока я мотался по Москве и Одессе отец прошел по всем своим одноклассникам, родственникам и знакомым, и отыскал для меня хорошую работу. Но для этого предстояло надолго уехать на Север. Там осваивалось крупное нефтяное месторождение. И требовались специалисты

самых разных специальностей. В том числе и инженеры-электрики, а именно так было написано у меня в институтском дипломе. (Работа по специальности – то, о чем втайне мечтали мои родители и чего добивались от меня после окончания института.)

Это был спасительный вариант. Потому что платить на Севере обещали чуть ли не тысячу в месяц. И если разумно распорядиться заработанными деньгами – за сезон-два вполне можно было рассчитаться с долгами, огромный размер которых при любых иных раскладах не уменьшался. А так перспектива рассчитаться становилась реальной. Конечно, я понимал, что папа стремился убить двух зайцев – еще одной его целью было убрать меня на какое-то время из Ленинграда, подальше от неприятностей, которые в подпольном шоу-бизнесе преследовали меня с фатальной неотвратимостью.

И уже повесив трубку, я понял и то, что осталось между строк. Что отец, не сказал Витьке. Он все обнаружил. И, скорее всего, не стал ничего рассказывать матери. Взяв весь груз шокирующего открытия на себя. И зная меня, видимо, лучше, чем я сам, он сделал первый шаг, вычислив, что я скорее позвоню Витьку, не решаясь позвонить домой. И зовет меня домой, понимая, что стыд может не дать мне вернуться.

И такое благородство отца только сильнее придавило меня к земле. Ведь я сделал все, чтобы заслужить его презрение. Не оправдал его надежд. Наверное, теперь уже больше никогда не сможет меня любить, после такого?

Но, что бы отец обо мне теперь не думал, вариант он нашел способный решить мои хотя бы самые срочные проблемы. Было только одно «но» - соглашаться требовалось очень быстро, а Алеша лежал больной и не трудоспособный. А может быть, мне самому еще требовалось время, чтобы собраться с духом, прежде чем вернуться в Ленинград?

Была и еще причина поскорее уехать - не доставляло удовольствия день за днем жить за счет Льва Рудика. Не смотря, на все благодарности, высказанные мне Львом Евгеньевичем за спасение Алешиного голоса, где-то в глубине души он был зол на меня за посрамление его выдающегося племянника. И его любимое обращение «зайчики мои» становилось чуть менее теплым и натуральным, когда он обращался ко мне.

Поэтому я так ждал начала работы. И этот момент наконец-то настал.

Рудика не было в Одессе предыдущие дни. Он предупредил нас, что должен съездить в Тихорецк за каким-то удивительным виртуозом электрогитары. Потому что, якобы в Одессе полно отличных скрипачей и клавишников, но вот на электрогитаре по-настоящему умеет играть только тот его знакомый. По телефону Рудик радостным голосом сообщил, что ему все удалось, и даже пообещал камбалу, какого-то невероятного, деликатесного копчения, которого сейчас не встретишь даже в Одессе! А уж если Рудик сказал такое – это что-то да значило.

- Ну, зайчики мои? Заскучали тут? – не смущаясь одышки, огромный Лев Евгеньевич ввалился в нашу комнату даже не через полчаса, а через двадцать минут. Чувствовалось, что и ему не терпится начать работу.

Но еще сильнее ему хотелось немедленно похвастаться тем шедевром, холодного копчения, который попался по пути из Тихорецка. И Рудик шлепнул на стол увесистый газетный сверток, источавший сногшибательный аромат копченой рыбы. Нетерпеливый Алеша скорее развернул газету. И нашим глазам предстала действительно гигантская камбала, с нежнейшей золотой кожей.

- А? Слюнки потекли? Нет-нет-нет! – Рассмеялся Рудик, останавливая Алешу, уже пожиравшего рыбу глазами. - Кушать этот шедевр мы начнем только вечером, когда работа будет закончена и наш будущий музыкальный шедевр в виде катушки магнитофонной ленты можно будет тоже пощупать руками. Так все задумано! – предупредил наш продюсер.

- Молодые люди! – появилась в комнате озабоченная Роза Марковна. – Я имею желание вас предупредить... Вы должны соблюдать осторожность... Какие-то ужасные гастролеры! Настоящие бандиты!

- Мы будем умные, благоразумные, Роза Марковна! – пообещал я, устремляясь вон из квартиры вслед за Рудиком и Алешей. – И вечером одни гулять не пойдем!..

- Какая беспечность! – покачала головой нам вслед старушка, разочарованная, что её так никто и не дослушал.

Свежим сентябрьским утром, мы шли напрямик, дворами, по направлению к Дерibasовской. Алеша и Лев Евгеньевич заспорили – нужна ли нам группа духовых инструментов: труба, тромбон и проч, или можно обойтись только скрипкой? Рудик был уверен, что кроме набора электроинструментов, типичного для любого ресторанного оркестра, нам требуется еще скрипка, максимум – саксофон. А воодушевленный Алеша готов был позвать на запись хоть целый симфонический оркестр. Настроение у него было прекрасное, и все ему было мало.

Я старался не вмешиваться в их спор. Ведь хотя не я был продюсером сегодняшнего концерта, внутри меня тоже зудело неистовое желание скорее работать! Тем более утро было прекрасное: свежесть, голубое небо и только несколько легких облачков в стороне моря.

- Лев Евгеньевич, а ты не думал, что сегодня можно даже на открытой эстраде где-нибудь в парке записаться? – все-таки не удержался я.

- Думал уже, - отозвался Рудик. – Но, во-первых, прогноз неблагоприятный, к вечеру погода изменится – сильный дождь обещают. А во-вторых, если на эстраде, при публике - тогда надо организовывать сборный концерт. Несколько исполнителей. Чтобы они меняли друг друга. Женский голос, хотя бы один...

- Надо тебе Лева, как-нибудь пригласить Евку Томашевскую, - предложил Алеша. - Стерва она ужасная, но голос классный. Среди питерских кабацких певиц, сегодня она – первая... И в постели не в тоске! – лукаво ткнул продюсера локтем в бок Алеша.

А мне сразу вспомнилась первая часть телефонного разговора с Зябликом, которая так меня поразила. Едва услышав мой голос, Зяблик сразу

выпалил горячую новость. Оказывается у скромного дровича и технического гения Витьки, уже неделю бурный роман с Евой Томашевской!

Сначала я не поверил. Но Витька изливал мне в трубку такой восторг, что, похоже, все было правдой. Я ума не мог приложить, как Витек сумел подобраться к этой великолепной оторве? (А то, что он запал на Еву еще в самый первый вечер нашего знакомства было яснее ясного.) Витек выпалил, какую-то чушь, что он две недели каждый вечер сидел в ресторане за первым столиком. Сочинял в ее честь стихи и решил подойти. Зяблик орал в трубку, что с того вечера стихи «настигают его» ежедневно. Более того – вдохновение прет по всем фронтам, он придумал схему нового магнитофона, который должен получиться круче японских студийных.

- Система динамического подмагничивания! – орал счастливый Витек мне в трубку. – Понимаешь, о чем я?.. Можно задрать верхние частоты до 25 тысяч герц. Шире диапазона голоса лучшего оперного певца!

Зяблик был совершенно вне себя от того, что с ним впервые в жизни происходило. И, наверное, мог бы битый час толковать мне про свое вдохновение и его источник, если бы, время разговора не подошло к концу, и его страстный монолог не оборвался на полуслове.

Не то, чтобы я приревновал его к Еве. Да, конечно, в первый момент эта новость меня резанула. Я все еще досадовал, что Ева так быстро и равнодушно отделалась от меня. И в глубине души надеялся доказать, какую глупость она сделала (или по крайней мере трахнуть ее разок – уж очень классно она это делала). Но в моей жизни уже появилась Старкова. А Маша была не хуже во всех отношениях. И если я испытал досаду из-за Витьки, то ревновать друга точно не собирался.

Просто остался тревожный осадочек. Какой каприз заставил обратить внимание на бессребреника и скромника Витьку такую хищную дамочку, как Томашевская? Он ведь даже жил последние недели не столько в Ленинграде, сколько в Гатчине, в квартире доставшейся по наследству от деда-блокадника. А это была слишком жалкая жилплощадь, чтобы Ева захотела на нее покуситься. Так что какие-то смутные подозрения крутились у меня в голове. Но четко сформулировать их мне не удавалось, да и не до этого было сейчас!

Наконец мы вывернули из очередной подворотни и оказались сразу на Дерибасовской. Главный проспект, гордость Одессы, в этот час еще не был запружен людьми, как вечером. И мы благополучно свернули на Преображенскую, туда, где спряталась подпольная музыкальная биржа.

Я уже столько слышал об этой знаменитой бирже, что надеялся увидеть здесь прогуливающимся целый оркестр. Огромные контрабасы, прислоненные к стенам зданий, томящихся музыкантов. Кучки слоняющихся без дела еврейских скрипачей, обязательно в черных жилетках и с пейсами, интеллигентно протирающих футляры своих инструменты бархатными тряпочками. Или, в крайнем случае, каких-нибудь уличных саксофонистов или баянистов, играющих здесь же за милостыню. Но ничего подобного тут не обнаружилось. Солнечная сторона улицы Преображенской была

практически пуста. А из колоритных персонажей слонялся только небольшой типчик, похожий на молдаванина. На голове его была нахлобучена клетчатая кепка, а щеки скрывала черная щетина.

Однако, именно этому одинокому типу приветливо помахал рукой Лев Евгеньевич.

- Здравствуй, Яша! Что мы сегодня имеем в наличии?

- Опачки! – шепнул мне на ухо, пораженный Алеша Козырный.

И тогда я понял, где уже прежде видел молдаванина. Это был тот самый скрипач, который заманил нас в картежный притон из «Гамбринуса». Только сейчас он надел кепку и сильно зарос щетиной, а потому был не сразу узнаваем. Зато бросалось в глаза, как этот тип сам делает вид, будто видит нас впервые. Он демонстративно смотрел в сторону. Словно побаивался нас. И бояться было за что – он тогда просто подставил нас с Алешей. Вот только, нам самим было ни к чему, чтобы Рудик узнал о похождениях недельной давности. И предъявлять молдаванину справедливые претензии я не собирался. Мы как бы заключили молчаливый пакт взаимного не узнавания.

А этот Яша тем временем излучал радушие по отношению к нашему подпольному продюсеру.

- Лева! Для тебя, все как в лучших домах! – обещал молдаванин. – Сегодня мы имеем тромбон, кларнет, виолончель, две скрипки, медные тарелки, но они свободны только полудня. Уже ангажированы на похороны. В четыре состоится вынос тела. Грек Ираклий Попандопуло скончался. Ты его не знал?..

- Яшенька, ну к чему мне медные тарелки? – снисходительно прервал его Рудик. – Медные тарелки мне вовсе без надобности. И не пудри мне мозги. А скажи за скрипку.

- Скрипка нужна всем! А сколько платишь, Лева?

Они коротко пошептались.

- Ну-у, за такие деньги, Лева, на скрипке сыграю только я! – притворно возмутился молдаванин.

- Надеюсь, Лева не возьмет этого придурка? Он же играет на скрипке хуже пацана, разучивающего гаммы. Помнишь? – сквозь зубы пробормотал мне Алеша Козырный.

- Ага. И еще помню, как ты ему червонец зачем-то заплатил, когда надо было пинка наладить, - также вполголоса пробормотал я.

Тем временем Лев Рудик гнул свою линию.

- Яша, не лепи мне горбатого. Ты же сразу понял, что нам нужен уважаемый Моисей Лабух. Только он впитал в себя колорит старой Одессы, только он сумеет правильно сыграть то, что мы собираемся и не сфальшивить...

- Ну-у, Мойша Лабух! Все хотят Мойшу, вынь да полож, но ему-то уже за семьдесят! Опять же ревматизм. Он нынче играет, только если гонорар подстать его незаурядному таланту...

В этот момент я понял, что с первого же слова их диалог был торгом. Причем торгом отчаянным, в котором схлестнулись два достойных, и, по-

видимому, давно знающих друг друга противника. Обмениваясь шуточками, они под локоток прогуливались туда-сюда, вполголоса обсуждая детали крупной сделки. Мы с Алешей слышали обрывки их торга, только когда парочка деловых проходила мимо нас.

- Лева, я тебе сверху даю еще тромбон – бесплатно... - предлагал чернявый Яша.

- Какой может быть тромбон, когда у тебя некому играть на басу?.. – резонно возражал Рудик.

Они хлопнули по рукам только через четверть часа.

- Эй, шкет! – окликнул молдаванин подростка, стоявшего на другой стороне улицы. – Ну-ка, свистни!

Мальчишка стремглав забежал в подворотню, и издал там свист такой силы, будто от причала отходил океанский лайнер.

А Лев Рудик взялся отсчитывать денежные купюры.

- Всучил все-таки Яша нашему Левае свой тромбон, - хихикнул мне на ухо Алеша.

Потому что из освистанной подворотни один за другим появились музыканты. Видимо, они там прятались в теньке, ожидая заказа. Первым шел как раз высокий мужчина с тромбоном, а уже за ним потянулись гитаристы и саксофон.

- Забирай ансамбль! Они твои до 19.00, – скомандовал молдаванин, тщательно слюнявя палец, прежде чем пересчитать деньги.

- Лева! Надеюсь, ты не взял этого чернявого? А то он играет на скрипке, как будто не смазанными дверными петлями ворочает, - Алеша взволнованно предупредил нашего продюсера.

- На скрипке у нас будет играть настоящий виртуоз! – удовлетворенно цокнул языком Рудик. – А откуда ты знаешь, как Яша играет?

Алеша замялся, сходу не сообразив, что выдал себя. Рудик нахмурился.

- Ну, это... - начал Алеша, не сразу соображая, что бы соврать.

- Ну, а за уважаемым Моисеем я лично поеду к нему домой, и привезу куда надо, только адрес напиши, - молдаванин подал Рудикю обрывок газетного листа и карандаш. - А ты слышал, Лева, какой нынче кипеж в Одессе? – поинтересовался Яша, пока Рудик выводил адрес на клочке.

- Так меня же два дня в городе не было, - ответил Рудик, с нарастающей тревогой оглядываясь на нас.

- И он мне будет говорить, что ничего не знает! – хохотнул успокоившийся молдаванин. – Когда у самого два питерских жигана за спиной. Я уж грешным делом испугался – по мою душу пришли. Думаю, раз сам Лева перед питерскими не устоял, то мне вообще лучше спрятаться. А вы значит одна компания? Поладили?

И Яша, переставший робеть после того, как деньги перекочевали в его карман, подмигнул мне, как старому знакомому. Он явно готовился нарушить пакт неузнавания. Этому мелкому жулику хотелось еще прибавить авторитета в глазах своих музыкантов.

- Что-то я не догоняю, какие питерские жиганы, Яша? – еще сильнее нахмурился Рудик.

- Да, брось придуряться, Лева! – развел руками тот. – Я слышу только, что люди говорят – дескать, очень авторитетные гастролеры приехали нынче в Одессу-маму. Чуть что – на ножи ставят. И вроде каких-то оборзевших должников ищут. Но тебе-то лучше знать, какие урки из Питера к нам пожаловали в гастрольный вояж, - и он снова кивнул на нас.

Музыканты прислушались. Видимо, слух о криминальных разборках с телеграфной скоростью распространился по всему городу.

- До крови, слава богу, не дошло, - продолжал пояснения Яша. – Но молдаванка уже на стреме. Да и все уважаемые люди в городе тоже на стреме. Все ждут, чем это кончится.

- Ну-ка потолкуем! – выдохнул Лев Рудик нам, и отодвинулся в сторону. – Что за дела, зайчики? Быстро колитесь, а то я за себя не ручаюсь! Откуда вас Яша знает?!

От ярости огромный продюсер покрылся красными пятнами.

Мне пришлось коротко признаться во всем, что мы натворили в картежном притоне. Как назвались там подручными Беса, чтобы уйти целыми и невредимыми. При этом жег стыд, но я все равно старался смотреть Рудику в глаза.

- Так вот откуда они узнали, что вы в Одессе, - подвел итог Рудик. – И значит Бес уже здесь. Вас ищет... Что ж вы молчали!

Мне показалось, что если бы на голове нашего продюсера оставались волосы – он бы вцепился в них кулаками и вырвал клочок. Такая злость промелькнула в его глазах.

- Лева! Так ведь пока искать будет... - Алеша переглотнул кадыкастым горлом. – Мы еще успеем записаться. Давай рискнем?..

Рудик шумно выпустил воздух, пытаясь сосредоточиться.

- Трамвай едет! – крикнул кто-то из музыкантов и ансамбль, набранный на скорую руку, полным составом ринулся к остановке трамвая. Старый желто-красный вагон, позвякивая, тащился вверх со стороны моря. И мы втроем, не сговариваясь, тоже побежали за музыкантами.

Когда все разом попытались втиснуться через задние двери в вагон, мгновенно возникла толкучка.

- Шо ты меня своим тромбоном в жопу тычешь! – взвился недовольный клавишник. Ансамбль покотился со смеху. – Тю! Лева глянь, нас сам Янкель Моисеевич Шейфер догоняет! – заметил оглянувшийся клавишник. – Никогда еще не видал, чтобы наш великий импресарио так чесал во все лопатки. Или он трамвай догнать собрался?

От такого предположения настроение сборного ансамбля улучшилось еще сильнее. Все оглянулись. И только Лев Рудик помрачнел до крайности.

И, правда, когда-то отказавшийся работать с нами, Янкель Шейфер, не взирая, на свою монументальную солидность, потешно пытался ускориться, догоняя трамвай. Поняв, что его заметили, старый импресарио остановился, призывно и повелительно махнув рукой.

- Езжайте дальше, адрес знаете. Я скоро догоню, - распорядился Рудик музыкантам, на ходу соскакивая с трамвая. Мы с Алешей последовали его примеру.

Янкель Моисеевич стоял, ожидая нас, и старался отдышаться. Резкий порыв ветра со стороны моря, первый за этот день, потрепал его седую кудрявую шевелюру и закрутил вихрями опавшие листья на брусчатке.

- Беда, Лева! – без предисловий сообщил старый импресарио. – Счастье, что я тебя нашел. С Питера понаехала целая банда! Вот этих твоих подопечных разыскивают. Говорят – должны много, - он кивнул в нашу сторону.

- Вранье это все, я за них знаю! – возразил Лев Евгеньевич.

- Ты знаешь за вранье, я тебе верю. Но авторитетные люди их не знают. И войны настоящей никто не хочет. А из-за них она может начаться. От твоих непутевых друзей одни неприятности – не зря чуяло мое сердце! И когда питерские со своим Бесом достанут ножи – еще неизвестно, как все повернется. По справедливости или туда где сила... - вздохнул Шейфер. – Потому и торопился предупредить тебя Лева. Бандиты уже рыщут по Одессе, и вот-вот вас найдут. И тогда кого-то придется хоронить...

Новый порыв ветра закрутил пыль вдоль улицы. Прогноз погоды сбывался быстро, как это случается в приморских городах. Над морем небо уже захмурилось. Лев Рудик провел рукой, приглаживая лысину, и выругался вполголоса.

- Хотел успеть альбом записать. Музыканты уже едут на квартиру. Все готово...

- Боюсь, Лева, уже не только музыканты туда едут, - вздохнул Янкель Шейфер. – Ты скольким людям адрес говорил?

- Да почти никому... Вот Яшке-молдавину сейчас сказал, чтобы скрипача Моисея Лабуха туда отвез.

- Моисей Лабух! Это легенда. У тебя, правда, мог получиться великолепный концерт, - мечтательно оценил старый импресарио. – Но ехать туда уже нельзя. Кто поручится, что Яша тебя не сдаст, польстившись на деньги, или, когда нож к горлу приставят? А эти урки многое уже знают. Так что в Одессе для твоих друзей безопасных мест больше не осталось...

И его правота стала ясна и Рудик, и даже мне. Лев Евгеньевич зажмурился еще на секунду, как от сильной зубной боли. А потом решительно повернулся к нам.

- Треба вам уезжать. И срочно, - велел он.

- Что, даже на квартиру за вещами нельзя? Там же рыба! Даже не попробуем? – опешил Алеша.

Лев Евгеньевич в ответ только вздохнул.

Через полчаса, в одном из закутков одесского вокзала, подальше от лишних глаз, мы прощались со Львом Рудиком. Он принес билеты на поезд, который уходил уже через сорок минут. И дал немного денег с собой.

- Так в море ни разу и не окунулся, и Одессу не посмотрел совсем, - подвел грустный итог Алеша.

- Лева, а как же ты, ведь опасно? – спросил я.

- И не из таких переплетов выбирался. А у себя в родной Одессе уж точно как-нибудь вывернусь, - пообещал он, и пояснил. – Без вас мне будет проще.

Я не выдержал и обнял его. А за мной и Алеша.

- Что-то не везет мне в музыкальном бизнесе! Хотел Высоцкого записать – не вышло, Козырного нашел – и снова облом. Наверное, не в шоу-бизнес мне надо было податься, а в шашлычники? Или заниматься снабжением, ни на что не отвлекаясь? Снабжение получается, а с музыкой сплошные проблемы, - попытался отшутиться наш одесский продюсер. – Ну ладно, побегу, пока дождь не начался...

Рудик ушел быстрым шагом, не оглядываясь. И мне показалось, что он нарочно заторопился, чтобы мы не увидели, как он расстроился, и уезжали с легким сердцем, насколько это возможно.

Я перевел взгляд на Алешу. Тот смотрел на хмуриющееся небо и как будто что-то подсчитывал.

- Сережа, сколько у нас времени до поезда? Мне бы домой, на квартиру смотреть надо, - наконец изрек он.

- Ты что, рехнулся?! – возмутился я. – Сказали же – никаких квартир!

- Мой «Стратакастер» там, на балконе остался...

- Какой, к черту, «Стратакастер»?! - возмутился я. – Там уже Бес со своими молодчиками орудует. И как ты вспомнил-то? Ни разу за все дни гитару в руки не взял, она там только пылилась, а теперь приспичило? Да и сломана она, все равно никуда не годится...

Алеша виновато разглядывал носки своих сандалий, купленных здесь в Одессе.

- Может, и нет там еще никакого Беса? Мы же точно не знаем. А у страха глаза велики... А если и есть, не могу я свою раненую гитару бросить врагам на поругание. Это как самого себя предать. Ты тут меня подожди, я один сбегая, пока сорок минут есть. Я мигом!

20.

В дореволюционных кварталах старых русских городов, или в кварталах, отстроенных между войнами, маршрутов, чтобы попасть из одной точки в другую, гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Есть официальные пути по улицам и переулкам, которые сопровождаются табличками с номерами домов, движением транспорта и будочками городского справочного бюро, где за десять копеек желающим дадут справку: где эта улица, где этот дом... Но официальные пути годятся только на то, чтобы водить ими делегации иногородних туристов.

Настоящие, коренные горожане используют свои потаенные маршруты. Геометрия их перемещений не терпит прямых углов. Эти

извилистые тропы пролегают дворами, в обход сараев, через известные только старожилам проходные подъезды, незакрытые калитки или дыры в заборах, где надо отодвинуть, например, третью доску слева.

Но даже среди старых городов, Одесса уникальна в этом плане. Потайных маршрутов здесь больше, чем где бы то ни было. Потому, что только здесь пути проложены не только по горизонтали, а имеют в придачу несколько вертикальных уровней. Сначала, по крышам сараев и гаражей, сгруппировавшимся в каждом дворе, оттуда - по длинным, общим балконам, опоясывающим старые деревянные здания. А с этих балконов уже можно перебраться на крыши домов, которые имеют разную этажность и потому выстроились, как ступеньки огромной лестницы для великанов. Причем пьяных великанов, потому что лестница крыш образует ломаную линию. И этот разнобой еще усугубляется голубятнями – их невысокие деревянные сарайчики, образуют как бы приступок практически к каждой новой крыше.

Однако, «вертикальные» пути по Одессе используют уже не все горожане, а только небольшой избранный контингент. Воры-домушники, и подростки-старшеклассники знают их в совершенстве.

Мы же с Алешей Козырным ориентировались здесь не лучше, чем в джунглях Амазонки. Это я понял, забравшись уже на первый сарай.

- Сережа, давай я один пойду? – никак не унимался певец. – Ну, что ты затеял? Это же мой инструмент...

Я даже не стал ему отвечать, а только оглядывался по сторонам. Вот-вот польет дождь. Люди уже начали прятаться по подъездам, и это было нам на руку – меньше лишних глаз. Попутно я еще раз глянул на часы. До отправления нашего поезда тридцать минут – похоже, плакали билеты, любезно купленные для нас Рудиком.

Алеша сначала вообще собирался просто открыто вернуться в квартиру, на удачу, как бы бросив монетку, орел или решка – повезет не повезет. Мне кое-как удалось убедить его хотя бы позвонить Розе Марковне, справиться об обстановке. И старушка возмущенно зашептала нам в трубку со взволнованным еврейско-одесским акцентом, что в нашу комнату приходили какие-то мужчины, не безобразничали, но такого вида, что она все равно их боится. Сейчас вроде бы ушли, но она не уверена, что в комнате никого не осталось. И она готова даже постоять, послушать под дверь, потому что это неслыханно...

- Сережа, ну как мы тут пройдем? Мы же не Мишка «Япончик», и не одесские пацаны, чтобы сигать тут по крышам, - Алеша по-своему оценил безнадежность нашего положения.

- Слушай, Алеша, а ведь студенты тоже недавно были пацанами? – пришла мне в голову идея. – Тоже, наверное, по крышам немало лазали?..

- Ты это про кого? – не понял певец.

К сожалению, единственный одесский студент, которого я знал – был круглый отличник и будущее светило. А значит, вряд ли бегал когда-то с дворовыми хулиганами «вертикальными» путями! Но другого выхода не было. К тому же мединститут располагался не далеко. И на крайний случай,

наш отличник мог бы выделить нам в поводыри какого-нибудь двоечника, по-настоящему знакомого с окольными путями старой Одессы. Ведь он был кое-что должен нам с Алешей за все медицинские чудеса, которые едва не сотворил с певцом.

Но не прошло и пятнадцати минут, как мы карабкались по крышам уже втроем. К моему удивлению, отличник с энтузиазмом бросился нам на помощь, как только мы вызвали Вадима прямо с лабораторной работы. Он даже свой белый халат второпях бросил на подоконник.

- Вон теми крышами отходил Мишка «Япончик», когда за ним гнался уголовный розыск, - запыхавшийся студент успевал нам что-то еще пояснять. – Мой папа в порту работает, а там еще были старые биндюжники - рассказывали. На крыше вашего дома отстреливался пулемет, а налетчики отходили крышами вниз, к морю, вон туда. Перепрыгивая с крыши на крышу.

Он указал направление. Действительно вниз в сторону моря уходил зигзаг плоских и удобных для отхода крыш. А попутно я увидел серую стену дождя, захватывавшую квартал за кварталом. Нам надо было двигаться как можно быстрее.

- И ушли бы обязательно. Да только зря они сунулись к порту, - крихтел Вадим, пытаясь подтянуть тело на хлипкую шатающуюся голубятню, откуда доносилось перепуганное воркование и бешеные хлопки крыльев. – Чекисты там поставили засаду. И всех положили, - перевел дух юный медик, вставая на ноги уже на крыше. - Мы с пацанами потом, когда играли в «Япончика» сто раз так убегали. И ни разу «чекистам» нас взять не удалось. Но все равно в сторону порта бежать нельзя – примета плохая...

Наш бодрый экскурсовод и дальше продолжал бы выпаливать свои богатые знания, если бы дождь не хлынул прямо на нас. Я подумал, что пять минут под такими потоками и мой единственный пиджак станет не лучше половой тряпки. Впрочем, тут же поразился – какие глупости лезут в голову, в момент, когда карабкаешься по скользкой крыше, рискуя к тому же нарваться на нож. Вообще вся эта затея по спасению «Стратакастера» была чудовищной глупостью.

Но мы уже лежали, притаившись на крыше, напротив нашего окна. Рядом на балконе была отчетливо видна Алешина гитара. Она валялась так небрежно, что дождь захлестывая на балкон гулко колотил по темной деке «Сандер Стратакастера», как в барабан.

- В комнате кто-то есть, - прошептал Вадим, сдувая каплю воды, повисшую на носу. – Видишь через окно?

Отсюда, через струи дождя и оконное стекло, было не различимо: Бес это или кто-то другой. Но за столом сидел какой-то тип. И, похоже, он был один. Это совпадало с тем, что предполагала Роза Марковна. Банда ушла, но оставили сторожа.

- Его надо отвлечь, - решил я. – Сможешь позвонить с уличного автомата, чтобы к телефону позвали из нашей комнаты? Нам всего-то минута нужна. С крыши, один страхует, другой держится руками за козырек и

водосточную трубу и слезает на балкон. Быстро хватается гитару, передает наверх, потом страхующий помогает ему забраться? Годится такой план?

- Четвертый этаж, высоко... - с сомнением пробормотал Алеша.

Я с трудом удержался, чтобы не напомнить, что это за его говенной гитарой мы сюда полезли, и успеть на поезд, который отходит через десять минут, у нас уже нет шансов. А еще припомнить, из-за кого мы проторчали в Одессе до тех пор, пока Бес нас не накрыл!

Но говорить было без надобности, все настолько читалось в моем взгляде, что Алеша смущенно примолк.

- Сможешь отвлечь бандита по телефону? Наплети чего-нибудь, скажи, что нас знаешь, главное – подольше...

- Я все сделаю на отлично! – просиял наш студент. – Верьте мне! Я полчаса буду пудрить ему мозги!

- Полчаса не надо, - забеспокоился я. – Две минуты, а дальше бросай трубку и делай ноги!..

Заняв позицию теперь уже над нашим балконом, я очень боялся пропустить момент, когда сторожившего комнату бандита вызовут к телефону, так, что даже свесил голову вниз. Но шум капель барабанивших по «Старатакастеру» не оставлял мне шансов услышать что либо. По всему выходило, что уже вот-вот в коридоре пора было раздаться отвлекающему звонку.

- Давай я тебя подстрахую, ты весишь меньше, руки длинные, слезть легче? - предложил я, смерив фигуру певца. То, что хлипкий Алеша не удержит меня и минуты – было слишком очевидно.

Певец в ужасе отшатнулся.

- Я высоты боюсь, - признался он, и оцепенел. – Даже сейчас, когда лежу, голова кружится. И пока шли по крышам меня чуть не стошнило.

- Что ж ты, мудила! – зло прошипел я. – Надо было студента тогда оставить, а тебя к телефону посылать. Уж лучше тебя наплести точно никто не сможет...

- Не имеем мы права Левкиного племянника такой опасности подвергать, - прошептал Алеша, оправдываясь.

То есть моя жизнь уже не шла в расчет!

- Ладно, ты меня страхуешь! – зло пробормотал я.

- А как? – опешил Алеша. - Веревки никакой нет?

- За шкирку придержидай, за шиворот пиджака! Хоть сколько-нибудь подстрахуешь...

И тут мне показалось, что в комнате раздались голоса. Если это сторожившего бандита зовут к телефону – терять нельзя было ни секунды. Я повернулся на животе и, пятясь задом, начал спускать ноги с козырька крыши в пустоту. Одной рукой я уцепился за железную канавку водостока, вдоль которого хлестала дождевая вода в сторону жерла водосточной трубы. Второй пытался ухватиться за саму трубу, но она была скользкой и неудобной. А Алеша так старался меня страховать, вцепившись в воротник отсыревшего пиджака, что на лбу у него вздулись жилы. Но было яснее

ясного, чуть что – он скорее сам кубарем слетит вниз с крыши вслед за мной, чем сумеет удержать.

Поэтому, когда мои ноги заболтались в пустоте, не ощущая ни перил балкона, ни стены, в какой-то момент я поддался панике. Вскинул на Алешу испуганные глаза и почти готов был заорать ему «Тащи обратно!». Но успел сообразить, что нижняя половина моего тела уже безнадежно повисла над бездной. И карячиться обратно на крышу сейчас еще хуже. Лучше рискнуть, и правильно юркнуть вниз. Что я и сделал, слегка качнувшись глубже на балкон и к счастью, нащупав рукой кольцо из толстой проволоки, которое было накручено вокруг водосточной трубы, чтобы она не отходила далеко от стены.

Я благополучно приземлился ногами на балкон, но Алеша не понял, что меня можно уже отпустить. Он судорожно цеплялся за мой воротник. Из-за этого сам опасно свесился вниз – вся рука, голова, шея... И продолжал по миллиметру сползать ниже.

Вдобавок, за полсекунды, которые перед моими глазами мелькнуло окно, я с ужасом обнаружил, что ошибся. Бандитского часового никто не вызвал из комнаты. Он так там и стоял, спиной к окну. Но шорох моего тела, сползавшего с крыши и шлепок моих ног, плюхнувшихся в лужу на балконе привлекли его внимание. Человек начал поворачиваться к балконной двери, видимо, еще не понимая, слышал он шум или показалось.

А я вытянулся во весь рост, стоя на цыпочках. Из-за того, что Алеша намертво вцепился в воротник пиджака, я не мог пошевелиться и спрятаться, а беспомощно висел на виду, подмышками на оттянутом вверх пиджаке, как котенок, которого кошка тащит за шкурку зубами.

И тут нам впервые за этот день повезло. В двери поскреблись, и тоненький голос Розы Марковны позвал:

- Постояльцы комнаты номер тридцать четыре!.. Или вы не слышите совсем?..

Бандит повернулся и пошел к двери, выглянул, а затем вышел в коридор.

- Можешь отпустить – прошептал я Алеше.

- Что? – не понял тот.

Чтобы расслышать, Алеша чуть подался ближе. И это была ошибка. Центр тяжести окончательно сместился. Алеша качнулся, и его тело скользнуло вниз по мокрой крыше. Казалось, Алеша падает, как в замедленной съемке. Обезумевшие от ужаса глаза певца проплывали мимо моих глаз. Но, это длилось только какую-то долю секунды. В следующий миг Алеша кубарем покатился с крыши вниз.

Он должен был нырнуть рыбкой с четвертого этажа, вниз головой навстречу брусчатке двора. Но природная неуклюжесть вдруг оказалась спасительной. Алешин локоть, каким-то дурацким движением зацепился за водосток. Длинное худое тело развернуло. И он полетел вниз уже горизонтально, как бревно, только судорожно дергающееся. И рухнул на перила балкона. Этой мгновенной задержки хватило, чтобы я успел

уцепиться за его одежду, потянуть, и перевалить Алешу на балкон, прервав его гибельный путь вдребезги с четвертого этажа.

Я и сам не удержался на ногах, мы свалились, вдобавок ноги певца пнули гулкой «Стратакастер». Мы замерли, не зная – услышали в коридоре наше падение или нет? Алеша, здорово ушибся левым боком о перила, но не издал ни звука, а только пыхтел рядом со мной, стиснув зубы.

Нам повезло, что в момент падения в комнате никого не было. К тому же дождь приглушал шумовой завесой все звуки с улицы.

Мы же могли немного слышать, что происходит в комнате, через приоткрытую балконную дверь. В комнату зашло несколько человек. В эту минуту мы с Алешей уже замерли, вдавливаясь спинами в простенки, между окном и боковыми перильцами балкона. Стоило хоть одному бандиту сейчас выглянуть – и нам действительно ничего бы не осталось, кроме как прыгать вниз с четвертого этажа. Но, попав под дождь, бандиты, видимо, не собирались еще и смотреть него с балкона.

- Жрать охота? Сколько еще ждать? – спросил один из голосов в комнате. – Может, они и не явятся сюда?

- Вон, рыба. Хочешь - жри, - ответил другой голос. – А если ты отсюда куда-нибудь сунешься, и упустим фрайеров, я тебе брюхо вспорю, вот так, гляди!

Последние слова потонули во взрыве хохота. Это был голос Беса, я готов был поклясться. Где-то в глубине души у меня словно что-то оборвалось. Похоже, что я всю дорогу в глубине души надеялся, что приехал не он, что это какая-то ошибка. Теперь надежды не осталось. И мне снова, как тогда ночью в ДК стало страшно до озноба. Или, может быть просто стало холодно в промокшей насквозь одежде?

Движимый каким-то безрассудным, но жгучим любопытством, я осторожно, сдерживая дыхание, краем глаза заглянул в комнату, сквозь небольшую щелку, остававшуюся сбоку у тюлевой шторы. Я даже не успел разглядеть - сколько бандитов в комнате – сразу отпрянул. Потому что прямо передо мной стоял Бес. Он наклонился над столом и резал тем же самым тонким ножом-бабочкой роскошную рыбу, только сегодня утром привезенную Львом Рудиком, чтобы отпраздновать с нами удачную запись.

- Нехилая рыбешка! В Питере такую хер найдешь, - оценил Бес.

Мы застряли на пяточке балкона, как в западне. А дождь начал понемногу стихать. И стало отчетливее слышно, что происходит в комнате. Один из бандитов сочно рыгнул.

А потом раздались приближающиеся шаги. Я вдавился спиной в стену, в ужасе понимая, что единственная возможная самозащита – сразу толкнуть его через перила, пока бандит не ожидает нападения. Выходило, что надо сразу убить человека, которого и вижу-то впервые в жизни. И я понял, что не сделаю этого. Не смогу. Осталось только ожидание – вот сейчас случится оно.

Балконная дверь приоткрылась. Высунулись плечо и рука бандита, что-то выбросила наружу. На мокрый бок «Стратаскастера» смачно шлепнулась не долетевшая до перил кожура от камбалы. Дверь закрылась обратно.

Я снова начал дышать. Руки как-то сами опустились. А в коленках возникла непростительная слабость. Но зато я впервые подумал – а может все-таки прокатит? Тем более, что где-то на улице оставался Вадик? Должен же этот ненормальный идиот когда-нибудь позвонить?

И словно в ответ на мой приступ злости, из квартиры снова донесся голос Розы Марковны:

- Постояльцы тридцать четвертой комнаты!..

В комнате послушались шум и движение.

- Сейчас быстро полезем на крышу, - одними губами прошептал я на ухо замершему Алеше. – Сначала я, потом подаешь мне гитару, потом встаешь на перила, я тебя подтяну.

- Я не смогу... - отчаянно замотал головой Алеша.

- Анжела Дэвис и та могла, неужто Алеша Козырный засыт? – спросил я. – Вниз не смотри. Тут только два шага сделать. А потом, бойся сколько хочешь. Важно сейчас быстро и четко.

Дождь затих. Времени на разговоры не было. Я слышал, как хлопнула дверь в комнате, и решил все-таки убедиться, что Вадим всех отвлек своим звонком. Я снова осторожно выглянул в промежуток, оставленный тюлевой шторой. В комнате не было никого. На столе стояло блюдо с наполовину распластанной рыбой, из которой торчал нож Беса. Наша ополовиненная рыба выглядела изуродованной, словно над ней надругались. А тоненькая металлическая рукоятка ножа поблескивала, и горделиво стояла торчком, словно символизируя победу над нами.

Дальше не знаю, как это вышло, но вместо того, чтобы быстро лезть наверх, я так же быстро, распахнул балконную дверь, сделал шаг в комнату. Схватил жуткий нож, и юркнул обратно.

- Ты что?! – ахнул Алеша.

- Ничего! – ответил я, сам озадаченных, какой черт толкнул меня на такое безрассудство.

В следующее мгновение я уже заносил ногу, чтобы встать на перила. Но дверь снова хлопнула. А из комнаты донеслись уже не приглушенные голоса. А шумная перепалка и удары.

- Я сейчас все объясню!.. Вы меня неправильно поняли! Ой!.. – я узнал голос отличника Вадима и остановился, как парализованный.

Мне стоило труда заставить себя снова заглянуть в окошко. А увидев то, что происходило в комнате, я мгновенно отшатнулся. Несколько уроков обступили Вадима. Тот стоял, прижавшись спиной к стене, и вертел во все стороны головой. Похоже, его били в живот.

- Я ничего не знаю! Мне просто велели позвать людей, которые живут в этой комнате! – оправдывался студент.

И меня взяло такое зло. Опять этот идиот, со своим пионерским задором перестарался. Ему русским языком было сказано – позвонить,

пригласить, отвлечь и через две минуты – кинуть трубку. Так ведь нет – поганец, опять решил проявить инициативу. И вляпался!

- Надо что-то делать, - сказал я Алеше, хотя даже челюсти сводило от бессильной ярости. - А что мы теперь можем?..

- Надо в квартире панику поднять, - вдруг предложил Алеша. – Там все сейчас прижались к замочным скважинам - подслушивают. Если их еще напугать – начнут носиться с воплями да милицию звать...

Я понял, что придумал певец.

В двух метрах сбоку от нас было окно Розы Марковны. Я где-то слышал, что правильнее всего бить окна и кричать: «Пожар»! Это действует на людей сильнее всего. Но до окна была еще водосточная труба – ни дотянуться, ни бросить камень...

- Гитарой ебни! – подсказал Алеша.

И он был прав.

- С крыши, - решил я. – Ты первый! Я подстрахую.

Он с ненавистью посмотрел на меня, но шагнул к перилам. Опираясь на мои плечи, Алеша встал на перила, обеими ступнями, в дешевых рыжих советских сандалиях с дырочками. Я подстраховывал, крепко держа его за ноги, и чувствуя, как бешено вибрируют Алешины коленки. Стараясь удержать его, я не видел, как певец уцепился руками за водосточный желоб и силится подтянуться вверх. Алеша собрался с силами, ноги его дрыгнулись и поползли вверх. Я снизу еще подтолкнул его, и через секунду певец был наверху. Я мигом отправил ему туда гитару. А затем сам, шатаясь, влез на перила, и ухватился за скользкий водосток.

Из комнаты доносился характерный звук ударов.

- Их на запись позвали! Дядя Лева! – продолжал оправдываться несчастный отличник.

- Сейчас я тебя буду на куски пластать, как эту рыбу! – пообещал Бес.

Дальше в комнате возникло короткое замешательство. Видимо, Бес не мог найти нож.

В нормальном состоянии, я бы никогда не подтянулся, держась только пальцами за скользкую, тонкую железяку. Но сейчас было так страшно, и так реально представлялось, как какой-нибудь урка, выскочив на балкон, схватит меня за штанины и сдернет вниз на брусчатку двора, что я немислимым усилием едва не взлетел вверх, подтянувшись сначала на локти, и забрасывая живот на крышу.

И тут нам снова повезло.

- Воры! – заорал кто-то из жильцов с противоположной стороны дома, увидев, как мы перебираемся на крышу. – Милиция! Воры!

Это было как нельзя кстати. Оставалось только разбить окно. Я свесился с крыши над окном Розы Марковны и оглянулся на Алешу. Тот протянул мне гриф своей драгоценной гитары.

- Бей! – велел он.

Я осторожно размахнулся, и тюкнул широким боком гитары в стекло. Гитара выдержала, а окно со звоном разбилось.

- Пожар! – заорал я во всю глотку: - Пожар!
- Облава!.. – почему-то завопил певец.
- Воры! Милиция! – не прекращались вопли с другой стороны дома.

И наконец, в этом диком хоре я услышал долгожданную истерику Розы Марковны:

- Господи, боже мой! Я же знала! Я знала!..

Теперь угомонить перепуганную старушку будет под силу только скорой помощи.

Громящая ногами по кровельному железу, мы побежали на другую сторону крыши. Важно было еще посмотреть – что там с Вадимом. А весь верхний этаж дома уже вопил, как потревоженный улей.

- Воры! Пожар! Вызовите милицию! Я всегда знала!

Представляя, какой содом сейчас у нас в квартире, я почему-то был уверен, что Вадим спасен. И, правда, мы увидели, как парень вышел на балкон, держась ладонью за подбитый глаз. Он заметил нас и помахал рукой. Через окно можно было различить, что в комнате больше никого не осталось.

- Драпают! – вдруг с восторгом толкнул меня в бок Алеша и указал вниз.

Бес и вся его банда как раз выметалась из подъезда. Но, то ли услышав слова Алеши, то ли что-то почувствовав – бандит вдруг задрал голову вверх, и заметил нас на крыше.

А я вдруг полез в карман, достал его нож и издевательски помахал им, держа двумя пальцами, и показывая владельцу. Лишившийся своего грозного оружия Бес замер от удивления. Даже не знаю, откуда взялась уверенность, что уж здесь на крышах бандиты нас точно не достанут.

- Это ты здорово придумал, нож стащить, а то бы он зарезал Вадика на прощание, - заявил Алеша. – А теперь выброси эту гадость немедленно!

От ножа сильно воняло копченой рыбой. Металлическая рукоятка была скользкой от жира камбалы.

- Это трофей! – отказался я, пряча «бабочку» обратно в карман. – Побежали быстрее, и только не в сторону порта – примета плохая!

Надо было улепетывать. Фору давало то, что мы уже знали этот путь, а Бес и его прихвостни, еще не научились ходить в незнакомом городе его потайными маршрутами.

Миновав пару крыш, и стараясь поспевать за мной, с отвоеванной громоздкой гитарой за плечами, Алеша все-таки буркнул:

- Ты бы лучше выкинул это перо! А то есть вещи, которые всегда возвращаются к владельцам. Как мой «Стратакастер»!..

Но я ничего не ответил, потому что берег дыхание. И к тому же прикидывал, хватит ли оставшихся денег на два самых дешевых билета до Ленинграда. А упоение победой придавало сил.

Станция Грушовка, ничем не выделялась в череде мелких железнодорожных полустанков между Киевом и Ленинградом. И нисколько не соответствовала своему названию. Вдоль пыльной платформы как попало росли только унылые тополя. Уродовало окрестности своим видом одноэтажное здание станции, побеленное известкой. А никаких грушевых деревьев здесь не было и в помине.

Пассажиры высыпали на перрон из спертой духоты вагонов, чтобы глотнуть воздуха и чуть-чуть размяться. Кучка старушек, подстерегавшая их на лавочках у станции, шустро рассредоточилась вдоль поезда, предлагая узникам вагонов пирожки, яблоки, сливы и лимонад. Все спешили воспользоваться пятиминутной остановкой, которую составы зачем-то делали в этом богом забытом местечке. Алеша Козырный бойко торговался с бабушкой, продававшей ведро слив и маячил мне в окно, не скупясь на ободряющие знаки. Певец затеял торг исключительно ради спортивного азарта – денег все равно не было.

В голове у меня крутились наши вчерашние разговоры. Поэтому я не сразу заметил, когда поезд тронулся. Столб с громкоговорителем медленно пополз назад перед моим окном. Я спохватился, что Алеши нет. Всего на мгновение я упустил его из виду. Другой на его месте, мог бы просто стоять сейчас у дверей возле проводницы. Но я уже достаточно натерпелся с Алешей Козырным, чтобы насторожиться. Я метнулся по вагону от тамбура к тамбуру. Певца нигде не было. И это могло значить только одно - он отстал. Как был: в трико и майке, без паспорта.

Сейчас состав наберет скорость и примется отсчитывать километры от станции Грушовка. Поезд ускорял движение – мы уже катились мимо станции. У меня не оставалось ни секунды на раздумье. Схватив свой пиджак и Алешину одежду, я еще замешкался, последним движением сдергивая с третьей, багажной полки громоздкий «Стратакастер».

- Куда?!! – перегородила дорогу проводница, стоявшая в тамбуре со скрученным желтым флажком. – Стой! Убьешься же, дурак! Ногу сломаешь!

Но я уже свесился на поручнях, прикидывая как бы половчее спрыгнуть. Поезд успел набрать ход. Асфальт платформы убежал подо мной с пугающей быстротой. Мешали перекинутые через плечо брюки певца - ветер хлопал штанинами мне прямо по лицу, закрывая видимость.

Поняв, что если промедлю еще хоть сколько-то – точно переломаю кости, я безжалостно швырнул гитару на платформу, отпустил поручни и прыгнул сам. Не удержался на ногах, и пару раз кувыркнулся по асфальту, докатившись аж до того места, где платформа кончалась.

Стайка бабушек, потрясенная моим акробатическим этюдом, даже бросила пересчитывать свои копеечные барыши. Они заголосили в ожидании трагических последствий моего прибытия на станцию. Но оказалось - сам я легко отделался. Кроме ссадины на локте ничто по-настоящему не болело.

А вот о «Стратакастере» такого сказать было нельзя. Гриф совсем отлетел от гитары, и валялся в стороне вдребезги расколотый - струны

вывернули его вбок. И все еще упруго качались, изогнувшись в воздухе, переполненные энергией падения.

А по перрону, безнадежной трусцой, спешил невесть откуда взявшийся Алеша Козырный. Он потрясенно приближался к своей убитой гитаре. Добежав, он упал перед инструментом на колени и поднял оторванный гриф одной рукой, в недоумении рассматривая его сверху донизу, как покалеченного ребенка. Так, словно еще что-то можно было сделать.

- Как ты мог ее так бросить! – гневно, на слезах крикнул он мне.

Я подобрал с асфальта его брюки и пошел навстречу певцу.

- Лучше было мне самому шею сломать? – поинтересовался я.

Кинул ему одежду и сел на ближайшую скамейку.

- Ты специально это сделал?.. Чтобы мы от поезда отстали? – спросил я.

- Да ты что, Серега! Прикинь, на минутку выбежал за кефиром – смотрю – поезд ушел! – очень натурально опешил певец. – Да я бы никогда...

До этого мы двое суток тряслись в плацкартном вагоне, приближаясь к Ленинграду, раскисая от жары и духоты. Вчера Алеша весь вечер томился, пока не затесался в компанию студентов, которые возвращались с летней практики с большими канистрами молдавского вина.

- Дался тебе этот кефир... - пробормотал я. – Ты ведь знал, что мне надо успевать.

Он знал, про тот вариант, который нашел мне отец - завербоваться на север. И что это единственная возможность отдать долги. Теплоход, который увозил бригады, отчаливал уже послезавтра. И это был последний корабль, дальше навигация по Северному морскому пути заканчивалась. В Ленинграде сразу с поезда я должен был поспешить на оформление документов, еще день на короткие сборы, и сразу - путь. Это если все сложится нормально. Но, чтобы успеть, я должен был находиться в поезде! Отсчитывать километры, а не сидеть на лавочке платформы станции Грушовка!

И теперь непонятно, чего стоили все наши вчерашние разговоры. Когда в вагоне остались гореть только маленькие ночные лампочки, полупьяный Алеша сидел напротив меня, и периодически напевал.

- А поезд тач-тач-тач, огни мерцали! Огни мерцали, когда поезд уходил!.. Все ты правильно решил, Серега! – кивал он головой.

А потом мы вместе курили в тамбуре под стук колес, посматривая, как за стеклом в мутной темноте осеннего вечера мелькают крупные клочья каких-то теней, а изредка – фонари переездов.

- Все ты правильно решил, - вздохнул тогда еще раз Алеша, гася окурок в жестяную банку. – Все эти музыкальные фокусы и мотания по всей стране тебе только жизнь сломают. Правильно тебе отец советует, - рассудил певец. – Вариант подходящий, упускать его нельзя...

Я и сам это понимал и твердил себе уже двое суток, вертясь с боку на бок на своей полке. Но почему-то из головы не выходил Лева Рудик – то, как он вовремя не записал Высоцкого.

- Тебе надо поправить свои дела, - уже забравшись на верхнюю полку еще добавил Алеша. – И Бесу попадаться нельзя. Раз он за нами в Одессу погнался, значит и в Питере не отстанет. Самое правильное для тебя - на какое-то время исчезнуть в неизвестном направлении. Иначе он тебя точно зарежет.

- А как же ты?

- Мне проще. Я им еще могу пригодиться, а ты для них – помеха, как кость в горле. Может Василич организует какие-нибудь гастроли? Закатиться куда-нибудь подальше от столиц? Убудет, разве от меня, если еще разок спою: «Взял я фрайера на гоп»? Ну, может не раз, а несколько раз еще спою? Каждый должен делать то, что умеет. Наверное, это судьба моя - петь блат. А против судьбы идти... Какая разница, что петь, лишь бы платили хоть сколько-нибудь, - вздохнул он, натягивая на себя мятую простыню.

Но это было вчера. А уже сегодня по его милости я отстал от поезда. Без денег, без еды и без малейшей надежды купить билет на следующий поезд. Но, что самое удивительное – это меня не сильно волновало.

- Хоть свежим воздухом теперь дышим, а то парились бы там, в вагоне? – пошутил Алеша, повернувшись на лавочке.

- Ну, и как мы теперь доедем до Ленинграда? – спросил я.

- Электричками... Пересаживаясь с одной на другую. Тут уже не очень далеко,- предложил Алеша и оживился. - Я сам знаю людей, которые вот так на электричках с пересадками добираются за свои футбольные команды болеть из Москвы в Киев или из Питера в Москву. Только надо чекушку взять? Выпьем «стременную», чтобы в Питер успеть? В магазинчике, где кефир, там водка есть, я видел... Два рубля ведь еще осталось?

И я неожиданно согласился. Пошарив в карманах, я насчитал бумажный рубль и еще один - мелочью.

Через час мы уже сидели на жестких лавочках пригородной электрички, которая, конечно, везла нас не прямо до Ленинграда, но приближала к конечной точке путешествия. Обломки «Стратакастера» Алеша взгромоздил наверх, на маленькую полочку для ручного багажа. Сигарет у нас осталось всего одна на двоих, к тому же Алеша был вынужден периодически прятать босые ступни под лавку от людских взглядов, его одесские сандалии уехали вместе с поездом. Однако, настроение у нас было уже не плохим. Во-первых, мы все-таки ехали. Во-вторых, мы только что на лавочке отхлебнули водки из горлышка маленькой бутылки, и алкоголь в крови начал оказывать свое веселящее действие. К тому же еще пара глотков оставалась на доньшке бутылки в кармане моего пиджака.

- Отлично доедем! – убеждал Алеша. – «Москва-Петушки» читал? Отличная вещь, самиздатовская. Там про то, как на электричках ездить все

рассказано. Нам тут осталось километров триста-четырееста... За сутки точно одолеем! И успеешь ты на свой пароход на Севера! А там ту-ту!

Дальние от нас двери в вагон разъехались. Зашли трое детей. Один подросток лет четырнадцати и двое пацанов помладше. Чуть замаявшись при входе, они выстроились в ряд и, затянув песню, медленно пошли по проходу.

- Разлука, ты разлука! Чужая сторона-а-а! – гнусаво выводил тонким старший подросток.

Еще один поменьше подпевал, явно робея и еле слышно. Третий молчал, но шел, вытянув вперед руку и мелко моргая одним глазом, неправдоподобно симулируя слепоту. В протянутой руке он держал маленькую фуражку, которую поворачивал к пассажирам всякий раз, когда побирушки проходили мимо скамеек, которые не пустовали. Выглядели они неопрятно, похоже, что специально изваляли одежду в пыли. У младшего под носом висела внушительная сопля.

Подавали мальчишкам неважно. Да и пение их отдавало вымогательством. Настолько паршиво они пели, что хотелось одного – лишь бы поскорее убралась в другой вагон. Пару мелких монеток – по копейке, или две - вынули из кошельков только сердобольные старушки. А люди среднего возраста больше отворачивались.

- Смотри, Серега, вот тоже особая разновидность блатной песни, - разволновался Алеша. – Сиротская песня. «Блатняк» он ведь очень разный. Я больше всегда любил кабацкие песни, типа «Мурки». Дворовый городской романс. А есть ведь вообще тюремный и лагерный фольклор. Это не люблю, совсем беспроблесковые они. А сейчас ты слышишь типичную песню беспризорников. Она на то и рассчитана, чтобы милостыню просить, разжалобить публику. Мотив под детские голоса заточен. Но только устарела сильно...

Троица маленьких попрошайек тем временем приближалась к нам, вразной фальшивя свою «Разлуку». Я полез в карман за последними копейками.

- погоди! – остановил меня Алеша. – Ну, кто так поет! Кто так мямлит!? – грозно остановил он пацанов, выхватывая протянутую к нам фуражку с их жалкой добычей.

- Дяденька, отдай! – взвыли младшие, пытаясь схватить свое имущество обратно.

Алеша даже встал во весь рост, чтобы возвышаться над ними.

- Так, сейчас посмотрим. Одна, две, четыре копейки... И это все?!..

- Ты, гандон! – грубо заявил старший, который только что пел. – Сейчас наши придут – кровью умоешься!.. Отдай!

- Садись! – велел Алеша, не обращая внимания на несбыточную угрозу, и чуть не силой усаживая мальчишек на пустую скамью напротив нас. – Ну, кто так поет!.. Нужны здесь кому ваши «пташки канарейки так жалобно поют»... - при этом он еще мастерски манипулировал кепочкой с мелочью, тщательно уводя и прикрывая ее, чтобы ни у одного из пацанов, подстерегавших момент выхватить обратно свою скудную добычу, не

возникло такой возможности. - Понравиться людям надо, переживать их заставить, а вы фальшивите и надоедаете, вот вам и подают гроши – лишь бы поскорее ушли...

- Отдай! Видишь, младшим братишкам жрать нечего, голодные, мамка пьет... - перешел на слезливый тон старший из мальчишек, поняв, что быстро отделаться не удастся. Он даже тужился пустить слезу.

- Вот, уже лучше! На лету схватываешь верную тональность, - похвалил Алеша. - Совсем не так все это делается.

Младшие сидели, молча шмыгая носом и удивленно поглядывая на босые ноги остановившего их странного типа.

- Тоже мне знаток нашелся, - проворчал старший. – Сам-то пел когда-нибудь по вагонам?

- А вот спорим, я больше вашего денег наберу, если петь начну? – спросил Алеша. – А что, Серега? Вид у меня подходящий, даже штиблеты утрачены...

Я представил его долговязую фигуру с жалобной песней бредущую по вагону и усмехнулся.

- Короче! Если я в соседнем вагоне наберу меньше рубля, значит, проиграл и отдаю вашу кепку обратно. А если наберу - вы это все кончаете и едете домой к маме...

- В натуре отдашь? – прищурился пацан.

- Падла буду! – поклялся Алеша, по-блатному щелкнув ногтем большого пальца о зубы, и полоснув себя ладонью по глотке.

Пацаны закатились бойким детским хохотом. Приключение со странным типом больше не пугало их, а начинало нравиться.

Мы всей компанией вышли в тамбур.

- Так! Главное репертуар, - соображал вслух Алеша, прежде чем открыть двери в соседний вагон. - Думаю спеть, «По приютам я с детства скитался, не имея родного угла»? Как думаешь, нормально? Или правильнее «Друзья купите папиросы! Подходи пехота и матросы, посмотрите, ноги мои босы»...

И он выставил на обозрение свои босые ноги. Мальчишки снова взвизгнули от хохота.

- Лучше про приюты, а то еще решат, что ты, правда, папиросы продаешь, - решил я. – К тому же пехота и матросы в электричках не ездят. Война-то давно закончилась, дяденька! – подначил я Алешу. Впрочем, его внезапная озорная затея хотя бы отвлекала меня от грустных мыслей.

- Значит так, пацаны. Я пою, а вы все трое деньги собираете. И, чтобы жалобные глаза все строили! - скомандовал Алеша. - Можно еще жалобно бормотать, что, мол, папка только что из ЛТП деру дал. Мол, пьет, не кормит, запомнили? Ну, начали! – и он распахнул дверь в соседний вагон.

Я остался в тамбуре, держа разбитый «Стратакастер», и со стороны наблюдал, как Алеша медленно с песней бредет по вагону, а пацаны шныряют между пассажирами. И только когда они прошли вдоль всего

вагона до конца, присоединился к компании в следующем тамбуре. Мальчишки самозабвенно пересчитывали собранную мелочь.

- Тридцать семь копеек! – разочарованно шмыгнул носом один из младших.

- А ты говорил рубль! Умею петь сиротские песни!.. – издевательски расхохотался старший. Поддакивая ему, захихикали и двое других.

- Тихо! По любому в десять раз больше собрал, чем вы! – прикрикнул на них Алеша.

Но выглядел он все-таки разочарованным.

- Что-то не так делаем, – признался певец. – Оптимизма какого-то не хватает, надо пободрее, что-то спеть, развеселить людей. Типа нам совсем плохо, но мы не унываем, поняли?..

В этот момент электричка как раз остановилась на более-менее крупной узловой станции. Народа в вагонах прибавилось. Алеша подождал, пока поезд тронется и пока все пассажиры рассядутся на местах.

- Вот еще что! Надо водки глоток для куража! – спохватился Алеша. – Какой может быть успех, если не обмыли? Серега у тебя там еще осталось в бутылочке? Ты будешь? – деликатно поинтересовался он, красноречиво потряхивая на донышке чекушки ее последним жалким содержимым.

Я отказался и заранее перешел в следующий вагон, чтобы посмотреть представление. Когда электричка уже набрала скорость, двери тамбура разъехались, и Алеша с компанией беспризорников ввалился в вагон.

- Граждане и товарищи! Дамы и господа! – заявил он приосанившись. - Широко известный в узких кругах ансамбль малолеток «Беспризорники», путешествуя из Одессы в город на Неве, дает вам сегодня небольшой концерт для поднятия настроения и счастливого пути! А сейчас песня, которую с таким чувством исполнял всеми любимый артист Олег Даль!

Я наблюдал, как поднимаются головы пассажиров одна за другой. Он сумел привлечь их внимание.

- Призрачно все! В этом мире бушующем! – неожиданно запел Алеша. – Есть только миг – за него и держись!..

Он очень старался. Это было видно, даже по тому, как напряглись вены на худой шее. Его голос бархатными переливами наполнил вагон.

Встречный поезд с ревом налетел за окнами. Его вагоны мелькали бешеным вихрем. Они полностью заглушили и «съели» второй куплет. Состав пролетел мимо, когда песня уже заканчивалась.

- Есть только миг между прошлым и будущим!.. Именно он называется жизнь! – Алеша медленно шел последние метры вагона, улыбаясь пассажирам и даже разводя руками в такт песне. Беспризорники суетились в проходе, собирая мелочь.

Закончив петь, Алеша повернулся к пассажирам и даже церемонно поклонился.

- Спасибо и счастливого пути!

Несколько человек захлопали в ладоши. Правда сразу застеснялись и скомкали аплодисменты.

Я нагнал компанию в тамбуре.

- Рубль и еще десять копеек, - с уважением пересчитал добычу маленький. – На обед в столовке хватит, - прикинул он.

- А если бы еще гитара была? – подмигнул Алеша.

Тем временем, старший поскорее ссыпал добычу в карман. Он с деланной независимостью, заявил Алеше:

- Ты выиграл, мы пошли!

- Куда?! – опешил певец. – Мы только начали! Только успех пришел. Мы сейчас до конца электрички дойдем. Можно и червонец набрать.

В следующем вагоне он спел «и снится нам не рокот космодрома». Но успех был поменьше. Поэтому до конца электрички Алеша пел «есть только миг» - и в каждом вагоне дело заканчивалось аплодисментами. В последнем тамбуре Алеша ссыпал всю выручку в карманы пацанам. Старший, подумав, выгреб горсть мелочи и протянул Алеше.

- Возьми, твоя доля!

- Оставь себе, - снисходительно мотнул головой певец. – Лучше куревом угости, а то у нас закончилось.

Пацан, без разговоров, вытащил из кармана пачку самых дешевых, без фильтра сигарет «Астра» и отдал своему неожиданному компаньону. Электричка тормозила перед очередной остановкой.

- С деньгами аккуратней. Смотри, чтобы гопники постарше не отобрали, - напутствовал Алеша. – Поешьте сразу где-нибудь нормально! – крикнул он еще вслед удаляющейся троице.

Двери электропоезда закрылись. Алеша с наслаждением закурил. Недавний хмель выветрился, пока он пел.

За окном вечерело, и начинался мелкий дождь. Я с сомнением посмотрел на его босые ноги.

- Босаяк, бродяга настоящий! – ухмыльнулся он, отметив мой взгляд. – А знаешь, Сережа, если все-таки доведется выступить в большом зале, как бы я хотел?.. Представь, большая такая сцена, вся в огнях, полный зал народу замер в ожидании. Все ждут меня! Но первым, на сцену выходит просто мальчик с аккордеоном. В белой рубашечке, с бабочкой. И аккордеон роскошный с хромированными боками – размером с него самого. И вот садится такой ботаник в очках на стульчик в центре сцены и начинает играть мелодию. И первую минуту - только мальчишка, да мелодия его аккордеона в тишине замершего зала. Голос диктора за сценой объявляет: «Встречайте!!» - и тут уже вступает оркестр, и выхожу я. Сразу с песней...

- Губы тебе покрасят, нос напудрят, глаза подведут. Ничего? Стерпишь? - подколот я. – На больших концертах без этого на сцену не выпускают.

- Придется гримироваться, - всерьез согласился Алеша. – А как без этого? Мне даже интересно. А то ведь, сколько не пел – меня никогда не гримировали. Только стакан портвейна и вперед - к микрофону. А там, на сцене, прикинь, девочки на подпевках, все из себя такие...

Он, наверное, мог бы долго мечтать вслух о бэк-вокалистках, сексуально извивающихся, с голыми плечами перед микрофонными стойками. Или о большом оркестре с лысым дирижером, озабоченно взмахивающем палочкой. Но за нами в тамбур из вагона вышел пассажир в болоньевой дачной куртке.

- Простите, а вы случайно не Алексей Козырный? Голос очень похож, – явно волнуясь, спросил он.

- Нет, Козырный же только «блатняк» поет! - соврал Алеша. – Ну и он знаменитость – широко известная в узких кругах. Говорят, ему такие деньги за выступление платят – закачаешься! Чтоб он стал по электричкам побираться... Даже как-то смешно такое подумать. Так что ошибочка вышла.

- Извините, - стушевался пассажир и заторопился покинуть прокуренный нами тамбур.

Алеша, глядя в сторону, погасил свой окурок и щелчком отправил его вниз на ступеньки. Он как-то сразу замолчал и скис. Глядя на это, меня невольно подмывало поделиться идеей, которая возникла еще вчера. И с тех пор свербела в голове, не давая покоя.

- А ведь, если Зяблик соберет свой чудо-магнитофон – можно попробовать на него записаться? - подумал я вслух. – Я Витьку знаю, если он говорит, что характеристики будут лучше, чем у «Sony» - значит, он точно что-то такое изобрел. Оркестр на запись собрать уже точно не получится. Но можно же записать акустический альбом? С минимумом инструментов: ну там, гитара, может еще пианино, или действительно аккордеон?..

Алеша молча, отрицательно покачал головой. Электричка уже подъезжала к Великим Лукам, к конечной остановке. Дождь только усиливался. Он сек двери снаружи косыми каплями.

- Нет, Сережа, в другой раз запишем концерт, когда ты с севера вернешься. Сейчас надо нам расстаться, хоть и не хочется, - вздохнул Алеша. – Как же тебе в Питер-то успеть? По ночам электрички не ходят. Пересеть не на что. Надо что-то придумать.

22.

На вокзале Великих Лук опасения Алеши подтвердились. Последняя электричка в сторону Ленинграда ушла в 22 часа. Следующая – в шесть утра. И ночевки на жестких скамейках зала ожидания было уже не избежать.

Но в какой-то момент Алеша скрылся. Выпросил у меня последний рубль, и исчез в сырой темноте, пообещав раздобыть хоть какую-то обувь. Что и где можно было найти на жалкий рубль, когда все магазины закрыты и надвигается ночь – я даже не спрашивал. Без слов отдал ему последние деньги, потому что невыносимо было смотреть, как певец шлепает босиком по лужам. Получив рубль, он растворился в темноте, пообещав вернуться через пару минут.

Но не вернулся, ни через полчаса, ни через час. Время его отсутствия отсчитывали круглые часы в зале ожидания. Они висели на стене, прямо напротив скамейки, которую мне удалось занять. Поэтому я точно знал, что вот Алеша нет уже час, а вот уже и два часа... Этот круглый белый циферблат с двумя черными стрелками, словно издевался, отсчитывая минуты моей глупости. Как будто я не знал, что сделает Алеша, если отпустить его одного с деньгами в кармане? Он уже, наверняка, где-то пьет. Непонятно что, и непонятно как, раздобыв. Пусть винно-водочные магазины давно закрыты, но выпивку он добудет непременно, вопреки любым обстоятельствам. Вот к этому у него точно уникальный талант.

Я ворочался с боку на бок на жесткой лавке, не зная, куда деться от злости. Милицейский патруль уже дважды прошел мимо меня. Патрульные не подходили, но глядели в мою сторону недобро. Я и сам на их месте обратил бы внимание на такого. Небритый тип, кутающийся в мятый пиджачишко. Типичный бомж, еще и одетый не по погоде.

Ближе к полуночи, меня от холода начала пробирать дрожь. Даже не верилось, что еще утром мы изнывали от жары и духоты в плацкартном вагоне. Впрочем, удивляться не приходилось. Во-первых, кончилось бабье лето, и без того затянувшееся в этот год. А во-вторых, мы далеко забрались к северу, и были уже на подступах к Ленинграду. Вдобавок, еще и сильно хотелось есть.

Поэтому, когда часы принялись отсчитывать первый час ночи, я решил – хватит! Алеша был прав – пора расставаться. Больше я не собираюсь прощать ему ни одного подлого пьяного трюка. Хочет напиться где-то под забором – пускай пьет! Человек выбрал свою судьбу. А смысл моей жизни вовсе не в том, чтобы замерзнуть на голой вокзальной скамейке. Пора двигать в Ленинград, а затем – дальше.

За окном вокзала я слышал, как поезда проходят и в ту, и в другую сторону. Даже чаще, чем каждые полчаса. Больше половины из них были товарняками. А это давало мне шанс.

Пассажирские поезда отпадали. Договориться с проводниками, чтобы провезли «зайцем» до самого Ленинграда совсем без денег или хотя бы без бутылки – пустые хлопоты. А на товарняк можно тайком залезть, спрятаться и двигаться в нужном направлении. Правда, предстояло люто замерзнуть на ночном ветру, скукожившись на каком-нибудь приступке вагона. Но и здесь, на станции, я все равно мерз, и никуда не двигался. А так хотя бы начну приближаться к Ленинграду? И я решил, как только дождь закончится – поеду. Хотя никогда раньше не ездил зайцем на товарняках. Чему только не научишься, стоит только связаться с подпольным «шоу-бизнесом» в Советском Союзе!

На улице было сыро и холодно. Но дождь прекратился. Из рта шел пар. Это особенно бросалось в глаза на освещенных участках перрона. Отдаленный громкоговоритель все время командовал кем-то на дальних путях. Я пробирался вдоль пассажирского состава на первом пути. Посадка на поезд была в самом разгаре. Люди с сумками и мешками, билетами и

толстыми кошельками, так активно штурмовали вагоны, что нечего было и думать, пытаться сунуться туда же на халяву. Ярко освещенные окна вагонов манили теплом. И я поторопился отвернуться. Тем более, что навстречу двигался все тот же милицейский патруль, которому я уже попался на глаза в зале ожидания. А в моем нынешнем состоянии откуда-то сразу пришел инстинкт – не привлекать внимания ментов.

Как бы невзначай, я дошел до конца поезда, и юркнул за него, туда, где начинались второй, третий и прочие дальние пути. Где не было платформ, а только рельсы, шпалы, стрелки и семафоры. Прожекторы светили здесь реже. А на путях стояло сразу несколько товарных составов.

Я решил не тянуть, а залезть на первый же из них, как только разберусь – который идет в мою сторону. Но предстояло найти вагон с подходящей площадкой, чтобы там было хоть сколько-то пустого места – залезть и приткнуться. А еще важно было не попасться на глаза железнодорожникам, которые обходили товарные составы, постукивая молоточками по буксам. Сначала я уже был готов забраться на платформу груженую лесом-кругляком, чтобы залечь там поверх бревен, но меня спугнули именно такие путевые обходчики. К тому же я колебался, не зная – куда двинется состав. Это было, как игра в орла и решку. Поезд мог двинуться или в моем, или в обратном направлении.

И тут состав, прикрывавший меня от лишних глаз со стороны вокзала, с металлическим лязгом шевельнулся. Мимо начала двигаться здоровенная железнодорожная цистерна. Впереди, там, где бока цистерны, нависали над платформой, оставался небольшой треугольник свободного пространства. Конечно это было не то, на что я рассчитывал – на скорости такой пяточок будет продуваться ветром насквозь. Но мне уже было все равно. Главное, что там были поручни, за которые можно ухватиться во время движения. А поезд катился в том же направлении, что и вечерняя электричка. И я решил не мешкать.

Пробежал несколько шагов за поездом, подпрыгнул вверх и подтянулся на руках. И только вскарабкавшись под бок цистерны, и заняв тот единственный свободный кусочек пространства, который оставался, я понял, что второй раз так сделать уже не смогу – последние силы кончились абсолютно. Но колеса состава уже начали гроыхать на стыках рельсов, а вокзал отставал позади. Мы медленно катились мимо столба с громкоговорителем, откуда сыпались непрерывные громкие команды ночного диспетчера.

И тут вдруг поезд затормозил. Семафор совсем близко горел ярким красным светом. Поезд стоял, а громкоговоритель надрывался прямо у меня над ухом. Наконец, я заметил, как с другой стороны к нашему составу приближается одинокий локомотив. Видимо, еще предстояла замена тепловоза. Громкое фырчание локомотива, проходившего мимо, на какое-то мгновение заглушило надоедливый громкоговоритель.

Поэтому я не услышал, как ко мне подошли. И только обернувшись, внезапно обнаружил, что с земли на меня, скрючившегося вплотную к

цистерне, изумленными глазами смотрит путевой обходчик. И два милиционера с ним. Те самые, которые еще недавно патрулировали вокзал. И они меня сцапали.

При задержании я не оказал сопротивления. И не потому, что свежи были воспоминания о милицейских дубинках, которых мне довелось отведать в начале лета. А просто за несколько минут на железной платформе я успел промерзнуть сильнее, чем за час на вокзале. И возможно, к утру, если бы товарняк шел без остановок, я бы там заколел насмерть. Так что возможно, эти два милицейских сержанта спасли мне жизнь. Но не испытывали по этому поводу никакой радости.

Задубевшие ноги плохо слушались. Пару раз меня крепко шатнуло на ходу. Даже пришлось схватиться за столб, чтобы не упасть. Менты оценили мое состояние по-своему.

- Пьян, похоже, вдребезги, - предположил один. – Может сразу в «трезвяк» его отвести?

- Нормальный же не полезет по такому холоду на открытую платформу. Только пьяному море по колено, - согласился второй.

А мне было все равно – лишь бы в тепло. Поэтому я безропотно спустился в подвальчик привокзального вытрезвителя, не реагируя на злые тычки подгонявших блюстителей закона.

- Вот, товарищ капитан! Задержали по подозрению. Залез на цистерну с горючей жидкостью, создал угрозу чрезвычайной ситуации во время следования поезда. И холодное оружие при нем обнаружено, - отрапортовал один из сержантиков, выталкивая меня на середину плохо освещенного подвального помещения. Найденный у меня в карманах бесовский нож-бабочку он выложил на стол прямо под яркую лампу на столе начальника.

- Ну, веди сюда нарушителя, - командным голосом распорядился милицейский начальник, большая фигура которого оставалась в тени.

Но голос! Такой противный тоненький фальцет встречается в лучшем случае один на тысячу человек. Поэтому, еще не разглядев его, я уже знал, что это тот самый здоровенный капитан, разжалованный в милицию из тюремной охраны, который летом не стал сажать Алешу Козырного, попавшегося на подпольном концерте.

- Здравссьте, Пал Палыч! Какими судьбами вы здесь? Вы же в Ленинграде командовали отделением милиции? – заторопился я, делая шаг поближе к свету, опасаясь, что чудаковатый капитан может меня не разглядеть и не узнать.

Здоровенный капитан - а это действительно был он, смерил меня подозрительным взглядом. Я прикусил язык. От того, что он меня узнает, могло стать только хуже. После того сомнительного розыгрыша, который я ведь тогда устроил в его отделении.

- погоди пока оформлять, - распорядился капитан. – Мне с этим субчиком еще по душам поговорить надо. Воспитательную работу провести.

Один из сержантов, выходя из кабинета, смерил меня откровенно злым взглядом. Похоже, и здесь, в тьмутаракани Великих Лук подчиненные уже не жаловали своего начальника.

– Ну, рассказывай, почему не можешь доехать до Ленинграда? И где твой друг – Алеша Козырный? Садись, рассказывай...

Я плюхнулся на стул, и принялся рассказывать ему все, по порядку. Начиная с Одессы. И еще раньше. Как мы пытались записать альбом. Как сбежали от бандитов на юг. Как я украл нож у Беса. Как отстали от поезда.

Не знаю, что случилось в том милицейском кабинете, но меня невозможно было остановить. Наверное, это называется чистосердечным признанием? Короче, раскололся, как ореховая скорлупа. Словно, чудаковатый капитан был моей мамочкой, которой можно вывалить все.

Я опомнился, только когда понял, что уже рассказываю, как мы пели в электричках и как, уже здесь, я отдал Алеше последний рубль. Тут мне стало стыдно. Но, в общем-то, и рассказывать дальше было нечего.

– Так ты думаешь, что Алеша тебя кинул? – поинтересовался Пал Палыч. – Что-то я не верю. Он, по-моему, не подлец...

– Это пока он трезвый. А как только напьется... – возразил я. – Я три часа на вокзале прождал.

Капитан зычно скомандовал. Перед ним появились все те же два сержанта. Которым он велел тщательно осмотреть вокзал и окрестности. Найти «тощего и сутулого», вероятно очень пьяного, будет называть себя певцом или артистом. Может петь перед какой-нибудь компанией. А от меня потребовал описать - во что был одет Алеша. И сержанты удалились. Даже их спины выражали крайнее недовольство чудачествами своего командира.

– Пал Палыч, как же вы здесь-то оказались?.. – спросил я, в наступившей паузе.

– Перевели, по вашей милости! – заявил капитан. – После той истории с Алешей Козырным, кто-то из моих подчиненных в прокуратуру настучал. И за проявленную политическую близорукость, как недостойного командовать отделением в колыбели революции – городе-герое Ленинграде, перевели командовать вытрезвителем сюда – в Великие Луки - выпалил он заученной скороговоркой.

Мне стало неловко.

– И вообще-то вопросы здесь задаю я, - напомнил капитан.

А по лестнице сверху уже загромыхали сапоги.

– Вот, товарищ капитан. Задержали поблизости. Тощий, худой, подозрительный. Рядом с вокзалом ошивался, - с порога доложил один из сержантов. – Только он того... Трезвый в общем.

– Можно? – дверь приоткрылась и, в образовавшуюся щель просунулась голова Алеши. – Сережка! – радостно воскликнул он. – А я тебе билет на поезд купил, ищу везде, а тебя нету!

Алеша радостно шагнул навстречу.

– Вот! Плацкарт, – протянул он сложенную вдвое небольшую бумажку. – Твой поезд уже через час. А я-то по всему вокзалу бегаю!..

Я не без сомнения развернул бумажку. Это действительно был железнодорожный билет на скорый поезд Киев – Ленинград.

- Ты где был так долго? И откуда взял деньги на билет? – все еще не верил я.

- «Стратакастер» продал, - как ни в чем не бывало, сообщил Алеша. – Долго ходить пришлось. По подъездам, в квартиры стучался, предлагал. Если бы она целая была, а сломанная-то гитара – кому она нужна? Но нашлись люди – в хорошие руки отдал... Починить ее собираются и играть на семейных торжествах.

- Ты продал свой «Стратакастер»?! – поразился я.

- Ну, да! – пожал плечами певец. – Тебе же в Ленинград надо. А как еще денег на билет достать? Сторговался за тридцать пять рублей. Тютелька в тютельку хватило тебе на билет, мне на обувь.

Я посмотрел на Алешины ноги. Они были обуты в домашние тапочки. Новенькие, только что купленные, войлочные шлепанцы без пятки. Таковую копейную обувь раздобыл себе певец.

- А себе билет? – поинтересовался милицейский капитан.

- Да мне не к спеху, как-нибудь доберусь, - махнул рукой Алеша. – Ну, здравствуй, Пал Палыч, дорогой! Какими судьбами тут?

И, глядя, как обнимаются здоровенный капитан и тощий певец, мне вдруг стало жгуче стыдно. Алеша мыкался босиком по лужам, стучался в чужие квартиры, предлагая на продажу самое дорогое - гитару, ради которой он позавчера рисковал жизнью, страшась высоты. Он за бесценок отдал свое единственное сокровище, только чтобы сделать другу сюрприз - купить билет домой! А друг все это время исходил злостью на него и недоверием.

При этом Алеша даже не задумывался, как самому добираться домой. Да и какой у него дом? Что его ждет? Снова рабство, снова блатные песни, зарабатывать деньги бандиту, которого он ненавидит. И вот туда он собирается «добратся как-нибудь» в домашних тапочках. Лишь бы друг смог нормально уехать и дальше жить в достатке и безопасности.

Именно в тот момент я понял, что не хочу жить в достатке и безопасности такой ценой.

- Пал Палыч, где на вокзале сдают билеты? – поинтересовался я.

- Ты что, Сергей! – всполошился Алеша. – Я там такую очередь в кассу выстоял.

- Сдадим этот билет, купим на электричку, доберемся до Гатчины, там запишем концерт у Витьки, как собирались, а потом уже я уеду, - перечислил я. – По-другому не хочу.

- Но ты же на пароход опоздаешь? – втолковывал мне Алеша. – Ты брось, Серега, это уже не шутки!

- Значит, доберусь на Север как-нибудь иначе. На вездеходе или на оленях, – возразил я. – Что-нибудь придумаю. А пока мы в Гатчине, про это же не знает ни одна живая душа, и искать нас там не будет. А как только дело сделаем, я в тот же день уеду...

Алеша переводил растерянный взгляд с меня на милицейского капитана.

- А что? – пожал плечами здоровяк. – Студент дело говорит. Запишете концерт. Мне тоже пленочку подгоните. И вообще, зачем вам ждать электричку до Гатчины?.. Тут всего километров двести. Я вас на «воронке» сейчас туда отвезу. Ночью дороги пустые – мигом домчимся!

И все как-то сразу встало на свои места. Мы сдали билет в кассу возврата. И уже садились в милицейский УАЗик.

- Я тебя, Сергей, сзади посажу. Туда, где задержанных, - предупредил капитан. – В кабине место только для одного человека. Туда Алеша сядет. Я ему в дороге свои новые песни петь буду. Сочинил много. Очень важно, чтобы знающий человек оценил – стоящие песни или так себе.

Алеша немо посмотрел на меня в ужасе от такой перспективы, но безропотно полез в кабину.

- Не нравилось мне в Ленинграде, - вздохнул капитан, запирая меня в зарешеченном отсеке для нарушителей. - Суеты много. То ли дело в Соликамской зоне было! Она от города далеко. Смену сдашь, за ворота выйдешь, а там: красота, простор, воздух...

Кое-как примостившись на коротенькой жесткой лавочке, я еще подумал, что лучше трястись двести километров здесь, чем в кабине, где начальник во всю глотку распевает дурацкие песни, своим пронзительным голосом. И, мысленно согласившись с этим, я успокоился и незаметно заснул.

ЧАСТЬ 4

Право голоса

23.

Я вышел с пустыми руками уже из третьего подряд магазина радиотехники. Посмотрел на часы. Десять минут двенадцатого – вроде бы самое начало дня. Но время его уже неумолимо таяло. А только этот единственный день, был в моем распоряжении, на все дела, которые надо сделать в Ленинграде, куда я тайно выбрался из Гатчины. Там, в квартире Витьки Зяблика, мы уже неделю скрывались и готовились к записи. И я не рассчитывал, что дурацкие проблемы возникнут с самого утра.

Из продажи исчезла магнитофонная лента. В магазине «Мелодия» у Пяти углов ее не оказалось. И в «Электроне» на Васильевском острове было хоть шаром покати. Как будто во всем Ленинграде пленка разом исчезла с прилавков. Оставался шанс случайно набрести на последние завалившиеся

запасы в магазинах каких-нибудь отдаленных районов. Но я не мог наудачу весь день мотаться из конца в конец огромного города. Важно было успеть сделать несколько дел, и не влипнуть ни в какую историю.

Продавцы, которых я уговаривал продать пару бобин из-под полы, только пожимали плечами. Я так и не понял: действительно нет завоза пленки во всем Питере, или идет какой-нибудь скрытый милицейский рейд, и они боятся продавать из-под прилавка?

А мне ведь еще и не всякая пленка подходила! Лучше всего была бы конечно западногерманская импортная пленка «BASF» или японская «Maxell». Но такой лютой дефицит, найти в свободной продаже без блата было не реально. В магазинах могла попасться ГДРовская пленка «OR-WO» - это был бы наиболее подходящий вариант из реальных. Отечественную пленку в Союзе производили шосткинский комбинат «Свема» и казанская «Тасма». «Свема» тоже годилась на крайний случай, «Тасма» же считалась полным дерьмом, и на нее старались не записывать музыку даже любители. Но сейчас в магазинах не было вообще ничего – пустые полки.

Утро начиналось отвратительно. Еще ничего не сделано, а время уже начало утекать. Я постарался убедить себя, что пленку в любом случае найду хотя бы у фарцовщиков на Невском. Обычно эти ребята торговали фирменными дисками модных западных групп, а не разменивались на мелочи, типа магнитной ленты. Но даже если у них ее не было на руках, за час эти парни были способны достать что угодно. Я велел себе успокоиться, потому что все будет нормально. И у меня больше не осталось поводов, увильнуть от следующего дела, ради которого я оказался в Питере, рискуя напороться на знакомых.

Предстоящая встреча с родителями обещала стать нелегким испытанием. Никогда прежде я с таким тяжелым сердцем еще не звонил в двери собственной квартиры. Открыв дверь блудному сыну, папа явно собрал все силы, чтобы с ходу не высказать мне все, что он думает. А сказать он мог и насчет семейных денег, сгоревших в авантюре, и по сути украденных мною у самых близких людей. Плюс претензии насчет моего долгого отсутствия и сомнительных связей с сомнительными (по его мнению) людьми, которые я завел. Он великодушно промолчал насчет всего этого в присутствии матери.

На одно у отца не хватило сил – он слишком быстро отвел глаза. Впрочем, и я только мельком взглянул на него, чтобы дальше начать разглядывать обувь в прихожей. В душе я прекрасно понимал насколько он прав по-своему. И моя правда, которая все-таки была у меня за душой, выглядела слишком бледно и сложно по сравнению с его простыми и логичными аргументами. Нам так много надо было сказать друг другу. Но начать разговор всерьез, ни один из нас не оказался готов.

- Там тебя дожидаются, - кивнул отец на закрытую дверь моей комнаты. Он еще раз мельком посмотрел мне в глаза и сразу отвернулся.

- Кто ждет? – не понял я.

- Там, - неопределенно махнул отец и заспешил на кухню, как ни в чем не бывало. Словно я вернулся домой, отлучившись на четверть часа в булочную, а не пропадал невесть где, несколько недель.

Я сделал шаг вперед и застыл. На диване в моей комнате сидела Маша Старкова. Ее темные волосы были скромно убраны назад. Она сидела как-то неловко, на самом краешке, поджав ноги пятками к ножке тахты. И первый взгляд, который она бросила на меня снизу вверх, был неуверенным и стеснительным.

- Как ты меня нашла? – невольно вырвалось у меня.

Она встала и сделала шаг навстречу.

- А я прописку подсмотрела в твоём паспорте, пока вы у меня жили, - шепотом выдохнула Старкова. – Видишь, какая я бессовестная?..

Она рассматривала меня всего, с головы до ног, как будто видела в первый раз. И по-моему, если бы не обстановка дома моих родителей, Маша сию же минуту повисла бы у меня на шее. А так она только стояла в шаге от меня и смотрела ненасытно, как будто старалась съест глазами.

- Ну, что молчишь? Не рад, что я приехала? – поежилась она.

А что я мог сказать? Я был ужасно рад увидеть ее тут в Питере. Выходило, что я, вроде бы не думая о ней в Одессе, все-таки умудрился соскучиться. Но если бы она только знала – насколько не вовремя и не к месту она приехала! Старкова смотрела на меня в упор.

- Сергей, подойди ко мне! – позвал отец.

И я воспользовался этим, чтобы выйти из комнаты. Мне нужна была хоть какая-то короткая пауза.

Отец держал в руках телефонную трубку. Но первой на меня набросилась мать.

- Сережа, кто эта женщина? – забормотала она тревожным шепотом. – Она приехала час назад, спросила тебя. Мы предложили подождать, но мы же должны знать, что это за личность из Москвы? И что тебя с ней связывает? И вообще она явно старше тебя...

- Я звоню своему однокласснику, помнишь, я говорил? – не обращая внимания на мать, спросил отец, кивнув на телефон.

И я понял, что он снова говорит о своем однокласснике из КГБ. Видимо, отец все обдумал, и понимая, что я запутался, видит в этом спасительный выход из положения.

Но я все равно замаялся.

- Ты должен туда сходить, - сделав особый акцент на слове «должен». Как бы подчеркивая наш молчаливый уговор. Он ничего не говорит матери про украденные мной деньги и вообще забудет про них. Но в этом я обязан выполнить его волю. – Главное, ему ты можешь без опаски рассказать о любых своих проблемах. Это друг... - добавил отец, набирая номер.

Впрочем, обойтись без встречи с отцовским одноклассником из КГБ, в любом случае, было невозможно. Нам требовалась защита, какая-то сила, чтобы избавиться от Беса. А то, что уголовник не оставит в покое ни меня, ни Алешу Козырного – было ясно. А уж если мы сделаем свою запись и начнем

распространять – тогда до очередной неравной стычки отсчет пойдет на часы. И как я мог сбежать на Север, где буду в относительной безопасности, зная, что Алеша снова угодит в рабство, если не произойдет чего похуже? Конечно, оставшимся в Гатчине Алеше и Витьке, я ни слова не скажу об этой встрече. Знать им о таких моих делах было незачем.

- Совсем никакого влияния на сына не имеешь! – вполголоса обрушила мать на отца накопившийся гнев. – Может быть, это наша будущая родственница там за стенкой в комнате?.. А мы о ней ничего не знаем, где он ее подцепил! - выпалила мать, которую бесила моя сегодняшняя сдержанность.

Не дозвонившись с первого раза, отец снова крутил диск телефона, набирая номер. Я забеспокоился. Старкова стояла там, в соседней комнате, где я ее оставил, и не знала чего ждать. Для нее это, наверное, было ужасно неловко. Я уже собирался вернуться в комнату, сказать, что мне надо только поговорить по телефону, а дальше все будет нормально. Я даже уже сделал шаг к дверям, но в этот момент отец дозвонился в КГБ.

- Але! Саша? Привет, дорогой! Это Климов... - затараторил он каким-то изменившимся, нарочито бодрым голосом. – Слушай, помнишь, ты говорил, что если какие проблемы – можно к тебе обратиться. Так вот есть один серьезный разговор...

Если бы я не прислушивался, наверное, прозевал бы, как тихо стукнула входная дверь. Я понял, что Старкова решила сбежать, и ринулся следом. В подъезде, где-то внизу раздавались дробью шаги, быстро сбегающие вниз по лестнице. Потом хлопнула дверь подъезда. И тут я испугался, что если она уйдет – это навсегда и чуть не кубарем помчался вниз. Я настиг ее только под аркой, на выходе из двора. Она рыдала в голос, ссутулившись, а заметив меня, метнулась убежать. Мне пришлось схватить ее за плечи, силой удерживая, развернуть к себе лицом.

- Дура! Господи, какая дура!.. Идиотка ненормальная! – захлебывалась слезами Старкова, отпихивая меня.

Изо всех сил прижимая ее к груди, я держал так, пока рыдания передергивали ее ссутулившиеся плечи. Потом осторожно поднял ее лицо, взяв его обеими руками. Насколько, все-таки моментально у женщин от слез распухают веки и губы! И я поцеловал ее в эти мокрые, распухшие, солоноватые губы, и лихорадочно бормотал первую попавшуюся ерунду – лишь бы только Маша успокоилась.

- Я просто не ждал, что ты появишься. Удивился очень, - шептал я ей на ухо. – А дела у нас такие, что караул! Все пытаюсь как-то вывернуться, а только хуже и хуже! Я все тебе расскажу, когда успокоишься...

- Я спокойна! – возразила Маша, проглатывая последние всхлипы. – Не смотри на меня такую! – огрызнулась она и полезла в сумочку за зеркальцем.

Я отвернулся, но в этот момент под арку вбежал всклокоченный отец. Он догнал меня, как был дома - в заношенной рубашке и шлепанцах – слишком торопился. В руке он протягивал листок бумаги, вырванный из

ученической тетради. Пожилая соседка по подъезду, как раз проходившая через арку по своим делам бросила на нас укоризненный взгляд.

- Вот! 317-й кабинет. Александр Николаевич Соколов, – переводя дух после энергичной пробежки, пояснил отец. – Он ждет. Сказал, что выпишет пропуск на твою фамилию. Чем скорее ты там окажешься и поговоришь с ним – тем лучше. Учти, это мой очень хороший друг. Я ему полностью доверяю. И тебе советую тоже доверять ему... - тут отец обратил внимание, что стоит посреди улицы в домашних трико с вытянутыми коленями и смутился.

- Я вечером приду и все расскажу, как прошло, - пообещал я. И не успел поблагодарить его, потому что папа быстро пошел назад, только кивнув мне на ходу. Я всей душой хотел еще зайти вечером, и насколько это можно - успокоить родителей.

- Куда это? – спросила Маша, кивнув на бумажку с цифрами «317».

И я решил, что расскажу ей по дороге столько, сколько успею.

Мы уже неделю жили на квартире у Витька в Гатчине. Квартира, доставшаяся Витьку от деда-блокадника, была небольшой и располагалась в трехэтажном доме старой постройки.

В маленькой квартирке отваливающаяся штукатурка, треснувшие рамы и текущие краны были просто ерундой по сравнению с тем, во что превратил помещение сам Зяблик. Он захламлял жилище всяким радиоэлектронным и прочим мусором с угрожающей скоростью. Здесь валялись корпуса от старых телевизоров, неработающие старинные ламповые радиоприемники и радиолы, порванные теннисные ракетки, мотки проводов разного сечения, остатки этажерок и тумбочек, и даже лыжи. Витек все тащил домой в надежде, что когда-нибудь его осенит идея – как это приспособить. И теперь все пространство его единственной комнаты было завалено подобным хламом примерно на метр в высоту!

Среди этого бурелома Витек протоптал одинокую дорожку из прихожей до своего продавленного дивана. И по этой тропке вышагивал туда и обратно, в процессе изобретения новых электронных схем или сочинения стихов. Мусора он просто не замечал.

Именно так он и бродил взад и вперед, когда мы с Алешей нагрянули к нему. Гениальный Витек несколько не удивился. И даже не спросил надолго ли мы, и что собираемся есть. Он моментально просиял, схватил меня за локоть и потащил в самую гущу радиоэлектронных джунглей.

- Вот! – с гордостью представил он.

На табуретке возвышалась груда каких-то деталей, плат и микросхем в определенном сочетании. Рядом остывал пропахший канифолью паяльник.

- Система динамического подмагничивания! – с восторгом хвастался Витька. – Осталось пару плат скоммутировать, и корпус подходящий найти. И все! Диапазон звучания до 25 тысяч герц!

Спорить с фанатиком всегда бесполезно и небезопасно. К тому же я верил Витьке. Я много раз убеждался, что когда он говорит о технике – всегда оказывается прав. А нам его изобретение было донельзя кстати.

- Так ты, правда, Еву сюда привозил? – еще поинтересовался я тогда.

- Правда! – просиял Витька. – Ты не представляешь, как она тонко чувствует стихи! Я прочитал ей половину своей толстой тетради, она ни разу не перебила! Говорит у меня талант. И еще просила песню для нее сочинить, представляешь! Так я теперь просто разрываюсь, стоит за паяльник взяться – стихи в голову лезут. Начну стихи писать – в тетрадке сами электрические схемы начинаю рисовать машинально! Она невероятная!

Значит, Ева Томашевская давала Витьке на этом самом замызганном диване, не взирая на кучу грязной посуды, сваленной в раковину на кухне? Мне невозможно было представить, чем Витьке удастся заманивать в эту жуткую конуру такую избалованную особу? Но и в этом вопросе, зная кристальную правдивость своего чудаковатого друга, не приходилось сомневаться. «Выходит, что-то ей нужно», - подумал я тогда, но ума хватило ничего не говорить вслух. Над странным поведением Томашевской стоило поразмыслить тщательнее. Хотя, в конце концов, должна же была найтись в этой стране хоть одна красивая баба, способная оценить моего друга по достоинству? А уж дурочкой Ева как раз не была...

Но об этом я бы не стал рассказывать Старковой, даже если бы успевал. А мы уже все равно стояли перед зданием КГБ на Литейном. Вот уж никогда не думал, что по доброй воле приду сюда. Оставалось только открыть двери «Большого дома», но решиться на это было не просто.

- Ладно, ты подожди меня где-нибудь здесь на лавочке или в кафе, - попросил я, озираясь в поисках удобного места. – Я не знаю, сколько разговор продлится – надеюсь не долго...

- Хочешь, минет для храбрости? – лукаво поинтересовалась Старкова.

- Что? – сначала не понял я и даже смутился от того, что не понял. – Прямо здесь? – развел я руками, перед стенами КГБ, показывая, что еще не разучился шутить. – Ладно, я пошел.

Заходя в двери, я чувствовал, как Старкова смотрит мне в спину. И еще мелькнула шуточная мысль, что если меня вдруг арестуют, и я не выйду из «Большого дома» через пару часов как положено – есть кому сообщить родным, что попался. Впрочем, никаких неприятностей со мной здесь произойти не могло. Все-таки я шел к однокласснику моего отца, к тому же на беседу, а не на допрос. Можно сказать - «в КГБ по благу», пытался я мысленно шутить, подавая паспорт в окошечко бюро пропусков.

Проходя мимо дежурного офицера, придиричиво сличившего фотографию в моем паспорте с тем лицом, которое он видел перед собой, я решил держаться как можно более уверенно и независимо. Коридор, выложенный бесконечной елочкой желтого паркета, привел меня к двери, на которой крупными цифрами значилось «317».

Гбист, сидевший в просторном кабинете, окнами во двор, взглянул на меня коротко, и только потом расплылся в улыбке. Среднего роста с обычной «молодежной» стрижкой из советской парикмахерской, в обычном сером пиджаке (в отличие от кителя парня, стоявшего на вахте). Глаза не черные и не голубые, а какие-то серые. Выглядел он не то, чтобы невнятно, а как-то

слишком обыденно. Так, что даже описать точно внешность этого майора Соколова было не просто. Ничем не выделяющийся средний мужчина, которых тысячи на ленинградских улицах.

- Очень ты Сережа на своего папу похож! – заявил мне он, приглашая сесть напротив. – Ну, вылитый Климцов старший двадцать лет назад! – и он снова улыбнулся. Но при этом как-то довольно холодно смерил меня глазами. – Ну, рассказывай, - предложил он.

И я максимально коротко изложил, как мне казалось довольно внятную версию. Что в Ленинграде сейчас находится уголовник Бес. Что он опасен, угрожал многим людям. И что про многие его преступления я, наверное, даже не знаю. Но было бы очень здорово избавить город от этого подонка. Ведь, как в том известном фильме говорится «вор должен сидеть в тюрьме». И может ли Александр Николаевич как-то повлиять? Ведь говорят, что КГБ может все. Или хотя бы что-нибудь посоветовать?

Пока я говорил, гбист расхаживал по кабинету. Когда я замолчал, он еще выдержал небольшую паузу, потом сел напротив, посмотрел мне прямо в глаза. При этом взгляд у него сделался такой, как будто недавние его же улыбки были совершенно непростительной ошибкой.

- Очень хорошо, что ты сам пришел, Сережа, – сказал Соколов вкрадливо. – Потому что даже не догадываешься - в какую плохую историю попал. Ты сейчас стоишь буквально в шаге от того, чтобы навсегда искалечить собственную жизнь. И жизнь своей семьи, кстати... - прибавил он со значением.

То, что у меня все плохо я знал. Но он явно клонил куда-то.

- Ты уже давно находишься в нашем поле зрения, - пояснил он. – И мы не принимали серьезных мер, только потому, что надеялись – ты не безнадежный отщепенец, а наш, советский человек, только по молодости оступившийся. Сейчас я кое-кого вызову, а ты пока посмотри вот этот документ...

Одной рукой Соколов нажал кнопку, находившуюся у него под столешницей, другой подал мне лист бумаги, исписанный неразборчивым почерком. И терпеливо замолчал, давая мне время самому разобрать кривые каракули. Сначала я понял только главное слово «заявление» крупно выведенное в середине листа. Потом в тексте идентифицировал свою фамилию и слово «магнитофон».

Дверь кабинета открылась. Заглянул сотрудник в форме.

- Разрешите ввести? – спросил он.

Соколов кивнул.

Дверь открылась, и зашел тот самый Асланбек, которому я в июне за тысячу рублей толкнул магнитофон: инженерный шедевр Витьки Зяблицкого с лейблами «Sony». Только в этот раз Асланбек был скверно выбрит, и на нем не было характерной огромной кепки «аэродрома».

- Садитесь Хаджиев, - велел следователь.

Аслан, молча сел напротив меня, даже не взглянув.

- Подтверждаете, что Сергей Климов продал вам поддельный магнитофон за тысячу рублей? – спросил гбист.

- Подтверждаю, - с сильно выраженным акцентом проговорил кавказец.

- Вот видите, Сергей, - официально переходя «на вы» кивнул следователь. – То, что вам казалось невинной шалостью, на самом деле является серьезным уголовно наказуемым деянием. Статья «мошенничество». И тянет в зависимости от обстоятельств лет на семь-восемь общего режима, - со вздохом констатировал друг моего отца.

Он снова нажал кнопку и когда в дверях показался дежурный. Соколов подошел к нему, и начал отдавать какие-то распоряжения.

- Аслан, что ты делаешь! – быстро взмолился я через стол. – Магнитофон ведь отлично играл, не хуже японского. Ты «Boney M» слушал, разве плохо звучало?

Аслан кивнул головой, соглашаясь, что звучало хорошо.

- Никто не будет знать, что он не японский, только мы с тобой! Сейчас еще один аппарат на подходе, я его тебе бесплатно отдам, как компенсацию. Родственникам подаришь, - продолжал шепотом обрабатывать я. – Забери заявление, брат, очень тебя прошу!

- Сломался он... - пробормотал Аслан.

- Я же тебе говорил, сломается - сразу мне неси! – перебил я, все еще не теряя надежды. - Пожизненную гарантию даю!

Кавказец, наконец, поднял взгляд прямо на меня.

- Он сломался. Мастеру понес. Тот крышка снял, а внутри магнитофона даже окурки сигаретные кто-то набросал, вах! – гневные желваки заходили на его скулах. – Ты не просто меня обманул, Сергей! Ты неуважение проявил...

Проклятая Витькина небрежность – понял я. Увлекаясь работой, он имел привычку, тут же и «бычок» погасить или забыть россыпь лишних деталей, или отвертку, закрывая корпус своего изделия. Витька был доморощенный гений, но он никогда не был «фирмой». И за это мне теперь светил реальный срок.

- Хаджиев на выход! – наконец скомандовал дежурный.

Аслан поднялся и неспешно пошел вон, машинально сложив руки в замок за спиной.

- Ну вот, Сергей, теперь ты видишь, какое счастье, что заявление попало мне в руки, а не кому-нибудь? - Соколов моментально вернувшись к прежнему покровительственно-доверительному тону. Только мне уже не хотелось играть с ним в заговорщиков. – С гражданином Хаджиевым мы разберемся. За ним своих грехов хватает. И заявлению я, конечно, постараюсь ходу не дать. Только ты сам должен нам помочь...

Я уже ждал – когда он произнесет эту фразу, и вот она прозвучала. Я даже уже догадывался, что захочет от меня КГБ. И как мне только взбрело в голову самому явиться сюда? На что рассчитывал? Каким дураком был! Я просто молчал, уже понимая, какой выбор сейчас мне будет предложен.

- Скажу тебе откровенно – ты очень вовремя пришел, - продолжил развивать наступление чекист. – Потому что наверху принято решение покончить с этим рассадником антисоветчины, который развели в Ленинграде коллекционеры всех этих сомнительных певцов. Записывающих песни, проповедующие воровские понятия и безнравственность нэпманов, давно уже пылящуюся на свалке истории. А вокруг этого пышно расцветает подпольное предпринимательство и откровенная спекуляция и другой криминал. И даже на Западе уже обратили на это внимание. Не даром, вражеские голоса из-за бугра ухватились за это направление. Недавно «Голос Америки» транслировал откровения твоего знакомого – Алеши Козырного. Из его уст звучала махровая клевета на советский строй...

Я смотрел перед собой на стол. На чертово заявление лежавшее здесь же. В голове у меня не было ни одной мысли. Только лютая тоска и жалость к самому себе. И как же только меня занесло сюда! Какое было бы счастье, открутить время назад на час. Когда еще не был сделан этот роковой шаг. Я мысленно представил себе, как говорю отцу – «нет, не звони» - и он кладет трубку. И я не иду сюда вместе со Старковой. И не захожу в двери, которые я открыл полчаса назад. Если бы только можно было открутить время вспять.

- Так, что Сережа, мы очень рассчитываем на твою помощь, - повторил майор. – Нам важно знать, что происходит внутри этой шайки дельцов подпольной звукозаписи, и все, что связано с наиболее разнузданным исполнителем этих с позволения сказать песен – Алексеем Козыревым. Нам важно иметь информацию о каждом их шаге. Знать все их связи, все закоулки этой вражеской паутины. Вот тебе бумага, ручка.

- Зачем? - поинтересовался я, принимая стопку белой бумаги и обыкновенную шариковую ученическую ручку за 35 копеек.

- Напишешь заявление о согласии сотрудничать с органами, - пояснил Соколов. Пафоса в его интонациях поубавилось. Гэбист почувствовал, что завербовать меня так легко, как ему сначала показалось – не получится. – Можешь на мое имя писать, - продолжал обработку Соколов.

Я посмотрел на белый лист бумаги, оказавшийся прямо передо мной. Вот, как оказывается, это начинается.

- А как же Бес? – спросил я, отложив ручку рядом с бумагой.

- А что Бес? – пожал плечами Соколов. – Вор-рецидивист. Анатолий Бессмертных, в криминальной среде известен, под прозвищами «Бес» или «Перо». Разберемся и с этим уголовником. Как только справимся с песенным подпольем. Дай только срок, и его очередь настанет...

В этот раз он не проконтролировал свою интонацию. В ней сквозило такое равнодушие, что было ясно – этот и пальцем не шевельнет, чтобы нейтрализовать опасного бандита. Ведь его задание – разгром рынка подпольной звукозаписи. Ну и послал меня папа к другу!

- Я не буду стучать на Алешу Козырного, - отказался я, отодвигая бумагу.

В кабинете повисло молчание. Майор Соколов, видимо, прикидывал, какие аргументы предъявить для меня, чтобы намеченная вербовка не сорвалась. Он колебался: надавить сильнее или подождать?

- Я не смогу положить под сукно заявление Хаджиева, если не буду иметь на руках вашего заявления, - вздохнул Соколов, отставив сантименты. – Просто не имею права. Поэтому у вас нет выбора. Или в тюрьму на несколько лет, или помогать своей стране...

- Вместо того, чтобы настоящих бандитов ловить, вы за обычными людьми охотитесь, - я прервал повисшее молчание. – Что плохого, если кто-то поет, а кто-то это записывает? Людям нравится. Это такое творчество... И вообще, Александр Николаевич, знал бы мой отец, когда к вам отправлял – что вы тут меня тюрьмой стращать будете, чтобы я друзей своих закладывал...

Никогда еще у меня не было так паршиво на душе. Казалось бы, еще совсем недавно все было плохо: долги, Бес. Но, оказывается, все это было мелкими неприятностями по сравнению с тем, что вышло, как только я по глупости сунулся за помощью в КГБ. У меня не было ни малейших иллюзий. Этот чекист мог воспользоваться заявлением Асланбека прямо сейчас и даже не выпустить меня из этого здания.

- Насчет моей совести, не тебе переживать. Молод еще! - поднял глаза Соколов, которого, все-таки зацепило мое последнее замечание, косвенно обвинявшее его в предательстве. – И не понимаешь слишком многого. Страна медленно катится к катастрофе. Все идеалы утрачены. Махровая коррупция пронизывает все структуры, включая партию. Подпольный капитализм растет как на дрожжах. Молодежь готова родину предавать за американские джинсы. Мы – чекисты – остались последним заслоном, который этому противостоит. И если мы не остановим это скатывание Союза в пропасть – этого никто не остановит. Мы – последняя страховка – спасательный круг, чтобы стране не пойти ко дну... Три-пять лет – и все посыплется...

Он даже покраснел от напряжения. И, похоже, впервые с момента встречи говорил искренно.

- Пока такие как ты думают, как бы повеселее время провести, и деньжонок срубить по легкому и много, неважно каким способом, нам – офицерам – приходится думать, как страну защитить. Вот в чем разница между нами. Усек? И, уверен, твой отец меня поймет... Не сразу, но поймет.

Я не очень вслушивался в его слова, представляя себе Старкову, которая сидит где-то в окрестностях на лавочке. Если меня сейчас заберут, сколько она там будет ждать? Наверное, досидит до позднего вечера. Сначала решит, что я ее, таким образом, бросил? Впрочем, какая там Старкова! Сейчас этот тип нажмет свою кнопку и вызовет конвой. Я внутренне сжался и едва не завыл от тоски.

- Ладно, дам тебе неделю подумать, - вздохнул, наконец, майор Соколов. – Чтобы принять правильное решение... Ради дружбы с твоим

отцом. А не примешь – не взыщи. В следующий раз придешь прямо с вещами...

Он быстрым росчерком подписал мой пропуск и протянул мне через стол, давая понять, что разговор закончен. Я помню, что даже не почувствовал радости от того, что мне вот сейчас дают уйти. Помню ощущение, что ловушка все равно захлопнулась и идти мне некуда.

Гбист, видимо, тоже раскаивался, что позволил себе несколько искренних фраз, на секунду раскрывшись передо мной. Поэтому, когда я уже вставал, на ватных ногах, он, как бы невзначай, бросил вслед:

- А для твоих так называемых друзей не будет иметь никакого значения - подписал ты здесь что-то или не подписал. Стоит им узнать о самом факте твоего посещения нашего здания – и они тебя моментально запишут в «стукачи». Стоит только им намекнуть об этом, - со значением подчеркнул он.

И почему-то именно сама интонация вдруг напомнила мне другую его неброскую фразу. «Разберемся и с этим уголовником. Как только справимся с песенным подпольем. И его очередь настанет». Может быть в этом отгадка - почему они его не трогают? Неужели, Бес тоже играет для них какую-то роль, он тоже маленькое звено большой операции?

- А Бес такую бумагу вам подписал? – спросил я, обернувшись. – Поэтому вы его трогать не хотите до поры до времени?..

- А вот это уже не твое дело, - отрезал Соколов. – И напоминаю, все, о чем мы сегодня говорили в этом кабинете – не разглашается. В твоих же интересах, - добавил он уже с неприкрытой угрозой.

Когда я шел обратно по коридору, паркетный пол расплывался у меня в глазах. Коленки подло дрожали. Как недавно в Одессе на мокрой крыше. Но только выхода теперь я не видел. Впереди маячила тюрьма или предательство.

Но и это оказался еще не последний сюрприз в здании КГБ. Я уже сдал пропуск и прошел вахту, когда нос к носу столкнулся с мясистым Василичем. Он стоял у окошка в вестибюле бюро пропусков. Вид у подпольного продюсера был перепуганный и донельзя озабоченный.

- Сережа! – вылупил глаза, при виде меня, Василич.

Прятаться от него было поздно. «Стоит так называемым друзьям узнать, что ты был у нас – и тебя запишут в «стукачи», - только что брошенная фраза немедленно воплощалась в жизнь. Кгбшнику даже не будет нужды сообщать или намекать Алеше обо мне. Василич без всяких намеков раззвонить по всему Питеру.

- И тебя Сережа вызвали? – забормотал Василич, вплотную приблизившись ко мне с бумажкой пропуска в толстых пальцах. – Это ужас какой-то! Мне говорят – вышел тайный приказ – сажать всех коллекционеров, кто блатные песни записывал, представляешь?! Тюрьмой грозят! И за что? За песенное творчество?.. И тебя, значит, тоже таскать начали! Тебя-то за что?..

Я неопределенно пожал плечами.

- Сережа, ты только никому не говори, что меня здесь видел. Ладно? – вполголоса забормотал Василич, с опаской посматривая на дежурного офицера, который, стоя на вахте, изредка поглядывал на нас. – Я тебя очень прошу! Договорились? – щеки его жалобно тряслись.

Я снова кивнул. Василич уже сделал шаг по направлению к вахте, но все-таки отпрянул назад и опять схватил меня за рукав. Его нерешительность на этом пороге была мне теперь очень даже понятна.

- Сережа, а что ты в Питере делаешь? Я слышал, вы с Алешей сейчас в Гатчине у твоего друга обитаете?

- Пленку магнитофонную приехал купить, - я сказал правду от неожиданности. Это был шок! Оказывается, даже Василич великолепно осведомлен о нашем тайном убежище.

- Пленку ты сейчас в Питере не купишь, - назидательно заявил подпольный продюсер. – Ты приезжай ко мне завтра, выделю из своих неприкосновенных запасов пятисотметровку «BASF»... Я ведь не враг, поверь, очень хорошо всегда к тебе относился, - его дряблые щеки дрогнули, словно растрогавшийся продюсер готов пустить слезу. Он как-то резко постарел за эти недели.

- Откуда вы узнали про Гатчину? – спросил я настороженно.

- Так Евка Томашевская, стерва, все знает. Ей же твой приятель каждый день по два раза названивает утром и вечером. Это любовь! Клянусь – истинная любовь... Я одного боюсь – Бес очень интересовался, где вы с Алешей свой альбом писать собрались. Я-то молчу, как партизан! – он даже мелко перекрестился. – А за Евку не ручаюсь. У нее какие-то шашни с Бесом. Как бы она вас не выдала. Не со зла я имею в виду, а по женской глупости... Он ведь вас ищет!

24.

Я пулей вылетел из дверей дома на Литейном. Меня душило бешенство. Недавней вялости и жалости к себе – как не бывало. Я мог бы сейчас порвать кого-нибудь. Буквально зубами порвать. За всю человеческую подлость и глупость, которая свалилась на меня в последние часы.

Навстречу бежала Старкова. Он простояла неподалеку от дверей все эти два часа – время, которое я не успел даже заметить.

- Я уже беспокоиться начала! Почему так долго? – спрашивала она, заглядывая в лицо и прижимаясь ко мне.

На улице начало темнеть. Все-таки октябрь – не июнь. С Невы дул злобный ветер, он носился вдоль каналов, стиснутый в узкие каменные ложбины старинных улиц и метался, сырым холодом между старинных зданий.

- Пошли отсюда! – скомандовал я Старковой. – Скорее на вокзал! Хотя нет, - сообразил я. – Сначала надо позвонить кое-кому, предупредить и сказать пару ласковых!

В ближайшем почтовом отделении cabina междугородного телефона на удивление оказалась не занята. Я заказал разговор с Гатчиной и мы со Старковой втиснулись в кабинку вдвоем.

- Гатчину разговор заказывали? – гнусаво поинтересовалась в трубке телефонистка. – Соединяю!

К телефону подошел сам Витька. И по тому бодрому тону, как он сказал: «Але!» – было ясно, что настроение у него прекрасное. Как будто родил очередной дурацкий стих для своей возлюбленной пассии. Стоило мне услышать его счастливый тон, как я сорвался.

- Сука ты! Гандон конченный! – заорал я в трубку вместо приветствия. Старкова даже опешила и признавалась потом, что у нее заложило уши в тесном пенальчике телефонной кабинки.

- Привет, я тоже рад тебя слышать! – находчиво ответил Зяблик. Он еще не понял причин моей ярости, и видимо, предполагал, что это такая шутка в начале разговора.

- Ты меня под тюрьму подвел, придурок! – сказал я уже тише, но таким тоном, чтобы ни намек на шутку не звучало, а все было ясно с первых же слов. – Аслан, которому я магнитофон впарил, заявление написал. Теперь мне семь лет ломится. Потому что ты, козел, окурки в магнитофоны бросаешь! Он бы иначе забрал заявление, а так считает, что мы его унизили. Ты понял? И еще! Какого хера, ты выболтал все про наши планы этой своей мочалке Еве?! Знаешь, кому она твои слова тут же в уши поет?

- Ты это! – собрался на другом конце телефонного провода Витька. – Ты про меня можешь, что угодно говорить, а про Еву – не смей!

Его голос дрогнул тонкой возмущенной ноткой. И это меня взбесило совершенно. Как, он еще смеет чем-то возмущаться!

- Цена твоей шлюшонке – трюльник! – опять заорал я. – Она под кого угодно ляжет, если ей надо. И со мной она трахалась, и толстый Василич ее драл, и с Бесом сейчас долбится! Это Бес ее послал, чтобы за нами приглядывала! А ты думал, что она тебя за стихи твои идиотские полюбила? Так что ли думаешь? Так это идиотом надо быть. И баба ты настоящая, раз языком так треплешь...

Я в ярости даже пнул ногой стенку кабины. Фанерное сооружение заходило ходуном. Несколько человек, стоявшие в очереди посылать свои бандероли, с осуждением повернули головы в нашу сторону. А оператор-телефонистка прикрикнула:

- Эй, там! Не хулиганить! А то сейчас отключу! Полторы минуты у вас осталось...

Я немного успокоился. Витька на том конце провода тяжело дышал.

- Дошло наконец-то? Чего ради, она к тебе в постель прыгнула, и с кем на пару ты в очередь оказался? – заявил я, чувствуя, что сбросил первый заряд злости.

- Ты врешь! – упавшим голосом сопротивлялся Зяблик. – Это ты из ревности!

- Да, какая там ревность, - вздохнул я. – Короче, этот Бес нас ищет. И он теперь знает, где Алеша прячется. От Евы. Так что вы там особо не высовывайтесь. И двери никому не открывайте. И все, что надо соберите. Я, прямо сейчас еду к вам – немедленно меняем место. У тебя стало опасно. И куда нам ехать – ума не приложу. Видишь, какое дерьмо случилось только из-за твоего паршивого длинного языка! И стихи у тебя – дерьмо, кончай с этой глупостью, - зачем-то добавил я.

Зяблик, видимо, совсем онемел. Я представил, как он стоит посреди заваленной радиоэлектронным хламом комнаты, придерживая рукой провод старого телефона, с треснутым диском, перехваченным лейкопластырем.

- А что ты говоришь про тот магнитофон, я не понял? - наконец спросил он.

- Ты когда его паял «бычок» там по небрежности оставил – в мастерской потом нашли. И этот хачик разозлился и заявление на меня написал. И теперь мне срок обещан. Вот так ты мне удружил! Если, конечно ты друг, а не специально подставить меня собирался, - от воспоминания о свалившемся несчастье на меня накатила новая волна холодной злости. Хотя и сам понимал, что перебарщиваю. Впрочем, я привык, что Витька, с третьего класса школы, всегда был готов стерпеть от меня и не такое. Конечно, когда я наезжал по делу. А сейчас он был кругом виноват.

- Ева только полчаса назад звонила, тобой интересовалась, спрашивала, когда и как ты обратно поедешь, - убито признался начавший прозревать Витька.

- И ты сказал?!.. – опешил я. — Ну, с такими друзьями мне врагов не надо. Ладно, ждите меня и осторожнее там! – велел я. И, повесил трубку, не прощаясь.

Когда мы вывалились из душевой кабины, присутствовавшие на почте люди, смотрели на нас во все глаза. Я пожалел, что кричал так громко, наверное, они все слышали. Но исправить уже ничего было нельзя. Теперь главное было срочно добраться на вокзал, пока еще можно успеть на электричку.

- Тебе пообещали, что посадят, там - в конторе? – спросила вполголоса Старкова, когда мы втиснулись в переполненный автобус, направлявшийся к вокзалу.

Я кивнул. И она прижалась еще крепче, хотя, казалось бы, в набитом телами автобусе и так невозможно быть ближе к женщине.

Маша все-таки удивительно умела понимать. Потому что всю дорогу простояла тихо, как мышка. Не говоря ни слова, только прижимаясь ко мне животом. И изредка «кляня» носом мне в шею – когда нас толкали выходившие на остановках или прорывавшиеся в салон пассажиры.

И только за сто метров до вокзала она потормошила меня, чтобы сказать:

- Смотри, новый радиомагазин открыли!

Действительно, яркими огнями светила вывеска магазина «Электрон», которого раньше я здесь не видел.

В первом же зале этого нового магазина на полке стояли в несколько рядов коробочки с магнитофонной лентой. Причем эти ряды таяли на глазах. Покупатели расхватывали пленку, кто по пять, а кто и по десять бобин. Коробочки были какие-то новые, незнакомые, но это была презренная казанская «Тасма».

- Покупай скорее, пока не разобрали! – подтолкнула меня Старкова.

Но мало того, что это была никудышная «Тасма», так еще и коробочки оказались маленькие. Видимо, по 375 метров – на полчаса записи, целиком концерт на такую не войдет – что я и объяснял Старковой, стоя перед прилавком.

- Зря вы так считаете молодой человек! – возразил отпускаявший пленку продавец. – Это особо тонкая пленка повышенной чувствительности – новая разработка. Потому на небольшую бобину входит уже не триста, а пятьсот метров! Современный технический прогресс дошел и до Казани! – пошутил жизнерадостный продавец. - Так что берите, пока народ не прочухал и все не расхватал...

- Вот, единственное, в чем хоть немного повезло, - пожаловался я Старковой, показывая купленную бобину. - Съездил в Питер, называется!

- И все? А я? – лукаво сощурилась Маша. – Ой! Ты же к родителям обещал вечером зайти рассказать, - вспомнила она.

Но я понимал, что не смогу рассказывать отцу, как меня вербовал и шантажировал друг, которому он так опрометчиво верил. Это станет настоящей пыткой. И как бы я не старался уговаривать себя, что отец не виноват – все равно будет казаться, что он меня подставил. И раз обстоятельства не позволяют мне вернуться сегодня домой – выходило к лучшему.

- Я знаю, как поднять тебе настроение! – решила Старкова. – Пойдем, я сделаю тебе подарок. Хочу купить тебе новую рубашку.

- На электричку не успеем. Она уже вот-вот, - возразил я.

- А мы быстро! Прямо тут и возьмем, у фарцовщиков рядом с вокзалом, - Старкова смотрела умоляющими глазами. – Доставь мне такое удовольствие. Я давно хотела одеть тебя в какую-нибудь красивую вещь, и самой прижаться рядом. И чтобы бабы вокруг завидовали и шипели: «Присосалась к парню»...

Я усмехнулся, представив эту картину. А Старкова, не говоря ни слова, потянула меня на площадь перед Витебским вокзалом.

На привокзальной площади, в густеющих сумерках, еще маячило несколько припозднившихся фарцовщиков. Умело показывающих тайную, деловую озабоченность, но к вечеру уже ссутулившихся и замерзших. В отличие от шикарных королей Невского проспекта это были третьесортные спекулянты, впаривавшие подделки под «фирму», пользуясь неразборчивостью провинциалов. Поток которых, выплескивался с вокзала на улицы Ленинграда.

- Чем интересуетесь? – мгновенно вычислил в нас потенциальных покупателей самый шустрый из этих парней в джинсовой куртке с меховой оторочкой.

И пока Старкова объясняла про рубашку, к нам, словно молчаливые привидения, приблизились и остальные спекулянты, прислушиваясь вполуха к разговору.

- Что так долго сегодня стоите? – спросил я, подавая зажигалку тому из них, который никак не мог прикурить сигарету из яркой фирменной пачки.

- Надо «крыше» деньги отдать. А они не едут, разборки какие-то... Бардак, короче, как повсюду в стране, - ухмыльнулся фарцовщик замерзшими губами.

- А я никому платить не собираюсь, - пробурчал второй, тщедушный. – На той неделе я все отдал. А то, что у них что-то меняется – это их, бандитские дела... меня это не касается.

- Ну-ну, - с сомнением кивнул второй. – Там говорят, какие-то отморозки появились. Нашим обычным бандитам пасть порвали...

- Завтра будут отличные польские рубашки, хлопок-вискоза, - пообещал Старковой фарцовщик, с которым она пыталась торговаться. – А сегодня могу предложить отличные джинсы «Монтана» за двести... Коттон сто процентов...

- У меня только сотня, - вздохнула Маша.

- Электропоезд до станции Гатчина отправляется с третьего рамочного пути! – дважды объявил диктор по громкоговорителю.

Я, красноречиво кивнул в сторону электричек, глядя на Машу.

- Купите Высоцкого? «Парижский концерт», уникальный альбом! – цепляясь за последний шанс, предложил замерзший фарцовщик. – За сотню отдам...

- Ух, ты! – Загорелась Старкова. – Хоть в руках подержать! Никогда не видела – такая редкость...

- Отойдем в сторонку, - торопился позвать обрадованный спекулянт.

Мы отошли к небольшому бордюрику поближе к платформам вокзала. Парень воровато огляделся налево и направо, и достал из большой сумки грампластинку в неновом картонном футляре.

- Так он уже запиленный, твой диск... - разочарованно оценила Старкова, вынув пластинку из конверта. – И называется не «Парижский», а «Натянутый канат»...

- Ладно, за девяносто отдам! – сделал скидку фарцовщик. – Смотри, тут и «Банька по белому», и «На большом каретном»!.. А такой же «нулевой» диск ты нигде не найдешь, дешевле четырехсот...

Маша взялась отсчитывать купюры.

- Игорь, беги! – раздался вопль у нас за спиной.

Прямо на нас во все лопатки убежал тщедушный фарцовщик, который грозился не платить бандитам. Куртка его развеялась на ветру, а сзади моталась заброшенная за спину холщовая сумка. За ним гнались двое. И это были не милиционеры.

- Ой, дурак-то! – простонал наш спекулянт, глядя, как догоняют его коллегу.

Я понял, что пока мы рассматривали пластинку, «крыша» все-таки приехала собирать дань на новых условиях. Поэтому отвел глаза от безнадежной для жертвы погони в сторону площади – туда, где мы только что общались с фарцовщиками. Те из них, кто оставался на месте, сгрудились около черной «Волги». Видимо, в машине и сидел новый бандит, с которым они теперь должны рассчитываться за право торговать здесь из-под полы.

Фарцовщики немного расступились, давая возможность хозяину машины увидеть результаты погони. И я, словно в замедленной съемке увидел, как с заднего сиденья «Волги», в шикарном длинном кожаном плаще, словно только что купленном где-то по невероятному благу, встает Бес.

Это выглядело, как сбывающийся ночной кошмар. Весь день в моем подсознании сидело – лишь бы не нарваться! И вот, за считанные минуты до отъезда, в таком месте, где я вообще не должен был оказаться, Бес выходил из машины. Медленно разворачиваясь в нашу сторону.

Бандит оценил, как его подручные скрутили несчастного спекулянта, и введут на разборку. И перевел взгляд в нашу сторону. Еще секунду он осознавал – что видит. Потому что для него увидеть меня на расстоянии какой-то сотни метров тоже стало полной неожиданностью. Но я не стал дожидаться, когда он все поймет.

- Бежим! – я схватил Старкову за руку и потащил, что есть силы.

Нам удалось немного оторваться, потому что в первый момент подручные Беса держали провинившегося фарцовщика, а сам бандит не поспевал в длинном кожаном плаще. Но оглянувшись, я увидел, как бросившись в погоню, они быстро наверстывают упущенное.

Мы тоже бежали что есть мочи, к третьему рамочному пути, расталкивая скопившихся на платформе людей. Прямо перед нами стояла электричка с табличкой «Гатчина», и я с каждым шагом молился, чтобы только двери не закрылись перед нашим носом.

Я на ходу успел рвануть за ручку тележку носильщика, попавшую навстречу. Тележка перегородила платформу, люди недовольно заголосили. Но Бес перемахнул через тележку, прыгая прямо по багажу.

Он уже настигал нас, когда у самых дверей электрички, Маша выронила только что купленную пластинку Высоцкого. Черный виниловый диск вылетел из конверта и по траектории дуги покатился по платформе. Разогнавшийся Бес не смог увернуться, наступил на него и заскользил ногой, не в силах удержать равновесие. По инерции, он пролетел мимо дверей электрички, в которые мы успели заскочить, упал на колени, тут же поднялся. Но именно этой секундной заминки хватило, чтобы нас спасти.

Поезд тронулся. Двери захлопнулись перед самым носом Беса. Он даже ударил кулаком в стекло – но не разбил, а только ушиб костяшки пальцев. Тогда он попытался разбить стекло иначе – ударив в него согнутым локтем, в кожаном рукаве. Если бы поезд остановился – он разбил бы стекло

и достал нас. Но электричка уже набирала скорость, и его последний удар прошел вскользь.

А я, наблюдая бессильную ярость своего врага, ощутил, наверное, что-то вроде торжества. Я снова вытащил из кармана украденный в Одессе нож, и показал в окно. Держал нож двумя пальцами за колечко в рукоятке, и покачивал, демонстрируя Бесу, отстающему от нас на ленинградском перроне.

- Зачем тебе это? Зачем ты его дразнил?! – спросила Старкова, в ужасе глядя на мои манипуляции с ножом.

Если бы я знал, действительно – зачем? Мне нечего было ответить.

- Какой ты безрассудный мальчишка! – простонала Старкова.

Мы ввалились в вагон, плюхнулись на желтые деревянные сиденья и еще какое-то время просто старались отдышаться. В поздней электричке до Гатчины пассажиров сидело немного. В нашем, последнем вагоне человек десять или двенадцать расположились парами на сиденьях. К зиме поток дачников в пригородных электричках иссякает, и нет необходимости тесниться.

- Может лучше выйти на следующей станции? – спросила Старкова. – Он за нами не погонится?

На глазах ее были слезы. Все-таки Маша сильно испугалась. Но в трудный момент не подавала виду. А сейчас, когда опасность осталась позади, страх навалился на нее всей своей мощью. Старкова тихо смахнула пару слезинок. Руки ее дрожали.

- Это было бы уже слишком. Он же не батька Махно, а обычный уголовник, и сейчас не гражданская война. Ну, какие у простого бандита могут быть средства, чтобы догнать электропоезд, который уже далеко ушел? – привел я доводы, не очень убедившие меня самого. – К тому же нам надо в Гатчину успеть как можно быстрее. Там Алеша и Витька, и они еще толком не понимают опасности. А значит, нет времени на пересадки, - и это был главный аргумент.

Маша крепче прижалась к моему плечу. Еще какое-то время я чувствовал ее дрожь. Мы расслабились только минут через сорок. Когда электричка проехала полпути и успела отсчитать добрый десяток остановок. А мы успели согреться. Старкова даже задремала, положив голову мне на плечо. А у меня первое чувство избавления от опасности понемногу прошло и уступило место беспокойству.

Снова все рушилось. Еще вчера у меня имелось твердое убеждение, что Зяблик закончит свой магнитофон и все у нас наконец-то получится. Я уже прикидывал самый минимумом инструментов для будущей записи акустического альбома. Стоило мне начать рассуждать вслух, как Витька завопил, что у него в соседнем доме знакомый - отличный аккордеонист. Правда, пьющий. Его звали Жорка-инвалид. И, будучи в ударе, этот Жорка-аккордеонист играл виртуозно.

- Ты только послушай – аккордеон! – толкнул я тогда в бок Алешу, напоминая про его мечту. – Все как ты хотел - складывается одно к одному!

Алеша с Витькой за пару дней как-то моментально и накрепко сдружились. Два разноплановых гения сразу нашли общий язык. Алеша все подкалывал Витьку шуточками. А тот счастливо улыбался.

Я вспомнил, каких жестоких вещей только что наговорил Зяблику по телефону, и мне стало не по себе. Нельзя было так жестко с другом. Он, конечно, чудак и сильно подвел. Но все же, по доброте душевной...

Я заставил себя отбросить эти мысли. Когда будем все в безопасности, я поговорю с ним, чтобы не обижался. А пока нет возможностей для сантиментов. Снова начинается бегство. Я чуть не застонал от одной этой мысли.

К тому же меня беспокоило, что Алеша с Витькой не только подружились. Они еще начали вместе выпивать. Вчера Алеша выпросил у Витьки денег, и сбегал за бутылкой. И к вечеру оба были навеселе. Из-за этого Витька не закончил вчера магнитофон. Но тогда я смотрел на это сквозь пальцы. Витька пообещал, что все доделает сегодня, пока я езжу в Питер. Вот только утром, когда я уезжал, они весело перемигивались с Алешей. И спорили, насчет традиции подогревать пиво зимой. Она существует только в пивных ларьках Ленинграда и его окрестностей, или так принято везде по стране?

И сейчас мне стало тревожно – не напились ли они там снова, воспользовавшись моим отсутствием? И доделал ли Витька аппарат, как обещал? А ведь, после того, как я наорал на него, у Зяблика наверняка затрястились руки. И если он не спаял магнитофон с утра, как собирался, а отложил дело на вечер, то после моей отповеди... Черт! Все придется забирать с собой и быстро. А если магнитофон до сих пор представляет собой грудку разрозненных деталей? Это катастрофа.

25.

- Смотри, какая странная машина! – перебила мои мысли Старкова, пристально вглядываясь в темноту за окном электрички. – Мчится, как на пожар...

Я посмотрел в окно, куда она указывала. На этом участке железнодорожные пути шли параллельно автомагистрали и очень близко. Так, что было хорошо видно, как на плохо освещенном шоссе черная «Волга» пытается обойти огромный грузовик – фуру на которой перевозят грузы водители-дальнобойщики. «Волга» виляла на бешеной скорости. И даже в вагоне было приглушенно слышно, что она при этом еще и яростно сигналиит.

- Не только сам нарушает, а еще требует, чтобы пропустили! Точно, какой-то псих, - посмотрела мне в глаза Маша. – Хорошо, что дорога пустая.

Тем временем, подозрительная «Волга» резким маневром обогнала грузовик и умчалась вперед. До Гатчины оставалось всего несколько остановок. И мне захотелось, чтобы эти остановки проскочили, как можно быстрее. Но тут электричка вдруг оглушительно засвистела отчаянным сигналом и начала резко тормозить. Немногих оставшихся в вагоне пассажиров бросило вперед. Так, что те, кто ехал лицом по направлению движения невольно плюхнулись на передние скамейки.

У всех хором вырвался один и тот же возглас:

- Это что такое?!

А тормозные колодки уже с противным скрипом прижались к стальным колесам вагонов. Поезд экстренно тормозил.

Я бросился вперед по останавливающемуся вагону.

- Что такое? – спросил я мужчину, пытающегося выглянуть подальше, высовывая голову в окно.

- На переезде остановились, - ответил тот. – Ни черта отсюда не видно. Но там впереди переезд. Может что-то случилось?

- Это ведь не из-за нас? – испуганно схватила меня за локоть Старкова.

- Не знаю, - ответил я, уже не будучи, ни в чем уверен.

- Уважаемые пассажиры, сохраняйте спокойствие, - объявил по вагону громкоговоритель. – На переезде ДТП. Как только уберут машину – поедем дальше...

Поезд окончательно остановился. Я еще надеялся, что это не Бес, а просто какое-то совпадение. Но уже стало страшно. Если это бандиты - они помнят, как мы заскочили в последний вагон и первым делом сунутся суда. И я решил пробраться ближе к середине поезда. Схватил Машу за руку и потащил в тамбур.

- Я говорила – надо было сойти! – выпалила мне Старкова.

Вместо ответа я только открывал одну за другой неудобные двери.

- Что говорят? – первым делом спросила Маша у пассажиров следующего вагона.

- Да ничего не говорят, - пожалла плечами тетка с большой корзиной. – Прервалось что-то. Машинист только начал говорить, потом сразу – раз – и замолк... То ли контролеры по поезду идут?

Но в этот момент снаружи раздался громкий стук металла.

- Ага, нашла контролеров! – весело завопил один из пассажиров. – Смотри! Какие-то ребята дверь последнего вагона выламывают! Фомкой – ломиком воровским! Во дают!

Люди, находившиеся в вагоне, мгновенно бросились к окнам, а я потянул Старкову вперед. Без оглядки мы пробежали два или три вагона.

- Надо что-то делать. Сейчас упремся в первый вагон. А нас там или ждут, или настигнут те, кто сзади... - остановился я.

- Ты думаешь, они уже внутри поезда? – спросила Маша.

Я кивнул.

- У тебя хватит сил раздвинуть двери?

Я поднатужился, но дверь была тугая, и я только скользнул по ней пальцами, ломая ногти.

- Но я же видела, бывает пацаны даже на ходу двери открывают! Как-то же они это делают? - трясла меня за плечо Старкова. – Надо что-то просунуть между половинками, какой-то рычаг. У тебя же есть нож!

Действительно, я запаниковал и совсем забыл о ноже. Достать его и раскрыть было секундным делом. Лезвие ловко вошло между половинками дверей. Я загнал его глубже и попытался повернуть. Но лезвие «бабочки» было слишком узким, и двери отодвинулись друг от друга всего на пару миллиметров. Ухватиться было невозможно.

- Сейчас я губную помаду подсуну! – сориентировалась Старкова, - Только чуть пошире открой!

Я надавил на нож, как на рычаг. Лезвие не выдержало и звонко сломалось. Но Маша уже успела подсунуть тюбик губной помады в сантиметровую щель. У меня в руке осталась тонкая и квадратная металлическая рукоятка ножа. Теперь уже можно было орудовать рукояткой. Я еще раз надавил изо всех сил. Двери подались. Я уже просунул между ними ладонь, а Старкова внизу – носок сапога.

- Выскакиваем мигом, и сразу прячемся между вагонами, чтобы из окна не заметили! – скомандовал я, и последним усилием распахнул двери.

Мы спрыгнули вниз, на шуршащие пучки сухого придорожного бурьяна. На наше счастье шел октябрь. Снега еще не было, и свет из окон электрички не отражался от темной земли, а как бы прилипал к ней желтыми пятнами. Прячась ближе к вагону, я все-таки успел коротко разглядеть, что пути на переезде загородила та самая черная «Волга». Поэтому она так мчалась по дороге – чтобы опередить нашу электричку и встать поперек путей.

Устроить такую штуку мог только настоящий псих.

- Мне страшно! – прошептала Старкова. – Нас тут заметят.

- Лезем под вагон! – скомандовал я.

И, как оказалось, очень вовремя. Стоило нам только юркнуть вниз – на шпалы, как сбоку раздалась шага и голоса.

- Быстрее валить отсюда надо. Зря ты это затеял, – зло проговорил один и плюнул. - Они где-то раньше соскочили, век свободы не видать!

Его плевков шлепнулся на рельс прямо перед моим лицом.

- А фрайеров в вагоне спросил – они их видели? Парня с бабой? По настоящему спроси, перо к глотке, и порежь слегка, чтобы кровь увидели. Тогда махом расколется! – скомандовал второй.

Этот голос я узнал мгновенно.

- Уходить надо! – попросил первый. – С переезда уже всяко ментам отзвонились.

- Че ты ссышь, как потерпевший? Успеем, - решил Бес. – Никуда от нас не денутся. Уйти им отсюда некуда – голые поля...

Было слышно, как закрылись двери электрички.

- Надо по шоссе бежать! – одними губами прошептал я на ухо Маше. – Может, попутку остановим. Сейчас под вагонами еще немного вперед, а там - сразу в темноту!

Мы проползли немного вперед. То и дело стучаясь головами о какие-то металлические части и перемазавшись в грязи и мазуте.

Дальше осторожничать уже не было смысла. Я выкатился из-под вагона и вытянул за собой Машу. Чтобы попасть на шоссе нам предстояло перебежать поворот дороги рядом с «Волгой» заблокировавшей переезд. Если в машине остался водитель, пока мы подбирались ближе - от его глаз нас укрывала электричка. Но дальше все равно предстояло перебежать открытое место. Требовалось прошмыгнуть сзади, за машиной, пока бандиты еще ищут нас в электричке. Только скрытно и очень быстро.

Небольшого освещенного фонарем пятачка шагах в пятидесяти позади «Волги» было уже не миновать. Я предупредил Машу, чтобы она пригнулась и не оглядывалась, а только смотрела себе под ноги. Бежать придется что есть духу. Но сам я не выдержал и в последний момент все-таки оглянулся. Успел увидеть только, что никто не стоит рядом с машиной и не смотрит в нашу сторону, а в темном окне «Волги» на заднем сиденье, угадывался женский силуэт и вроде бы – огонек сигареты. А может и померещилось?

Но еще раз оглядываться было нельзя. Мы мчались, прочь от захваченной электрички. Думая только о том, чтобы смотреть под ноги, не упасть самому и не дать споткнуться Маше Старковой. Еще и согнувшись в три погибели.

- Думаешь, не заметили? – спросила Старкова, хватая ртом воздух и распахивая куртку на груди, как только мы добежали до темного шоссе.

Я тоже совершенно задохнулся. А надо было бежать дальше.

- Даже если не заметили, они еще сколько-то побегают по электричке, и поймут, что нас упустили, вернуться в машину и погонятся снова. У нас один шанс - поймать попутку...

- Так ночь уже почти, шоссе пустое, - упавшим голосом сообщила Старкова то, что я и так видел.

Но мы все равно побежали дальше по темной дороге. Теперь уже не пригибаясь. Сзади замаячили фары.

- Они?! – испуганно вскрикнула Маша.

Но это были какие-то очень мощные фары. Они били вперед «дальним светом». Нас догонял автобус или грузовик. Мы остановились у обочины, отчаянно размахивая руками.

Машина с оглушительным ревом пронеслась мимо. Это был здоровенный грузовик длинномер. Он промчался так быстро, что мы даже не успели ничего подумать. И вот уже только красные огоньки его задних габаритов, да вихрь попутного ветра.

- Мы все в грязи перемазались, как бродяжки, - упавшим голосом сказала Маша. – Таких никто подбирать не захочет.

- В следующий раз надо дорогу перегораживать, - решил я.

Мы снова остались вдвоем в темной, внезапно вернувшейся тишине.

- Прислушайся?.. По-моему он остановился там, впереди?

В голосе Старковой слышались слезы. Я не стал ее разочаровывать, что ничего такого не слышу. Все равно ничего не оставалось, кроме как бежать дальше вперед. Пусть ее поддерживает какая-то надежда.

Но метров через сто, Маша опять сказала.

- Точно, вон, видишь, что-то впереди? Может это грузовик остановился, нас поджидает? Проскочил быстро, на скорости. А потом решил нас все-таки взять и дожидается?..

Я толком не видел – что там впереди. Но надежда была такой заманчивой, что снова появились силы бежать.

Скоро впереди у обочины действительно замаячил какой-то свет. Еще дальше я различил грузовик. За ним второй, третий. Сразу несколько длинномеров сгрудились на обочине.

Это оказалась маленькая придорожная закусочная, специально для водителей дальнорейсовиков. И несколько экипажей грузовиков, видимо, остановились здесь вместе на ночлег. Пара шоферов покуривала перед своими машинами, которые стояли с заглушенными моторами. Только один грузовик, который недавно промчался мимо нас, не выключил фары.

- Помогите, пожалуйста! – ринулась к водителям Старкова. – За нами гонятся бандиты. Увезите нас, пожалуйста!

- Куда же тебе ехать, красавица? – поинтересовался тот из водил, что был покрупнее.

При этом он не прекращал степенно курить, критически оглядывая нашу перемазанную грязью одежду. Даже здешняя дворняга, подъедающаяся возле кафешки, заливалась на нас сиплым лаем.

- Быстрее, до Гатчины, это недалеко, там мы спрячемся! – умоляла Маша.

Но меня что-то уже насторожило, то ли в интонациях, то ли в повадках этих мужиков.

- В Гатчину? Недалеко, говоришь? Это можно, - вдруг ослабилась второй, щербатый и постарше. – Тут на дороге, наверное, работаешь? Захотела от хозяев сбежать с новым дружком? А что платишь, красавица?

Маша принялась энергично обшаривать свои карманы. У меня денег с собой практически не осталось.

- Это ты брось! Убери свою мелочь, - велел щербатый. – По-другому сторгуемся. Давай по-быстрому сладим? Можно прямо втроем. Пять минут и все счастливы?

- Как это? – глухо спросила Старкова.

- Как-как... У напарника моего в рот возьмешь, а я сзади тебя приласкаю? Девочка маленькая, что ли? Мы уже неделю в рейсе, стосковались по бабской ласке...

Я честно скажу, растерялся. Секунду назад еще казалось, что бандиты там, сзади, за спиной. А все остальные вокруг – хорошие люди. А тут нарвались на такую сволочь.

- Смущаешься, что ли? – все тем же подло-сочувствующим тоном продолжил щербатый. – Нечего стесняться. Хахаль твой молодой войдет в наше положение. Подождет в сторонке на обочине. Пять минут и вы в Гатчине?

Здоровяк недобро хохотнул. Ему явно была по душе игра, затеянная старшим приятелем.

- Я тебе, сука, войду в положение, - сказал я.

- А че ты сделаешь? – моментально отреагировал щербатый.

Сделать я действительно не мог ничего. Ввязаться с ними в драку, которая закончится сразу, как только подоспеют бандиты? К тому же, если я сейчас брошусь на этих шоферов, они уже к этому готовы. И мой номер с нырком и апперкотом вряд ли пройдет. А дальше в дело вступят привычные им монтировки... Мне оставалось только молчать и глотать свое бессильное бешенство.

- Не хотите – как хотите! – пожал плечами щербатый. – Видать, не так уж вам надо ехать...

И они продолжили спокойно курить, как ни в чем не бывало. Вдали, со стороны переезда снова показался свет фар. И даже издали было ясно, что теперь это легковой автомобиль.

Старкова быстро повернулась ко мне и вполголоса сообщила:

- Я могу сделать это для тебя. Все равно, если не соглашусь, нас здесь догонят и убьют... Свиньи, поганые!

- Я тебе соглашусь! – зло прошипел я.

А фары надвигались. Я уже различал машину – это была «Волга». Маша вся сжалась и посмотрела на меня умоляющими глазами.

Я слишком поздно разглядел зеленый огонек над фарами, и не успел среагировать, а машина уже пронеслась мимо. Это тоже была «Волга», только салатного цвета, с шашечками на двери и зеленым огоньком – свободное такси!

- Такси! Откуда оно здесь взялось, – простонала Маша. – Мы должны были его поймать!

- Тю-тю ваше такси! Только его и видели, – ехидно констатировал здоровяк. – Ладно, надумаете – скажете.

И оба водилы побрели к дверцам своих кабин. Только местная шавка, чуя нашу слабость, не прекращала брехать.

- Пойдем через поля, наудачу, – предложил я. – Шины им, что ли пробить на прощание? – подумал я вслух, доставая из кармана обломок бесовского ножа.

- Это кому ты собрался шины проколоть?! – грозно поинтересовался третий дальнорейсовик. Приземистый крепыш в короткой кожаной куртке, только что подошел из придорожного кафе с бумажным кульком, свернутым из газеты. От кулька исходил запах горячих беляшей, такой прекрасный в холодной ночи. Собачонка сразу принялась скулить и подпрыгивать возле его ног.

- Вон те твари хуже бандитов, которые за нами гонятся, - сказала Старкова, мотнув головой в сторону замерших грузовиков.

- Не понял? – остановился рядом с нами крепыш.

В двух словах я объяснил, почему нам надо немедленно уехать, и что предложили Маше только что ушедшие шофера.

Крепыш с беляшами неодобрительно крякнул и велел:

- Садись в кабину!

И словно забыв про нас, он направился к грузовику, тому самому, который обгонял на шоссе. Эта машина единственная стояла с не заглушенным мотором. Все еще не веря в удачу, я посадил Машу наверх – в кабину, и забрался сам.

- В семье не без урода, а люди обо всех шоферах думать плохо начнут, - ворчливо пробормотал наш шофер, убирая мешок с беляшами в бардачок. – Потом съем, после Гатчины на ночевку остановлюсь, - пояснил он.

- А сколько ехать? – спросил я, неистово желая как можно быстрее убираться отсюда.

- Километров десять. Дорога пустая, минут за семь домчимся...

- Не успеем, - простонала Старкова. – Бандиты нас быстрее догонят. Еще и вы пострадаете ни за что! Их бы задержать как-то!..

- Уже сделано, - недобро улыбнулся я в ответ на непонимающий взгляд Старковой.

Я успел незаметно подбросить бесовский нож прямо на широкий бампер грузовика щербатого любителя группового секса. На этом видном месте его поблескивающую металлическую ручку бандиты обязательно заметят. И я жалел только об одном - что не смогу посмотреть, как они обойдутся с этой гнидой, когда вытащат его из кабины. Потому что, сдастся мне, вопросы они начнут задавать позже. Пока разберутся – минут пять точно потратят. И по сравнению с тем, что было еще несколько минут назад – сейчас наши шансы выглядели по-королевски.

Наш крепыш-водитель, энергично накручивая баранку, поглядывал на спидометр. Оценив реальную опасность, он не собирался сбрасывать скорость. И гнал, как на ралли Париж-Дакар.

- Что ты головой качаешь? – спросила Старкова, не спуская с меня счастливых глаз.

- Да вспомнил Алешины слова. Что некоторые вещи всегда возвращаются к хозяевам, - объяснил я. – Никогда бы не подумал, что этот нож вернется к Бесу! И каким странным образом – спасая нас...

- Не боишься? – вздохнула Старкова.

- Он все равно сломан, - ответил я. – Как змея без яда...

В захолустном дворе богом забытой Гатчины светил одинокий фонарь.

- Мне страшно заходить во двор, вдруг они там? – призналась Старкова.

- Давай подождем, надо перевести дух и оглядеться, - согласился я.

Полчаса назад, мы выскочили из грузовика на окраине города. В благодарность спасшему нас водителю мы только могли попросить его уезжать быстрее и не останавливаться нигде поблизости.

Добираться до Витькиного дома я решил закоулками, соблюдая максимум осторожности. Я больше не надеялся, что после того, как мы оторвались от погони, опасность сошла на нет. Психованный Бес сейчас на таком взводе, что будет рыскать по улицам Гатчины хоть всю ночь, лишь бы настигнуть упущенную добычу. Фары и рев мотора догоняющей черной «Волги» животным страхом уже сидели у меня в подсознании. Поэтому мы пробирались самыми темными уголками ночного, малознакомого города, и не заплутали только каким-то чудом.

Но чем ближе мы приближались к Витькиному двору, тем сильнее меня мучил другой страх. Мысленно все время я прокручивал в голове ту мгновенную картинку, которая врезалась в память, когда мы бежали мимо переезда. Женский силуэт на заднем сиденье «Волги». Я изо всех сил надеялся, что просто почудилось. И это не Ева Томашевская, которая знает адрес Витькиной квартиры. Но все равно, сейчас, когда мы стояли перед двором Витькиного дома, заходить было страшно. После того, как Бес умудрился остановить электропоезд, подставив под локомотив собственную машину никаких иллюзий, что он отступится, не осталось и в помине. Чтобы хоть немного соблюсти осторожность, я все-таки решил зайти в обход - через соседний переулок, и проходной подъезд.

В переулке было так темно, что пришлось ступать наугад. Ориентируясь только на пятна света, которые отбрасывали на землю зашторенные окна квартир на первых этажах. Там, где были только тюлевые прозрачные шторы, блики получались желтые и яркие. В других окнах шторы были из плотного кумача, и свет оказывался тусклым и красным, как в специальных каптерках у фотографов.

В проходном подъезде, двери которого мы с трудом нащупали, света не было вовсе. Бредя впотьмах, мы преодолели несколько ступенек, сначала вверх, потом вниз. Я осторожно приоткрыл дверь во двор, чтобы не скрипнула. Старкова ждала у меня за спиной, сдерживая дыхание.

- Идем? – спросила она шепотом. – Двор пустой?

- Погоди, шум какой-то, - прислушался я.

Шум мотора мерещился мне неоднократно, пока мы пробирались по городу. Я надеялся, что снова почудилось. Но это был шум подъезжающей машины. И в ту же секунду, бок черной «Волги» промелькнул буквально в метре от двери нашего подъезда.

- Та самая! – отшатнулся я, в темноте затылком наподдав в лицо Маше.

- У-xxx! – прошипела Старкова, схватившись за ушибленное место.

- Это Бес! – узнал я. - Прямо к нам идет!

Хлопнув дверью «Волги», Бес и пара его «шестерок» сразу уверенно направились в сторону нашего проходного подъезда. «Это все!» - успела мелькнуть у меня мысль.

- Не тот подъезд! – окликнул бандита из машины женский голос. Бес развернулся и направился к тому подъезду, где нас должны были дожидаться Витька Зяблицкий и Алеша.

И я поймал себя на мгновенном подлом счастье, как будто бы нож сейчас пролетел мимо моей шеи.

- Успели бы выйти из подъезда, и каюк, - тихо выдохнула Старкова. - Там же Алеша! Они сейчас к нему пойдут! – спохватилась она.

- Может, догадаются двери не открывать? – предположил я.

- Господи! Надо же что-то делать! Нельзя вот так стоять! – Взмолилась Маша. – Надо милицию вызвать!

Я понимал, что вызов милиции навсегда срывал нашу запись, которая после стольких безнадежных попыток, наконец, могла состояться. И для милиции это будет повод дать ход моему делу с поддельным магнитофоном. Но другого выхода не было. Я слишком хорошо знал повадки своего чудаковатого друга. Зяблик с Алешей ждали нас, значит, могут открыть не спросив.

- Вызывай! – велел я. - В квартиры стучись – может у кого-то есть домашние телефоны?

Маша немедленно принялась звонить и стучать в квартиру на первом этаже.

- Откройте! Надо вызвать милицию! У вас есть телефон? – кричала она.

- Ага, так прямо и открыл! – раздался из-за двери недоверчивый голос. – Может вас там целая банда приготовилась!

- У нас товарища убивают! – умоляла Старкова.

- Не надо мне никаких ваших товарищей! – отозвался сварливый голос.

- Сволочи! – не выдержала Старкова.

- Вот теперь точно милицию вызову! Еще и оскорбляют! – принялся возмущаться задетый за живое хозяин квартиры. Он явно успел перепугаться и дверь не откроет.

- Стучись в другие квартиры, этажом выше, - велел я.

Старкова умчалась выше, и принялась молотить в двери и объясняться с хозяевами следующей квартиры на втором этаже.

На улице одна за другой хлопнули дверцы автомобиля. Я выглянул во двор. Взревел мотор и черная «Волга» уехала, выдав фонтан грязи из-под колес. Я не ждал, что бандиты отвалят так быстро.

Цепенея от нехорошего предчувствия, я бегом преодолел двор, и лестничные пролеты Витькиного подъезда. Дверь в квартиру стояла незапертой. Я еще успел подумать, что входить надо осторожнее – вдруг не все подручные Беса ушли? В квартире действительно мог остаться кто-то из бандитов.

Поэтому я с оглядкой сделал шаг в прихожую и позвал:

- Витек?! Ты здесь?

Никто не отозвался. Однако, показалось, как будто в комнате что-то шумнуло. Словно рассыпалась детская пирамидка из кубиков.

И тут я увидел кровь. На обоях в прихожей была смазана кровь. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять - здесь кто-то вытер о стенку окровавленную ладонь. Не в силах поверить в страшное, я ринулся в комнату. И сразу увидел источник недавнего шума.

Витька лежал в том небольшом пространстве, которое оставалось свободным на полу, между диваном и горой технического хлама. У него судорожно дрыгалась нога, попинывая носком коробку с радиодетальями, и они погромыхивали. Мой друг лежал на боку, завалившись лицом вниз. Алеши нигде не было.

Я бросился к Витьку, и повернул его. Зяблик зажимал рукой шею, и кровь пузырилась у него между пальцами. Он силился что-то сказать, но только всхлипнул и закатил глаза.

- Витя, держись! – заорал я в ужасе от одной только мысли, что мой лучший друг вот так, прямо сейчас может умереть у меня на глазах. Я даже не думал об ужасе потери. А просто панически боялся, самого мига смерти. Что сейчас, руками, поддерживающими Витьку, я почувствую его агонию.

- Двери не закрыл... - виновато пробормотал Витька и задергался от боли.

Я посмотрел вниз и понял, почему лужа крови из-под Витьки так быстро успела натечь под диван. Бок, на котором он лежал, тоже был располосован. И когда я попытался повернуть друга на спину - наткнулся на нож, валявшийся под ним. Это был тот самый нож-бабочка со сломанным лезвием. И я понял, почему Зяблик еще жив. Бес полоснул его этим коротким обломком, который не доставал до сердца. Оставив здесь, как визитную карточку тот самый проклятый нож, который я вернул бандиту, считая, что остроумно направляю погоню по ложному следу. Я в ужасе отшвырнул эту дрянь подальше за барахло – чтобы только не видеть.

Витька пришел в себя. Он жалобно переглотнул горлом, силясь еще что-то сказать. На лице его, вместо обычного глуповатого румянца, растекалась землисто-серая бледность. Но он узнал меня. И пробормотал.

- Я не отдал магнитофон!

- Что? – не понял я и почувствовал - кто-то еще один безмолвно стоит у меня за спиной.

Это был Алеша Козырный. Крови на нем не было видно. Он неотрывно глядел на Витьку и моргал глазами. На Алеше была распахнутая куртка – он только что вернулся с улицы.

– Может это просто рана? – умоляя о пощаде, спросил я Алешу.

Певец схватился обеими руками за голову, выронив авоську с бутылкой водки, которая со звоном разбилась и начала вытекать судорожными бульками, разводя на полу кровь нашего друга.

- Я только на минутку к таксистам выскочил, бутылку купить. Он за мной дверь не закрыл! Магнитофон паял – торопился... - в ужасе прошептал Алеша.

При слове магнитофон, Витька снова пошевелился.

- Не похож на магнитофон-то... На самом видном месте стоял. Без корпуса, по частям, - с трудом набирая силы для слов, не без злорадства выговорил умирающий. – Не догадались... Взбесились, - но тут Витьке стало, видимо, совсем больно. Он зажмурился и начал хватать ртом воздух.

В дверях квартиры показалась Старкова. Она беззвучно встала в дверном проеме, зажав рукой рот.

А Витька снова вернулся на мгновение.

- Возьми... - пробормотал он мне. – Там почти готово... Доделай...

Зяблик последний раз дернулся и умер.

И хотя я не был врачом, и впервые в жизни видел смерть так близко, я сразу понял, что мой друг мертв. И его уже не вернуть никакой реанимации, никогда. Эта жизнь только что закончилась. И еще я знал – что такого друга у меня больше никогда не появится. И как я мог не понимать этого всего несколько часов назад?

Я отпустил Витькино тело спиной на пол.

- Что теперь делать? «Скорую» вызвать, чтобы смерть зафиксировали? – я был совершенно растерян.

- Вам надо отсюда немедленно исчезнуть! – сказал Старкова. – Я милицию вызвала. Они приедут с минуты на минуту.

Она осталась единственной из нас, кто хоть что-то соображал.

- Забирай магнитофон, и уходим отсюда быстро! – велела она мне. – Витьке уже не помочь, а вас начнут трясти. В чем угодно обвинить могут...

Я понимал, что она права, но не мог сдвинуться с места. Алеша тоже сидел, глядя в одну точку, словно овощ-паралитик.

- Не по-человечьи, как-то уходить, - пробормотал Алеша. – Его же вместо меня убили. Со злости...

- А ты хочешь, чтобы Витя еще и бессмысленно погиб? – продолжала убеждать Старкова. – Он хотел, чтобы вы концерт записали. Потому магнитофон им не отдал. Не побоялся. Нельзя, чтобы все было зря...

Эти слова на меня подействовали. Через силу я поднялся, и осмотрел гору электронного хлама, заполнявшего Витькину комнату. Будучи дипломированным инженером-электриком, я просто обязан был вычислить, где же здесь валяется разобранный Витькин шедевр. Но это было не легко. Здесь громоздилось столько разобранной техники, что рябило в глазах. К тому же, все путалось в голове.

- Нас ведь начнут разыскивать? – спохватился я.

- А кто вас здесь видел? – возразила Старкова. – Милицию я бегала вызывать. А меня здесь вообще никто не знает. Ну, был им звонок женским голосом – на меня здесь указать некому. Я ведь знакома не была с вашим другом. А вас ведь тут не было! Кто докажет? Пусть бандитов ищут, а не сваливают вину на нормальных людей... Так хоть время выгадаете.

Времени действительно совсем не было. Во дворе каждый миг могла раздаться милицейская сирена.

- Скорее, каждая минута дорога! – торопила Старкова и умоляюще смотрела на меня.

Наконец я заметил несколько больших, уже сформированных блоков. Вот стоял блок питания, рядом – с моторами – блок лентопротяжки, фрагменты корпуса. А над основным усилителем Витька, похоже, недавно работал. Тут же лежали паяльник, канифоль...

Я схватил сумку, побросал туда разобранные блоки, которым еще только предстояло стать магнитофоном. Еще наскоро огляделся в квартире – не забыто ли что-то из наших вещей. Дверь мы не стали закрывать. Быстро спустились во двор. И воспользовавшись темнотой, которой в Гатчине всегда было в достатке, быстро проскользнули на улицу. Милицейской машины до сих пор не было слышно. И мы, быстрым шагом направились в сторону железнодорожной станции.

- Господи! Мы же ему глаза не закрыли! – спохватился на ходу Алеша.

Я остановился. Точно! Вот этого никто из нас не сделал.

- Нельзя возвращаться! Примета плохая, – непоколебимо запретила Старкова.

Мы успели пройти только пару кварталов, когда Алеша пошел медленно, пошатываясь. Мы не сразу заметили, что он отстает.

- Что-то плохо мне... - смущенно объяснил певец.

- До станции совсем недалеко, потерпи чуть-чуть, - попросил я.

Он закивал головой и постарался идти быстрее.

Мы прошли еще метров сто. Но тут Алеша метнулся к ближайшему забору и его вырвало.

В ночи мы стояли, поминутно ожидая звук милицейской сирены. А я непрерывно слышал внутри собственный голос: «Ты не только меня, ты всех нас предал и подставил! Из-за бабы! Мне стыдно, что у меня такой друг! Да ты и не друг, наверное. И стихи твои – бездарные!..» Как я кричал сегодня в трубку Витьке, стараясь отхлестать словами побольнее.

- Сейчас, все пройдет, - захлебываясь обещал певец. - Это я виноват. За мной они пришли! А я за водкой побежал, и дверь не запер! - разогнулся Алеша между спазмами рвоты, - Для меня этот нож был назначен!.. А Витек на себя принял. Словно я сам его убил...

Алеша ошибался. Я промолчал. Не было сил и времени разубедить его, за кем на самом деле гнался Бес и почему он был так взбешен. И кто почти своими руками подставил Витьку под его нож...

Я собрал все силы, чтобы хоть на секунду выкинуть из головы жестокие слова, которыми я безжалостно терзал друга сегодня по телефону, и которые теперь раздирали мою память. И еще я знал, что это в моей душе теперь навсегда – до конца жизни уже никогда не забыть и не простить себя за это.

Зажмурившись, я постарался не слышать ничего, кроме реальных звуков - как полоскало Алешу. Но только явственнее увидел, как Зяблик лежит сейчас там, в страшной, захламленной комнате. И его, не закрытые глаза, не моргая, остывают. А мои ладони все еще помнили судорожное подергивание умиравшего Витькиного тела. Этого ничем не искупить, сколько не пытайся.

- Ну и куда мы теперь? – спросил Алеша, вытирая рот.
Идти было некуда. Таких мест для нас больше не осталось.

27.

В доме Ёсифа Шмеерзона всегда было ужасно шумно. Квартира напоминала не то проходной двор, не то – блат-хату. К пьющему бывшему скрипачу постоянно кто-то заходил. Причем гости самого низкого пошиба. Сосед-алкоголик с пятого этажа, с опухшей рожей и погасшим бычком в углу рта, или дворник, провонявший какой-то кислятиной, придурковато лыбившийся беззубым ртом. Все эти типы, и еще бог знает сколько алкашей, из окрестностей винного отдела ближайшего гастронома, привыкли, что сюда можно завалить погреться, а еще лучше – выпить. Опускающийся на дно, искалеченный скрипач пускал в свою запущенную квартиру любого, кто готов налить полстакана портвейна, или просто так.

На второй день нашего пребывания здесь, Старкова начала бороться с этим явлением. Теперь она сама открывала дверь и выпроваживала частых отвратительных гостей, а хозяин дома – тощий длинный Ёсиф только маячил у нее за спиной, виновато пожимал плечами и звал «заходить на будущей неделе».

Эта квартира стала нашим логовом с тех пор, как мы окончательно перешли на нелегальное положение. Я надеялся – на день, на два. Чтобы закончить дело, начатое летом и казавшееся таким простым. За эту пару дней мы должны были сделать запись. Так, как сможем – другого раза у нас больше не будет.

Я сознавал, что дольше прятаться не имеет смысла. И, как только запись будет сделана, собирался выходить из подполья. После этого начнутся другие дела. От которых нельзя увильнуть. Да я и не собирался. Предстояло отдавать долги. Причем я уже знал, что все долги, которые успел наделать, отдать не получится - мне помешают. Но, что сумею отдать главный долг, прежде чем меня заберут, и начнется череда испытаний – я сильно надеялся.

И для этого уже пошел на определенный риск. Тайком от своих «подпольщиков», я встретился с Василичем на лавочке перед адмиралтейством. Фирменные «шуровские» микрофоны были последней деталью, необходимой для того, чтобы запись получилось качественной. Но, вызывая Василича, я не только за этим.

- Я так соболезную смерти твоего друга! – Василич даже попытался положить мне руку на плечо. Впрочем, благоразумно ее отдернул, видимо, оценив выражение моего лица. И как в этом городе все умудряются всё узнавать мгновенно?!

– Как бы я хотел навсегда развязаться с этим уголовником! Я его уже ненавижу! – вздохнул подпольный продюсер. – Кстати, Сергей, ты можешь быть уверен – про нашу сегодняшнюю встречу, он ничего от меня не услышит!

- А вот это как раз нужно сделать наоборот! – прервал я излишние подпольного продюсера. - Исполдволь, дай знать Бесу, что мы с Алешей все-таки записали альбом, который хотели. И пленка – первый оригинал - у меня. Проговорись как-нибудь небрежно. Можешь сказать, что я тебе звонил, сделку предлагал?.. А где я живу, и где записываемся – тебе не известно.

Продюсер оторопело посмотрел на меня.

- Так он же начнет сразу тебя искать? Он же убить может?

- Просто сделай это, - попросил я. - И тогда мы квиты. Я буду считать, что ты ни передо мной, ни перед Алешей ни в чем не виноват... Пусть Бес меня ищет. Я буду ждать, когда найдет.

Василич, еще летом самоуверенный пятидесятилетний бодряк, за последние недели осунулся и похудел. С минуту продюсер еще пожевал губами, прикидывая свою выгоду, и риски тоже. Получалось, что в случае удачи, я мог бы избавить его от Беса. Соображал он быстро, но вряд ли верил в меня. Впрочем, сам он в любом случае ничего не терял. На том и расстались.

Мы уже второй день безвылазно сидели в квартире Ёси. Я вспомнил оставшиеся от института инженерные навыки: паял и тестировал блоки, пытаюсь собрать магнитофон. Часть Витькиных схем осталась не завершена, и мне требовалось кропотливо разбираться - каким путем шла его гениальная техническая мысль.

Старкова тратила энергию на то, чтобы отмыть и отчистить заскорузлое помещение квартиры Ёсифа. И даже умудрилась оттереть ванную комнату.

И только Алеша уже вторые сутки без движения лежал на диване, глядя в потолок. Он ничего не ел. И что еще более удивительно – не пил. Говорил, что болит голова.

Миска с похлебкой, которую сварила ему в обед Старкова, так и стояла нетронутая на стуле, рядом с диваном, когда я вернулся после встречи с Василичем.

Алеша даже не взглянул, когда я развернул перед ним газетный сверток с фирменными микрофонами.

- Как ты, Алеша? – спросил я, присаживаясь в ногах.

- Голова что-то болит, - поморщился певец.

- У нас все готово, - сказал я. – Вот, микрофоны принес. Сейчас последние два провода припаяю и аппарат готов. Можно начинать.

- Так музыкантов нет, - не поворачивая, головы напомнил Алеша.

Я знал, что музыкантов нет. Их и не могло быть.

- Мы же сразу договаривались, что оркестра не хотим. Только несколько инструментов. Такое камерное исполнение...

- Акустический концерт, - пояснил из-за моего плеча Ёсиф. Он был слегка под хмельком и смотрел на жизнь гораздо веселее нас.

- Так нет же ничего, - отвернувшись к стенке, пробормотал Алеша. – А сам я на гитаре только три аккорда могу изобразить...

- Все у нас получится! – заявил Ёся. – Маша будет второй гитарой. Серега ритм отобьет, какой никакой. Вилкой по тарелочкам и стаканчикам. Еще дверью скрипеть будем в нужном месте – она у меня певучая. Ну и сам я подыграю маленько.

- У тебя же пальцев нет? – опешил я.

- Только на одной руке! – с энтузиазмом возразил Ёся. – Так что на скрипке я больше не игрун. Продать ее уже успел. Но подумай сам: раз нет одной руки, а еврейский музыкант есть – что требуется?.. Правильно – такой инструмент, чтобы одной рукой играть можно было!

Он с восторгом хлопнул себя по ляжке здоровой рукой и направился к шкафу, бормоча «сейчас, сейчас, я покажу». И принялся лихорадочно шарить в ободранном платяном шкафу. Перетряхнув все его тощее содержимое, Ёсиф нашел то, что нужно и вернулся с гордым видом победителя, в комнату, где валялся Алеша. В руке Ёсиф нес симпатичную губную гармошку.

- Понял!? – он продемонстрировал нам хромированные бока гармоники. – Извини, брат, аккордеона, как ты хотел не получается, зато музыкант-инвалид у вас группе играть таки будет! – хохмил Ёся. - Серега мне сейчас из проволоки соорудит на плечи такую держалку для этого инструмента, и я смогу в нее дудеть сколько хочешь. Не веришь? Ты Ёське Шмеерзону не веришь?

Бодрость и веселье культяпного скрипача никак не повлияли на Алешу.

- А соседи? – даже не пошевелившись, спросил он. – Как только начнем шуметь – сразу милицию вызовут.

Я все больше понимал, что он пытается любыми способами избежать необходимости петь.

- Соседи у меня привычные! – снисходительно заявил Ёсиф. – Мы с мужиками тут порой такие концерты закатываем, что хоть святых выноси. Они прошлый год еще возмущались, а нынче как-то притерпелись... И вообще, с каких это пор ты начал о соседях беспокоиться? А, Козырный? Ну, что с тобой?

- Как будто оборвалось что-то внутри, там, в Гатчине, - наконец признался Алеша. – Когда увидел, как этот пацан - Витек - лежит весь в крови... С тех пор все думаю – это же из-за меня! Если б я не выебывался, и продолжал петь, что на роду мне написано – всем было бы только лучше... А я позарился на то, что мне богом не отпущено, будь она проклята - эта запись!

- Брось! – опешил Ёся. – Ладно, Серега, ты иди магнитофон готовь. А мы тут вдвоем потолкуем. Я уже видел, как с артистами такой ступор случается. Знаю, как с этим справляться. Что-нибудь сейчас сделаем. Ты иди, не беспокойся...

В комнате Маша потихоньку перебирала струны гитары. Она наигрывала легкую какофонию, пробуя разные аккорды. Перехваченный резинкой хвост черных волос лежал на ее плече. Она старалась, даже легонько покусывая нижнюю губу. За несколько этих бешеных дней у меня не было времени даже толком полюбоваться на нее, не говоря уже о большем. И только теперь я с первого взгляда оценил, насколько привлекательна эта женщина, когда она так держит гитару, перебирая пальцами по черному грифу сильно, но с нежностью, вверх и вниз. Она заметила мой взгляд и улыбнулась в ответ.

- Ты осторожнее с паяльником! – предупредила Маша. – Все на меня смотришь – пальцы себе не сожги!

И так лукаво она при этом улыбнулась, что стало ясно – и она любит меня со стороны. Что-то странное творилось тогда. Никогда прежде со мной не случалось такого, чтобы просто сидеть друг напротив друга, поглядывая исподтишка - и от этого уже испытывать небывалое тонкое наслаждение. И, что самое ужасное - трахнуть женщину уже становится не главным. И как это понимать?

Но точно помню, как тогда ощутил неистовый прилив нежности, пополам с болью. Потому что я уже знал – вряд ли нам дано долго вот так смотреть друг на друга. И не отведет ли брезгливо взгляд Старкова, если узнает, как я из уличного автомата позвонил в КГБ, майору Соколову?

- Я подпишу все ваши бумаги, если дадите мне доказательства, что Бес – ваш стукач, - пообещал я ему.

- То есть вы согласны информировать нас о делах Алексея Козырева? – спросил он.

- Сделаю, что смогу, - выдавил я.

- Я тоже посмотрю, что можно сделать, - ответил Соколов. – Позвоните завтра.

Судороги тела агонизирующего Зяблика, все еще отдавались в моих ладонях. Как бы я ни пытался их забыть, или спрятать ладони в карманы, или сжать в кулаки. И я знал, что есть только один способ унять эту пытку.

Я готов был отдать любую цену, чтобы покончить с Бесом. Чтобы он сдох. Пусть даже цена будет тяжелой и грязной. Этого не избежать – я понимал. И когда все кончится, Маша так или иначе узнает это обо мне.

Узнает уже скоро. И, может быть, станет презирать не только меня, но даже себя за этот сегодняшний любящий взгляд.

Сияющий Ёся, вывел из соседней комнаты Алешу.

- Можно начинать кон-церт! – с артистической расстановкой объявил бывший скрипач.

- Что будем петь? – осведомился Алеша.

- То, что ты всегда хотел, - опешил я, и только сейчас вдруг понял. – Так ты не знаешь, что ты хочешь петь?!.. Ты же всегда говорил, что хочешь петь что-то нормальное! Ты что, даже не думал над репертуаром?!

Он устало сел на стул.

- Ну, давайте попробуем что-нибудь хорошее, современное? – предложил Ёся. – Надо только начать, - увещевал он, подавая Алеше микрофон.

Тот вяло взял микрофон, поправил длинный шнур, чтобы лежал удобнее.

- Ему всегда другие люди подбирали песни, - объяснила Маша, не переставая перебирать струны.

- Спой «Мечту», Юрия Антонова? – пришло мне в голову. – А что? Помнишь, как ты хотел ее спеть? Хвалил, что песня хорошая. Людям понравится. Играть ее не сложно. Согласен?

Я включил магнитофон, настраивая запись. Стрелочки индикаторов обоих каналов чутко реагировали на малейший звук. Я нажал кнопку. Тонкая магнитная пленка «Тасма», плотно стиснутая вращающимися резиновыми валиками, заструилась с бобины на бобину со скоростью 19 см в секунду. Запись пошла, я беззвучно кивнул.

- Ну, что? Ван-ту-фри, поехали! – воскликнул Ёсиф.

Культияпый скрипач выдал вступительную трель на губной гармошке. Маша от души ударила по струнам гитары, и сыграла вступление, как оно звучало у Юрия Антонова. И...

Там, где Алеша должен был запеть – он так и не открыл рта. Гитара замялась и сникла. Я щелкнул тумблером, останавливая запись.

- Извините... - пробормотал Алеша.

- Ничего, бывает! Сейчас сделаем второй дубль! – пожал плечами Ёсиф.

- Какие-то руки у меня совсем холодные, - пожаловался певец, потирая кисти рук.

- Может чаю горячего тебе налить? – спросила Старкова.

- Нет, надо просто распеться, - отказался он.

- Ой! Да когда ж ты распевался! Всегда все с листа делали! – ухмыльнулся Ёся. – Я знаю, чего этому парню не хватает! – подмигнул он.

Я сделал вид, что не понимаю намека скрипача и отмотал пленку обратно. Убедившись, что все готовы, снова включил запись. Маша опять проиграла гитарное вступление, Ёсиф дунул в гармонику. Подошло время вступать голосу.

- Мечта сбывается!.. Мечта сбывается! – не в такт даже не пропел, а как-то проперхал Алеша. – Мечта сбывается!.. - Слова прозвучали так фальшиво, словно певец напрочь потерял не только голос, но и музыкальный слух.

Он в бешенстве швырнул микрофон в угол, отошел и сел на подоконник, засунув мерзнувшие кисти рук подмышки. Алеша сидел, отвернувшись от нас, словно пристально разглядывал что-то в непроглядной темени за окном.

Пальцы Старковой вхолостую пробежали по струнам. Все мы молчали. Пленка в магнитофоне бесшумно и безрезультатно утекала, огибая магнитные головки.

- Алеша! Не мучай себя, тебе надо накатить! – заявил, наконец, опытный Ёся. – Я такое часто у артистов видел. Ну, где ж взять кураж, когда поешь на сухую? Давай, я мигом к таксистам слетаю, возьму бутылку «беленькой». Заведемся с «толкача»! Примем по чуть-чуть, и распоешься, как соловей! – обнадежил Ёсиф. Ему самому явно хотелось выпить.

Мне эта идея не нравилась, но другого пути вернуть Алеше необходимый кураж я не видел. Ведь в таком состоянии он петь не сможет. Это было видно невооруженным глазом. И я боялся худшего. Эти два дня Алеша вел себя так, словно у него внутри что-то сломалось. И где-то в глубине души я гнал испуг, что он уже никогда не сможет петь. Как будто вечная радость, которую он всегда испытывал, когда голос свободно лился у него из глотки, навсегда покинула Алешу Козырного.

- Я не стану пить, - не отрываясь от окна, похоронным тоном ответил Алеша. – Вообще, думаю завязать навсегда.

- Тебе надо научиться петь трезвому, - вздохнула Старкова.

Я остановил магнитофон, чтобы не тратить зря пленку. Все стеснялись смотреть на Алешу.

- Я трезвый никогда не пел, - признался Алеша. – Просто не знаю, как это делается. Простите, подвел вас... Ты, Серега, не думай, это не каприз, - всхлипнул Алеша, упорно не отрываясь от окна.

- Ну, тогда пойду хоть чайку поставлю, - пожал плечами разочарованный Ёся, и отправился на кухню.

Я сидел перед готовым к работе, но таким бесполезным сейчас магнитофоном. Не представляя, как вернуть голос Алеше. Я сумел собрать магнитофон. Когда-то прежде был способен раздобыть денег, чтобы организовать запись. Но вдохнуть божью искру обратно в этого человека было выше моих сил. Как ни странно я даже не злился на него. Нисколько. Совсем не так, как бывало раньше.

Даже наоборот. Возможно, сегодня был последний день, когда я мог смотреть в глаза Алеше Козырному без стыда. Еще не чувствуя себя предателем.

- У тебя же талант, Алеша, - только и сказал я.

- Знаешь, Серега! – простонал он. - Талант – он как волк из русской сказки. Оседлал его, и он послушно везет, и выручает. Но его надо кормить.

Помнишь сказку? Когда волк поворачивает голову, Иван-царевич, должен кинуть кусок мяса. И когда говядина кончается, приходится Ваньке отхватывать кусок своей ляжки и кидать волку в пасть. Иначе чудес больше не будет.

Он с трудом подбирает слова. Может быть, именно об этом думал, все эти дни, глядя в потолок?

- И вот эти-то куски для волка – самые сладкие. Помнишь? Вот и талант, как волк, долго вырывает. Носит, где попало, вытаскивает из передраг. Но за это кормить его требует! Ломтями своей души. Скармливать ее по кусочкам. И в какой-то момент уже мясо ободрано до костей. И взять его негде – все истратил почему зря, все по мелочам раньше скормил. И чудеса кончились...

Я сел рядом на подоконник. Не зная, что ответить, просто обнял его за плечи. Старкова отложила гитару и подошла к нам. Вплотную, как в Москве.

- Ну, что у тебя не так? Руки мерзнут? – спросила Старкова Алешу. – Хочешь, погрею? Ты не бойся, это у тебя временно. Если в горле связки целы – значит, голос будет. Это у тебя в голове тормоза, это пройдет.

Но Алеша только судорожно отдернул руку, засунув ее обратно подмышку.

- Давайте хоть что-нибудь запишем? – предложил Ёсиф, вернувшийся с горячим чайником. – А то аппаратура попусту простаивает – он кивнул на тихо гудящий в центре комнаты магнитофон. – Давай, Маша тебя, что ли запишем? Спой хотя бы вполголоса? Пусть останется для истории?

Мысль была хорошая. Мы еще немного поугуговаривали Машу, и она согласилась. Взяла гитару, и пошла настраиваться потихоньку спеть. А Ёся налаживал ей что-то самодельное вместо стойки для микрофона. И пока они всем этим занимались, я сказал потихоньку, чтобы они не слышали.

- Это ничего, что сейчас не пошло. Ты прости, что я не смог все толком организовать, что нет оркестра, нет зрителей, аккордеона – и того нет! Просто другой возможности у нас не будет. Эта – последняя. Но ты не думай, я не давяю на тебя. Посиди с нами и все. А потом попробуем еще, когда будешь готов?

Он кивнул. А я пошел к магнитофону и начал отстраивать уровень под негромкий голос Старковой. Она потихоньку распевалась на пробу.

- Что стоишь, качая-ась, то-онкая рябина! Головой склонилась до самого тына!..

Я уже почти настроил звук, когда Алеша спрыгнул с подоконника.

- Спою! «Тонкую рябину» и спою! – объявил он.

- Так это же женский репертуар? – опешил Ёсиф.

- Какая разница? – пожал плечами Алеша. – Пел же я по пьяни: «И вот я проститутка! Я фея из бара»? И ничего!

Он уже подошел к микрофону.

- Уверен, что уже нормально? – поинтересовался я. – Подожди минуту, я еще раз звук настрою.

Он переминался с ноги на ногу перед микрофоном, все еще пытаюсь отогреть зябнувшие руки. Старкова отложила гитару подошла к певцу, не спрашивая, взяла его руку в свои ладони.

- А ты спой, как будто Витя сейчас с нами. Он ведь тоже ждал этой записи, хотел услышать. Спой для него? – кротко предложила Маша. – Представь, что он сидит тут на подоконнике, невидимый?..

- Вот, как мы сделаем, - решил Алеша. – Серега включай запись и тоже подойди, возьми меня за руку. Мы все будем петь, аккомпанемента никакого не надо. Просто споем хором, в несколько голосов, - попросил он.

- Да я вообще петь не умею, ни слуха, ни голоса, - опешил я. – Все вам испорчу!

Старкова только зыркнула на меня гневными глазами.

- Иди сюда! Вставай с той стороны! – приказала она. - Мы подальше от микрофона, получится бэк-вокал, второй голос. Просто подтягивай за Алешей, не вздумай его перекрикивать. Мы – только фон...

Пришлось мне встать. Я взял протянутую руку Алеша и ужаснулся. Только сейчас поняв, что его ладонь действительно холодна, как ледышка.

- Я сам вступление скажу, как обычно! – предупредил Алеша.

Ёсиф дотянулся и нажал кнопку «запись», бобины магнитофона в очередной раз начали вращение.

- Тут, в Питере и Одессе кто-то распускает слухи, будто все – кончился Алеша Козырный! – с неподражаемой интонацией, (как на корабле историю про Челентано) начал Алеша свое представление. – Так я скажу назло врагам – не дождетесь! И сегодня для одного прекрасного человека, которого уже нет с нами Алеша Козырный с друзьями исполнит свой самый козырный концерт. Такого вы еще никогда не слышали, и не ждали от меня. Потому что это «Концерт на крови». Слушай сюда, Витек! Говорят, у вас там, в райских кущах ангелы поют. А я вот не ангел, и меня туда не пустят. Так что мы тебе отсюда споем. А ангелам ты вели часок помолчать – нас послушай!

28.

Мы записывали альбом двое суток. В первый день – до трех часов ночи. Потом с восьми утра и снова до полуночи. Почти не спали, утром как-то не сговариваясь, все разом поднялись, и снова принялись за работу.

На пятисотметровую бобину с двух сторон вошло в итоге почти тридцать песен. Концерт действительно получился акустическим. Первая песня «Тонкая рябина» - только вокал, она заняла две с половиной минуты. Дальше уже записывались под аккомпанемент двух гитар и губной гармоники, а мне иногда поручали отбивать ритм, на чем попало. Один раз я даже хлопал по подушке специальной решеткой для выбивания пыли.

Мы совсем не делали дублей. А если песня «не шла» просто стирали ее и пели другую. Каждый раз Алеша решал, что же он хочет исполнить. В основном набрались народные лирические песни, романсы, кое-что из «белогвардейского» цикла, и совсем немного избранных вещей из эстрадного репертуара. И даже одна песня была исполнена на стихи Витьки Зяблицкого. Текст его стихотворения (довольно наивного) «Ненаглядная моя певица», изобретательный Ёся подсказал положить на музыку популярной песни «Листья желтые над городом кружатся». И текст лег вполне удачно.

Вообще, работа буквально горела, мы не замечали времени, и спохватывались, только когда у Маши сводило пальцы, отбитые о гитарные струны, или когда от дыма дешевых сигарет в комнате становилось невозможно продохнуть. Ёся за спиной у Алеши время от времени поднимал вверх большой палец искалеченной правой руки, демонстрируя, что все у нас получается. А во время перекуров с восторгом сообщал, что: «Такого Козырного никто не ждет! Это будет фурор! Кобзону с Пугачевой пора заканчивать карьеру!»

Маша была сдержаннее, но и у нее время от времени прорывался восторг – несколько раз она буквально заслушивалась, как пел в эти дни Алеша. И у меня внутри то и дело растекалось ликование. Так, что трудно было усидеть на месте за пультом магнитофона. Я знал, что надо будет еще переслушать все на чистую голову – чтобы составить более-менее объективную оценку. Знал, что первое впечатление обманчиво. Но казалось, что буквально все тридцать песен получились на высоком уровне, а две-три как минимум, могли стать шедеврами. То как Алеша спел «Разлуку», изображая стиль Вергинского или «Русское поле» из кинофильма про «Неуловимых мстителей» было неопишимо. Но, честно говоря, от «Тонкой рябины» которую мы спели все вместе, первой, аж мороз по коже пробежал. И уж, как минимум, это было ни на что не похоже. Ни на советской эстраде, ни в подпольных записях коллекционеров, такого не было никогда.

Поэтому, когда мы за полночь свернули работу и усаживались за стол ужинать, по-моему, в каждом из нас гудел восторг, и в груди теплилось удивительное ощущение только что совершенного чуда.

Старкова, мурлыкая про себя «Думы окаянные», раскладывала по тарелкам сваренную горячую картошку. Ёська открыл форточку, чтобы выветривалось курево, и притащил из холодильника единственное, что в нем хранилось – трехлитровую банку соленых огурцов, уже наполовину опустошенную.

- Надо бы выпить под такое дело?! – заявил он. – Отпраздновать успех?

- Ах, Ёсиф, Ёсиф, старый добрый Ёсиф!.. А что, может правда накатить последний раз, а потом завяжу? – поддержал культяпого скрипача Алеша.

Улыбка не сходила с его лица. С того момента, когда Алеша понял, что снова способен петь, он буквально сиял счастьем и работал самозабвенно и остервенело, пока магнитная пленка не кончилась.

- Нет уж! Решил завязать – не делай себе поблажек, - попросил я.

То, что Алеше снова хочется выпить, было очень хорошо заметно. И Старкова не спускала с него озабоченных глаз.

Ёся недовольно крякнул, но ничего не сказал. Принялся наливать себе чаю с явной неохотой, а потом полез вилкой в банку.

- Ну как такой продукт без водки употреблять? – посетовал он, рассматривая, наколотый на вилку аппетитный огурчик.

- Обыкновенно! – отрезала Маша.

- А может и правда, взять по-маленькой? Не грех ведь, когда такую работу закончили? – мечтательно представил себе Алеша. Однако увидев выражение наших лиц, даже рассмеялся: - Да ладно, что вы на меня так уставились? Все в порядке будет. Я вот даже думаю - надо, наверное, в клинику сдать. Ведь делают же врачи что-то, бросают же люди пить?

- Ты лучше представь, какие перспективы перед тобой откроются, если ты с выпивкой завяжешь? – подбодрил я, торопясь сменить опасную тему. – Сейчас, после этого концерта все же поймут, что ты можешь спеть что угодно. И надо искать выходы на нормальную эстраду. Там тоже должны быть где-нибудь нормальные люди? Попробуй сам пойти, поговорить с какими-нибудь директорами филармоний, им же тоже штаты надо укомплектовывать, а такие голоса на дороге не валяются.

- И начнется: «Выступает артист Ленинградской филармонии!» - громогласно паясничал Ёся. – Помнишь, как ты всегда любил объявлять.

Алеша смешно улыбался до ушей набитым картошкой ртом.

- Когда будешь писать мемуары, не забудь нас упомянуть, как этот альбом записывали, - напутствовала Старкова. – А то забудешь все, а потом напечатают «только благодаря моему гениальному таланту»!

Алеша так смеялся, что даже поперхнулся.

- Ладно, пойду ванну наберу, полежу, отмокну. А то, что-то голова от недосыпа болит, - признался он.

- Там полотенце большое я положила! – крикнула вслед Маша.

И мы остались за столом втроем.

- Как ты распространять все это думаешь, Сережа? – спросила Маша, вытаскивая сигарету из пачки.

- Еще толком не знаю, - признался я. – Это уже следующий этап. Главное - мы сделали то, что хотели. А насчет распространения есть у меня одна идея, только она еще сыровата. Вот представьте, сделать двадцать копий пленки, пойти на вокзалы и раздать в поездах дальнего следования, - начал рассказывать я. - Там же поездные бригады крутят день и ночь свое радио. Ставят, что попало, без цензуры. И через несколько недель наши песни станут известны по всей стране: от Москвы до Владивостока. И можно в конце пленки назвать телефон – типа по вопросам приобретения – обращайтесь...

- Неплохо придумано, - оценил Ёсиф.

- И потом по этому телефону на тебя выйдут или милиция, или уголовники. Хороша идея! – не одобрила Старкова.

- Тут есть фактор времени, - пожал я плечами. – Пока они сориентируются, дело уже закрутится. Впрочем, я потому и говорю, что идея сырая – там надо еще подумать.

- Лишь бы только этот Бес не узнал, что мы альбом записали, - пробормотала Старкова. – Что ты улыбаешься, и молчишь? – насторожилась она.

- Он все уже знает, - проговорился я.

- Нас кто-то опять заложил?! – вскрикнула Маша.

- Я это сделал, - признался я.

- Зачем? – не понял Ёсиф.

Я не ответил, и какое-то время мы сидели за столом, молча.

- Ёся, дорогой, там, на кухне что-то пригорает, сходи, проверь, - не своим голосом пробормотала Старкова.

Недоумевающий скрипач поднялся и вышел на кухню.

- Я могу тебя уговорить, этого не делать? – спросила Старкова. - Уехать, забыть – этот гад найдет свою погибель и без тебя... Он же просто мразь, которая не понимает, что творит. Мстить ему - то же самое, что пристрелить животное, которое напало на твоего друга. Как ты не понимаешь?..

Она умоляла. В глазах ее стояли слезы.

- Машенька, - как можно нежнее ответил я. – Бес уже от меня никогда не отстанет. Не стоит обманываться. Тут вничью сыграть не получится. Он точно не успокоится, пока меня не достанет. Так уж сложилось, что двоим нам не жить на свете.

- Ты погибнешь, ты ведь не убийца. Он – убийца. Ты обречен, если попытаешься напасть на него... - с ужасом вбирая воздух, представила она.

- У меня есть план. Все не так плохо. Я не собираюсь затевать с ним дуэль на ножах. Я очень хорошо подготовлюсь, - пообещал я.

Она уже не уговаривала, а пристально смотрела на меня сквозь слезы.

- Я так тебя люблю, что если с тобой что-нибудь случится, я не выживу – умру с тоски, - призналась Старкова.

Я только обнял ее в ответ. Потом мы стояли, обнявшись перед окном. Прижимаясь к моей груди лицом, мокрым от слез и слюней, Старкова безнадежно промочила мою рубашку.

- Страшная стала, да? – всхлипнула она, немного успокоившись. – Умыться надо. Я так тебя хочу! Каждой клеточкой! Сейчас пойду, умоюсь, выгоню Алешку из ванной, что-то долго он там отмокает...

Я разжал объятия. Старкова постучала в дверь ванной комнаты.

- Алеша! Открывай! Мне умыться надо!

- Так он уж с полчаса как затих там, - подал голос с кухни Ёсиф. – Пока вы там обжимаетесь.

- Как так затих?! – встревожилась Старкова.

- Заснул, может? Он любит в ванне спать, везде соседей топит, - вспомнил я.

Я стучал в двери ванной сначала костяшками пальцев, потом наотмашь кулаком. Даже если бы Алеша спал беспробудным сном – он должен был подскочить от таких звуков.

- Высаживай дверь! – согласился Ёся.

Хлипкий шпингалет, на который запиралась дверь в ванную, со звоном отлетел куда-то в стенку. И горячая вода, обретя свободу, хлынула нам на ноги. Она уже давно переливалась через край ванны.

Алеша лежал голый в ванне, скорчившись. Причем кисть левой руки он держал над водой как-то неестественно, судорожно выгнув ее. Виском его голова лежала на бортике ванны. И один глаз был дико, неестественно выпучен. И выпиравший огромный глазной белок заполнило красным кровоизлияние.

- Господи! – вскрикнула Старкова. – У него удар, инсульт, наверное!

На раковине рядом с ванной стояла пустая рюмка. А под раковиной пряталась початая бутылка водки.

- Слишком легко согласился, что пить не стоит, - понял Ёся. – Мою заначку нашел. Хотел в ванне потихоньку от всех жажнуть, чтобы не наругали...

Алеша дернул рукой и что-то нечленораздельно промычал. На губах у него выступила пена. Он был ужасно худой.

- «Скорую» надо, - пробормотала Старкова, не двигаясь с места. – И воду закрыть... Беда у нас.

29.

Бог избавил Алешу от жалкой участи лежать парализованным «овощем» и ходить под себя. Певец умер через сутки в больнице, так и не приходя в сознание. Для самого Алеши все людские заботы, тревоги и несбывшиеся надежды остались позади. Однако, этого нельзя было сказать о тех, кто еще оставался по горло в земной жизни.

Даже сам господь оказался не в силах оградить певца от потока фальши и лицемерия, который люди обрушили на Алешу Козырного после его смерти, начиная уже с похорон. У нищенствовавшего певца откуда-то взялась целая туча почитателей и чуть ли не покровителей. Какой-то партийный чин, как намекали - из близкого окружения Романова - якобы, поспособствовал выделению земли для могилы на престижном кладбище.

Деньги на пышные похороны возникли из другого авторитетного источника. Поговаривали, будто питерская братва выделила из общака огромную сумму, на упокой души любимого исполнителя «Мурки» и «Таганки». И такое сумасшедшее количество людей уже выразило намерение побывать на похоронах, что в пору было звать конную милицию, предотвращать эксцессы и давку. Ведь сколько еще людей присоединятся к процессии в последний момент, по зову души, не мог знать никто.

Все эти подробности я узнал буквально за одну минуту, утром в день похорон, в квартире Василича. Его обширная жилплощадь стала местом прощания с Алешей. По комнатам слонялись какие-то люди: женщины в темных платьях и мужчины в цивильных костюмах. Звучали приглушенные голоса, и выражения лиц у всех были по возможности скорбными. А воздух в помещении мгновенно стал затхлым.

Растерянный Василич с порога вывалил мне все свои страхи, слегка потряхивая щеками. Если кавалькада машин выстроиться через весь Невский проспект – что вполне могло случиться – это могут счесть за политическую демонстрацию недовольных. Он бормотал, что сбился со счета: пятьсот человек будет, тысяча или две...

Но уже через секунду я узнал, что среди этих двух тысяч не должно быть только двух людей – меня и Старковой.

- Что здесь делают эти убийцы?! – раздался знакомый голосок с нотками трагической хрипотцы. – Они уже сделали свое дело – загнали Алешку в гроб. Всю кровь высосали. Как они вообще посмели здесь появиться? – из соседней комнаты показалась Ева Томашевская.

Выглядела она безупречно. В узком черном платье, почти в пол (я не разбираюсь в таких вещах, но даже мне было ясно, что это траурный наряд от каких-нибудь французских модельеров). Рыжие пряди волос были забраны назад, причем в заколке поблескивали мелкие драгоценные камни. На пальце у нее посверкивал камень покрупнее.

- Ни стыда, ни совести! – продолжала наступать Ева, подбоченясь, как иногда позволяют себе рыночные торговки. – Теперь они заявили сюда, поглумиться над семьей покойного, над самыми близкими его людьми!

- Кто эта женщина? – недоуменно спросила Старкова, державшаяся чуть сзади меня.

- Эта женщина, между прочим, вдова покойного! – неожиданно взревела Ева, взяв самую сильную свою ноту.

- Какая вдова? Разве у Алеши была жена? – пожал я плечами, переводя взгляд на Василича.

- Какая жена? – со всхлипом простонала Томашевская – Законная!

С этими словами она откуда-то мгновенно извлекла паспорт, и принялась показывать тот разворот, где ставится штамп о вступлении в брак. Такой штамп в ее паспорте виднелся. Причем Ева демонстрировала документ не столько мне, сколько подсовывала его под нос Маше Старковой.

- Этих людей не должно быть на похоронах. Они его погубили, и я не потерплю такого кощунства...

- Разобраться с ними? – предложил угрюмый тип, вышедший из той же комнаты. Я сразу узнал одного из подручных Беса. Дело принимало поганый оборот.

Ева молча, картинно развернулась и пошла обратно в комнату, промакая глаза платком. Бандит, не понимая, что ему делать, двинулся за ней.

- Беса нет, - успел шепнуть мне Василич. – Я бы иначе тебя не позвал.

Но, было ясно, что в комнату, где стоял гроб, хозяин квартиры все равно не пустит, не взирая, на расположение к нам. Там как раз начиналось прощание с Алешей.

- Его незаурядный талант мог бы открыть новую страницу в культурной истории города на Неве! Не даром, партийные руководители внимательно присматривались к творчеству Алексея Даниловича...

Я поразился, узнав Валета, произносившего над гробом эту ложь, хорошо поставленным голосом. В руках он держал пышный траурный венок, весь увитый лентами с золотым тиснением. Валет всегда мечтал перескочить из райкома комсомола на любую должностешку в Смольный. Значит, у него получилось? А заодно подтверждался слух, что кто-то из партийных бонз, оказался поклонником песен Алеши – Валет сейчас явно выполнял поручение своего начальства.

Впрочем, долго наблюдать это мерзкое зрелище мне не дали. Василич, пользуясь моментом, что мы остались одни, подвинулся ближе и зашептал вполголоса.

- Так вы успели с Алешей записать альбом, о котором ты говорил? Какой-то особенный? – поинтересовался он. – Дашь послушать? – страсть меломана брала свое. – Алешина смерть всех всколыхнула. У него сейчас будет посмертный всплеск популярности. Народ бросится его записи покупать. За несколько дней гору пленок продать можно. А если появится новая, неизвестная прежде запись – ей цены не будет, - со значением намекнул продюсер.

- Это, правда, что Евка говорит? – ушел я от ответа.

- Все так, - энергично закивал головой Василич. – А вы не знали? Известная история. Года два назад, по пьяни заспорили, что Алеше слабо на Евке жениться. Он тут же и женился. Так что она теперь безутешная вдова и законная наследница... - вздохнул Василич.

- Слышь, - позвал меня угрюмый блатной. – Зайди, тут с тобой поговорить хотят. Базар есть.

В соседней комнате, Ева Томашевская повернулась ко мне, подошла вплотную и даже взяла пальчиками за лацкан пиджака.

- Я хочу помочь разрулить твои проблемы с Бесом, - вкрадчиво заговорила она, поглядывая снизу вверх поблескивающими, влажными глазами (Старкова рассказывала про женский приемчик - если капнуть немного глицерина, глаза выглядят так, будто на слезах.) – Я могу договориться, и он отстанет от тебя.

- Каким это образом? – усмехнулся я.

- Ты должен кое-что сделать. Попросить у Беса прощения. И перед Алешей, покойным... За то, что заездили его. Сделать это надо при всех, чтобы все видели. Ну, и только извинений на словах, конечно, теперь уже не достаточно. Ты еще должен...

- Руку ему поцеловать? Или ногу? – поинтересовался я.

Внутри закипала ярость. Ведь эта сука сидела в машине, когда Бес зарезал Зяблика!

- Просто верни пленку, которую с Алешей только что записали, - как ни в чем не бывало, сообщила Томашевская. - Бес вообще хочет прекратить это безобразие, когда записями Алеши торгуют все кому не лень. Он хочет, чтобы все сначала разрешения спрашивали, а потом – отстегивали процент семье покойного. Это же справедливо? А он проконтролирует, чтобы никто не жульничал. Поэтому он считает, что ты должен семье покойного. А это же святой долг. И если ты его отдашь – с ним можно договориться...

- А, по-моему, он не станет договариваться, - еле сдерживаясь, возразил я. - Он меня прирежет сразу. Помнишь, как он Витьку зарезал в Гатчине?.. Или забыла?

- На могиле Алеши ему будет легче тебя простить. Воры любят красивые жесты, – рассуждала Ева, никак не отреагировав на упоминание Витки. – А потом, ты все-таки недооцениваешь и степень моего влияния. А я - гораздо больший твой друг, чем ты думаешь.

Пользуясь тем, что на нас никто не смотрел, она ладошкой, которой все время теребила лацкан пиджака, скользнула по моему боку, затем вниз по животу и крепко, ощутимо взяла меня за промежность. Я даже вздрогнул, не ожидая от себя такой реакции. Все-таки Евка была конченной стервой.

- Если я принесу запись, то смогу пройти на похороны? – понял я.

Она кивнула, с явной неохотой отпуская то, за что держалась. Но в комнату уже зашел Василич с какими-то людьми.

- Все решено, прощание до обеда, а в четыре – уже на кладбище, - объявил он. – Оркестр приедет к двум...

- Никакого оркестра! – возмутилась Томашевская, возвращаясь к роли безутешной вдовы. – Пусть звучат песни самого Алеши. Лучшее из его блатного репертуара! Колонки установим на крыше машины.

- Алеша этого всегда боялся – что у него на похоронах будет блатняк играть! – ужаснулся я. – Он «Лебединое озеро» хотел, - вспомнился мне наш летний разговор у пивнушки.

- Это не обсуждается! – отрезала Ева категорически. – Авторитетные люди попросили...

- Кто платит, тот и заказывает музыку, - пробормотал я.

Томашевская обернулась ко мне уже с совершенно иным выражением глаз.

- Верни пленку, солнце мое, – стальным тоном, посоветовала она. - Верни и всем хорошо будет...

Разговор был закончен. И я поспешил покинуть квартиру. Старкова ждала меня на лестничной клетке, тоже, очевидно, ни секунды не желая оставаться в этом угрюмом помещении. Но отойти далеко от подъезда нам не удалось.

- Какие люди! – вместо приветствия, радушно улыбнулся поджидавший во дворе Валет. – А я тебя заметил краем глаза... Правда, что вы с покойным Алешей успели какой-то особенный концерт записать?..

«Ну, откуда этот-то знает?» - опешил я. Казалось бы, никто не мог знать, что мы творили, закрывшись в нищем мирке квартиры Ёсифа. Однако,

получалось, что слухи уже вовсю гуляли по городу. И все заинтересованные стороны уже знали – что к чему.

- Ты, гляжу, на повышение пошел? – тоже без особых церемоний спросил я.

- Переведен в идеологический отдел обкома партии! Должностешка мелкая, зато какой круг общения, связи! - Валет не без гордости продемонстрировал свое расстегнутое, «обкомовского» покроя пальто, прежде чем заправить поглубже модный шелковый шарф. - Начальство мое нынешнее – даже не полубоги, а настоящие боги! Нет такого, чего они не могут себе позволить! Представляешь? Они могут все! Перспективы для меня открываются сумасшедшие, надо только завоевать доверие... Слушай старик, очень кстати мы встретились...

Он с каким-то оценивающим интересом посмотрел на меня. «Слетелись стервятники, дня не прошло», - поневоле подумал я. Не трудно было угадать, что требуется от меня этому так называемому другу.

- Шеф мой всегда неровно дышал к песням этого вашего Алеши Козырного. У него пленок, штук двадцать хранится в задней комнате при кабинете, - со смешком поведал Валет. - Я вот что хочу предложить. Ты ведь все равно сам распространять этот альбом не сможешь. Тут такие люди и такие интересы вокруг этого завертятся – тебя сразу в бараний рог скрутят, и не заработаешь ничего. А мой шеф счастлив будет такую пленку заполучить. Я предлагаю к моему шефу под крыло попроситься? Сам Дато у него на побегушках.

- А с Бесом твой шеф тоже справится? – поинтересовался я. – А то ведь он тоже свои права предьявляет.

- Везде этот уголовник лезет, - искренно сморщился Валет. – Всем он надоел, всем напакостить успел... Кстати, могу подсказать и поспособствовать, как от него избавиться, - понизил голос Валет. – Есть кое-какие любопытные документки на него. Если их блатным показать – Бес покойник сразу. Кстати, Дато, тоже на похоронах быть обещал... Мой шеф может эти документы запросить, как только ты ему пленочку подгонишь?

- Меня без пленки на похороны не пустят, - буркнул я. – Да и твой Дато перед Бесом дрейфит. Я это уже видел один раз.

Больше разговаривать с этим начинающим партийным лизоблюдом было не о чем, да и не хотелось.

- Какие они все сволочи! – потихоньку сказала Старкова.

- Подумай! Только быстро, - Валет сделал вид, что не расслышал ее замечания и попрощался небрежным жестом.

Мы с Машей поспешили выбраться на набережную Невы. Но словно по заказу вышли там, где на другом берегу реки виднелись знаменитые «Кресты». Следственный изолятор №1 всесоюзной системы исправительно-трудовых учреждений. Я отвел глаза в сторону.

А может быть, и не стоило? Ведь если бы не опасность нарваться на нож Беса, и не угроза сесть уже через пару недель за эту самую красную кирпичную стену «Крестов» - о чем бы я думал? О двух лучших друзьях,

которых я потерял одного за другим в считанные дни. (Я старался думать, что потерял их, а не угробил собственными руками.) Ведь если бы летом я не затеял эту канитель с записью – наверное, все были бы сейчас живы? Я еще раз вспомнил, как мы в июне стояли с Алешей перед пивным ларьком. Он в перепачканном белом костюме сдувал тополиный пух с краешка пивной кружки и улыбался. И сердце так заныло! Это ведь происходило где-то здесь, в нескольких кварталах? Как же это могло все так случиться? Разменять две жизни на моток магнитной пленки с двумя десятками песен. Не стоило оно того...

Я еще раз искоса бросил взгляд на Старкову. На своего последнего друга, который остался у меня от этих бешено промчавшихся дней. Какая она все-таки красивая! И она бросится отговаривать, чтобы я не делал то, что решил. Между тем, присутствие на похоронах Дато и его молодчиков могло помочь одолеть Беса. Но даже с учетом этого обстоятельства, в моем плане было слишком много слабых мест. В этом я не обманывался.

Но, ситуация упрощалась тем, что времени на колебания у меня не оставалось. Его было ровно столько, сколько шагов до ближайшего телефона-автомата.

Сняв трубку, я набрал номер КГБ, который давал мне отец.

- Это Климов. Помните, я говорил, что подпишу ваши бумаги, если получу документы на Беса? Я точно знаю, такие документы есть.

С той стороны какое-то время длилось молчание.

- Видишь ли, Сережа, - выговорил, наконец, Соколов. – Ситуация изменилась. Объект, который нас интересовал в первую очередь – умер. И, соответственно, цена сотрудничества с тобой упала.

- Бес слишком многим надоел, всем напакостить успел, - повторил я тезисы Валета. – При таких делах, вряд ли он долго проживет. Вам скоро не с кем будет работать...

Я даже удивился собственной наглости.

- Такие решения все равно требуют согласования с руководством, - ответил чекист.

- Мне эти документы нужны сегодня в четыре часа, на похоронах Алеши Козырного, - поставил я свое условие.

- Мои люди будут присутствовать на этом мероприятии. И я там буду. Сможем поговорить, - кгбшник повесил трубку, дав понять, что последнее слово в любом случае остается за ним.

- Что так смотришь? – повернулся я к стоявшей рядом и слышавшей разговор Старковой. – Осуждаешь?

Может я даже и хотел, чтобы она отвернулась и ушла. С этой минуты одному мне будет легче.

- Уж точно не восхищаюсь, - пожала плечами Маша.

- Я же тебе обещал, что не пойду на Беса в рукопашную, - напомнил я. – Пусть бандиты сами с ним разберутся. Другого случая уже не будет. А запись нашего концерта для них будет приманкой...

- Что-то я не знаю ни одного человека, которого бы осчастливило сотрудничество с КГБ, - покачала головой Старкова, но не ушла.

А время начало последний отсчет. Я уже знал, какой сюрприз устрою с пленкой. Нести ее в руки Бесу я не собирался. Пусть меня убьют, но последний концерт Алеша не достанется подонкам. Поэтому надо было успеть подготовить фальшак – переписать начало, первую песню на пустую бобину. Она станет пропуском на похороны. Даже если захотят проверить и начнут прослушивать – не сразу поймут, что я дал пустышку.

На раздумья и колебания не было времени. Как только мы добрались до квартиры Есифа, пока делалась короткая перезапись, я тайком обшарил ящик с инструментами, стоявший в прихожей. Там у бывшего скрипача для каких-то домашних надобностей, валялся увесистый молоток с длинной рукояткой. Я стащил его, и приладил себе в рукав. К сожалению, вероятность, что все пойдет не так, как я рассчитываю, была слишком велика. Тогда эта железяка станет последним средством на крайний случай. Вряд ли она поможет спастись, но, по крайней мере, она даст мне шанс на один хороший удар. Впрочем, если честно – я знал, что шансов у меня нет вовсе. А потому лихорадочно придумывал предлог, как бы спровадить Машу. Чтобы ее не оказалось рядом, когда все начнется. Но пока ничего не приходило в голову.

А еще надо было оставить подлинную пленку в надежном месте. И где будет это место, я уже для себя решил.

- Ты, что, правда, решил отдать кому-то наш концерт навсегда? Ты псих! – поразилась Старкова.

- Два моих друга уже погибли из-за этой записи. А оно того стоило?.. За этой пленкой уже началась охота, - объяснил я. - Не хочу, чтобы кто-то еще пострадал. Пусть она просто исчезнет. Похоронить ее надо вместе с Алешей.

В этот момент, Старкова как раз держала в руках оригинал концерта. Бобину со сверхтонкой «тасмовской» лентой, купив которую мы так радовались, всего несколько дней назад. Только что она собиралась упаковать бобину обратно в целлофановый кулечек. А теперь смотрела на нее, недоумевая. Эта пленка вдруг стала в ее глазах трупом.

- И что ты с ней собираешься делать? – поникшим голосом спросила она. – Порезать на куски? Сжечь?.. А ты имеешь, такое право? Представь, что бы Алеша сказал?

- Резать – это варварство, - замер Ёся.

- Да не собираюсь я ее резать, - возразил я, забирая несчастную бобину у Старковой из рук. – Просто отдам одним хорошим людям. Никто не заподозрит, что пленка у них. Кстати, почему по телевизору весь день сплошное «Лебединое озеро»?..

- Так Брежнев же умер! Вы что, не слышали? – опешил Ёсиф. – Ну, вы даете! Сегодня в Москве похороны дорогого Леонида Ильича. Траур по всей стране. Уходит эпоха...

Надо было спешить. Фальшивый дубликат пленки с единственной, песней «посмертного» альбома Алеши, был уже упакован в яркую импортную коробочку. Получилось вполне похоже на оригинал, который коллекционеры всегда хранят, как зеницу ока. Молоток на длинной ручке болтался в рукаве, но мне удалось поворачиваться так, чтобы друзья не заметили этой подозрительной детали.

- Ну, ждите меня здесь. Часам к восьми буду, - пообещал я, как можно увереннее, собиравшись шагнуть за порог, забрав обе пленки.

- Так ты, что ли один идти собрался? – поняла Старкова. – Даже и не думай!

Она накинула на голову платок и бросилась энергично надевать пальто.

- Маша! – простонал я.

Спорить с ней совсем не оставалось времени. Через час похоронный кортеж уже двинется в сторону кладбища. Идти надо было далеко и очень быстро. Я был зол, и демонстративно не смотрел на Машу, которая поторапливалась рядом, сначала поправляя на голове сбивающийся платок, а потом и вовсе сдернув его с головы. Она все время старалась идти в ногу, но не успевала, то и дело припуская короткими перебежками. И всем своим видом давала понять, что не оставит меня одного, чего бы ей это не стоило.

А я злился на то, какой дурацкой парочкой мы смотримся со стороны: молодой парень, все время ускоряющий шаг, и эта женщина, упорно старающаяся за мной угнаться. Это мешало сосредоточиться, и хоть немного просчитать: как все сложится там, на похоронах, когда я окажусь лицом к лицу с Бесом? А ведь, если бы удалось хоть немного предугадать ситуацию – это повысило бы мои шансы остаться в живых. Но в этот раз Старкова упрямо ничего не понимала, стараясь только не отстать.

- Ну, что? Довольна? – выдохнул я ей прямо в лицо, когда мы, наконец, остановились у подъезда дома, где я собиравшись оставить пленку. – Здесь стой. Тебе внутрь заходить незачем.

Раскрасневшаяся от быстрой ходьбы Старкова полезла в сумочку за сигаретами. Да еще поправила волосы, прилипшие к вспотевшей шее.

- Алешка был бы против! – выпалила она. – Он не для того песни записывал, чтобы ты их от людей прятал! А его голос всем принадлежит. Он народный певец. А кто тебе дал право распоряжаешься, как своей собственностью? Не нам это решать...

Но я уже шагнул в подъезд, и на первой же лестничной площадке тоже остановился и полез за сигаретами. Требовалось еще собрать в кулак всю смелость, если такая у меня была.

В этом подъезде, на четвертом этаже жили Витькины родители. Я знал, что его самого похоронили четыре дня назад. Я даже не попрощался с другом. Потому что в этот момент все случилось с Алешей. И потому что не мог решиться увидеть своего друга в гробу.

Я не сделал для Витьки даже этой малости, которую должен был. Искупить вину перед ним для меня уже было невозможно. Но я все-таки

собирался отдать его родителям пленку. Ту самую запись, ради которой Витек отдал свою жизнь. Они, по-моему, были единственными людьми на земле, кто имел право ее хранить. Имели право знать – что делал их сын, когда погиб. И к тому же, я был уверен, что никто никогда не догадается, что пленка у них. А, значит, я не подвергаю их опасности.

Только требовалось набраться мужества. Я не имел права здесь трусить. Поэтому, спрятал обратно в пачку, так и не зажженную сигарету. Вздохнул поглубже, и пошел вверх по лестнице. Каждую ступеньку этого подъезда я знал наизусть с самого детства. Каждую неделю, да что там неделю – порой по несколько раз в день мы бегали домой к Витьке в гости. В его семье меня в те годы даже в шутку называли «усыновленным»... И вот теперь, мне ужасно не хотелось, чтобы эти ступени кончались, чтобы можно было идти по ним вверх хоть до бесконечности, лишь бы только не стучаться в знакомую с детства, когда-то такую гостеприимную дверь.

Последний раз я перевел дух уже стоя перед квартирой №34. За дверями различался шум работающего телевизора. И это не оставляло мне надежды, что никого не окажется дома. Я нажал кнопку звонка и затаил дыхание, только машинально вертя в руках коробочку с «тасмовской» пленкой.

Двери открыла Витькина младшая сестра-подросток. Она была в школьной форме – видимо, только что вернулась с уроков. Я не помнил – в шестом или в седьмом классе она учится.

- Па-ап!.. – позвала девочка, обескуражено глядя на меня.

В прихожей показался Витькин отец.

- Здравствуйте, Константин Филиппович! – выпалил я первую фразу. Но все остальные кое-как заготовленные слова застряли в горле. Я только, молча, протянул ему пленку.

- Что это? – недоуменно и равнодушно поинтересовался он. Всегда щеголеватый и слегка молодящийся Витькин отец выглядел ужасно. В какой-то синей поношенной спортивной олимпийке с отвисшими локтями. Клоки волос с сильной проседью скатались неухоженными патлами.

Витькина сестра предпочла поскорее скрыться в комнате. А в прихожей показалась мать Витьки – Анастасия Михайловна. Она была полной, как обычно, только лицо ее странно распухло. Отец все продолжал крутить в пальцах магнитофонную пленку.

- Мы записывали это с Витей... - кое-как выговорил я очевидную ерунду, и сразу попытался поправиться. – Собирались записать. Он магнитофон готовил, когда на него напали... Здравствуйте, Анастасия Миха... - попробовал поздороваться я.

Однако, Витькина мама, не дождавшись приветствия, сразу вlepила мне пощечину. Не больную. Так, шлепнула по щеке полной рукой. Тем не менее, я почему-то мигом схватился за лицо.

- Ты втравил его, поганец, - всхлипнула она. – Без тебя он этой спекуляцией никогда бы не... - Но тут голос ее пресекался. Несчастливая женщина схватилась за сердце и отступила обратно в квартиру.

- Я не успел его спасти. Вите запись посвятили, - проговорил я, не в силах поднять глаза на Витькиного отца. Глядя вниз на квадратики двухцветной кафельной плитки, которой был выложен пол на лестничной площадке.

В ответ он на удивление четко и спокойно проговорил:

- Будь ты проклят, Сергей Климцов! Чтоб тебе сгнить в зоне, куда ты со своими делами обязательно попадешь...

Он просто швырнул магнитофонную бобину вниз, так что она покатила по лестнице, гулко стучаясь о ступеньки. И захлопнул дверь перед моим носом. Мне оставалось только самому чуть не кубарем спуститься следом. Подхватив с пола несчастную пленку с лучшей Алешиной записью.

Старкова даже не спросила, почему я вернулся обратно все с той же пленкой в руках. Она только посмотрела в лицо, выбросила недокуренную сигарету и опять пошла рядом. Не говоря ни слова, мы прошагали до канала Грибоедова. Коробка с пленкой в руках изводила меня. Я не знал – куда ее деть, и как забыть весь этот страшный сон.

И наконец, поблескивающая чернотой, стылая ноябрьская вода канала подсказала выход. Я шагнул к перилам и замахнулся, чтобы бросить коробку в воду. Но Старкова повисла у меня на руке, всеми силами вцепившись в предплечье.

- Не смей! – тоненько прокричала она и закашлялась, видимо опять сорвав голос. – Не вздумай, - прошипела она, отнимая у меня пленку и кое-как запихивая бобину к себе в тесную дамскую сумочку дрожащими пальцами. – У меня побудет, пока ты беситься не перестанешь!

И я тогда подумал: «Ну и черт с ней!» Я был так зол на эту упрямую женщину, не желавшую слушаться, что решил плюнуть – если хочет подвергать себя опасности, таская в сумочке последний алешин концерт – пусть таскает. У меня через полчаса предстояло главное дело, которое я не имел права провалить. Между тем, Старкова, пока боролась со мной – почувствовала неладное.

- Что это у тебя? – спросила она, похлопывая по рукаву.

- Молоток, - признался я.

- Так значит все-таки сам? – поняла она.

- Как получится, - огрызнулся я. – А ты не лезь!

Впервые в моей интонации прозвучало столько злости, что Маша не стала перечить. Нам важно было успеть, пока похоронный кортеж не выехал из двора Василича. Но двор был уже пуст. И о том, что здесь только что происходило, можно было судить только по распахнутым настежь дверям подъезда, да по валявшимся кое-где ошметкам траурных гвоздик.

Мы опоздали. Поэтому о событиях, которые сделали похороны Алеши Козырного легендарными, я знаю только с чужих слов.

30.

Говорят, все было жутко и пышно. Рядом с гробом в трауре стояли члены семьи – то есть Ева Томашевская, Василич, и кое-кто из музыкантов, особенно часто игравших с покойным. Говорят, что Бес тоже флегматично простоял неподалеку все три часа прощания.

Все говорили, что Алеша в гробу выглядел очень спокойным и каким-то маленьким. А мимо него шла вереница людей. Причем большая часть лиц в этой веренице была никому не знакома. Частично приезжие – делегации одесситов и москвичей. Представителей криминалитета тоже набралось немало. Они подходили группами. С пышными венками. Подолгу держали ручки безутешной вдовы. Говорят, Ева идеально справилась с этой ролью. На лице ее была написана такая скорбь, будто и правда скончался человек, которого она отчаянно любила.

Когда прощание закончилось - во дворе стояла тысячная толпа. А все проезды к зданию были заставлены автомобилями. Гроб с Алешиным телом аккуратно вынесли на плечах и поставили в катафалк – специально оборудованную фургоном черную «Волгу». И с этого момента началось зрелище, так поразившее в тот день ленинградцев.

Вслед за катафалком начали пристраиваться «Вольво» и «Мерседесы» авторитетных воров. Уже этого было достаточно, чтобы на процессию обратили внимание горожане, привыкшие оглядываться, стоило в уличном потоке советских машин мелькнуть незнакомым контурам редкой иномарки. Затем следовали черные «Волги», на которых ездила партийная номенклатура. Колонна машин растянулась метров на двести. И ехала еле-еле, блокируя движение остального городского транспорта и непрерывно сигналила.

Опасения Василича сбывались. Главный инцидент произошел, когда процессия выехала на Невский. Светофор сменил цвет, но траурная кавалькада, проехавшая перекресток едва ли на четверть, и не думала останавливаться. Предупредительно сигналила, на проспект выворачивали все новые и новые автомобили, а светофор впустую зажигал свои красные и зеленые лампочки. Движение по Невскому бессильно замерло, пропуская процессию. И это было шоком для многих горожан, понимавших, что едет не правительственный кортеж, а авторитеты совсем другого свойства. Поэтому о похоронах Алеши так много шептались в городе, и с тех пор о них ходят легенды.

Но ничего этого я тогда не увидел. Потому что, пока процессия ехала к кладбищу очень медленно, мы гнали туда же окружным путем, по свободным улицам на такси. Мне было важно опередить всех.

И мы успели. Когда такси затормозило перед воротами кладбища, там стояло всего несколько милицейских машин с мигалками на крышах. А чуть в стороне припарковалась серая «Волга». Тщетно стараясь остаться незаметной, гбшная машина только сильнее бросалась в глаза. Рядом с ней отиралось несколько оперативников, мерзнувших на разгулявшемся

ноябрьском ветру. Я сразу обратил внимание – какая диковинная аппаратура стояла прямо на багажнике «Волги». Тогда я еще не видел ручных видеокамер, снимающих сразу на кассету, но понял, что это она и есть. В другой ситуации я бы не поленился рассмотреть технику в деталях. Но сейчас для меня было гораздо важнее, что в кабине «Волги» неприметно сидел майор госбезопасности Соколов.

Он заметил меня и слегка кивнул. Я открыл заднюю дверцу и спасся в кабине машины от пронизывающего холода. На коленях у Александра Николаевича лежала обычная картонная папочка «Дело № ____».

- Гангстеры едут. Наш Питер еще такого не видел, - поморщился Соколов. – Скоро кортеж будет здесь.

Мне резануло ухо, как идейный чекист запросто употребляет не официальное имя города Ленина, а жаргонное «Питер», как в среде диссидентствующей интеллигенции. Но я не мог отвести глаз от папки у него на коленях.

- У вас есть для меня документы? – спросил я.

- Сначала твоя подпись, - отставил в сторону свои размышления чекист.

Он открыл папочку. И я с разочарованием обнаружил внутри ее картонных корочек, единственный лист бумаги с машинописным текстом. Не имеющий ничего общего с пухлым, выдавшим виды досье на матерого уголовника. Чекист передал мне папочку в раскрытом виде.

«Я (ФИО) обязуюсь сотрудничать... - пробежал я глазами текст. – Оперативный псевдоним «Упорный»... Предупрежден об уголовной ответственности за разглашение... Куратор – майор госбезопасности...»

Соколов протягивал мне авторучку.

- Сначала вписываете своей рукой фамилию, имя, отчество, внизу ставите подпись, - велел он.

- А где досье на Беса? – спросил я.

- Сначала подпись, - отрезал он.

Я поколебался еще минуту и взял протянутую мне ручку. Я даже начал выводить первое слово, когда почувствовал, как майор на мгновение задержал дыхание и внимательно следит, дожидается момента, когда я все подпишу. И я понял – нет у него никаких документов, он и не собирался их мне отдавать.

- Сначала дайте посмотреть документы на Беса, - попросил я, откладывая ручку и не подписанное заявление.

- В понедельник, - вздохнул Соколов. – Начальство вызвали в Москву, усиленный режим охраны похорон генерального секретаря. В понедельник согласуем...

Я все-таки не поверил своим ушам. И пару секунд еще сидел, переводя дух. Потом открыл дверцу машины.

- Ты очень меня разочаровал, Сергей! Теперь пеняй на себя! – еще успел крикнуть мне вслед майор.

Но я уже выскочил из «Волги», как ошпаренный. Задыхался, хватая ртом порывы холодного ветра. Все мои планы и заготовки пошли прахом. В голове не осталось ни единой зацепки, как поступить, когда Бес появится здесь. Я просто шел к воротам кладбища и старался дышать ровнее.

- Ну как? – Старкова снова оказалась рядом, стараясь заглядывать в глаза. – Что тебе сказали?

Траурный кортеж показался в глубине улицы. Колонна приближалась.

- Тебе ничем не помогут, - упавшим голосом пробормотала, догадавшаяся Старкова.

Стараясь не встречаться с ней взглядом, я вытянул сигарету из пачки. Хотелось успеть покурить, прежде чем все начнется. Еще я незаметно проверил, как держится в рукаве молоток – мое оружие «последнего удара». Страх я не ощущал совершенно. Наоборот, вместо страха откуда-то взялась бодрость. Еще никогда моя жизнь не была настолько в опасности. А я совершенно этого не ощущал. Просто знал, что вот сейчас все решится. Знал, что предстоит действовать. А значит, больше не придется изводиться ожиданиями и мучиться колебаниями. Пришло настоящее спокойствие – будь, что будет. Только хотелось, чтобы все началось и закончилось поскорее.

- Господи, тебя же убьют! – всхлинула Старкова. – Зарежут как мальчишку.

- Не каркай! – оборвал я ее.

Но глядя, как Маша отшатнулась в ужасе даже от собственных слов, мне стало совестно.

- Все будет нормально, - соврал я. – В такой толпе народа никто мне ничего не сделает. Свидетели кругом...

- Бесу наплевать на свидетелей! – зло вскрикнула Старкова. – Какой же ты все-таки!.. – она не договорила, с досадой мотнув головой.

Катафалк притормозил у ворот кладбища. На его крыше были закреплены две мощные колонки. Из которых громко звучал голос Алеши Козырного, распевającego блатную песню.

- Я поставил фрайера на гоп! Фрайер оказался жирный клоп! - разносилось на всю округу.

У меня аж мороз по коже пошел. Они все-таки устроили это надругательство, и не собирались его прекращать.

Остальные машины должны были остаться здесь – дальше процессия пойдет пешком. Рядом с нами остановилась длинная «Чайка». Не самая новая модификация – шестидесятых годов, но блеск хромовой решетки радиатора и неповторимые остроконечные обводы фар только подчеркивали классический шик советского лимузина для партийных бонз. Задняя дверца распахнулась, и оттуда показался грузинский вор в законе Дато Южный. Без шапки, не смотря на морозец, в расстегнутой дубленке, он бросил короткий любующийся взгляд на роскошный автомобиль, по-видимому, свое недавнее приобретение.

- Здравствуй, дорогой! Горе-то какое! – поравнявшись со мной, воскликнул Дато с грузинским акцентом. – Слезы на глаза наворачиваются, когда вспоминаю дорогого покойника. Как он пел! Даже по-итальянски мог не хуже ихнего Челентано!..

Площадка перед входом быстро заполнялась машинами. Я кусал губы, не представляя, как заставить замолчать эти колонки, в которые заточили голос Алеши. Техника звукозаписи заставляла мертвого певца против его последней воли делать то, что живьем от него никто не смог бы добиться. И кроме меня это некому было остановить.

Я старался разглядеть в толпе Беса. Мне важно было увидеть его первым. Но обзор перегородил старенький автобус. На таком на похороны обычно подвозят бедных родственников и соседей по подъезду.

И в этот момент меня тронули за локоть. Резко развернувшись, я вдруг обнаружил, что рядом Валет. Он явно нервничал, как заговорщик озирался по сторонам, и чтобы подойти ко мне, выбрал момент, когда автобус загородил нас от лишних глаз.

- Я все-таки принес тебе справочку, что Бес – стукач, - торопливо сообщил Валет, придерживая под полой «обкомовского» пальто, точно такую же картонную папочку, какую недавно я видел в машине у чекиста. – Все как обещал. Мой шеф как услышал про шедевральный посмертный концерт Алеши – быстренько документы запросил. В единственном экземпляре существует. За такой дефицит Бес что хочешь отдаст, лишь бы только от расписочки избавиться и чтобы никто не узнал, - недобро ухмыльнулся Валет, не переставая оглядываться. – Ну, что, давай мне пленку?.. А я папочку отдам прямо Дато.

Он протянул руку.

- Нет у меня пленки, - буркнул я.

- А это что? – ткнул пальцем Валет. Из моего кармана выглядывал уголок яркой коробочки, с записью-пустышкой.

- Долго объяснять. Нет у меня сейчас пленки, - огрызнулся я. – Эту я Бесу отдам. Меня без нее не пустят на кладбище. А я должен там быть. Они блат поставили, который Алеша ненавидел. Сил нет это слышать. Я должен это остановить...

- Да тебе вообще туда ходить не надо, - втолковывал Валет. – Отдадим папочку Дато - урки между собой сами разберутся. А насчет Дато, ты зря сомневаешься. Его грузины с собой стволы взяли. Так что Бес ничего не намахает своим ножичком. Че пленку-то зажал? Не доверяешь мне что ли?

- А что ты так стараешься? Достали вы меня уже со своими папочками! Строители коммунизма! Если ты друг – сам мне поверь! – вспылил я. - Сначала ты справку отдай. А когда все кончится – поговорим насчет пленки. Сейчас не могу все объяснить. Мне туда надо!

- Не-ет, просто так отдать справку не могу – это же моего начальства документ особой отчетности, мне за него надо пленку предоставить, - протянул Валет.

– Вечно ты прикрываешься своим начальством! Нет никакого начальства, сказки одни, ты сам хочешь денег заработать... Ты же ничего Дато не отдашь, я ведь, по-твоему – уже покойник, правда?.. – вдруг понял я.

В этот момент я заметил Беса. Бандит смотрел на видеокамеру. Трое чекистов в штатском, не скрываясь, снимали, фиксируя на пленку лица всех, кто заходил на кладбище в траурной процессии.

– Ты упрямый кретин! – взвился Валет. - Не хочешь договариваться, хрен тебе – с другими договорюсь. По-любому пленка моя будет!

Не дожидаясь, пока Бес заметит нас вместе, он запахнул пальто, и энергично направился на кладбище, вслед за толпой.

- Ты отказался! – ахнула слышавшая разговор Маша Старкова. – Отказался! – губы ее затряслись, а в измученных глазах промелькнуло что-то вроде ненависти.

Мне сейчас требовалось отдать Бесу фальшивую пленку. Бандит тоже заметил меня и повелительно кивнул. Короткое знакомство с Евой Томашевской не прошло для Беса бесследно. Уголовник был одет прилично и подобающе для похорон. Воротник длинного кожаного плаща прикрывал шею, чтобы не бросались в глаза татуировка со змеиным жалом. Шляпа была надвинута на глаза.

Но его кивок не укрылся от глаз Старковой.

- Не пуцу! – страшным громким шепотом, завывала она, и вцепилась в мой рукав мертвой хваткой. – Сережа, миленький! Не ходи туда! Он же убьет тебя-а!..

Понимая, что удержать меня у нее не хватит сил, Маша умоляла меня глазами, не отпуская рукав.

- Маша, не позорь меня! – попросил я, пытаюсь оторвать ее пальцы от моего рукава.

Она только мотнула головой, стиснула зубы и вцепилась сильнее. Мне ничего не оставалось кроме как ударить ее. И я хлопнул Старкову по щеке. Несильно. Она охнула, ее голова мотнулась в сторону. Но мой рукав Старкова не выпустила. Старушки, которые в большом количестве выбрались из пенсионерского автобуса, глядели на эту потеху во все глаза и готовы были уже поднять гомон. А Маша стискивала мой рукав.

Поэтому я отвесил ей пощечину уже с другой стороны и посильнее. Ее руки разжались.

- Прости, - бросил я и, вытащив из кармана, яркую коробку магнитной ленты, двинулся через толпу к Бесу.

Обезумевшая Старкова бросилась к ближайшей милицейской машине.

- Товарищи милиционеры! Арестуйте этого человека! – кричала она, указывая на меня. – Его нельзя туда пускать! Я дам показания, он замешан в деле с убийством!

К счастью, автобус загоразживал нас от основной толпы. А ленивые менты, принимая наш конфликт за бытовую ссору, и не думали выходить из теплой машины на мороз. Маша ошиблась, обратившись не в то ведомство.

Впрочем, и группа КГБшников была слишком занята съемкой на видеокамеру людей проходящих на кладбище. А раз никаких указаний насчет меня им не поступало, вряд ли они станут отвлекаться от основного задания по несущественному поводу.

- Остановите его! Арестуйте! – еще слышалось сзади, как Старкова в отчаянии пыталась спасти меня любой ценой.

Я испытывал облегчение, на какое-то время, избавившись от Маши, и торопился оторваться от нее.

Все вокруг уже было неважно. Я шел навстречу Бесу.

- Принес пленку? – с подленькой ухмылкой поинтересовался бандит, бросив взгляд из-под надвинутой на глаза шляпы. Мы вместе завернули в ворота кладбища, слившись с людьми, бредущими за катафалком. Бес постарался отвернуться от объектива видеокамеры КГБ, мимо которого нельзя было не пройти.

Я, молча, продемонстрировал коробку, которую держал в руках.

- Это и есть последняя Алешина запись? – спросила Ева Томашевская, которая шла под ручку с Бесом. Глаза ее заинтересованно блеснули из-под черной вуали.

- Ну и что ты мне показываешь? – не поверил Бес. – Фуфло подсунуть хочешь? – он, как будто инстинктивно чувствовал подвох. - Я тебя насквозь вижу, фрайер... Третий раз тебе от меня не уйти. Бежать отсюда некуда, – шепнул мне уголовник.

- Блатные песни выключи... Хватит над Алешей измываться, - вполголоса попросил я.

Хотя именно сейчас бодрые скрипочки веселых хулиганских песен заглушил грохот работающего отбойного молотка и оглушительные выдохи компрессора. Место для Алешинной могилы было отведено на престижном участке, возле старой кладбищенской стены. Но кладбище активно расширялось, и рядом шли работы. Бригада строителей долбила старую стену отбойным молотком, разбирая кладку на кирпичи.

Катафалк остановился. Люди постепенно подходили к разрытой могиле и обступали ее со всех сторон.

- Дорогие мои! Не могу описать тяжесть потери... - это Василич, стоя без шапки, начал произносить надгробную речь, воспользовавшись тем, что рабочие, дробившие стену, устроили перекур и отбойный молоток замолк.

- Убери блатные песни! – снова выдавил я из себя, чувствуя, как начинаю дрожать от бешеной ненависти.

- Давай, что ты там принес, - протянул руку Бес. – Сейчас проверим.

Я подал пленку. Он бросил ее кому-то из своих шестерок. И тот сделал шаг к «Волге», и поднял заднюю дверь фургона, там, где работал магнитофон. Песня прервалась. «Шестерка» быстро накрутил на бобину новую пленку.

- ...это «Концерт на крови». Слушай сюда, Витек! Говорят, у вас там, в райских куцах ангелы поют. А я вот не ангел, и меня туда не пустят... –

Алешин голос, произносящий вступление, громко разнесся по всему кладбищу.

Присутствующие вздрогнули и обернулись. Василич осекся на полуслове. На мгновение показалось, будто Алеша устроил очередную шуточку – разыграл всех, а вовсе не умер. И вот-вот появится откуда-то, чтобы насладиться впечатлением, которое произвел его номер на публику. Люди машинально начали оглядываться.

А Бес поглядывал на меня и многообещающе улыбался. Он жаждал расправы и ему была безразлична обстановка похорон.

Голос Алеши запел «Тонкую рябину». У многих на глаза навернулись слезы. И я знал, что песня длится две с половиной минуты, а дальше Бес начнет меня резать. Бить надо было прямо сейчас, пока он стоит близко. Мне требовался один неожиданный, точный удар. Пытаясь незаметно выпростать молоток из рукава, я замер.

Но тут между нами откуда-то вклинились и засуетились женщины, скорбно раздававшие конфеты в фантиках, которыми полагалось закусывать водку, которую, тут же наливали по небольшим стопкам. И мне тоже сунули в руку стопочку. Пришлось глотнуть горькую жидкость, не спуская глаз с виска Беса.

А в следующий момент он уже сдвинулся в сторону. Бес отошел к Валету, который отозвал бандита, стоя немного в стороне. Но стоило сделать шаг вслед за Бесом, как меня оттеснили двое его подручных, не спускавшие глаз с моих рук. Я похолодел, понимая, что момент упущен.

Между тем, бобины крутились. Песня «Тонкая рябина» заканчивалась. Еще полминуты, и на пленке загудит пустота...

А Бес все еще тихо разговаривал с Валетом, который из-под полы демонстрировал ему свою картонную папочку.

Песня заканчивалась. Но как только замер последний отзвук алешиного голоса, бандит вдруг скомандовал:

- Выключай! Давай ее сюда... - обернулся Бес. Ему подали красную коробочку, он держал ее в руках. – А теперь снова музыка! – осклабился бандит. – «Мурку» заводи, да погромче! Покойный всегда для меня ее пел! Только прикажу: «Мурку давай!» - тут же бежит на полусогнутых к микрофону! Певец! Талант настоящий!

Он лгал громко, чтобы слышали все присутствующие. Чтобы здесь на публике утвердить свою власть. В магнитофон снова заряжали катушку блатных песен. Оцепенев, я опять упустил момент броситься и ударить! Даже набрал воздуха в легкие, чтобы ринуться напролом. Но Бес отошел обратно, к Валету. Не привлекая внимания, они обменялись: передали из рук в руки пленку и папочку. При этом бандит воровато оглянулся и заметил мой взгляд.

- Пленка хорошая, хвалю, - немедленно переключился он на меня. - Но это не все, Студент. Извинись перед покойным. Иди, встань на колени перед ямой, и говори: «Падла я дешевая. Прости Алеша, что загнал тебя в могилу». А потом землю ешь. И мы квиты...

Ева с хрипотцой хохотнула из-под вуали, как будто она была в восторге от шутки.

Он слишком далеко стоял. Туда мне было не дотянуться. А рядом, над самым ухом магнитофон снова надрывался алешиным голосом:

- В темном переулке! Где гуляют урки!..

Я еще раз оглянулся направо и налево. И впервые на миг разглядел лицо Алеши в открытом гробу. Он словно сморщился от боли в этом шабаше среди врагов, и стал почти неузнаваем.

- Какие дела?! – нервно дернул локтями Бес. – Живо на колени вставай, а то передумаю прощать!

Сделав шаг к могиле, я нагнулся, как бы подхватывая ком земли. На самом деле вытряхивая из рукава молоток. Он скользнул вниз. И как только пальцы крепко ухватила рукоятку, я бросился к магнитофону, и ударил молотком, что было сил по лентопротяжке. Механизм с треском разлетелся. Пленка беззвучно заструилась на землю. Так я освободил мертвого друга от этого кошунственного пения. Оно пресеклось на полуслове.

Следующим движением я ринулся на Беса, но на моих руках немедленно повисли его «шестерки». Я успел махнуть своим оружием рядом с его головой. Но бандит легко уклонился от удара, всего лишь уронив элегантную шляпу. А меня свалили на землю, ткнув лицом в комья мерзлой глины, которую сюда добросили землекопы.

Через мгновение меня поставили на ноги и крепко держали. А Бес уже был рядом, из его кулака торчало лезвие.

- Такое удовольствие, резать человека обломком ножа, – шепнул он вполголоса. – Помню, как твой дружок визжал и трепыхался... Ты тоже будешь визжать. Я специально перо сломаю, когда тебя резать начну...

Многочисленные блатные, не сговариваясь, встали между нами и толпой, загородив обзор для простых людей, уже попрощавшихся с Алешей и понемногу уходивших с кладбища. Впрочем, никто и не жаждал разглядывать начавшуюся разборку. Люди, наоборот, торопились отвести глаза, чтобы не привлечь к себе опасного внимания.

Рядом с нами оказался Дато.

- Западло! – сказал грузинский авторитет Бесу. – Не по понятиям! Похороны – святое. А ты здесь разборку затеял.

- Да какие там понятия! – раздался истеричный женский крик.

Это Маша Старкова, внезапно оттолкнув загораживавших сцену уголовников, бросилась ко мне.

- Какие понятия! – кричала она, неожиданно вцепившись в руку Беса с ножом. – Он стукач! Вон тот принес папку, там все написано, как он стучал...

Она вытолкнула папку, которая была зажата у Беса подмышкой. Картонные корочки раскрылись. Из них выпорхнули два листочка канцелярской бумаги. Бес, зверски оттолкнув Машу, успел подхватить на лету один листик, не глядя, разорвал, сунул половинки в рот и начал яростно пережевывать. Маша упала на землю, сильно ударившись затылком.

Дато кивнул своим грузинам. И один из них приставил что-то к спине Беса, пока сам Дато быстро нагнулся, поднял второй листик и впился в него взглядом.

Бес лихорадочно заметался. Но его шестерки были уже оттерты в сторону. Грузинов оказалось явно больше, они стояли полукругом.

- Ты семью покойного оскорбляешь, Дато! – еще пытался вывернуться Бес.

Однако Ева Томашевская, мгновенно сообразив, на чьей стороне сила, торопливо отшатнулась от него.

- Тварь! – взвизгнул Бес.

Лезвие блеснуло в его руке. Но вокруг него было уже слишком много врагов. В тесноте, он успел дотянуться только до того, кто стоял ближе. А ближе всех оказалась Ева. Черная вуаль вспорхнула вслед за лезвием. Ева схватилась за лицо. На снег брызнула кровь. А ее вскрик потонул в оглушительной дробе отбойного молотка и гуле компрессора. Рабочие закончили перекур, как только над могилой перестали говорить надгробные речи, а вереница людей потянулась мимо, бросая в яму горсти земли.

Грузины Дато крепко держали Беса.

- Пошли, - велел Дато.

- Где же понятия?! - Крикнул Бес. – Нельзя же друг друга на похоронах мочить...

- А ты не в понятиях, ссученый! – с заметным акцентом произнес Дато. – Ты пес мусорской. Вот протокол. – Он держал в руках листок из папочки. – Хочешь, прочитаю братве, как ты авторитета Мишу Веселого закладывал?

- Беспредельное время идет!.. – еще крикнул Бес.

Но его поволокли за стену. Через пролом, как по заказу сделанный кладбищенскими рабочими. Которые с привычной невозмутимостью, не обращали внимания на происходящее.

- Евочка, что с тобой?! – подбежал Василич. – Что сделали эти изверги?

Томашевская стояла, опершись на машину. По ее перчатке струилась кровь.

- Он лицо певице порезал, зверь! Изуродовал, - обомлев, пробормотал Василич. – Скорее в машину, в больницу поедем, зашивать...

В этот момент что-то произошло неподалеку за кладбищенской стеной. Оглушительно колотил отбойный молоток, и какой звук там раздался - невозможно было различить. Но с ближайших деревьев разом взлетела стая ворон. Черные птицы, перекликаясь, начали кружить в воздухе.

Через пару минут возле Алешиной могилы остались только несколько кладбищенских рабочих, невозмутимо забрасывавших ее землей. Рядом со следами уехавших автомобилей валялся нож Беса. Кругом были расставлены погребальные венки. А еще, оставленные в снегу, лежали несколько пустых бутылок из-под водки и забытые стопочки.

Я не верил, что действительно остался жив, и зачем-то все еще сжимал в руке молоток. Сделал шаг к Старковой. Она ринулась мне навстречу. Налетела и обхватила руками.

Но уже быстрым шагом к нам возвращался Дато.

- Уходить надо! – предупредил вор. – Беса здесь валить пришлось. Менты вокруг. Машина там ждет, - он кивнул в сторону пролома.

Я покачал головой.

- Ну, как знаешь, - нахмурил брови Дато и перевел взгляд на Валета, тоже замершего неподалеку с яркой коробкой магнитной пленки в руках.

- Ну, все в порядке?.. – засуетился Валет, съезжившись под этим взглядом. – Все при своем. Предателя наказали. А я пленку забираю, шефу моему, как договаривались...

- Дай сюда! – велел Дато, отбирая у него коробку с пленкой. – Это тебя наказать надо, красноперый. Бога благодари, что с твоим уважаемым начальником у нас дела общие. Рви отсюда, пока я тебе уши не отрезал!..

Валет не заставил повторять. Он развернулся и побежал рысцой, колченого спотыкаясь, когда путался в полах своего «обкомовского» пальто.

- А пленку я заберу... - как ни в чем не бывало, сообщил Дато, пряча коробочку под дубленку. – Все как надо сделаем. Распорядимся по-честному. Последний Алешин концерт. Большая слава дорогого покойника ждет. В натуре - наш Челентано!.. Вах!

Он повернулся, шагнул в пролом, и через минуту его тоже не было.

- Украл пленку! – сквозь слезы подняла на меня счастливые глаза Маша. – Вор, одно слово! И не знает, что настоящий оригинал у меня в су... В сумочке!

Она принялась икать, захлебываясь от счастливых слез.

- Ну, все! Все кончилось. Пошли отсюда скорее, - обнял я ее за плечи, и повел к выходу с кладбища.

Сам я еще не мог поверить, что все действительно кончилось. Я не видел, как убивали Беса, поэтому никак не мог свыкнуться с мыслью, что мучителя моих друзей больше нет на свете. Видимо, не могла поверить и Старкова.

- Все? – спросила она. – Ты их всех победил?..

Вместо ответа я только поцеловал ее мокрые от слез глаза.

Над кладбищем по-прежнему летали и каркали вспугнутые вороны. Перед входом не оставалось больше машин. На удивление быстро они успели разъехаться.

Но не все. ГБшная «Волга» стояла на том же месте. Рядом – единственный милицейский «бобик». Трое оперативников в штатском шагнули навстречу нам. Видеокамеру они уже успели спрятать в багажник. Теперь у них была другая задача. Я понял это с первого взгляда.

- Сергей Климов? – обратился ко мне один из оперативников. – Вы арестованы за мошенничество и соучастие в убийстве.

- Зря ты меня не послушал, - вкрадчиво, но со значением предупредил майор Соколов, защелкивая наручники мне на запястьях.

Прежде чем шагнуть в заднюю дверцу милицейского «УАЗика» я оглянулся на Старкову. Маша стояла, закаменев, но словно ждала этот мой взгляд.

- Господи! Что я наделала!!! – дико взвыла она.

В этот момент меня толкнули головой внутрь машины. Железная дверь гулко захлопнулась за спиной.

Когда «УАЗик» тронулся, я прильнул к маленькому зарешеченному оконцу, оставленному в задней двери. Поэтому видел, как Старкова, побежала следом. Она торопилась изо всех сил, как будто могла не отстать от автомобиля. Но поскользнулась, и упала, пролетев по инерции еще пару метров на животе. Сумочка с драгоценной бобиной отлетела куда-то в сторону. Старкова не обратила на это внимание, потому что, не спуская глаз, до конца смотрела вслед увозившей меня машине, пока она не завершила за угол.

Эпилог

1989. Горький (Нижний Новгород)

Пасмурным и слякотным февральским днем я брел вверх по центральной улице города Горького. Улица была пешеходной, закрытой для машин. Многочисленные прохожие двигались навстречу мне, прокладывая свой путь сквозь сумрачное кружево медленного снегопада. Мне нравилось бесцельно брести по улице, плыть в многоголосии отрывков чужих разговоров, когда все идет вразнобой, а не строем. Так легче всего почувствовать кожей саму душу свободы. Которой я не переставал наслаждаться уже месяц, с тех пор, как вышел за ворота Соликамской зоны. Правила моего условно-досрочного освобождения подразумевали запрет на проживание в обеих столицах. Но это не волновало. В мои планы входила гораздо более радикальная смена места жительства. И Горький, как временная пересылка, меня вполне устраивал. Здесь можно было не хуже, чем в любом другом месте наслаждаться отсутствием конвоя и колючки.

До назначенной встречи оставался еще целый час, а ноги промокли в городской слякоти. На глаза попала вывеска магазина грампластинок «Мелодия». И я решил зайти – скоротать время в тепле.

За прилавком высокими рядами красовались стопки виниловых дисков. Я поразился, разглядев в свободной продаже альбомы «Битлз», «Дип Перпл» и «Лед Зеппелин». Похоже, страна действительно изменилась, о чем мне говорили разные люди – но в зоне перемены не видны.

На прилавке стоял проигрыватель. Продавец как раз ставил новую пластинку. Я уже собрался дальше рассматривать диск «Битлз», но замер, словно пронзенный током.

- Что стоишь, качаясь, тонкая рябина... - вдруг мягко зазвучал на весь магазин неповторимый голос Алеши Козырного.

У меня перехватило дыхание. И словно мягкой сильной лапой стиснуло сердце. Это было как встреча со старым дорогим другом, не по своей воле потерявшимся из твоей жизни. Ты почти забыл его, считая навсегда утраченным. А теперь стоишь, глядя ему в лицо, и только глупо улыбаешься, не зная, что сказать.

Я шагнул к прилавку. На проигрывателе, со скоростью 33 оборота в минуту крутилась настоящая виниловая пластинка с ярлыком фирмы «Мелодия» выпускавшей всю музыку в Советском Союзе. Рядом лежал настоящий конверт от пластинки с портретом Алеши Козырного. Художник срисовал его с обычной фотографии. На конверте значилось, что пластинку выпустил московский Апрелевский завод, тиражом 7 тысяч экземпляров.

- Его называли королем блатной песни, – подсказал продавец, заметивший, что я интересуюсь. – Слышали, когда-нибудь раньше этого певца – Алексея Козырева, или Алешу Козырного, как его принято называть? Его ведь прежде только подпольно записывали. Между тем – прекрасный голос, тембр совершенно неповторимый...

Я кивнул. Не хотелось вступать в беседу, чтобы не отпускать это горько-сладкое чувство тоски от столкновения с моей прошлой, давно перечеркнутой жизнью. С ее первой борьбой, с подлинными друзьями и первым жестоким испытанием.

- Новинка, - не унимался продавец, взяв конверт у меня из рук. Он был интеллигентный мужчина чуть старше тридцати, явно с душой исполнявший свои обязанности. – Пробный тираж. Хотя чего тут пробовать? В кругу своих слушателей Алеша Козырный давно знаменитость. В любой компании спроси, обязательно найдется кто-то, кто слушает и любит его песни. И вот уже тема для разговора. А теперь вот – совершенно легально вышла пластинка!.. Страна меняется...

«Неужели настолько меняется?» - подумал я про себя.

- Кстати, на пластинке очень грамотный подбор песен, - продолжал словоохотливый продавец, вертя конверт в руках. – Есть и лучшие вещи, классика жанра, есть редкие. Сейчас, например, звучит «Тонкая рябина». Считается, что это заглавная песня легендарного «Концерта на крови». Там целая история, якобы, певец его записал перед самой смертью в честь погибшего друга и все такое. Только реально этот альбом никто никогда не слышал. Так что лично я считаю – это скорее такая красивая легенда... Хотите, еще раз поставлю?

Но в этот момент к проигрывателю уже подошли несколько молодых парней в спортивных костюмах. Похохатывая, один из них поднял иголку на проигрывателе. Пение Алеши прервалось. Его пластинку сняли с диска, чтобы поставить свою. Вежливый продавец замаялся.

- Молодые люди, может быть, вы поставите свою пластинку на другом аппарате, - неуверенно попросил он. – Вон тот у окна освободился...

Крепышам в спортивных куртках такое предложение пришлось не по нраву.

- Мешаем что ли?.. – спросил один из них.

Я просто повернулся. Причем, не собираясь их как-то пугать, или устраивать разборки. Все получилось само. Я только повернулся и посмотрел на парней. Ни слова не сказал. Тем не менее, они смутились.

Такое происходило уже не в первый раз. За шесть лет в зоне я заработал серьезный авторитет. Хотя никогда не стремился карабкаться вверх по блатной иерархии. Только стоял на своем, когда считал, что должен это сделать. И, тем не менее, через шесть лет я покидал тюрьму, конечно, не вором в законе, но человеком, к которому приглядывались авторитетные воры. И вот, что удивительно - оказалось, этот авторитет и на воле люди тоже угадывали каким-то «верхним чутьем». Вот и эти парни замялись. Хотя в натуре, я только посмотрел на них и все - клянусь!

Проигрыватель освободился. Но второй раз прослушать «Тонкую рябину» все-таки не получилось. В магазин зашел Кощей. Не глядя на покупателей, он направился прямо ко мне.

- Студент, я посмотрел, там все чисто, - с ходу сообщил мой кореш, как ни в чем не бывало.

Всегда поражался его способности находить меня там, где, казалось бы, найти меня было невозможно. Впрочем, в зоне такое появление Кощей однажды спасло меня от верной смерти, да и я годом раньше тоже его спас. Но сейчас он появился некстати.

- Обязательно зайду к вам за этой пластинкой, как только разживусь проигрывателем, - пообещал я, и вежливо добавил: - Благодарю!

Но продавец смотрел уже с опаской. И это разозлило меня.

- Ну, что ты приперся? Подождать не мог? – посетовал я на Кощея, как только мы вышли наружу. – Видишь, я музыку слушал...

Кощей насупился, но в бутылку не полез.

- Ты же сам хотел, чтобы я там все крыши посмотрел? Я и посмотрел.

- Ну и как? – заинтересовался я.

- Все, как ты говорил! – просиял кореш. – Город старинный, можно несколько кварталов с крыши на крышу перебираться. И дом этот, там в общем, есть подходящая форточка. Из нее сначала в подсобку попадаешь, а потом в кафе, про которое ты говорил... Точно знаешь, что тебя там «кинут»?..

Кощей, кстати, не был форточником. А встреча, которую я опасался, была назначена в небольшом кафе «Теремок». Днем оно стояло полупустое. Точнее, там были назначены обе нужные мне встречи. С промежутком в один час. По старой привычке я решил сделать все дела разом. Смысла тянуть не было. Но и зря лезть на рожон я не собирался. Поэтому постарался все продумать, и, как всегда, подстраховаться, на случай худшего развития событий. Вот только страховка у меня была одна – талант Кощей.

На самом деле Кощей был виртуозным карманником. Факиром и иллюзионистом своего дела. А вот крыши не были его стихией. Поэтому я

решил кое-что поменять. О чем и рассказал, пока мы медленно брели в сторону кафе «Теремок»

- Ну, как? Справишься? – на всякий случай поинтересовался я.

- А то! – хмыкнул Кощей. - Вот не пойму я, Студент. У тебя же масло в голове! И зачем ты наострил лыжи за кордон? - с характерным блатным выговором заявил он. – Страна меняется, кооперативы всякие появились, как при НЭПе. Лавэ у фрайеров теперь навалом... Мне авторитетные люди говорили – наше время пришло!

- Как бы тебе объяснить, – я заговорил медленно, потому что подбирал слова как можно более душевные. Я искренне не хотел испытывать терпение своего приятеля, по опыту зная, во что превращается этот человек, когда приходит в бешенство. А сегодня я один раз уже обидел его небрежным обращением. – Дело такое, Кощей. Как выяснилось, очень по-разному мы понимаем жизнь: я и ЦК КПСС. И остаться в стране, которой они управляют, значит сидеть снова и снова. Не за одно, так за другое. А чалиться всю жизнь даже в таком гостеприимном месте, как зона в солнечном Соликамске – не хочу...

Кощей осклабился - шуточка про Соликамскую зону пришлась ему по душе.

- Потому и надо мне свалить. Но только за кордоном деньги еще важнее, чем у нас. Поэтому, хочу я вывезти одну ценную вещь. Ее там уже ждет мой старый одесский друг, пару лет назад умотавший в Израиль. Помнишь, я тебе рассказывал, который Высоцкого записывать мечтал?.. У него там своя фирма грамзаписи. Так вот эту важную штуку мне сюда обещали принести. Но, заварушки, думаю, не избежать. Но если дело выгорит как надо – твоя доля Кощей, где бы я ни был, хоть на другом краю земли - я свои долги всегда плачу... Ты ведь это знаешь?

Жулик кивнул. И мы расстались. Я открыл двери кафе.

И сразу же узнал ее, как только шагнул в зал, приглаживая короткие волосы ладонью. Столик в углу, у окна. Она лежала между салфетницей и высоким стаканом, в котором доходил какой-то чахлый цветочек. Немного полинявшая от времени, коробка сверхтонкой магнитной ленты «Тасма». Один ее картонный угол был смят. Но в целом это было именно то, что я искал. Оригинал последней записи Алеши Козырного. Легендарный «Концерт на крови», в существование которого, оказывается, уже мало кто верил. Пленка, оставшаяся в сумочке Маши Старковой, когда я видел ее в последний раз, отчаянно бежавшую по ноябрьскому льду за увозившим меня «воронком».

Я шагнул навстречу. Девушка, сидевшая за столиком, вопросительно подняла глаза.

- А я почему-то не думала, что вы такой молодой? Думала, как все мамины друзья! – вместо приветствия заявила она.

- Мне скоро будет двадцать девять. Я ведь моложе твоей мамы на десять лет... - объяснил я.

Она набрала в грудь воздуха, словно собираясь на что-то решиться.

– Мама четко мне объяснила, что надо сделать, если вы дадите о себе знать. Даже слово с меня взяла, - выпалила она, как школьница наизусть домашнее задание, не отводя взгляда и нисколько не смущаясь.

- Значит, она сохранила пленку, - вздохнул я.

- Но только сейчас я вдруг поняла, что настолько не хочу ее вам отдавать, что даже готова нарушить слово, которое дала матери! - дерзко заявила девчонка и убрала со стола пленку, которую, казалось, еще секундой раньше она готова была подвинуть мне. Теперь она спрятала ее к себе на коленки, с вызовом уставившись мне прямо в глаза.

Я просто сел за столик напротив нее. Девочка не представляла, насколько она меня поставила в тупик. Если бы тут сидела пара бандитов, собиравшихся меня кинуть – я бы четко знал, как сейчас поступить. Но напротив меня сидела хрупкая девчонка 18-19 лет, с глазами точно такими, какие они становились у Маши Старковой, когда та начинала сердиться.

- Ну, что молчите? – спросила Катя, видимо, уже успев немного испугаться собственной смелости. Все-таки перед ней сидел тип, недавно вышедший из тюрьмы.

- Не знаю, что сказать, - признался я. Потихоньку соображая, что эта девочка вряд ли хочет завладеть пленкой из-за денег. Наверное, сейчас всего несколько человек в стране представляет себе ценность этого оригинала. Просто она собирается задать мне какой-то вопрос. И хочет во, что бы то ни стало продемонстрировать мне, как он у нее наболел.

- Она была уверена, что вы ненавидите ее, за то, что... Считали в общем... - тут она осеклась. – Ну, что это она вас посадила?

Я покачал головой.

- Это я сам себя посадил. Такую выбрал судьбу, - усмехнулся я. – А Маша ни в чем передо мной не виновата. Как жаль, если она так считала.

- Так какого черта вы ей на письма никогда не отвечали и от свиданий отказывались?!.. – выпалила девчонка, раскрасневшись от гнева. – Она-то считала, что виновата и извелась совсем!.. Только когда уехала, у нее там немного от души отлегло, я это почувствовала.

- Я был уверен, что сидеть мне придется все девять лет. Не хотел ей жизнь ломать. Думал, так она меня легче забудет, - признался я. – Знал бы, что срок скостят, может быть, поступил бы иначе.

Знала бы эта девочка, как много стоило сделать иначе в моей прошлой жизни! Мне пришлось отказаться от памяти о той прошлой жизни, чтобы выжить в зоне. Измениться, стать другим. Вычеркнуть из памяти те дни, когда вокруг меня были самые дорогие в моей жизни люди и когда были сделаны тяжкие, непоправимые ошибки. И только сейчас я мог позволить себе вспоминать обо всем этом без опаски дать слабину.

Но как было объяснить все это девочке? И я просто смотрел на нее, улавливая в юном лице неуловимые черточки, доставшиеся ей в наследство наполовину от Маши, наполовину – от Алеши. От людей, которых мне больше не суждено видеть.

- Вы любили ее? – спросила Катя, не удержав в голосе легкой хрипотцы.

- Где она сейчас? – ответил я вопросом на вопрос.

- В Швейцарии.

- Решилась лечить голос?! – не поверил я.

- Если бы! Она же моего нового папочку – потускневшую рок-звезду повезла туда лечить от наркомании, - недобро ухмыльнулась Катя. – Рассчитывает спасти этот мешок с дерьмом...

Наступило неловкое молчание. Выручил франтоватый официант. Посверкивая белоснежными манжетами, он очень кстати возник рядом, уже считая меня своей законной добычей. Как же - угрюмого вида тип в ресторане с юной спутницей. Официант рассчитывал на солидный куш и подобострастно склонился над нашим столиком.

- В девятнадцать часов у нас открывается музыкальная программа. Живая музыка... - завлекая, проговорил он.

- А ты почему все еще в Союзе? – поинтересовался я у Кати, справдив официанта. – Если семья там?

- Мне надо закончить музыкальное образование, - пояснила девушка. – Там на это денег не будет.

- Если дело в деньгах, могу помочь, - быстро решил я. – Пленка эта очень ценная. Если ее вывезти из страны и продать какой-нибудь крупной фирме грамзаписи, это приличная сумма в долларах. В конце концов, Алеша свой гонорар тогда не получил и Маша в записи участвовала и пленку сумела сохранить. По всем понятиям я ее должник. Отдам тебе. Поедешь к своим?

- Да не хочу я уезжать! - возмутилась девушка. – Мне и здесь хорошо. Такие перспективы открываются. Мне контракт предлагают подписать! Помогут записать дебютный альбом! А это знаете, как важно! Платить, правда, обещают мало, и там в контракте написано, что потом я еще десять альбомов обязана буду записать с этими продюсерами... Они получают права на мое имя и все такое... Так что пока думаю, но наверное соглашусь. Других-то вариантов нет.

- Кто такое предлагает? – спросил я.

Она назвала фамилию. Я скрипнул зубами. А она с ребячливой гордостью продолжала рассказывать – как это важно для начинающего артиста – сразу контракт с известным продюсерским центром. Тем более, когда им руководит такой человек, которого все называют воротилой молодого российского шоу-бизнеса. Они уже встречались, и он очень хвалил ее голос. Правда кое-кто предупреждает, что он всех молоденьких певиц тащит в постель, прежде чем «пустить в тираж», но пусть только попробует! Хотя я не должен думать, что она такая уж ханжа. Ничего подобного. Когда она сама решила расстаться с невинностью после выпускного вечера в школе - так и сделала. И вообще, она сама в жизни все решает и давно уже не ребенок...

- Не вздумай! – прервал я поток сбивчивых слов.

Катя умолкла, растерянно хлопая ресницами.

- Ты сама себя загонишь в рабство! Они из тебя все соки выпьют. Выжмут до последней капли. И отшвырнут. Как уже было с твоим отцом, - предупредил я. – Не важно, крупная фирма или нет – важно люди. А этих людей я знаю, им наплевать на талант. Им главное – деньги.

- Странно, и мама то же твердит, - призналась Катя.

Разом выпалив все, что хотела, на одном дыхании, она словно устала, и молча смотрела на меня, подперев щеку ладонью. Точно, как когда-то Старкова у себя на кухне в день нашего знакомства.

- Тебе надо уходить, - попросил я. – Через полчаса сюда явится тот самый человек, о котором ты говорила. У нас будет серьезный разговор. Я не хочу, чтобы вы встретились.

Катя смутилась, покраснела и рассердилась.

- Ну и забирайте свою пленку! – холодно сказала она, протягивая мне коробку. – Скатертью дорога в Америку!

Гордо выпрямив спину, девчонка пошла через зал к выходу. А я еще подумал, что с таким характером она и впрямь способна чего-нибудь добиться. Тем более – голос – еще в детстве Старкова хвасталась, что дочь вундеркинд. Но не успел я это подумать, как Катя вернулась с полдороги.

- Хочу, чтобы вы знали! – заявила она. – Петь я все равно буду! И пусть я буду петь за копейки – это лучше, чем вообще не петь! Для меня петь и дышать – одно и то же!..

- Садись, - вполголоса попросил я.

- Вы же хотели, чтобы я ушла? – опешила девушка.

- Поздно, - объяснил я, и незаметно подтолкнул ее на стул, поближе к окну. Так, чтобы, если придется отбиваться, она оказалась за моей спиной.

Валет явился на встречу раньше, чем договаривались. Судя по тому, как суетились вокруг него гардеробщик и швейцар – он небывало крупная шишка для их заведения – инстинкт никогда не обманывает таких матерых халдеев.

Когда Валет шагнул в зал, мне сразу бросилось в глаза, как он располнел за эти шесть лет. Живот заметно выпирал из дорогого импортного пиджака. На лбу появились залысины. Лицо обмякло и утратило здоровый цвет. Очевидно, мой прежний компаньон по спекуляциям за эти шесть лет немало поработал печенью, «решая вопросы» на пьянках в комсомольских банях и на обкомовских дачах.

Но выдержку он наработал отменную. Даже глазом не моргнул, обнаружив Катю, сидящую рядом со мной.

- Катюша! Какими судьбами! Такой приятный сюрприз! – рассыпался в комплиментах Валет, даже склонившись поцеловать девушке ручку.

- Ну, здорово, Серега! – Улыбнулся он мне. – Рад, что ты в норме, и вообще, молодцом. Это не каждому удастся после таких испытаний.

Однако, по еле заметной тени, пробежавшей по его лицу мне стало ясно – он все понял и разозлился. Столько лет он искал пленку последнего концерта Алеши. Он проверил все мои связи. Шантажировал всех, кто мог иметь к этому отношение. А оказалось, что пленка все это время была у

Маши Старковой, которую он пытался запугать самой первой, еще тогда в 1982-м. И не мог поверить, что женщина не поддалась.

Я под столом тихонько наступил Кате на ногу, чтобы держала язык за зубами. И девочка понятливо уткнулась в свою чашечку с кофе.

- Зачем искал? – спросил я конкретно, и не здороваясь.

- А может я решил помочь бывшему деловому партнеру? - принялся плести кружева Валет, небрежным жестом заказывая официанту дорогого коньяку. – Хотел посмотреть, как твои дела. И предложить какой-нибудь деловой проект? Наш продюсерский центр выходит на новый уровень. Знаешь, какие теперь у нас обороты? Миллионные! И это только начало. Дело развивается. Людей энергичных не хватает. А я помню, у тебя были к этому когда-то способности. Вот и решил – я тебе помогу для начала, а там, глядишь, и совместный бизнес развернем?

- Не гони фуфло, - оборвал я его словоизлияние.

Во время разговора я не прекращал осторожно поглядывать в окошко. И отметил, как два мента уже второй раз прошли мимо, словно обходили здание «Теремка» по периметру. И еще двое мужчин в штатском подозрительно долго тусовались напротив. И это только те, которых я успел рассмотреть в свое окошко. Дело развивалось по самому худшему сценарию, как я и предполагал.

- Не хочешь по-хорошему – твое дело, - окрысился Валет. – Только учти, с твоим досрочным освобождением никто тебя за границу не выпустит. Если только я не похлопочу. А люди у меня есть в идеологическом отделе ЦК, и в МВД. Отдай пленку и катись на все четыре стороны вольной птицей! А если не послушаешь – всегда полно способов, как отменить твое условно-досрочное освобождение, и отправить тебя снова туда, откуда пришел!

- Валерий Георгиевич! Это же шантаж! – задохнулась от возмущения Катя.

- Ничего подобного, милая! Это мужской разговор. Или выгодное предложение, от которого не стоит отказываться.

Я улыбнулся. Есть одна вещь, которая не доступна пониманию таких, как Валет. И почему, имея все, они не прекращают испытывать чувство, что остались в дураках. Он мог отправить меня обратно на зону. Мог все-таки вырвать у меня пленку. Да и пристрелить, сославшись на сопротивление и попытки к бегству меня здесь, наверное, тоже могли. Но, что бы не случилось – кое в чем я уже победил. Катя Старкова уже никогда не пойдет к нему в услужение, всего-то посидев со мной вместе пять минут за одним столом.

- Она при тебе? – не выдержал Валет. – Покажи?!

Я выложил на стол коробку с пленкой. Но как только он протянул к ней руку – сразу отдернул и вернул назад – в правый карман пиджака.

- А теперь слушай мои условия, - сказал я. – И перестань прикидываться моим другом. Я ведь знаю, как ты за этой пленкой гонялся. Как Есифа Шмеерзона, несчастного инвалида-алкоголика на улицу бомжевать выселил, чтобы он потом замерз зимой. Пока твои шестерки у

него в квартире пол по доскам разламывали – тайник искали. Как ты Машу Старкову страдал – тоже в курсе. По понятиям за тобой столько косяков, что моли бога, чтобы я тебе их не предъявил...

- Ты что-то совсем рамсы попутал, - поежился Валет. – Не понимаешь на кого залупаешься?..

Он-то считал, что деньги и связи, которые стоят за ним – это что-то вроде непробиваемой брони. И, в общем, был прав. Все эти типы на подступах к верхушке государственной власти, которым он платил, все менты, которых он мог притащить сюда хоть целый гарнизон, бандиты грузина Дато, много лет крышевавшие его бизнес – это была целая армия. Но просто я пришел из таких мест, где доводилось видеть, как человека убивали гвоздем в ухо. А он сейчас сидел от меня на расстоянии вытянутой руки. Так что в данный момент наши шансы были равны. И он это чувствовал. И знал, что я знаю, что он это чувствует.

Поэтому ему хотелось скорее уйти. И он закурил сигарету, чтобы скрыть нервы. А я наоборот, чувствовал себя превосходно. И мог сидеть здесь сколько угодно.

- В общем, так, - начал я. – Пленку я тебе продам. Выпускай концерт на пластинке или как захочешь, какая будет прибыль - это твое дело. Я получаю деньги, и наши с тобой дела на этом закончатся. Мстить я тебе не буду. Своих дел хватает.

- Раздумал за рубеж? – поднял брови Валет.

- Здесь дела появились. Вот ее записывать буду, - ухмыльнулся я, поглядывая на Катю. – А деньги нужны - чтобы ее первый альбом выпустить. Думаю, справедливо, когда получится, что за это заплатят ее покойный отец и его друг?

- Э! Мы так не договаривались! Катя со мной контракт подписывает, - замахал перед моим лицом пальцем Валет.

Я схватил эти его пальцы, вывернул их на сторону и заломил руку. Так что он аж выскочил пузом на стол и прижался мягкой щекой к тарелке.

- А я насчет Кати и не договариваюсь! – тихо продиктовал я ему на ухо. – У тебя на нее никаких прав не было и не будет. А таких, кто талант в рабстве хочет гноить я ненавижу. И если надо будет раздавить – себя не пощажу. Понял?

Валет что-то прохрипел. И я отпустил его. Оказывается Катя все это время сидела рядом, удерживая ладонями скатерть, чтобы приборы не полетели на пол, не наделали шума и не привлекли внимания к нашему «мужскому разговору». Все-таки девчонка была истинной дочкой своей все понимающей матери!

- Думай пока, сколько готов заплатить за пленку, а я подумаю, как деньги передать, чтобы без подстав, - велел я и щелкнул в воздухе пальцами: - Официант! Сколько с меня?!..

Его немного выдавали манжеты. Они были не такие сверкающие и белоснежные, как у того франта, который предупреждал про «музыкальную программу». В остальном же – я не зря всегда верил в талант. Кощей

перевоплотился круче настоящего артиста. Горделивая и степенная осанка. Черный жилет – где только он его стащил? (И как убедил настоящего официанта не высовываться с кухни и помалкивать в тряпочку?) Но главное он даже нес поднос, с рюмкой коньяку подняв его на уровне груди, а через руку у него было перекинута полотенце (в автобусах и на остановках карманники обычно перекидывают через «рабочую» руку плащ или куртку).

Он подплыл к нам, исполненный достоинства, как белый лебедь. Достал из жилетного кармана маленький блокнотик, сверился с ним и немного гнусавым голосом, заявил:

- С вас семьдесят рублей, сорок копеек...

- Это что – за две чашечки кофе столько? – я грозно встал на встречу.

Кощей инстинктивно отшатнулся, но при этом неловко задел край стола, и уронил рюмку, пролив на меня коньяк.

- Ради бога, извините! Какой конфуз! Первый раз со мной такое за десять лет безупречной работы! – засуетился он, обмахивая полотенцем правую сторону моего пиджака. – Ради бога извините! Сейчас сбегая на кухню, приложим сырую картофелину, никакого пятна в помине не останется...

И он виноватой рысцой удалился в сторону кухни.

- Совсем работать разучились, не собираюсь ждать! Пошли, Катя, отсюда! – проворчал я, оставляя на столе три сиреневые купюры, по двадцать пять рублей.

И мы, не оборачиваясь, двинулись к выходу. А если бы обернулись, наверное, заметили бы, как Валет подал знак в окно.

Меня скрутили в гардеробе. Правая рука хрустнула в плече, так ее завернули менты.

- Пустите его! Пустите! – кричала Катя. Если бы ее не держали, девочка бы точно бросилась на милиционеров.

Опытные руки уже обыскивали меня. В первую очередь они вытащили из кармана картонную коробку с надписью «Тасма». А дальше просто обхлопывали, проверяя – куда я спрятал оружие, которого у меня не было.

- Вот, Валерий Георгиевич, нашли! – сказал один из оперативников, подавая ему коробку.

Я кое-как развернул прижатое к стене лицо в его сторону. Пусть бы даже мой нос при этом расплющился - я не мог пропустить такого зрелища.

Торопливо открыв коробку, Валет извлек из нее вместо бобины с магнитофонной лентой – небольшую фарфоровую тарелку. С золотой каемочкой и фирменным вензельком кафе. Все-таки Кощей был не просто мастер своего дела! Пропадающий в нем талант истинного художника нечасто находил выход. Но уж если на него сходило вдохновение, это всегда было как два туза в прикупе! А сейчас мой кореш уже уходил по крышам, унося с собой заветную пленку последнего концерта Алеши Козырного.

Дальше какое-то время ушло на безобразную сцену, рассказывать про которую не интересно. Менты били меня. Коротко, но зверски. Катя кричала

и вырвалась бы мне на выручку, если бы только догадалась вовремя кого-нибудь укусить. К счастью, это продолжалось недолго. Валет быстро пришел в себя и дал команду - отбой.

Поднимаясь с пола, и проверяя – не сломана ли челюсть, я попытался улыбнуться ему в лицо.

- Меня убьешь – пленки не получишь... Как, будешь готов – дай знать, Валерий Георгиевич!

Он взвешивал на одной руке пустую коробку, а на другой – тарелочку, как будто не слышал моих слов.

- Что теперь делать с этим уголовником? – со значением спросил Валета один из ментов. Мне в его интонациях послышалось злорадство. Похоже, им были заранее даны инструкции, какая участь ждала меня, когда пленка окажется у Валета. Но они просчитались.

- Потом! – скомандовал Валет, схватил кожаный плащ, поданный ему из гардероба, и энергично вышел наружу.

Через пять минут мы с Катей под руку спускались по центральной улице города Горького, через непрекращающееся снеговое кружево. На улице только что зажглись фонари. И снег полетел уже подсвеченный со всех сторон. Людей к вечеру на улице только прибавилось. И все они продолжали вполголоса говорить между собой.

Только я ковылял очень медленно – сильно зашибли правое колено.

- Надо искать студию, Катюша. Как только наш друг Валет раскошелится, приступаем к записи твоего первого альбома, - пообещал я, прижимая к разбитому рту платочек, который мне дала девушка. – Раздумал я уезжать...

- А этот ваш друг... Ну, который пленку выкрал. Он ее точно вернет? – на всякий случай поинтересовалась девушка.

- Точно, - подтвердил я. – Во-первых, потому что друг. А во-вторых, есть странные вещи, которые имеют обыкновение всегда возвращаться к хозяевам. Я знал одну гитару, которая непременно возвращалась к певцу. Еще видел нож, который возвращался к бандиту. А эта пленка, похоже, будет всегда приходить ко мне. Может быть потому, что я сам вечно увлекаюсь чужими талантами и ввязываюсь не в свое дело?..

- Я такая трусиха! Так испугалась! – заявила Катя. – И еще я, кажется, поняла, почему мама всегда говорила, что в ее жизни было много музыкантов и только один настоящий мужчина... Сердце до сих пор колотится, не унять. Потрогайте пульс.

Она схватила мою ладонь и приложила к своей шее под горлом.

- Чувствуете?

Но мои пальцы ощущали только нежность ее кожи.

- А еще почему-то петь хочется! – крикнула она. – Хотите спою?..

И не дожидаясь ответа, выскочила на середину пешеходной улицы, раскинула руки и во всю силу дарованного ей богом голоса вдруг запела на английском языке:

- We are the champions, my friend!..

Ее голос прорвал снежное марево, разлившись по всему кварталу.

- And we ll keep on fighting – till the end! We are the champions!.. We are the champions!..

Прохожие с улыбкой переводили взгляд с поющей девушки, на меня и обратно. А Катя и не думала смущаться. И не собиралась прекращать. Она, похоже, совсем не замечала этих людей. И хотя при этом смотрела куда-то вверх, я вдруг с удивлением понял, что эта девочка сейчас поет только для меня одного.

2008